

NEW YORK TIMES БЕСТСЕЛЛЕР

ММЕТ

ПЕРВОБЫТНЫЕ ВОДЫ

Всего
три слова:
акула
юрского
периода.

**Los Angeles
Times**

СТЯВ АЛТЕН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Прошло 18 лет с тех пор, как Джонас Тейлор в последний раз столкнулся с мегалодоном, гигантским морским хищником. Ныне Джонас и его жена Терри безуспешно сражаются со все увеличивающейся горой счетов и двумя строптивыми детьми-подростками. Неожиданно Тейлору предлагают принять участие в реалити-шоу «Сорвиголовы» в качестве ведущего, причем за большие деньги. Шоу планируют снимать в южной части Тихого океана. В течение шести недель две команды смельчаков будут бороться за приз в два миллиона долларов, демонстрируя самые невероятные и рискованные трюки. Тейлор с радостью соглашается, ведь ему нужны деньги, а работа ведущего шоу кажется достаточно легкой. Однако за кулисами кто-то ведет грязную игру. И прежде чем шоу закончится, Джонасу придется снова встретиться с самыми опасными существами, когда-либо населявшими океаны.

В августе 2018 года на экраны страны выходит фильм «Мег» кинокомпании «Warner Bros.», который снял известный режиссер Джон Тёртелтауб («Сокровище нации», «Сокровище нации: Книга тайн», «Ученик чародея»). Главную роль исполняет Джейсон Стэйтем («Карты, деньги, два ствола», «Ограбление по-итальянски»).

Впервые на русском языке!

-
- [Содержание](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

Стив Алтен

Мег. Первобытные воды

Steve Alten
Meg: Primal Waters

© 2004 by Steve Alten

© О. Александрова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Келси, Брэндену и Аманде с любовью

*Вито Бертуччи, собирателю окаменелостей и
другу, также известному как «Человек мегалодона»*

*Бездумные порывы вечной юности моей
Заставили меня блуждать у тех дверей,
Где скрыта правда. Я пробивался наугад
Сквозь лихолетья и напастей камнепад.
Но вот в колокола пробило Время.
И понял я, что все на свете бrenно.*

Джонас Тейлор. Из «Воспоминаний»

До чего противно стареть.

«Роллинг стоунз». Mother Little Helper

Пролог

Северо-запад Тихого океана

18 000 лет назад

Поздний плейстоцен

И на Земле снова наступил ледниковый период...

Формально он наступил примерно на 1,6 миллиона лет раньше и сопровождался серией крупных оледенений, из которых каждое продолжалось несколько десятков тысяч лет. Оледенения перемежались периодами потепления. Последний из них резко закончился 74 000 лет назад после самого крупного за всю историю планеты извержения вулкана Тоба, произошедшего на том самом месте, где в настоящее время в гигантской кальдере на острове Самосир, Индонезия, находится озеро Тоба. Это катастрофическое извержение привело к выбросу в атмосферу 1700 кубических миль вулканического пепла и газов, окутавших земной шар плотным покрывалом, которое стало ловушкой для восходящих потоков тепла, что послужило триггерным механизмом для неконтролируемого парникового эффекта. Для сравнения: во время извержения вулкана Сент-Хеленс в 1980 году в атмосферу поступило 1,5 кубической мили вулканического пепла и газов.

Глобальное повышение температуры воды привело к таянию полярных льдов в Гренландии и Северном Ледовитом океане. Это повлекло за собой колоссальный приток пресных вод в Северо-Атлантическое течение, которое, будучи продолжением Гольфстрима, переносит тепло в Европу и Северное полушарие. Огромный приток пресных вод обусловил значительное уменьшение солености, блокировавшее процесс даунвеллинга, вследствие чего скорость течения резко уменьшилась.

Совокупный эффект извержения вулкана Тоба и ослабления Северо-Атлантического течения оказался катастрофическим. Буквально за несколько часов температура воздуха понизилась на сто градусов, и животные замерзли. Северное полушарие покрылось горами снега, уничтожившего доступные запасы пищи. Люди и

животные массово умирали от голода, а те немногие, кому удалось уцелеть, были вынуждены сменить местообитание.

Лед снова сковал нашу планету.

В течение следующих 50 000 лет площадь ледников на полюсах продолжала неуклонно увеличиваться, высота некоторых из этих ледяных континентов составляла 13 000 футов. В Северной Америке Висконсинский ледяной щит распространился на юг вплоть до территорий, где сейчас находятся штаты Пенсильвания, Индиана, Огайо, и на восток – до Лонг-Айленда. Скандинавский ледяной щит покрывал всю северную часть Европы вплоть до Баренцева моря.

Поскольку большие объемы воды превратились в лед, уровень моря понизился более чем на 400 футов, что кардинально изменило основные пути миграции. В Беринговом проливе образовался сухопутный мост между Восточным и Западным полушарием, позволивший первобытному человеку и животным попадать из Азии в Северную Америку.

Плейстоценовое оледенение стало периодом кардинальных изменений. Хотя представители некоторых видов и эволюционировали, большинство существовавших тогда видов вымерло, будучи не в состоянии адаптироваться. Что касается первобытных людей, то неандертальцы уступили место кроманьонцам, которые и оказались прародителями нового человеческого вида – *Homo sapiens* – современного человека.

В океане распространение ледниковых шапок вокруг полюса создавало идеальные условия для бурного размножения планктона и криля, которые в свою очередь становились приманкой для рыб из более холодных регионов. Подобное изменение пищевой цепи заставило китов резко изменить пути миграции, в результате чего полярный регион стал для них новым местом летней кормежки.

Осенняя прохлада и появление плавучих льдин служили для китов сигналом, что пора возвращаться в тропики, где в их исконных местах обитания притаился древний враг, по-своему старавшийся приспособиться к происходящему на Земле похолоданию.

Китовая акула (*Rhincodon typus*) скользит под поверхностью Тихого океана, ее поразительная серо-коричневая шкура усеяна белесыми пятнами и испещрена полосами. К тому времени, когда

юный самец акулы, длиной 32 фута и весом 29 000 фунтов, достигнет зрелости, он вырастет еще на 15 футов и наберет 11 000 фунтов живой массы. Несмотря на свои внушительные размеры, этот вполне безобидный гигант не считается опасным хищником, поскольку питается в основном планктоном, крилем, кальмарами и сардинами.

Плывя под скоплением криля, китовая акула неожиданно делает круг и пробивает плоской головой поверхность моря. Широкая узкая пасть открывается, чтобы втянуть в себя огромный объем воды с крилем, который предстоит процедить через хрящевые пластины, соединяющие жаберные дуги наподобие решетки. Более тысячи мелких зубов, запирающих добычу в пасти, превращают криль в кашу, способную пройти через узкий пищевод, после чего вода профильтровывается через жаберные щели, по пять с каждой стороны тела.

Добродушный гигант хлопает по воде тяжелым хвостом и поворачивается за новой порцией пищи, не подозревая о том, что и сам уже стал желанной добычей для гораздо более крупного хищника.

Монстр, ведомый своими первобытными инстинктами, направляется на восток в океанской пучине, где царит вечная тьма. Гигантский предок большой белой акулы – самое страшное существо из всех, когда-либо населявших океан. На фоне *Carcharodon megalodon*, длиной 57 футов и весом 64 000 фунтов, его безобидный родственник, самец китовой акулы, кажется карликом.

Мегалодон, наделенный размерами, мощью и сенсорным аппаратом, способными посрамить атомную подводную лодку, царствует в Мировом океане уже десятки миллионов лет. Этот монстр сумел пережить природные катаклизмы, приведшие к исчезновению динозавров, и приспособиться к драматическим изменениям климата, уничтожившим другие виды доисторических морских животных. Мозг этого устрашающего представителя подотряда пластинчатожаберных рыб отличается большими размерами и сложным строением, которое позволяет осуществлять контроль за различными органами, способными видеть, чувствовать, ощущать на вкус и слышать подводную окружающую среду. Бросить вызов такому безжалостному охотнику и высшему хищнику могли лишь особи одного с ним вида.

Однако во время последнего ледникового периода, помимо понижения температуры Мирового океана, имел место и процесс эвстазии. В результате замерзания гигантских объемов воды уровень моря понизился, образовались перешейки, отрезавшие тропические течения от привычных мест выведения потомства мегалодона. Благодаря огромным размерам, а также уникальной системе внутреннего теплообмена за счет усиленного сокращения мышц взрослые особи в принципе могли выжить даже в самых холодных морях, однако анатомия более мелких детенышей мегалодона не была приспособлена к низким температурам воды.

Уровень смертности среди молодежи достиг критических отметок. И таким образом, представители самого свирепого вида, порожденного эволюцией, начали постепенно вымирать.

Монстр, что выслеживает китовую акулу, – самка мегалодона, причем беременная, которая вот-вот должна родить. Внутри ее раздувшегося яйцевода находятся детеныши, каждый длиной от четырех до семи футов и весом до тысячи двухсот фунтов. Недокормленные своей огромной мамашей, которая отчаянно пытается найти пищу, акулята вынуждены заняться каннибализмом: крупные детеныши пожирают своих не столь удачливых более мелких братьев.

В результате помет, изначально насчитывавший тринадцать детенышей, сократился до восьми.

Пасть самки, слегка приоткрытая для протока океанской воды, застыла в дьявольской ухмылке. За этой самодовольной маской прячутся бритвенно-острые треугольные зубы с зазубренными, как у ножа для мяса, краями. Длина самых крупных зубов в верхних передних рядах достигает шести-семи дюймов, а их ширина у корней – четырех дюймов. За чудовищными резцами вдоль линии челюсти расположены ряды загнутых внутрь пасти резервных зубов, которые готовы заменить поврежденный или утраченный. В верхней и нижней челюсти находятся соответственно двадцать четыре и двадцать два ряда зубов, а сами челюсти настолько огромные, что способны целиком захватить и перемолоть небольшого слона.

Охотница плывет, совершая волнообразные движения, ее похожая на артиллерийский снаряд голова постоянно поворачивается из стороны в сторону. Вода проникает в ноздри мега, омывая обонятельный орган, умеющий определять различные химические

примеси в океане. Обоняние у хищницы настолько острое, что она может обнаружить мельчайшую капельку мочи или крови в объеме воды, по величине равном озеру.

Сенсорные клетки, расположенные вдоль боковой линии меча, предназначены для регистрации флуктуаций в океане на значительных расстояниях. Внутреннее ухо акулы улавливает вибрации звука, источник которого находится за много миль от нее. Глаза, черные и холодные, наделены способностью видеть даже в непроглядной тьме.

И наконец, у меча имеется орган чувств, отвечающий за рецепцию электрических сигналов.

Нижняя часть морды самки усеяна черными порами. Это ампулы Лоренцини – заполненные желеобразным слизистым веществом капсулы, которые настроены на изменения напряженности электрических полей в морской воде. Природа будто сочла, что умения видеть, слышать, обонять и чувствовать добычу мегалодону явно недостаточно, а потому наградила его еще и способностью улавливать слабые электрические разряды, генерируемые сокращениями сердечной мышцы и плавательных мускулов китовой акулы, бившей хвостом по поверхности моря за много миль отсюда.

Для голодной самки и ее нерожденных детенышей биение сердца китовой акулы – это словно звонок на обед.

Самка мегалодона стремительно идет на сближение, ее спинной плавник на шесть футов торчит из воды, разрезая, точно лезвием, поверхность моря. Пасть самки открывается, огромное рыло выступает вперед, верхняя челюсть, как на шарнирах, раздвигается, обнажая ряды жутких зубов.

Внезапно самка делает крутой вираж, все ее первобытные инстинкты взбудоражены. Прямо под китовой акулой возникает самец. Почти на треть меньше, чем зрелая самка, самец тем не менее куда более проворный и агрессивный охотник; его присутствие в этих водах – прямая угроза для неуклюжей самки и детенышей в ее утробе.

Почувствовав брошенный ему вызов, возбужденный самец еще сильнее бьет хвостом и пулей выскакивает на поверхность. Разевает пасть, выдвигает вперед верхнюю челюсть, показывая ряды узких треугольных зубов.

Бездушные черные глаза закатываются в глазницы – еще секунда и...

Бабах!

Море взрывается, ошарашенная китовая акула выпрыгивает из пенной волны, из вспоротого брюха бьют фонтаны крови, изувеченное тело бьется в острых зубах убийцы.

В какой-то леденящий душу момент верхняя часть туловища самца мегалодона словно зависает в воздухе, а затем и хищник, и добыча боком падают в море. Китовая акула конвульсивно дергается, пытаясь освободиться.

Не желая выпускать свою жертву, самец мегалодона, точно бешеный пес, мотает конусообразной головой. Зазубренные верхние зубы пропиливают плакоидную чешую толстой шкуры китовой акулы, вырывая кусок плоти весом тысячу фунтов.

Самец мегалодона продолжает кружить под водой в ожидании, когда жертва испустит дух.

Беременная самка держится на почтительном расстоянии. Ноздри размером с грейпфрут вдыхают едкий запах моря, голод буквально вгрызается во внутренности самки, с нетерпением ждущей объедков.

Куски кишок китовой акулы проплывают мимо, их тут же пожирают стаи рыбы-хирурга и макрели, падальщики устраивают себе пиршество из остатков плоти и тканей, хрящей и запекшейся крови.

Проходят часы. Наступает ночь, но насытившийся самец отказывается покидать свою добычу.

Беременная самка оставляет место кровавого пиршества перед рассветом. Два дня и две ночи она продолжает свой путь на восток, питаясь лишь мелкой морской живностью вроде черепахи и продолжая затрачивать огромное количество энергии на поиски пищи.

На третий день, после полудня, умирающая от голода исполинская акула оказывается возле подводного хребта у тропического острова...

Глава 1

*Залив Тампа, Флорида
Настоящее время*

Двигатель заглох, и я понял, что попал в беду. Я пнул ногой аккумулятор... Ничего. Тяжелый лексановый носовой обтекатель «Эбис глайдера» тонул, болтаясь вверх-вниз по поверхности, словно пробка. Глядя в пучину подводного каньона залива Монтерей, я увидел, как из тени возникает конусообразная голова самки. Исходящее от нее холодное призрачное сияние парализовывало.

Ужасная пасть открылась в предвкушении еды – меня!

И тогда я разъярился, схватил рычаг аварийного всплытия, повернул его против часовой стрелки, а затем потянул на себя, взорвав топливо миниатюрного подводного аппарата. Мое тело, удерживаемое ремнями безопасности, с силой откинуло назад, когда подводный аппарат торпедой рванул вниз – прямо в раскрытую пасть моего самого страшного ночного кошмара...

Звонок телефона заставляет его отвлечься, возвращая в реальность. Джонас Тейлор снимает чертову трубку, стараясь удержать ее в руке:

– Что?

– Э-э-э... Мистер Тейлор?

– Слушаю.

– Сэр, это Росс Коломбо.

– Не знаю я никакого Росса Коломбо.

– Из «Американ экспресс». Мы говорили на прошлой неделе. – *(Господи!..)* – Сэр, мы до сих пор не получили платеж. Тот самый, который, как вы меня уверяли, был отправлен по почте.

У Джонаса моментально подскакивает давление.

– Послушайте, Расс...

– Росс. Сэр, вы отправили чек?

– Конечно отправил. Поверить не могу, что вы до сих пор его не получили. Я вот что вам скажу: позвоните на следующей неделе, если

чек так и не придет.

– А не могли бы вы назвать номер чека?

– Этим занимается моя жена. А ее нет дома. Почему бы вам не позвонить ей на следующей неделе?

Джонас швыряет трубку. Звездный рисунок скринсейвера исчезает, и появляется текст. *Чертовы коллекторы!..*

Тейлор делает глубокий вдох. Смотрит на монитор компьютера.

Именно Терри подала мужу идею засесть за мемуары. С точки зрения Джонаса, это было пустой тратой времени, последней отчаянной попыткой вернуть себе былую славу. Но, как ни крути, жить на что-то нужно, а некогда щедрый поток предложений выступить с докладом давным-давно иссяк.

Джонас, посмотри правде в глаза, ты вышел в тираж – одним словом, ты – это вчерашние новости. Ты никогда не был настоящим ученым, и ты уже слишком стар, чтобы пилотировать глубоководные аппараты. В твоем возрасте, с твоим послужным списком самое большее, что тебе светит, – это помощник менеджера в забегаловке с фастфудом.

– Заткнись! – приказывает себе Джонас, собираясь удалить последний абзац, но текст упорно не желает исчезать.

Описывая свою жизнь на бумаге, Джонас мало-помалу начал осознавать всю ущербность собственного существования. Ему почти шестьдесят четыре, в этом возрасте большинство мужчин уже подумывают о выходе на пенсию, а он до сих пор вынужден бороться, чтобы свести концы с концами.

Джонас смотрит на стопку счетов, и настроение портится еще больше.

А ну-ка завязывай с этим, большой ребенок! Да, ты идешь под гору, но пока еще находишься недалеко от вершины. Ну и что с того, что ты поседел, поясница болит так, словно по ней проехался грузовик, а все суставы поражены артритом?! И кому какое дело, что на баскетбольной площадке ты не можешь бегать наравне с молодыми ребятами и качаться, как они?! Эй, по крайней мере, ты до сих пор активен. Большинство парней в твоем возрасте были бы...

Он заставляет себя остановиться.

Джонас, ты еще не старый... а просто уже не молодой.

По правде говоря, чем больше Джонас писал, тем более глубоким стариком себя ощущал и тем отчетливее понимал, что бóльшая часть жизни ушла на пустые иллюзии.

На иллюзию славы, иллюзию собственной значимости.

Иллюзию, что он кормилец семьи.

Джонас поворачивает голову справа налево, шейные позвонки хрустят, словно гравий под колесами автомобиля. Медицинская страховка, автостраховка, ипотечные выплаты, счета за телефон, счета за электричество... Каждый месяц долги росли как снежный ком... Каждое утро он просыпался в состоянии стресса. Он взял ссуду под залог дома, исчерпал лимит всех кредитных карт, залез в деньги, отложенные детям на колледж... Однако снежный ком все рос, а вместе с ним и неуверенность в завтрашнем дне, и страх нищеты.

Джонас Тейлор успел забыть, когда в последний раз громко смеялся. Или хотя бы улыбался.

Его взгляд останавливается на верхней бумажке в стопке. Счет за ежегодное страхование жизни – насмешка судьбы. Банкрот при жизни, богач после смерти. *По крайней мере, ты женился на той, что моложе тебя. Что ж, Терри будет хорошо обеспечена, когда ты очуришься.*

– Заткнись!

Он отшвыривает счет, массирует виски, молясь в душе, чтобы пятно перед глазами оказалось всего лишь солнечным зайчиком на мониторе, а не предвестником очередного приступа мигрени.

Постарайся сосредоточиться. Закончи книгу. Терри ее продаст, и все как-нибудь само образуется.

Джонас снова начинает стучать по клавиатуре.

На меня обрушилась темнота, и, даже не успев осознать до конца последствия своих действий, я потерял сознание. Когда я очнулся, то с удивлением обнаружил, что до сих пор жив. Спасательная капсула чудесным образом оказалась целой, но теперь она крутилась в жуткой темноте, наружный прожектор носового обтекателя время от времени освещал остатки последней трапезы монстра. Растаявший китовый жир, верхнюю часть туловища моего бывшего командира ВМС...

Тяжелые басы гангста-рэпа пробиваются сквозь потолок.

Джонас перестает печатать и поднимает голову:

– Дани? – (Нет ответа.) – Вот дерьмо! – Он встает из-за письменного стола, подходит к лестнице. – Даниэлла Кей Тейлор!

Нет ответа.

У Джонаса снова подсакивает давление. Тихо чертыхаясь, он поднимается по лестнице, перемахивая сразу через две ступеньки, покрытые вытертым бежевым ковром, на площадке поворачивает направо и идет по коридору к комнате дочери. Дергает за дверную ручку. *Заперто, само собой разумеется.* Стучит в дверь. Еще раз.

Дверь открывается.

– Что? – Семнадцатилетняя блондинка вызывающе смотрит на отца, ее темно-синие глаза яростно пылают.

– Я пытаюсь работать.

– Ну и что? Я, между прочим, здесь тоже живу.

– Можешь сделать чуть-чуть потише?

Она убавляет звук так, что Джонас уже разбирает слова.

– Господи, Дани, как ты можешь слушать такое дерьмо?

– Папа, не начинай...

– Песня о том, как три брата участвуют в групповом изнасиловании своей матери?!

– Это просто песня.

– Ну, лично мне она не нравится. Выключи сейчас же!

– Я, конечно, извиняюсь, но ты не можешь диктовать, что мне слушать. У нас свободная страна.

– Кто платит, тот и музыку заказывает. И пока ты живешь под моей крышей, ты должна меня слушаться. Так что выключи это немедленно!

Дани хлопает по CD-плееру, выключая его:

– Еще семь недель – и мне исполнится восемнадцать, а тогда я сваливаю отсюда!

– Тебе остается надеяться только на финансовую поддержку, а иначе придется ездить на учебу отсюда.

– Последние новости: я не иду в колледж.

У Джонаса снова подсакивает давление, выражение лица дочери только усиливает его ярость.

– Интересно, и на что ты собираешься жить? Станешь официанткой? Будешь переворачивать бургеры?

– Быть может, засяду за мемуары! – И она захлопывает дверь прямо у отца перед носом.

Очень остроумно! Джонас топчется под дверь. Слышит, как плачет дочь. *Да уж, звание Лучшего отца года мне точно не светит.*

За отпущением грехов Джонас идет в комнату к сыну. Стучится. Открывает дверь.

Четырнадцатилетний подросток с каштаново-рыжими вихрами, торчащими из-под бейсболки «Филадельфия Филлис», слишком поглощен видеоигрой, чтобы поднять глаза.

– Дэвид?

– Я уже сделал домашнее задание.

Джонас опускается на колени возле сына. Смотрит, как руки мальчика умело нажимают на кнопки. На мониторе копия старого мини-аппарата Джонаса.

На экране возникает тупая морда мегалодона цвета слоновой кости, челюсти перемалывают сдвоенный хвостовой плавник спасающегося бегством кита-убийцы. Из раны хлещет алая кровь, окутывая картинку, точно дым из трубы.

КОСАТКА. СМЕРТЕЛЬНАЯ РАНА: 250 ОЧКОВ.
ПРОДОЛЖАЙТЕ КОРМЕЖКУ.

– Почему ты всегда управляешь мегом? Почему не глубоководным аппаратом?

– Ангел гораздо забавнее.

По экрану проносятся картинки мини-аппаратов. Дэвид нажимает на кнопки, посылая за ними мегу.

– Похоже, тебе нравится преследовать своего старика?

– Это тысяча очков.

– Значит, тысяча очков. Не забудь выгравировать это на моей могиле. Идет?

– Тсс!

Джонас с трудом подавляет желание выключить чертову видеоигру – напоминание о том, как могла бы сложиться его жизнь. Предложения о продвижении темы, выплаты за авторские права... *Все это было, да сплыло.*

Вместе с молодостью.

Он разворачивается и уходит. Задерживается у двери в комнату Дани. Слышит, как она говорит с кем-то по телефону на своем

молодежном жаргоне. Жалуется на жизнь.

Иллюзия родительского долга...

Открывается входная дверь.

– Джонас?

Он спешит вниз. Приветствует жену словами:

– Где ты была? Я несколько часов пытался дозвониться тебе на мобильный!

– Я же тебе говорила, телефонная компания меня вчера отключила. – (Длинные черные волосы Терри Тейлор затянуты в тугий узел; прическа еще больше подчеркивает азиатские черты лица; в свои сорок с хвостиком она по-прежнему очень красива.) – А почему ты не работаешь?

– Не могу работать в этом доме. Меня то и дело отвлекают.

– Тогда вынь из машины продукты. Хорошо?

Джонас вздыхает. В одних носках идет к внедорожнику, достает из открытого багажника столько пластиковых пакетов, сколько может унести, и нечаянно бросает взгляд на машину, припаркованную возле внедорожника жены.

Замечает вмятину на капоте.

Обнаруживает царапину на левом крыле.

Джонас роняет пакеты с продуктами и обследует капот, который вдобавок еще и неплотно закрывается.

Чем дальше, тем интереснее.

– Терри!

Она выглядывает из входной двери:

– Чего ты так разорался?

– Ты видела капот «крайслера»?

– Видела. Она сказала, это случилось вчера вечером на парковке.

– Интересно, где это она парковалась? На площадке для гонок на выживание? Треклятая машина обходится нам в двести пятьдесят в месяц плюс еще три тысячи в год за страховку. Тебе не кажется, что ей стоило быть немного поаккуратнее...

– Джонас, остынь.

– Я всего лишь прошу немного уважения.

Кипя от негодования, Джонас открывает переднюю дверь «крайслера». В салоне воняет табаком. Протягивает руку, чтобы поднять капот, и обнаруживает под сиденьем пакет с марихуаной.

– Терри!

...А тем временем мигрень уже сверлит мозг где-то за глазным яблоком.

*Океанографический институт Танаки
Монтерей, Калифорния*

Темно-синий водяной вал накатывает на берег, гребень волны обрушивается на мелководе и, коснувшись скрытых под водой бетонных стен рукотворного канала, раздваивается. Одна половина волны превращается в пену и тихо умирает на ближних подступах к берегу, а другая несется в канал, набирая скорость по мере продвижения в основной бассейн лагуны Танаки.

Миндалевидные глаза старика следят за очередной накатившей волной, рокот обрушивающихся волн успокаивает душу, но мысли продолжают метаться в такт нескончаемым всплескам, эхом разносившимся по пустой арене, словно хруст бумаги. Со своего наблюдательного пункта – алюминиевой скамьи в верхнем ряду западных трибун – он видит абсолютно все: наступающий Тихий океан, канал для океанских вод, рукотворный аквариум размером с озеро, уходящий за горизонт оранжевый диск солнца.

Восьмидесятидвухлетний Масао Танака поправляет воротник, ежась от колючего океанского ветра, завывающего в пустой бетонной чаше бассейна. Слезающиеся глаза старика прищурились от лучей света, отражающегося от поверхности лагуны. Некогда лазурные воды превратились в оливково-зеленые: водоросли разрослись так бурно, что процесс стал неуправляемым. Некогда сверкающая А-рама, примостившаяся в южной части арены, точно гигантское стальное пугало, покрылась ржавчиной, впрочем, так же как и трибуны, комнаты отдыха, фуд-корт и сувенирные ларьки.

Масао печально качает головой, думая о горькой иронии судьбы. Лагуна была для старого морского биолога больше чем мечтой – она была смыслом его существования. И вот теперь она умирает одновременно с ним. Прошло тридцать лет с тех пор, как он впервые разработал проект лагуны, поставив на кон буквально все, чтобы ее построить. Он растратил семейное имущество, взял ссуду под залог будущего своих детей, а когда все источники финансирования были

исчерпаны, подписал весьма рискованный контракт с Японским центром морских наук и технологий (JAMSTEC), продав этой организации двадцать пять необитаемых информационных глубоководных станций ЮНИС, которые должны были стать частью Японской системы раннего оповещения о землетрясениях. Но засада состояла в том, что на команду Масао возлагалась ответственность за развертывание системы ЮНИС на глубине семи миль в Марианской впадине – самой глубоководной и загадочной области планеты.

Станции устанавливал сын Масао Ди Джей, пилотировавший «Эбис глайдер II» – одноместный глубоководный аппарат института Танаки. Несколько недель система работала безотказно, но затем произошел сбой в передаче информации, так как станции начали отключаться одна за другой. Масао, столкнувшись с угрозой замораживания финансирования проекта, вынужден был попросить старого друга об одолжении.

Джонас Тейлор некогда считался лучшим пилотом глубоководных аппаратов ВМС США, правда, лишь до несчастного случая, произошедшего во время его последнего погружения в Марианскую впадину. Работая на глубине 33 000 футов, Джонас внезапно запаниковал и включил режим аварийного всплытия. Вынужденный маневр привел к разгерметизации систем подводного аппарата, двое ученых на борту глубоководного аппарата погибли. И Джонаса, с диагнозом «панический страх глубины», заперли на три месяца в психиатрической больнице. Поскольку на его карьере в ВМС был поставлен крест, Джонас, чтобы найти новое применение своим силам, вернулся в университет для изучения палеобиологии, твердо решив доказать всему миру, что он не сумасшедший и в неизведанных глубинах Марианской впадины обитают шестидесятифутовые доисторические акулы, считавшиеся давным-давно вымершими.

Теории Джонаса не интересовали Масао – ему всего лишь был нужен второй пилот, чтобы сопровождать Ди Джея во время операции по подъему станций ЮНИС. Джонас принял предложение Масао, но, скорее, в надежде найти еще не окаменевший зуб мегалодона как доказательство, что эти доисторические акулы по-прежнему существуют.

Но вместо этого нашел лишь собственный ад.

Джонас Тейлор оказался прав: отдельные особи мегалодона сумели выжить в нагретом гидротермальными источниками придонном слое впадины.

Когда два одноместных глубоководных аппарата спустились в Марианскую впадину, самец мегалодона, привлеченный шумом двигателей, атаковал «Эбис глайдер» Ди Джея и сожрал юношу, после чего погиб, запутавшись в тросе. Надводное судно Масао нечаянно вытащило на поверхность связанное чудовище, тем самым выманив из глубин крупную самку, не желавшую оставлять свою добычу.

Джонас и его команда поняли, что сами вызвали дьявола из ада, а значит, сами должны были положить этому конец.

Институт Танаки безуспешно попытался поймать сеявшую вокруг смерть и разрушения самку. Впоследствии она родила трех акул в каньоне Монтерей, Калифорния. Со временем Джонасу удалось убить самку мегалодона, поймать единственного выжившего детеныша и поместить его в лагуну Танаки.

Приходите посмотреть на Ангела. Ангела Смерти. Два шоу в день.

Пойманная молоденькая самочка должна была привлекать миллионы посетителей и приносить миллионы долларов дохода. Однако многочисленные судебные иски практически поставили институт Танаки на грань выживания, заставив Масао продать основные активы компании энергетическому магнату Бенедикту Сингеру. Потеря контроля над его детищем стала для Масао настоящей трагедией, но еще невыносимее было непрерывное давление на семью. Первая беременность Терри закончилась выкидышем, причем в трудную минуту Джонас не смог быть рядом с женой, поскольку ему пришлось следить за тем, чтобы Ангел не сбежала из лагуны. Тем временем Ангелу все же удалось ускользнуть, что едва не привело к гибели дочери и зятя Масао.

После смерти Бенедикта институт вернулся к законному владельцу. Через три года после побега Ангела новые ворота в лагуну Танаки снова гостеприимно распахнулись, но на сей раз именно для того, для чего она изначально создавалась: для продвижения всесторонних наблюдений за китами. Масао сразу воспрянул духом. Каждую зиму, день за днем, во время миграции китов на юг из Берингова моря старый биолог ждал возле ворот канала в надежде, что

беременная самка кита выберет это надежное убежище, чтобы дать жизнь своему детенышу.

Однако киты, напуганные витающим над лагуной духом чудовищной акулы, наотрез отказывались туда заходить.

Тогда Масао, чтобы извести запах мегалодона, занял денег у зятя, надеясь отчистить и отмыть основной резервуар... но все было тщетно.

По уши в долгах, Масао наконец-то согласился сдать лагуну в аренду «Морскому миру», который перевез полдюжины рожденных в неволе косаток из тесных аквариумов в просторную лагуну с выходом в океан. Но как только киты-убийцы попали в воду, они тотчас же запаниковали и в невменяемом состоянии принялись кружить по бассейну. Не имея возможности выброситься на берег, киты в отчаянии бились головой о ворота.

Двум китам пришел конец, впрочем, так же как и контракту с «Морским миром».

А со временем то же самое произошло и с интересом публики к Джонасу Тейлору. С докладами было покончено, Джонасу пришлось продать дом в Калифорнии, перевезти семью в Тампу, где он принял приглашение на работу по связям с общественностью в морском парке. Масао, оставшись в Монтерее, нанял Мака, лучшего друга Джонаса, присматривать за институтом, пока не удастся его продать.

Крах фондовой биржи оставил Масао без пенсии, а несколько его потенциальных покупателей – без сбережений, и это решило участь старика. Лагуна стала камнем на шее, который в конце концов и придавил Масао.

Масао потягивается, пораженные артритом суставы хрустят от усилия. Неожиданно он замечает какое-то движение на другом конце лагуны.

Аффи... Старик машет рукой.

Афина Холман, помахав в ответ, продолжила идти вдоль пустых восточных трибун. Девятнадцатилетняя афроамериканка страдала от церебрального паралича, правая рука плохо работала, а ноги с трудом слушались. Несмотря на болезнь, девушка была самым старательным служащим института; ее карие глаза и острый ум давным-давно

пленили сердце Масао, причем так сильно, что он не мог отпустить ее вместе с остальным обслуживающим персоналом.

Арена купается в золотых лучах заходящего солнца. Любимое время дня Масао, и все же сейчас душу старика терзает раскаяние. Некогда локомотив семейного бизнеса, он не вынес ударов судьбы, став лишь тенью себя прежнего, тяжким бременем для собственных детей.

Когда небо на горизонте становится алым, а затем багровым, Масао с трудом встает, спина и колени адски болят. Так же как и его институт, Масао рассыпается прямо на глазах, мятущаяся душа не позволяет ему двигаться дальше.

Он спускается с трибуны и ковыляет в сторону бетонной дорожки.

Тем временем из темноты навстречу старику выходят два человека лет сорока, один чуть постарше другого: оба крепко сбитые, в клетчатых рубашках и потертых джинсах.

Тот, что постарше, улыбается фальшивой улыбкой:

– Добрый день, мистер Танака. Вы, должно быть, помните моего младшего брата Девина.

Девин, темноволосый, с конским хвостом, награждает Масао ледяным взглядом.

Масао натянуто кивает:

– Полагаю, вы получили ответ моего адвоката?

Дрю Дейтч обводит рассеянным взглядом лагуну:

– Да, получили. Все три копии. Не могу сказать, что он меня очень порадовал. Правда, я уже заранее знал ваш ответ, ведь вы не реагировали на наши звонки.

– Прошу прощения.

– Просите прощения? – Зеленые глаза Девина сужаются от гнева. – Послушай, старик, мы потратили более полумиллиона на изыскательские работы и образцы грунта участка, не говоря уже о деньгах, чтобы подмазать офис уполномоченного по землепользованию. А еще та личная ссуда.

– Расслабься, Девин. – Дрю встает между Масао и братом. – Давайте вести себя как цивилизованные люди... пока. Мистер Танака, вы наверняка понимаете, почему мы с братом немного расстроены из-за того, как все обернулось.

– Хватит. Деньги, которые я занимал, будут возвращены с процентами. Обещаю.

– Мы вам не банк, – сплевывает Девин.

– Мой брат совершенно прав. У нас с вами намечалась сделка по созданию на этом участке побережья кондоминиумов стоимостью миллион долларов и высококлассной пристани с торговыми площадями.

– Сделка обговаривалась пока только в общих чертах. Цена вашего предложения оказалась слишком низкой. Маловато будет.

– Танака, мы заключили с вами соглашение. Именно поэтому и ссудили вам деньги. Вы получите свою долю дивидендов вместе с остальными инвесторами на конечной стадии.

– Дивиденды – это вопрос доверия. Но я вам не верю. Так же как и мой адвокат. Слишком много лазеек. Дайте мне большую предоплату, и тогда появится предмет для разговора. В противном случае я лучше подожду. Сами знаете, на «Братях Дейтч» свет клином не сошелся.

Масао протискивается мимо непрошенных гостей и хромот к выходу.

Девин идет за ним.

Дрю хватается брата за руку.

– Ладно, Танака. Если хочешь играть по этим правилам, что ж, тем лучше для нас. Наши адвокаты получают предварительный гонорар, а как насчет твоего? Ты можешь позволить себе продолжать платить ему целую кучу бабла, чтобы помешать нам предъявить иск? Сильно сомневаюсь. А как насчет твоей дочери и ее лузера-муженька? – (Масао замедляет шаг.) – Да-да, я слышал, что Терри с Джонасом отчаянно нуждаются в деньгах. Как и ты. Не слишком-то дальновидно было вкладывать все свои сбережения в этот зоопарк, а? Посмотри правде в глаза, старик. Если ты что и получишь, то самое большее – шиш с маслом. Так что почему бы нам не уладить все по-мужски, прежде чем это сделает за нас судья.

– Господа, я жду лучшего предложения. И хотелось бы получить его еще при моей жизни, – морщится Масао.

Глава 2

Северная часть Тихого океана Настоящее время

Тихий океан занимает площадь 60 миллионов квадратных миль и является не только самым крупным водоемом на земле, но и самым глубоким – его средняя глубина составляет 14 000 футов. Тихий океан, покрывающий почти половину земного шара, отделяет Северную и Южную Америку от Азии и Австралии, а колоссальная Тихоокеанская плита – это наиболее сейсмически активная область Земли.

Стоит опуститься под хаос волн в пронизанном светом поверхностном слое, как темно-синие воды постепенно чернеют, и вы оказываетесь в бескрайних срединных слоях океана – самой обширной среде обитания на планете. Однако, несмотря на тягу к новым открытиям и, казалось бы, безграничный технологический прогресс, человеку удалось исследовать не более пяти процентов этого загадочного царства вечной тьмы. Именно здесь, куда не проникают лучи солнца, Мать-Природа сумела создать биологические виды, способные самостоятельно продуцировать свет с помощью особого биологического пигмента – люциферина – или люминесцентных бактерий, живущих на их теле.

В этом неизведанном мире студенистых существ узкое, как у угря, стофутовое туловище сифонофор испускает настоящую цветовую палитру света, способного отпугнуть потенциальных хищников. У рыб-удильщиков на конце спинного плавника в форме удочки, расположенного прямо над пастью, имеется светящаяся приманка, на которую клюют ничего не подозревающие жертвы. Рыбы-топорики используют для маскировки излучающие зеленый свет фотофоры вдоль брюшка и на нижней части тела.

В безмолвной черноте этого водного мира свет стал оптимальным способом общения и выживания.

А если опуститься еще глубже, то можно попасть в ущелье, где давление воды достигает экстремальных значений, при которых невозможно существование аэробных организмов. Колоссальное

давление является барьером в ходе всесторонних исследований океана и основной причиной того, что о далеких галактиках мы знаем гораздо больше, чем о самой населенной области нашей планеты.

Характер морского дна Тихого океана определяется мощной Тихоокеанской плитой, которая сталкивается с другими океаническими и континентальными плитами, в результате чего ее край образует цепи вулканических островов с действующими вулканами, известными как Тихоокеанское вулканическое огненное кольцо. Эта зона субдукции длиной 30 000 миль тянется на север вдоль азиатского побережья к полуострову Камчатка, мимо Алеутских островов на восток в сторону Аляски, поворачивает на юг вдоль калифорнийского разлома Сан-Андреас, огибает мексиканское побережье, откуда идет прямо вниз, к западной оконечности Южной Америки.

В результате субдукции образуются океанские впадины – самые глубоководные места на планете. Ряд таких впадин находится в районе Тихоокеанского огненного кольца; самой глубокой из них является Марианская впадина: V-образный желоб длиной 1580 миль и шириной примерно 43 мили.

В юго-восточной части Марианской впадины на глубине 35 827 футов находится Бездна Челленджера – самая глубокая точка в океане. Если последовать вдоль Марианской впадины на север, вокруг цепи Марианских островов, то можно попасть в Курило-Камчатский желоб, тянущийся вокруг Японии до полуострова Камчатка. Отсюда Тихоокеанская плита уходит на восток, где в результате субдукции образовалась Алеутская котловина, простирающаяся через северную часть Тихого океана к побережью штата Орегон.

Для жизни необходима энергия. Сообщество живых организмов в прибрежных экосистемах получает запасы энергии непосредственно от Солнца через сложную систему связей, в основе которых лежит фотосинтез.

Обитатели впадины, где царит вечная тьма, зависят от другого источника энергии, а именно того, что работает за счет внутреннего тепла Земли. Когда холодная вода течет вдоль границ между тектоническими плитами, она проникает в расщелины, где вступает в контакт с раскаленной горной породой. Нагретая до температуры более 700 градусов по Фаренгейту, вода растворяет марганец, железо,

кремний и другие минералы, которые выбрасываются затем гидротермальными источниками на дне океана. Эти минералы осаждаются вокруг кратеров, образуя высокие трубы, которые называют «черные курильщики»; каждое такое вулканическое образование является оазисом для различных форм жизни.

Микроорганизмы питаются сернистыми соединениями, окисляя их, что создает питательную среду для колоний рифтий – прозрачно-белых трубчатых червей; длина их цилиндрических трубок с высовывающимися ярко-красными щупальцами иногда достигает семи футов. Стаи креветок, моллюсков и другой глубоководной мелочи питаются колониями рифтий, становясь затем источником пищи для крабов-альбиносов и рыб; в результате образуется хемосинтетическая пищевая цепь, существующая от начала времен.

Таким образом, на расстоянии многих миль от поверхности океана жизнь не только существует, но и процветает.

И здесь, как во всех благодатных средах обитания, представлены биологические виды, которые находятся на конце пищевой цепи, а именно на самой вершине пищевой пирамиды, зарезервированной Матерью-Природой для высших хищников.

Монстр безостановочно скользит в ювенильных водах, где царят тишина и вечная тьма. Мертвенно-бледная, лишенная пигмента шкура цвета слоновой кости озаряет черную мглу призрачным сиянием, но серо-голубые немигающие глаза остаются бездушно холодными. Челюсти дрожат под непрерывным потоком морской воды, вертикальные жаберные щели, по шесть с каждого бока, трепещут при дыхании.

Мегалодон, взрослый самец, – это настоящий монстр длиной 61 фут от кончика рыла до серповидного хвоста и весом более 67 000 фунтов. Большой самец и его более мелкий брат, родившиеся около двадцати лет назад, сумели избежать мучительной гибели в челюстях их доминантной мамы, переселившись в водный бассейн Марианских островов – обширную подводную долину, расположенную к западу от Марианской впадины и отделенную от нее протяженными Северными Марианскими островами.

Шкура альбиноса украшена боевыми шрамами. Полукруглый шрам на его правом грудном плавнике – свидетельство неудачной

попытки спариться с неуступчивой самкой. Незаживающая рана возле левой жаберной щели гораздо серьезнее. Рана эта была нанесена его мелким братом во время территориального спора несколько лет назад. Правда, в конце концов большой самец все-таки победил. И, откусив чуть ли не треть спинного плавника незадачливого родственника, оставил того умирать.

Природа приготовила для своих созданий простой генетический план: выживай и размножайся, вымирание – плата за неудачи. Некогда водящиеся в изобилии, но предпочитавшие мелководье срединному слою океана, мегалодоны Марианской впадины стали вымирающим видом. А чем меньше число особей, тем меньше возможностей найти партнера для спаривания. Самки, достигшие половой зрелости, нуждаются в дополнительном питании, чтобы их будущие детеныши могли вырасти. Во впадине этот процесс может занимать до семи лет.

Когда у самки мегалодона начинается эстральный цикл, ее продукты внешней секреции оставляют за собой мощный шлейф феромонов – этот стойкий запах предназначен для того, чтобы привлекать самцов, находящихся за сотни миль. Но даже если зрелый самец и учует самку, готовую к спариванию, шансы на удачное зачатие будут достаточно невелики. Покорение более крупной самки – дело чрезвычайно опасное, и неопытному самцу иногда приходится предпринимать с десятков попыток, чтобы соитие действительно произошло.

Ведомый переизбытком тестостерона, большой самец чувствует неясное беспокойство. Сразу после рождения он поселился в донных водах у цепи Марианских островов, его вялый метаболизм поддерживался рационом, состоящим из кальмаров, донных животных и экзотических биологических видов, датируемых еще юрским периодом. Но из-за отсутствия в пределах досягаемости взрослых самок самцу пришлось покинуть с трудом завоеванную территорию и отправиться на север, в неизведанную часть Марианской впадины.

И уже через несколько дней он почувствовал мощный запах самки в период овуляции. Тот факт, что эта самка была на самом деле биологической матерью большого самца, никоим образом не отразился на его намерениях.

Квест по спариванию начался.

Для взрослой самки присутствие на ее территории крупного агрессивного самца стало реальной угрозой. Покинув ювенильные воды своих предков, она отправилась дальше на север, достигнув в результате зоны течения Куроисио, возвратившись, таким образом, по тому же пути, по которому прошла в дни своей юности.

И сразу же нахлынули далекие воспоминания... воспоминания о поверхностных водах, кишящих добычей.

В отличие от остальных уцелевших представителей ее вида, именно эта конкретная самка родилась на мелководье, у побережья Калифорнии. Гигантская самка, пять лет томившаяся в неволе, в конце концов ускользнула от своих тюремщиков и вернулась во впадину для размножения.

Ангел, или Ангел Смерти, – некогда звезда аттракциона Океанографического института Танаки, – сейчас уже вполне зрелая особь. При длине 74 фута и весе почти 84 000 фунтов, она является самой крупной и наиболее опасной хищной рыбой в истории Земли.

Словно гигантский лосось, который возвращается домой, чтобы метать икру, самка инстинктивно поплыла по течению Куроисио – мощному потоку воды, который идет вдоль южного и восточного побережья Японии, где сталкивается с более холодным Курильским течением (или Оясио), в результате чего образуется Северо-Тихоокеанское течение. Несколько недель самка оставалась на этой идущей на восток конвейерной ленте водных масс, ведомая находящимся в мозгу биомагнитным компасом. У берегов Аляски самка двинулась на юг, следуя вдоль побережья штата Орегон за стадами серых китов с детенышами, пока наконец не оказалась в знакомых калифорнийских водах.

Спустя восемнадцать лет и три месяца после побега из лагуны Танаки в Марианскую впадину Ангел нашла дорогу домой – в воды, где она родилась, – и поплыла, оставляя за собой шлейф феромонов, протянувшийся чуть ли не на половину океана.

Большой самец входит в воды Северо-Тихоокеанского течения, все его органы чувств настроены на устойчивый след потенциальной партнерши. Самец еще никогда не оказывался так далеко от Марианской впадины. Привыкший к колоссальным давлениям на глубине, он ни разу не охотился в промежуточных слоях океана, где

высокое содержание кислорода развеяло его порожденную долгим пребыванием на дне апатию и пробудило аппетит.

Холод не беспокоит меча. Внушительные размеры позволяют ему поддерживать высокую температуру тела, а 75 000 фунтов мяса защищают внутренние органы от холодной окружающей среды. Чтобы еще больше повысить температуру тела, насыщенная кислородом кровь от жабр поступает по разветвленным артериям в крупные мышцы. Такой уникальный «двигатель внутреннего сгорания» делает доисторического родственника большой белой акулы теплокровной рыбой.

Более высокое содержание кислорода в промежуточных слоях океана способствует не только повышению внутренней температуры, но и интенсификации пищеварительных процессов меча.

Теперь голод – его вечный компаньон.

Внезапно насторожившись, большой самец снижает скорость. Сенсорные клетки боковой линии улавливают идущие сверху две отчетливые вибрации: одна – это источник пищи, другая – непосредственная угроза.

Мегалодон меняет курс, предпочитая незаметно подобраться к источнику вибраций окольным путем – из глубины.

Косяк представителей семейства *Magnapinnidae* – гигантских кальмаров с десятью щупальцами – двигался как одно целое в промежуточном слое северной части Тихого океана. Эти безобидные гиганты длиной до двадцати восьми футов имеют два огромных плавника, которые чем-то похожи на слоновьи уши. Эти плавники помогают им продвигаться по морю.

Поднявшиеся со дна в поисках пропитания гигантские кальмары привлекают внимание не одного, а сразу двух грозных противников.

В богатый пищей срединный слой опускается самец кашалота. Длиной 62 фута, весом 82 000 фунтов, кашалот – самый крупный хищник в этих водах. Одиноким охотником, самец кашалота – единственное млекопитающее, за исключением человека, способное опуститься на глубину, где температура воды приближается к точке замерзания.

Молодой кашалот, еще не успевший заматереть, уже в течение сорока минут ныряет в темноте. Частота его сердечных сокращений

уменьшается на треть, кровь поступает теперь в его мозг и фиброзный спермацетовый мешок в голове, в котором заключен спермацет – жидкий животный жир (спермацетовое масло) весом несколько тонн. Одной из функций спермацета является фокусировка мощного ультразвукового пучка. Ультразвуковой сигнал выделяет цель с помощью потока щелкающих звуков, затем отражается, попадая в еще одно жировое отложение, расположенное в нижней челюсти кита, откуда информация поступает в мозг и среднее ухо, где и обрабатывается.

Подобный механизм эхолокации помогает гигантскому киту обнаруживать добычу, которую он пока не видит, хотя точно знает, что она там есть.

Глубина три тысячи сто футов... Цель всего в трехстах футах от кита.

От возбуждения молодой самец кашалота усиленно работает раздвоенным хвостовым плавником, выдавая свое присутствие косяку кальмаров, которые тут же инстинктивно уходят на глубину.

Кашалот соответственно меняет курс. Нацеливается на движущуюся стену плоти, после чего пробивает ее узкой нижней челюстью. Оторванные щупальца кружатся в чернильном водовороте – гигантская прямоугольная голова кита расшвыривает во все стороны останки головоногих.

Увлечшись кормежкой, кит забывает следить за эхолокацией.

Внезапно за кашалотом появляется призрачное белое сияние. Невидимый противник обрушивается на кита сбоку, словно товарный поезд на тягач с прицепом.

Острые как бритва нижние зубы впиваются в шкуру млекопитающего. Зазубренные верхние клыки вгрызаются в хрящи и кости, вырывая шестисотфунтовый шмат жира и мышц, после чего кит перекачивается на спину, скидывая с себя мегу.

Мегалодон резко уходит в сторону, оставляя свою жертву содрогаться от боли.

Истративший запасы драгоценного воздуха раненый кашалот взбивает воду мускулистым хвостом и ударяется в бегство, отчаянно пытаясь поднять свою огромную тушу на поверхность.

Акула остается под ним. Разинутые челюсти, захлопнувшись, точно медвежий капкан, вырывают из толстой шкуры съедобные

шарики жира; работающие челюстные мышцы заставляют колыхаться призрачно-белое брюхо.

Хищник глотает – и все его чувства сразу обостряются. Уровень адреналина в крови резко повышается. Ноздри раздуваются, втягивая горячую кровь.

У самца мегга еще никогда в жизни не было такой кормежки. Впав в состояние неистовства, он находит ускользящую добычу и поднимается вслед за ней. С десятков резких взмахов огромного хвоста размером с двухэтажный дом помогают преодолеть отрицательную плавучесть.

Раненый кит делает рывок, усиленно мотая прямоугольной головой.

Меггалодон нацеливается на характерные вибрации, разинутая пасть заглатывает окровавленную морскую воду. Держась на безопасном расстоянии от огромного хвоста кашалота, мегг вытягивает вперед челюсти, чтобы нанести очередной сокрушительный удар.

И неожиданно поворачивает назад.

Поле боя накрывает серая завеса просачивающегося в воду солнечного света, который ранит чувствительные глаза обладающего ночным зрением мегга.

Скрывшись в темноте от жалящих лучей солнца, мегг нарезает круги и ждет.

Раненый кашалот выплывает на поверхность, выпуская фонтан окровавленной воды. А затем пытается плыть, стараясь оторваться от рыщущего на глубине тысяча четыреста футов хищника.

Проходит несколько мучительных часов. Солнце ныряет за горизонт, день сменяется ночью.

Тысяча ночных хищников собирается на кровавую трапезу. Все ждут, когда юный принц нанесет смертельный удар.

Однако меггалодон не торопится.

Проходит еще час.

Кашалот, который уже не в силах двигаться дальше, издает предсмертный стон при свете угасающих лучей солнца. Прощальное тук-тук-тук – и сердце размером с автомобиль перестает биться.

Мертвое животное переворачивается брюхом кверху, точно гигантское бревно.

На Тихий океан опускается темнота.

Акула-альбинос величественно появляется из черной воды, поднимает покрытое шрамами рыло, вытягивает раскрытую пасть...

Бум!

Мегалодон всей массой вгрызается в спинной хребет мертвого кашалота. Безжизненная туша подпрыгивает вверх.

Мелкие хищники осторожно подбираются поближе, чтобы полакомиться объедками. И буквально через несколько минут в этом месте Тихого океана начинается самое настоящее столпотворение.

На третий день, ближе к рассвету, обглоданная туша должна затонуть. В течение нескольких часов она будет двигаться по спирали вниз, в сторону дна, и ею будут кормиться обитатели промежуточного слоя. В конце концов кит достигнет места своего последнего упокоения на морском дне, где станет источником пищи для донных животных.

Пройдет целый год, прежде чем его кости будут дочиستا обглоданы.

В океане ничего не пропадает даром. Так устроено Природой.

Большой самец опускается вниз задолго до рассвета, возвращаясь в более привычные промежуточные воды. Голод на время утолен, и теперь органы чувств снова улавливают след самки с овуляцией.

Несколько часов спустя самец мегалодона оказывается в водах Северо-Тихоокеанского течения; теплая река подхватывает его и несет на восток, к побережью Британской Колумбии.

Глава 3

Венис-Бич, Флорида

Фестиваль акульих зубов Венис-Бич в местечке Касперсен-Бич, Флорида, к югу от местного аэропорта города Вениса, проводится ежегодно во время одного из уик-эндов и включает в себя развлечения, выставки картин и художественных промыслов, торговлю морепродуктами, создание песчаных и ледяных скульптур. Именно благодаря этому мероприятию город получил неофициальный титул «Мировой столицы акульих зубов». На этом обдуваемом всеми ветрами побережье Мексиканского залива люди издавна находят десятки тысяч зубов доисторической акулы – от совсем мелких, размером с десятицентовую монету, до весьма крупных, длиной более шести дюймов. Каждый год в главном шатре несколько десятков торговцев со всего мира раскладывают товар, причем бóльшая часть окаменелых зубов принадлежит *Carcharodon megalodon*.

Джонас Тейлор раздраженно хмурится, нетерпеливо барабаня пальцами по рулю. На ярмарку ведет лишь одна дорога, которая сейчас запружена транспортом.

– Нет, это просто нелепо. А когда мне выступать?

Терри сидит рядом, ее глаза под темными стеклами очков закрыты. Как обычно, она находится в эпицентре поднятой Джонасом бури.

– Сегодня ты выступаешь в час и в три часа дня, а завтра – в двенадцать и в два.

– А ведь я предлагал выехать пораньше. Ты же знаешь, как я ненавижу опаздывать.

– Без тебя не начнут. Расслабься.

– А ты сказала им, что нам нужен банковский чек? В прошлом году у них ушла целая неделя на перевод денег.

– Все устроено.

Джонас бросает взгляд в зеркало заднего вида. Дэвид крепко спит с наушниками на голове. Рядом с ним сидит Даниэлла. Сердитая на весь мир, она пялится в окно. Терри в наказание на целый месяц

посадила дочь под замок, заставив отказаться от уик-энда в пляжном домике подружки.

Джонас еще крепче хватается за руль. Если честно, то в данный момент ему больше всего хочется продать машину дочери и на эти деньги отправить ее в школу-интернат. Терри, естественно, тотчас же окоротила мужа.

– Джонас, она всего лишь подросток. А разве ты в ее возрасте не баловался травкой?

– Нет, черт возьми! Если бы я только попробовал, мой старик разом вышиб бы из меня всю дурь!

– Дани отлично знает правила. За все приходится платить.

– Интересно, а как, по-твоему, я смогу писать, если она будет целый месяц торчать в своей комнате у меня над головой? Ты наказываешь меня, а вовсе не ее.

Сзади раздается нетерпеливый гудок, отрывая Джонаса от невеселых мыслей. Его машина продвигается вперед еще на пятнадцать футов.

Господи... снова-здорово! Вот я и вернулся в Венис-Бич, чтобы реализовать очередную иллюзию... Разыгрывая из себя специалиста по доисторическим акулам. На что ушли годы? И почему чем старше становишься, тем быстрее летит время?

Парковщик машет ему рукой:

– Восемь баксов. – (Джонас достает пропуск для VIP-персон.) – Профессор Тейлор? Простите, не признал вас. Чуть больше седых волос, а?

Терри хихикает, а Джонас, ни слова не говоря, проезжает мимо.

Главный шатер, этот забитый пропотевшей плотью жужжащий улей под пыльным красно-белым брезентом, раскален от жары. Толпы народу движутся по центральному проходу между двумя рядами столов с товаром, которые тянутся от края до края торговой площадки. Местные жители в обрезанных джинсах и потных футболках попеременно с обгоревшими туристами протискиваются между картонными коробками, забитыми обломанными акульими зубами и стеклянными ящиками с доисторическими артефактами, футболками с изображением мегалодона, украшениями из акульих зубов и постерами. Окаменелые акульи зубы стоимостью от пятидесяти до

шести тысяч долларов и выше закреплены в прозрачных пластиковых держателях, словно миниатюрные свинцово-серые сталагмиты.

– Привет, док! Как делишки? – Вито Бертуччи машет Джонасу с Терри из-за полиуретановых акульих челюстей высотой десять футов, снабженных настоящими окаменелыми зубами.

– Идут помаленьку, Вито.

– Эй, Джонас, Терри, а как вам это?! – Пэт Маккарти, еще один охотник за ископаемыми зубами, поднимает покрытый красно-коричневыми пятнами зуб мега длиной шесть с половиной дюймов. – Нашел в прошлом месяце в реке Купер. Классный, да?

– По-прежнему ныряешь наперегонки с аллигаторами? Пэт, ты чокнутый!

– Хочешь жить, умей вертеться. Да и вообще, кто бы говорил!

– Это ко мне не относится. Я живу за счет своей репутации.

– Кстати, он уже опаздывает. – Терри подводит Джонаса к табличке с надписью «Окаменелости Дж. и С.».

Сью Пендерграфт призывно машет им рукой:

– Эй, ребята! А мы, грешным делом, начали волноваться, что вы не успеете. В этом году толпа народу. – Она приветствует Терри дружеским объятием.

Отсчитав покупателю сдачу, в разговор вступает Джим Пендерграфт:

– Я знал, что вы приедете. Поставил вам стол рядом с нашим. Жаль, что не удалось встретиться на шоу в Финиксе. А где дети?

– Тащат коробки. – Джонас замечает длинную очередь, выстроившуюся в дальнем конце шатра. – А что там происходит?

Джим вытирает пот с седой эспаньолки:

– Какой-то парень из Калифорнии купил белый зуб мега. И теперь все жаждут его сфотографировать.

– Один из зубов Ангела?

– Нет. Зуб явно принадлежит самцу. Должно быть, это из коллекции, которую ты в свое время продал Смитсоновскому институту.

Мег, убивший брата Терри... Джонас бросает быстрый взгляд на жену, которая обустривает их стенд. Масао Танака продал останки погибшего мегалодона Смитсоновскому институту, чтобы получить

дополнительные средства на создание Мемориальной лагуны Ди Джея Танаки.

Это было двадцать два года назад... Такое возможно?

– Док, вот вы где! – Координатор проекта загорелая брюнетка Джоан Фавр торопливо обнимает Джонаса. – Мы уже опаздываем. Вы готовы? – Не дожидаясь ответа, она включает микрофон. – Дамы и господа, подходите поближе! У нас для вас особый подарок. Как всегда, одним из самых ярких моментов нашего ежегодного Фестиваля акульих зубов будет знакомство с человеком, который знает о *Carcharodon megalodon* больше, чем кто бы то ни было из всех, когда-либо живших на нашей планете. Можно смело сказать, что он знает этих акул буквально изнутри. – Джоанн делает паузу в ожидании аплодисментов и смеха. – Давайте поприветствуем профессора Джонаса Тейлора.

Тем временем Даниэлла с Дэвидом обходят шатер сзади. У каждого в руках по картонной коробке с фотографиями Ангела, выскакивающей из бассейна.

Дани выразительно поднимает брови:

– Слышишь, как они хлопают? Куча придурков.

– В чем твоя проблема? У тебя что, месячные или типа того? Всю неделю только и делаешь, что с утра до вечера гнусишь.

– Моя проблема – наша семья. Жду не дождусь, когда смогу обратиться из дому.

– Ну и куда ты пойдешь?

– Не знаю. Может, съедусь с подружкой.

– А как насчет колледжа?

– К черту колледж! Я должна сама разобраться со своей жизнью. – Она входит в шатер с задней стороны стенда с табличкой «Окаменелости Дж. и С.» и демонстративно ставит коробку на складной стол. – Ладно, до скорого.

Терри хватая дочь за руку:

– Куда это ты намылилась?

– Погулять. Может, чего-нибудь перекусить. А что, нельзя?

– А почему бы тебе не остаться, чтобы послушать выступление отца?

– Ты что, издеваешься?

– Чтобы через час была здесь и сменила брата! И не заставляй искать тебя с собаками.

– Отлично! – Даниэлла исчезает в толпе.

Джонас вглядывается в лица слушателей и узнает тех, кого уже видел в предыдущие годы.

– Еще вопросы имеются?

Какой-то афроамериканец, пришедший с сыном-подростком, тянет вверх руку:

– Мы с женой видели Ангела за месяц до побега. Лучшее шоу в мире.

– Да, так оно и было.

– Тогда у меня вопрос. Почему никто не попытался ее отловить?

– Ангел вернулась в глубокие воды восемнадцать лет назад. С тех пор никто никогда ее не видел. Но даже если бы мы и обнаружили Ангела, сомневаюсь, чтобы кто-нибудь сумел поймать. Ведь, если вы помните, когда она ускользнула, то уже была длиной в семьдесят два фута. И только одному Богу известно, насколько еще успела она вырасти за это время.

Вопрос задает тучная женщина в инвалидной коляске:

– Профессор, а есть ли хоть какой-нибудь шанс, что вы вернетесь во впадину? Ну, вы понимаете, для проведения исследований.

– Никогда в жизни, – пробурчала Терри, пожалуй, чуть громче, чем следовало.

Джонас пожимает плечами:

– Моя жена совершенно права. Это слишком опасно. Еще вопросы будут? Нет? Тогда ладно. У нас еще есть несколько сувенирных фотографий Ангела, выпрыгивающей из бассейна в лагуне Танаки. Эксклюзивное издание. Всего за двенадцать девяносто девять. Буду счастлив подписать их для вас. – Передав микрофон Джоанн, он садится за стол, на котором высится стопка фотографий.

Даниэлла прячет шелковистый светлый хвостик под бейсболку с эмблемой «Янки», затем завязывает концы рубашки на ребрах, выставив напоказ упругий живот. Поправляет солнцезащитные очки. Шарит в сумочке в поисках пачки «Мальборо»:

– Черт!

Покинув главный шатер, она выходит на жаркое апрельское солнце в надежде стрелкнуть у кого-нибудь здесь, на территории ярмарки, сигаретку. Неторопливо прогуливается мимо прилавков фуд-корта, ее слегка подташнивает от густых запахов жаренного на решетке мяса с луком. Останавливается купить бутылку воды, затем идет на звуки музыки в сторону открытой съемочной площадки. Диджеи с радио раздают бесплатные CD-диски. Местная съемочная группа устанавливает аппаратуру.

В вывешенном объявлении говорится: «ВСТРЕЧАЙТЕ. СОРВИГОЛОВЫ. СМОТРИТЕ В НОВОМ СЕЗОНЕ».

Собирается небольшая толпа, жаждущих получить автограф у австралийца лет двадцати. Даниэлла умудряется разглядеть грязно-каштановые волосы с выбеленными прядями. Облегающая майка и шорты демонстрируют безволосую бронзовую кожу, обтягивающую накачанные мускулы. Одним словом, именно тот тип мужчин, которых Даниэлла с подругами твердо решили избегать.

Она подходит поближе – разузнать, что к чему.

Сорвиголова позирует для фото, затем поворачивается к Даниэлле:

– Как насчет этого самого, красотка?

– Простите?

– Ты хотела фото или просто пришла слюни попускать?

– Не в этой жизни.

– Что? Не нравится шоу?

– Господи, нет, конечно! Телевизионные реалити-шоу – это полный отстой. Кучка жалких дилетантов, играющих на камеру, чтобы получить свою минуту славы у Опры или Леттермана.

– Ух ты! Да ты настоящая заноза в заднице! – (Даниэлла безуспешно пытается спрятать улыбку.) – Ага, вот так-то оно лучше. Я всегда говорю: жизнь слишком коротка, чтобы злиться. Меня зовут Фергюсон. Вейн Джон Фергюсон. Друзья зовут меня Ферджи.

– Дани Тейлор.

– Твоя фамилия Тейлор? Как у профессора Джонаса?

– Он мой папа. Это я у него заноза в заднице.

– Эй, Ферджи, пора! – К ним подходит девушка в обтягивающем алом комбинезоне. Лет тридцати, каштановые волосы до плеч; самоуверенность, как и ее соски, так и прет наружу.

– Дани Тейлор, познакомься с Джели Дженни Арнос. Летчица, исполняющая фигуры высшего пилотажа, и кандидат в члены нашей команды.

Дженни окидывает Даниэллу оценивающим взглядом:

– Ферджи, а тебе не кажется, что она слишком молода для тебя?

Глаза Даниэллы яростно вспыхивают.

– Простите?

– Да к тому же сварливая. Ну что, детка? Как насчет того, чтобы немного полетать на самолете?

– Отличная идея, Дженни.

– Простите, но я не могу. Мне... э-э-э... еще нужно помочь предкам.

– Ой, как мило! – хмыкает Дженни. – Ты всегда делаешь то, что велят тебе папочка с мамочкой?

– Послушай, ты, соска! Я и без того наказана. И мне вовсе не улыбается получить новую порцию дерьма от родителей, не говоря уже о тебе.

– Да она просто сдрейфила. – Дженни кладет руку Ферджи на плечо. – Пошли. Мы опаздываем.

– погоди. – Ферджи отводит Даниэллу в сторону. – Послушай, это всего-навсего небольшая прогулка. – Он показывает на четырехместную «сесну», греющуюся на рулежной дорожке. – Ровно через тридцать минут мы вернем тебя на твердую землю.

Джонас заканчивает беседу с пожилой парой, благодарит за то, что пришли, и кривится за их спиной, услышав отказ купить подписанное фото.

– Итак? Как наши дела?

– Не очень, – отвечает Терри, пересчитывая деньги. – Какие-то жалкие триста долларов.

– В этом году совсем другая публика. Думаю, нам стоит отказаться от отеля и...

– Профессор Тейлор?

Джонас с Терри поднимают глаза.

Мужчина лет тридцати пяти, высокий – около шести футов, – крепко сбитый, лысоватый, с небольшой русой бородкой.

В правой руке у него белый зуб мегалодона.

– Так, значит, вы и есть тот самый загадочный коллекционер?

– Эрик Холландер, к вашим услугам. Хотя, строго говоря, меня нельзя назвать коллекционером. На самом деле зуб – подарок старого университетского приятеля.

– Неплохой подарок. Аутентичный белый зуб мегалодона стоит шестьдесят – восемьдесят тысяч долларов. Можно?

– Пожалуйста. – Эрик протягивает Джонасу трехфунтовый предмет в виде перевернутой буквы «У». – Длина от кончика до корня шесть с четвертью дюйма. Твердый, как титан, и острее самого острого ножа.

Джонас внимательно изучает зуб:

– Да. Зубы мегалодона – потрясающий продукт эволюции. Каждый зуб состоит из кристаллов апатита, заключенных в оболочку из протеина и дентина, в результате чего получается самое твердое вещество из всех существующих в природе. И да, зуб действительно аутентичный.

– А я было начал сомневаться. Он гораздо уже представленных на выставке окаменелостей.

– Потому что это нижний передний зуб самца. – Джонас смотрит на Эрика с подозрением. – Единственный зуб мегалодона, относящийся к нашему времени, принадлежит самцу, поднятому вверх командой судна «Кику» двадцать два года назад.

Терри тотчас же мрачнеет:

– Он говорит о меге, который убил моего брата...

– Боже мой, миссис Тейлор, мне очень жаль, – бледнеет Эрик. – Я понятия не имел.

– Но на корне нет выгравированного номера. Прежде чем передать экспонаты в музей, каждый зуб был специально пронумерован.

– Неужели? – Забрав зуб, Эрик внимательно его изучает. – Очевидно, один из владельцев сточил номер. Миссис Тейлор, мне ужасно жаль. Неудобно получилось...

– Все нормально. – Терри откашливается. – Итак, мистер Холландер, что привело вас на Фестиваль акульих зубов?

– На самом деле ваш муж. – Эрик кладет зуб в мягкую сумку. – Моя компания «Холландер-Гелет энтертейнмент» выпускает реалити-шоу «Сорвиголовы».

– Я видел это шоу, – встречается Дэвид. – Они там всю дорогу выделывают разные зашибенные трюки. И постоянно травмируются. Одна женщина даже убилась.

– Диана Хоаг, третий выпуск, – кивает Эрик. – Страшная трагедия, но телевидение прежде всего.

Дэвид поднимает на отца горящие глаза:

– Та женщина, реальная красотка, в ужасно сексуальном бикини, выпрыгивает на мотоцикле из грузового самолета. Короче говоря, она крутится и делает всякие там пируэты, потом раскрывает парашют, но вот только мотоцикл запутывается в парусине, запасной парашют лишь добавляет проблем, и она уже ничего не может сделать. Ты видишь, как ее уносит, и думаешь: нет, она выберется, – я хочу сказать, это же телевидение. Она секунд двадцать так кувыркалась, а потом – бах! – треснулась о землю, и ее голова раскололась, как переспелый арбуз, а руки и ноги разлетелись во все стороны... Черт, это было круто!

– Дэвид, достаточно! – Терри сердито таращится на продюсера. – Значит, вы именно такое влияние хотите оказать на американскую молодежь?

– Миссис Тейлор, несчастных случаев избежать невозможно. И да, инцидент был крайне неприятным, но в том-то и состоит смысл шоу «Сорвиголовы» – в экстремальных трюках... Настоящее реалити-телевидение, а смерть – ведь тоже часть нашей реальности. Именно это в основном и интригует зрителей.

– Интригует? Звучит отвратительно.

– Возможно, но чем наше шоу хуже тупых сериалов, начиненных сексуальным подтекстом? Или вы предпочитаете новую волну криминальных драм?

Терри собирается съязвить, однако Джонас ее опережает:

– Вы вроде говорили, что приехали сюда, чтобы со мной встретиться, да?

– Так и есть, сэр. Наши Сорвиголовы равняются на вас. Они буквально боготворят землю, по которой вы ступаете.

– Вы что, серьезно? Дорогая, ты только послушай! Я, оказывается, кумир подростков.

Терри в ответ лишь закатывает глаза.

– Скорее, вы для них живая легенда. Человек, выполнивший трюк Сорвиголовы и сумевший выжить, чтобы рассказать об этом всему миру. Вы плюнули смерти в лицо и тем самым подняли планку.

– Положа руку на сердце, вы ведь не думаете, будто я на самом деле хотел, чтобы меня сожрала тридцатитонная акула?

– Может, это и не было запланировано, однако, когда жизнь загнала вас в угол и вам пришлось заглянуть смерти в лицо, вы не свернулись калачиком, приготовившись умирать. Нет, вы буквально вырвали акуле сердце. Эти ребяташки живут ради таких вещей, они питаются ими на завтрак. Вы для них Супермен.

– Последнее время я чувствую себя скорее Кларком Кентом.

– Да бросьте! Я вам не верю. Вы классно выглядите. Наверняка тренируетесь.

– Ну да, качаюсь понемногу. И все же мне уже шестьдесят три.

– Значит, вы сейчас в самом расцвете сил.

– Я очень извиняюсь, мистер Холландер, что мешаю вам целовать моего мужа в зад, но чего вы хотите от нашего престарелого Супермена?

– Эрик. Зовите меня просто Эрик. А хочу я вот чего. Я приглашаю вашего мужа принять участие в следующем сезоне «Сорвиголов». Тема «Семь морей» как раз по его части. Съемки начнутся через десять дней, круиз рассчитан примерно на шесть недель. Мы арендовали галеон, который Роман Полански использовал во время съемок «Пиратов». Реплика старинного испанского галеона. Потрясающее судно! И уже запланировали кое-какие дикие штуки. Все происходит в открытом море, вдали от цивилизации.

– Какие такие дикие штуки? – настораживается Терри.

– Плавание с акулами, трюки с кашалотами, ныряние среди медуз – португальских корабликов – и прочая хрень. Если возникнут опасные моменты, мы будем снимать.

– Весьма признателен, что вы меня не забыли, но, думаю, я пас, – протягивает руку Джонас.

Однако Эрик как ни в чем не бывало продолжает:

– Прежде чем вы скажете «нет»...

– Он уже сказал, – вмешивается Терри.

– Профессор, хотя бы подумайте над моим предложением. Сто пятьдесят штук – хорошие деньги.

– Значит, вы хотите заплатить мне сто пятьдесят тысяч за то, чтобы я поплавал с акулами, да? – усмехается Джонас.

– Черт, конечно нет! Оставим это для чокнутых. Я хочу позвать вас на роль ведущего, что-то вроде приглашенного комментатора. Вы будете наставлять этих ребятишек из шоу, делать вид, будто советуете им выполнить кое-какие трюки. Ну а когда дело дойдет до реальных действий, вы останетесь на борту судна, чтобы с безопасного расстояния наблюдать за тем, как команды полуголых искателей приключений будут рисковать своей шкурой за приз в два миллиона долларов.

– Сто пятьдесят штук, и Джонасу ничего не придется делать? Тут явно какая-то засада.

– А засада, миссис Тейлор, – это рейтинг. В прошлом сезоне Сорвиголовы боролись за прайм-тайм на телевидении, и мы не можем позволить себе ведущего-неудачника. Произнесите слово «вояж» – и зрители сразу думают о круизе. Добавьте имя Джонас Тейлор – и они представляют себе кровь и смерть. Заметьте, это всего лишь раскрученная иллюзия, но иллюзия хорошо продается.

– Смерть той женщины отнюдь не была иллюзией, – хмурится Терри.

Эрик выдерживает хорошо отрепетированную паузу:

– Адреналиновые наркоманы... Некоторые из них действительно пытаются перейти за грань возможного. Парашютные трюки весьма опасны. И все же люди платят хорошие деньги, чтобы прыгнуть с самолета, горы или с моста. Нет, я ни в коем случае не оправдываю произошедшее, но прекратите наше шоу – и они все равно не остановятся. Разница в том, что, если Сорвиголова погибает на съемках, его прописанный в контракте наследник получает кругленькую сумму в миллион долларов.

– Как мило с вашей стороны. – В голосе Терри звучит неприкрытый сарказм.

– Терри...

– Слава и деньги, миссис Тейлор. Все имеет свою цену. Вам, конечно, трудно понять, но если бы вы понимали ход мыслей этих ребятишек...

– Мой брат был одним из этих ребятишек, – говорит Терри. – Адреналиновый наркоман. И я тоже, хотя и в меньшей степени. Лишь

через несколько лет после его смерти я сумела понять, какими же мы были дураками. Шоу типа вашего прославляют людское невежество, притупляя у миллионов зрителей ощущение опасности рискованных трюков.

– Для нас – это опасность, для молодых ребят – стиль жизни. – Эрик замолкает, так как над головой пролетает маленький самолет, шум двигателя заглушает голоса. – У нас здесь двое Сорвиголов. Пойдемте, я покажу вам людей с совсем другим типом менталитета.

Джонас выходит вслед за Эриком на улицу.

Терри приказывает Дэвиду оставаться у стенда и присоединяется к мужчинам, продолжая гадать, куда подевалась Даниэлла.

Эрик подводит их к съемочной площадке, где уже собралось несколько тысяч зевак, чтобы посмотреть проморолик «Сорвиголовы. Второй сезон».

Высоко над головой кружит одномоторный самолет.

Даниэлла Тейлор сидит на полу модифицированной «сессны»: Дженни, пристегнутая ремнем безопасности, прямо перед ней – в кресле пилота. Ферджи, в тесном синем комбинезоне, лежит вытянувшись рядом с Дани. К запястьям у него прикреплены ярко-желтые крылья, тянущиеся до талии. Третье крыло, спускающееся до щиколоток, вшито в шов между ног.

– Собираешься летать, как Супермен? – спрашивает Дани.

– Так точно. Это костюм Бердмэна. Первые семьдесят пять чуваков, что пытались ему подражать, разбились. С тех пор дизайн немного изменился, но все это жутко ненадежно. Если не сможешь симметрично раскинуть руки, то тебя закружит. Когда парашют откроется, запутаешься в стропах – и все, тебе крышка.

– Боже мой...

– Ерунда. Вот турбулентность – это реально копец.

– А что такое турбулентность?

– Неконтролируемое нарушение баланса процессов в обтекающем тебя воздухе, которое возникает, когда ты прыгаешь на землю. Крылья костюма здорово замедляют падение, поэтому приходится использовать горизонтальную скорость для открытия парашюта. – Ферджи показывает на мячик, свисающий с кармашка из спандекса на дне парашютного ранца. – Мячик прикреплен к вытяжному парашюту.

Ветер подхватывает парашют и надувает его. Но проблема в том, что костюм Бердмэна создает довольно сильную турбулентность. Если мячик оказывается внутри застойной воздушной зоны, то вытяжной парашют вроде как вернется к тебе назад и там останется. А шлепнуться при скорости двести миль в час, ну, это все равно как букашке разбиться о ветровое стекло. Бамс!

Дженни кричит с сиденья пилота:

– Мы на высоте десять тысяч футов. Крутому парню пора прыгать.

– Хорошо. – Ферджи встает, затем склоняется над Дани. – Чисто технически, возможно, мы видимся в последний раз. Как насчет поцелуя на удачу? – (После недолгого колебания Даниэлла поспешно чмокает Ферджи в щеку.) – И это все? Боже правый, считай, я уже покойник!

Дани краснеет, притягивает Ферджи к себе и целует в губы:

– Ну вот. Теперь сможешь спокойно приземлиться.

– Не волнуйся, любовь моя. – Он поворачивается к Дженни. – Не обижай мою подругу, Джеди Дженни. И главное, смотри, чтобы она не блеванула.

– Кончай командовать и убирайся из моего самолета. – Дженни поворачивает штурвал, опрокидывая кабину набок.

Даниэлла больно ударяется головой о стенку. *Вот сука!..* Дани старается держаться, пока самолет выравнивается.

Дженни нажимает на кнопку, боковая дверь распаивается, открывая взгляду белые облака и лазурные воды Мексиканского залива.

Дани смотрит на море, стук сердца напоминает барабанную дробь.

Австралийский Сорвиголова проверяет дымовую шашку, привязанную к левой щиколотке, бьет себя в грудь правой пяткой и крестится.

– погоди! – Дани пытается привлечь его внимание. – Сколько раз ты уже выполнял этот номер?

– Что?

– В костюме Бердмэна! – кричит Дани. – Ты ведь в нем уже прыгал?

– Не-а, сейчас я делаю это впервые, – лжет он.

Ферджи с обреченным видом машет ей на прощание, прижимает руки к бокам и останавливается на краю грузового люка, словно птенец, покидающий родное гнездо. Под ним несутся пушистые белые облака, отчего высота, на которой завис самолет, кажется еще более головокружительной.

Австралиец сдвигает пятки, активируя дымовую шашку, и прыгает.

Он падает, точно живой реактивный снаряд, боковой ветер треплет его тело, волны адреналина колют кровеносные сосуды миллионом иголок, все нервные окончания словно охвачены огнем, а мышцы невольно сокращаются.

Задрав голову, Ферджи вглядывается в багровый дымовой шлейф проверить, где самолет, затем широко расставляет руки и ноги...

Ветер бьется в крылья, и Ферджи, словно внезапным порывом торнадо, уносит ввысь.

Вот это кайф! Бог, поймай меня, если сможешь! Я сам чувствую себя Богом!

Ветер свистит в ушах, Ферджи летит через скопление облаков со скоростью более ста шестидесяти миль в час. Ферджи пытается распрямить сгорбленную спину, делает обратный прогиб, чувствуя напряжение в мышцах живота и ног, когда скорость постепенно уменьшается до восемнадцати миль в час.

О да, о да, о да! Ничего не бойтесь, Супермен уже здесь...

Темно-синие прибрежные воды Мексиканского залива начинают отливать зеленью. Появляется берег, затем – ярмарочные площади и забитые автомобилями парковки.

Аэропорт, поле для гольфа...

Упс! Далековато же тебя занесло, приятель...

Ферджи поворачивает туловище, мышцы болят от напряжения, крылья тянут назад, контролировать прыжок становится все труднее. Снова появляется Мексиканский залив, его воды отливают серебром. Солнце греет спину.

Ферджи проверяет высотомер.

Ладно, австралиец, пора нажать на тормоза.

Он опускает руки по швам, чтобы сложить крылья и увеличить скорость падения. Затем шарит правой рукой по спине. Нащупывает бобышку вытяжного парашюта. Хватает ее.

На старт... Внимание... Марш!

Прижав руки к бокам, он открывает вытяжной парашют... Но стреньга безнадежно запутывается вокруг запястья.

Время внезапно останавливается, каждый удар сердца, усиленный мощным выбросом адреналина, отдается где-то в черепе Ферджи, он будто оказывается в вакууме, все мысли сейчас направлены на то, чтобы выжить, а именно избавиться от вытяжного парашюта и освободить основной парашют из «дуги» – одной из самых опасных ситуаций в парашютном спорте.

Две попытки, а затем – отцепка!

Первая попытка на высоте три тысячи футов не удается... Земля стремительно приближается. Жизнь Сорвиголовой уже висит на волоске.

Вторая попытка... Двадцать две тысячи футов... Гравитация угрожает вмазать его в землю.

Ну давай же... Давай... Бесполезно! Производи отцепку и молись!

Две тысячи футов... Тысяча пятьсот футов...

Он выдергивает подушку отцепки на левой стороне, отцепив таким образом основной парашют. Затем другой рукой хватается за кольцо запасного парашюта с правой стороны и выдергивает его.

Перед мысленным взором Ферджи мгновенно пролетают картины прошлой жизни. Его бывшая невеста и товарищ по команде «Сорвиголовой» Диана – роскошная брюнетка, разбившаяся при падении с высоты 14 000 футов.

Ферджи внутренне содрогается. *Нет! Мое время еще не пришло... Мое время еще не пришло... Мое время еще не пришло...*

Внезапный рывок обрывает мантру – купол запасного парашюта раскрывается, замедляя падение.

Значит, мое время еще действительно не пришло... Спасибо тебе, Ди.

Еще мгновение – и он приземляется, ноги и позвоночник принимают на себя основной удар. Несколько секунд он лежит на асфальте, задохнувшись от боли, затем перекачивается на бок и садится, улыбаясь собравшейся толпе. Стреньга вытяжного парашюта, спутанная с основным парашютом, по-прежнему висит у него на запястье.

Даниэлла прижимается лицом к иллюминатору в тщетной попытке хоть что-нибудь разглядеть.

– Думаешь, он сделал это?

– Может быть. Ну что, малявка, готова по-настоящему повеселиться?

И прежде чем Дани успела запротестовать, Дженни Арнос направляет самолет круто вниз, сделав мертвую петлю перед сближением с землей. Дани валится набок, на сорок секунд забывая обо всем, кроме жуткой тошноты и дикого страха. Ее отчаянный крик задушен приступом неукротимой рвоты, фонтаном забрызгавшей кабину самолета.

Щурясь от полуденного солнца, Джонас неотрывно смотрит на маленький самолет, который, описав умопомрачительную петлю, с оглушительным рокотом идет на посадку.

– А вот и наша Дженни, – комментирует Эрик. – Настоящая оторва.

Джонасу от одного только вида кувыркающегося самолета становится не по себе.

– Я почему-то сразу вспомнил, как Терри впервые прокатила меня на одном из этих легкомоторных самолетиков.

Терри радостно смеется:

– Наш Супермен тогда всю кабину заблевал своим завтраком.

– Миссис Тейлор, Сорвиголовы тоже люди. Именно за это их так и любит публика. Потому что они не идеальны.

– И не бессмертны.

Продюсер пропускает замечание Терри мимо ушей:

– А в каком отеле вы, ребята, остановились?

– Э-э-э... в «Бед энд брекфаст» у шоссе номер сорок один. Но мы еще не успели зарегистрироваться.

– И не надо. Я поселился в «Сэндбар бич резорт», прямо на берегу залива. Мы заняли все люксы. Кстати, зарезервировали номер и на ваше имя тоже. И не стоит меня благодарить, за все платит телеканал. Вселяйтесь, расслабляйтесь, встретимся в холле перед обедом около девяти. Пропустим по стаканчику, наедемся от пуза, а потом я посвящу вас в детали нашего мероприятия. Ну как, неплохо?

– Замечательно.

– Хм, Джонас, можно тебя на минуточку? – Терри отводит мужа в сторонку. – Ты ведь не собираешься принять его предложение?

– Сто пятьдесят штук? Грех от такого отказываться.

– Значит, ты планируешь жить на борту судна бог знает сколько недель, а меня оставляешь с детьми, да? Нет, я так не думаю.

– Терри, нам нужны деньги.

– Твоя книга будет продаваться.

– А если нет? Терри, мы не можем упустить столь выгодное предложение.

– Я ему не доверяю. Вся эта история какая-то мутная.

Эрик, подслушавший разговор, вмешивается в спор супругов:

– Миссис Тейлор... Могу я называть вас просто Терри? Хорошо. Терри, я понимаю, что мое предложение застало вас врасплох, но подобные вещи именно так и случаются. А что касается денег, то, когда речь идет о том, чтобы попасть в горячую десятку, поверьте, сто пятьдесят штук – просто капля в море. Если присутствие вашего мужа поможет нам удержать рейтинг, а еще лучше – занять первое место, эта сумма сторицей окупится.

– Дело не в деньгах, – перебивает его Джонас. – Мы с женой... Нам много через что пришлось пройти за последние несколько лет, и...

– И вас уже неоднократно кидали. Понимаю. В наши дни доверие – чрезвычайно редкий товар. Черт, а в Голливуде его вообще днем с огнем не сыщешь! – Продюсер ждет, пока маленький самолет не приземлится на соседнем поле, затем открывает висящую на плече сумку, достает белый зуб мегалодона и после эффектной паузы протягивает Джонасу. – Профессор, я хочу отдать его вам. В качестве подарка. Без всяких обязательств с вашей стороны.

– Я не могу это принять.

– Конечно можете. Оставьте его у себя. Если хотите, продайте. Вам решать. А взамен я лишь прошу, чтобы вы с супругой отобедали со мной, но без всякой предвзятости. – Он бросает взгляд на часы «Патек Филипп». – Ой, и еще одно. Ваш друг Макрейдс. Вы по-прежнему с ним в контакте?

– Ну да, конечно. Мак вернулся в Калифорнию. Работает у отца Терри.

– Отлично! Телесеть хочет и его тоже. На тех же условиях, что и у вас.

– Но почему Мак? – удивляется Терри.

– Джонас и Мак – одна команда. По крайней мере, публика именно так их воспринимает. И мы хотим на этом сыграть. А что, какая-то проблема?

– Нет, если вам нравится, когда ваши ведущие напиваются до поросячьего визга.

– Терри... – Джонас виновато пожимает плечами. – Я не берусь говорить за Мака, но обещаю с ним потолковать.

– Надеюсь, он узнает твой голос.

Джонас поворачивается к жене, всем своим видом умоляя ее перестать.

Эрик снисходительно улыбается:

– Терри, половина наших спонсоров – пивные компании. Единственное, что их волнует, – это рейтинги и демографические показатели. С другой стороны, телесеть хочет обоих – Джонаса и Макрейдса, в противном случае они могут аннулировать предложение. – Эрик снова смотрит на часы. – Упс! Мне надо бежать. Но сегодня вечером мы закончим с делами. Идет? – Не дожидаясь ответа, он машет водителю своего лимузина и забирается внутрь.

Джонас, теряясь в догадках, растерянно провожает взглядом отъезжающий автомобиль.

Терри поворачивается к мужу:

– Мне все это не нравится. Чертовски не нравится!

– Нам нужны деньги.

– Интересно, у меня есть право голоса или я должна молча отпустить тебя одного в круиз в компании с оторвами и бывшим другом – законченным алкашом?

– Я еду в круиз не один, и Мак по-прежнему мой друг.

– А я не доверяю ему. Уже нет. Папа говорит, он реально спивается...

– Ладно. Кончай. Лучше послушаем, что нам предложит этот человек, а пререкания оставим на потом. – Джонас бросает взгляд через плечо жены. – Кстати, о доверии. К нам направляется наша дочь. И, как всегда, опаздывает.

Даниэлла ковыляет со стороны парковки. Лицо бледное, расстегнутая блузка насквозь мокрая.

– Ты опоздала больше чем на час! – рявкает Джонас. – Где ты шлялась?

– Выблевывала свои мозги, если хочешь знать.

– Ты что, пила?

– Папа, это наши женские дела, но да, спасибо за проявленное сочувствие. Хочешь засадить меня дома еще на месяц?

– Может, стоит сделать анализ мочи...

– Джонас, прекрати. – Терри по-матерински обнимает Даниэллу за плечи. – Мы с твоим папой просто волновались за тебя. Пойдем соберем вещи, зарегистрируемся в отеле и закажем еду в номер.

– Мама, в той дыре, где мы ночуем, даже нет кухни.

– Планы изменились. – Терри бросает на Джонаса многозначительный взгляд. – Сегодня вечером мы остановимся в отеле на побережье.

Глава 4

Мосс-Ландинг, Тихий океан

11 морских миль к северо-западу от Океанографического института Танаки

Залив Монтерей, Калифорния

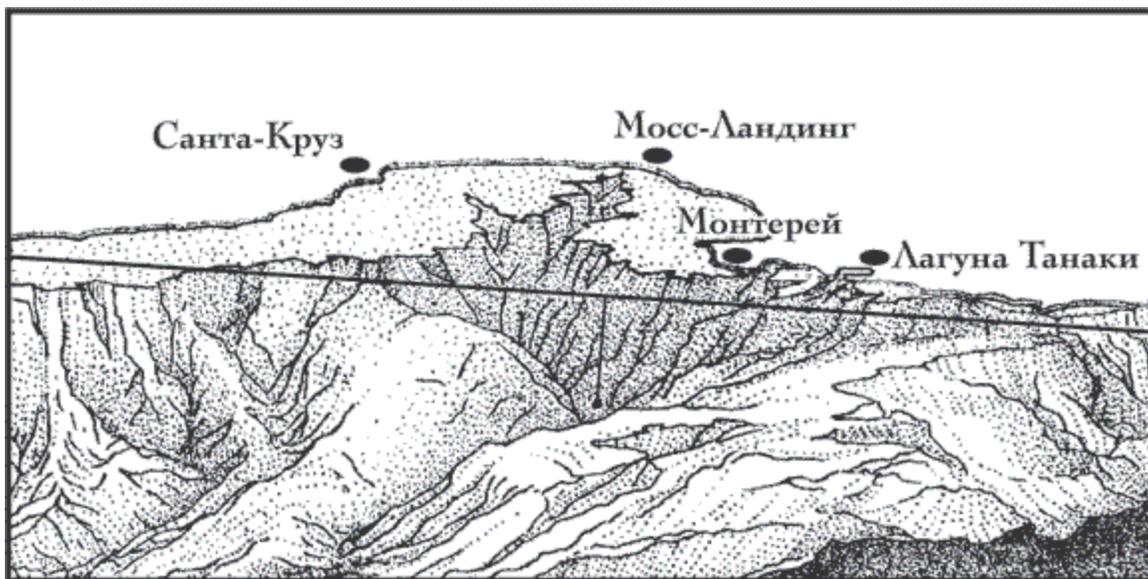
Национальный морской заповедник залива Монтерей занимает 5300 квадратных миль охраняемой акватории, простирающейся от северного побережья Сан-Франциско на юг до берегов Камбрии. В центре этого богатого питательными веществами ареала расположен залив Монтерей – водоем длиной двадцать три мили в форме полумесяца, врезающийся в сушу от Санта-Круза до Монтерея.

Залив Монтерей отличается широким разнообразием населяющих его животных. В зависимости от времени года здесь можно увидеть стада серых китов, горбачей, японских китов, косаток, малых полосатиков, клюворылов и даже величественных синих китов, крупнейших из всех морских животных. Здесь водятся в изобилии дельфины и морские свиньи, а также морские слоны – любимое лакомство больших белых акул.

Но если заглянуть в глубь вод этого воспетого Джоном Стейнбеком залива, с забегаловками и магазинчиками на побережье, туристами и рыбацкими лодками, то можно обнаружить удивительную аномалию подводной геологии, не имеющей аналогов в мире. Под темно-синей поверхностью неподалеку от побережья прячется колоссальная расщелина со сложной системой приливов, течений и апвеллинга, обеспечивающей питательными веществами всю экосистему залива Монтерей. Это подводный каньон Монтерей: образовавшееся 15 миллионов лет назад в результате динамических геологических процессов ущелье, по своим размерам и форме способное поспорить с Большим каньоном.

Как правило, материки нашей планеты окаймлены пологими шельфами, глубина воды в районе которых только через несколько миль достигает нескольких сот футов. Совсем другая история с каньоном Монтерей. Если вы нырнете со старого пирса в Мосс-

Ландинге, то окажетесь прямо над подводной расщелиной глубиной почти 12 000 футов, тянущейся на полмили.

Подводный каньон Монтерей – это не только ареал распространения морских животных, но и обитаемое ущелье, генерирующее свои отливы и приливы. Изначально расположенный вблизи Санта-Барбары, залив Монтерей за многие миллионы лет сдвинулся на девяносто миль к северу, параллельно разлому Сан-Андреас, на длинном и узком блоке-террейн, известном как Салиниан. Сам каньон представляет собой сочетание разных геоморфологических формаций: местами он узкий, с крутыми склонами, а местами – широкий, как долины Гималаев. Отвесные склоны высотой две мили уходят в океанское ложе, которое покрыто слоем осадков, датируемых плейстоценом. Ближе к побережью извивающиеся расщелины, иногда глубиной 6000 футов, отходят от основного ущелья, словно растопыренные пальцы рук.

Эти глубоководные расщелины простираются от Санта-Круза до самой Камбрии, но нигде они не расположены в такой близости от береговой линии, как на подковообразном участке у побережья Мосс-Ландинга.

Тридцатидвухфутовый спортивный катер «Ангел II» фирмы «Албемарл» идет на скорости десять узлов вдоль береговой линии

залива Монтерей.

Бывший летчик ВМС США Джеймс Макрейдс сбрасывает скорость, затем заворачивает в полотенце еще два ледяных кубика и прижимает к пульсирующему левому виску. Вздвигающиеся и опускающиеся двухфутовые волны раздражают Мака даже больше, чем воюющие спаренные моторы.

Вверх – вниз, вверх – вниз.

Мак наваливается на штурвал всей своей двухсотфунтовой массой, и при виде отражающегося в хромовой отделке консоли бледного лица с ястребиным профилем стискивает зубы. Мальчишеские задорные искорки в серо-зеленых зрачках давным-давно исчезли, от дикого похмелья размером с гору Рашмор под глазами в красных прожилках залегли черные тени.

Посмотри на себя. Ты выглядишь старше, чем грязь у тебя под ногами, и вдвое безобразнее.

Мак стонет – в животе снова поднимается ураган.

– Боже мой...

Мак выключает моторы и спешит вниз, в галюн. Упав на колени, он склоняется над унитазом, его рвет.

Катер дрейфует на волнах, яростно бьющихся в дно. Мак теряет равновесие, его снова неудержимо рвет, горло горит огнем, боль в области глазниц усиливается.

Господи, возьми мою душу грешную! Положи конец этому жалкому существованию и заведи меня...

Мак выблевывает остатки содержимого желудка. Спускает воду. Наклоняется над раковиной. Набирает пригоршню воды. Сплювывает, глотает, кладет гудящую голову на холодный фаянс и вырубается.

Ангел скользит по черным как смоль водам промежуточного слоя подводного каньона Монтерей вдоль отвесных склонов подковообразного ущелья.

Миллионы лет назад эти прибрежные воды Калифорнии были излюбленным ареалом обитания предков мегалодона, пока моря не стали слишком холодными, вследствие чего пути миграции китов резко изменились. Лишившись основного продукта питания, высшие хищники постепенно исчезли – вымерли из-за массового голода, по мнению некоторых так называемых экспертов.

Как и их кузены, большие белые акулы, мегалодоны населяли все океаны мира, обитая на разных глубинах в широком диапазоне температур. Будучи очень крупными животными, эти монстры обладали метаболизмом, свойственным теплокровным морским обитателям. Благодаря шести жаберным щелям мегалодоны могли дышать при незначительной скорости движения и даже поддерживать нормальную жизнедеятельность в бедной кислородом водной среде. А уменьшение концентрации кальция в хрящах и повышение содержания воды в мышцах способствовали улучшению плавучести и сокращению расхода энергии.

Если в мире и существовали особи, умеющие адаптироваться и выживать в экстремальных условиях, то таковыми в первую очередь являлись представители вида *Carcharodon megalodon*.

Ангел следует вдоль отвесных склонов каньона Монтерей, ее похожее на торпеду гладкое тело медленно скользит, подобно извивающейся змее. Четкий ритм движения обеспечивается крепящимися к позвоночнику из хрящей мощными мышцами под толстой шкурой – надежной оболочкой, защищающей от расплющивания. При сжатии этих боковых мышц хвостовой плавник мегалодона и задняя часть тела совершают ритмичные пульсирующие движения, толкающие акулу вперед. Огромный хвост в форме полумесяца обеспечивает продвижение практически без волочения; выемка в хвостовом плавнике, расположенная в верхней части, способствует ламинарному потоку воды.

Устойчивому движению вперед способствуют огромные спинные плавники, напоминающие семифутовый парус, и пара грудных, помогающих сохранить равновесие, словно крылья пассажирского авиалайнера. Кроме того, у мегалодона имеются более мелкие парные брюшные плавники, непарный спинной и крошечный анальный плавник.

Легко скользя на глубине более мили, Ангел ловко маневрирует между выступами в стенах каньона, которые невозможно заметить невооруженным глазом. Но хищница способна «видеть» буквально все, поскольку ее основные органы чувств настроены на магнитные колебания окружающей среды, потоки у океанского ложа и едва уловимые вибрации, поступающие сверху. И хотя у акул ушные раковины как таковые отсутствуют, большая самка способна

«слышать» звуковые волны, воздействующие на каналы внутреннего уха, в которых имеются щетинки с особыми сенсорными рецепторами. Передающиеся по слуховому нерву «сигналы» не только предупреждают акулу об изменениях в окружающей ее среде, но и позволяют отслеживать точное расположение источника возмущений.

Ангел чувствует доносящееся с юга постукивание – тук-тук-тук – и тихий шелест – отзвук бьющихся сердец и работающих мускулов серых китов. Ближе к берегу какофония поверхностных возмущений усиливается до отчетливых всплесков от десятков тихоокеанских белобоких дельфинов. Откуда-то сверху доносится чужеродный звук подвесного мотора, его электрическое поле привлекает внимание самки, но ненадолго. Очень скоро она переключается на высокочастотные щелчки, исходящие от семейства косаток.

После чего она полностью сосредоточивается на серии приближающихся коротких вибраций.

Поймав восходящий поток богатой питательными веществами холодной воды, гигантская самка поднимается к поверхности, голод настойчиво дает о себе знать.

Чернота уступает место всем оттенкам серого. Краем глаза самка улавливает движущиеся тени. Реверберации и запах экскрементов еще больше возбуждают аппетит.

Выровнявшись, самка скользит вдоль стены каньона и попадает на мелководье, в заросли водорослей. Теперь она словно тигр, преследующий добычу в высокой траве. Обыкновенные тюлени, не подозревая о присутствии самки, прыгают туда-сюда из-за плотной завесы водорослей.

Ангел прибавляет скорость, ее серповидный хвост разбрасывает во все стороны остатки растительности, измельчая ее, точно сенокосилка. Серо-голубые глаза закатываются в глазницах, огромные челюсти открываются...

...и захватывают водоросли, а вместе с ними и самку тюленя с детенышем.

Глухой щелчок – и череп самки тюленя взрывается в безжалостных челюстях Ангела. Нижние зубы хищницы вгрызаются в жирное тело тюленихи прямо до сочной мякоти, но тюлененок еще жив – он скользит по узкому пищеводу акулы, точно арбузное семечко.

Остальные тюлени бьют тревогу и мчатся к берегу, рассекая море в сторону суши, словно маленькие торпеды.

Ангел глотает остатки тюленьего жира и, продравшись сквозь водоросли, бросается в погоню.

Мосс-Ландинг – это рыбацкий поселок с пирсами, пришвартованными лодками, забитыми парковками и складами. Работяг здесь больше, чем туристов.

Патриция Педраццоли, тридцатидевятилетняя голубоглазая пепельная блондинка, работающая ипотечным брокером, бредет вдоль береговой линии и, щурясь сквозь золотистую дымку полуденного солнца, вглядывается в серый горизонт. Патриция уже в шестой раз смотрит на часы и чертыхается себе под нос. *Черт бы тебя побрал, Мак, почему ты вечно опаздываешь?!*

Ее кузен Кеннет Хофер, присоединившись к Патриции у края воды, протягивает ей пенопластовый стаканчик с чаем:

– Ты не поверишь, в закуской закончился кофе. – Он поднимает повыше воротник ветровки. – Сестренка, посмотри правде в глаза. Он опять тебя кинул. Какого хрена ты терпишь этого парня?

– Не начинай.

– Как долго ты встречаешься с Маком? Два года?

– Отстань!

– Я только хочу сказать, что ты заслуживаешь лучшего. А может, ты просто боишься с ним порвать?

– Ты это о чем?

– Я ведь хорошо знаю Родни Котнера. Он вполне мог сказать, чтобы ты не вздумала портить отношения с членами клана Танаки, пока Джерико не закроет сделку с братьями Дейтч.

– Нет, ты просто больной. И явно меня недооцениваешь.

– Отлично! Можешь пристрелить гонца, но ты должна была встретиться с ним еще два часа назад.

– Должно быть, Мака задержали в институте.

– Скорее, его задержало похмелье. Патриция, очнись и принюхайся к водочному перегару. Этот парень – законченный лузер.

– Кеннет, это, конечно, не твое дело, но у Мака было тяжелое детство.

– А у кого его не было?

– Отец Мака покончил с собой, когда парню исполнилось десять. Дядюшка Джонни ведь не выкинул с тобой такой номер, а?

Кен виновато пожимает плечами:

– Послушай, не то чтобы мне не нравился твой парень, я просто желаю тебе добра... – Он замолкает, обшаривая глазами горизонт. – Эй, а это, случайно, не катер Мака?

«Ангел II» в семидесяти пяти ярдах от берега дрейфует на север.

– Мак!

– Как он может тебя слышать, если, как всегда, торчит в гальюне?!

– Заткнись! – Патриция снимает тренировочный костюм, оставшись в черном бикини.

– Что ты делаешь? Собираешься доплыть до него?

– Катер дрейфует. У него наверняка что-то стряслось.

– Расслабься. Скорее всего, он снова надрался.

Не обращая внимания на слова Кена, Патриция заходит по колено в воду, акклиматизируясь к холоду.

Кен ее окликает:

– Раз уж ты так серьезно настроена, почему бы тебе заодно не отнести ему ланч?!

Зачерпнув ладонями воды, Патриция льет ее себе на плечи:

– Эй, Макрейдс! Живо тащи свою задницу на палубу!

По-прежнему нет ответа.

А вдруг он действительно поранился? Набравшись мужества, Патриция подныривает под набежавшую волну, затем останавливается по пояс в воде, чтобы поправить верх от бикини. И наконец начинает плыть, стараясь держать голову над водой.

Кен провожает Патрицию печальным взглядом:

– Нет, придется срочно ее с кем-нибудь познакомить. – Собрав вещи, он возвращается на пирс.

Отличная пловчиха, Патриция, миновав полосу прибоя, уже находится в добрых сорока ярдах от берега. *Полпути пройдено... Продолжай плыть...*

Под ней проносится какая-то черная тень, потом еще одна. Патриция останавливается и с бьющимся сердцем вглядывается в воду.

Тюлени? Ух ты, похоже, здесь уже глубоко!

Она чувствует прилив адреналина, по спине ползет холодок.

Может, стоит вернуться, пока не поздно?

Патриция устремляет взгляд на «Ангела II». Лодка дрейфует в сторону берега, ее транец так и манит к себе.

Девушка снова начинает плыть.

С десятков тюленей крутятся совсем рядом, они то ныряют в глубь океана, то выныривают на поверхность, их тревожные крики тают за спиной. Опустив голову в воду, Патриция стремительно преодолевает последние тридцать ярдов, затем, отфыркиваясь и отплеываясь, подплывает к спящему двигателю и останавливается, чтобы помочиться.

Ангел, заинтересовавшись движениями ног и учащенным сердцебиением пловчихи, оставляет тюленей и мчит назад. После чего беззвучно проскальзывает под днище катера, вдыхая едкий запах мочи, в двухстах футах от поверхности. Все органы чувств акулы настроены на предполагаемую добычу.

Патриция сокрушенно охает, когда подводное течение относит ее от кормы. Вернувшись к лодке, девушка забирается на алюминиевый трап...

И в этот самый момент корма «Ангела II» взмывает на три фута над водой, в результате чего Патриция падает ничком на накренившуюся палубу.

Громкий всплеск – и катер шлепается обратно на воду.

– Какого черта?! – Патриция поднимается на ноги и перегибается через леер.

Мимо «Ангела II» проходит рыболовецкий траулер, оставляя за собой шестифутовую кильватерную волну.

– Проклятые рыбаки!

Патриция выжимает волосы и направляется вниз на поиски Мака, не замечая призрачного белого сияния и огромной пасти, зажавшей в зубах подвесной мотор, словно пробуя его слабое электрическое поле на вкус.

Детекторы химических веществ во рту мега подтверждают, что качающееся на поверхности животное несъедобное, а сенсорные клетки боковой линии сообщают о том, что тюлени уже находятся вне пределов досягаемости.

Поскольку никакой другой добычи поблизости нет, большая самка уходит на глубину, продолжая кружить неподалеку... Ее голод усиливается.

*Лагуна Танаки
Залив Монтерей, Калифорния*

В подземной обзорной комнате, которая расположена двумя этажами ниже основного уровня в южном конце бассейна, темно.

Масао Танака входит в герметичное помещение, на его лицо падают зеленые отблески лексановых панорамных окон. В свое время в этой закрытой для посетителей обзорной комнате Масао развлекал двух президентов Соединенных Штатов, китайского премьер-министра, с десятков сенаторов, шесть конгрессменов от штата Калифорния, губернатора, бесчисленное количество голливудских звезд, репортеров и фотографов из ведущих американских, а также зарубежных газет и журналов США. И у всех у них перехватывало дыхание, мурашки ползли по спине, глаза лезли на лоб от восторга, смешанного с ужасом, при виде того, как тридцатипятитонный монстр пожирает свою дневную порцию говядины.

Масао смотрит в подводный загон, в застойном воздухе стоит запах плесени, тишину нарушает лишь звук сочащейся воды. Некогда лазурная вода в бассейне подернулась зеленой ряской, панорамное окно покрылось пятнами водорослей.

Должно быть, водостоки опять забились.

Масао проверяет время на пейджере. Через двенадцать часов сюда должен прибыть с предварительным визитом директор-распорядитель Океанариума Монтерея, а в лагуне царит мерзость запустения.

И на беду, именно сегодня Мак взял отгул. Масао подумывает о том, чтобы позвонить Маку по сотовому, но отбрасывает эту идею. *Мак уже три месяца сидит без зарплаты. Нет, пожалуй, справлюсь сам.*

Покинув обзорную комнату, Масао идет по подземному коридору в машинный зал. Отодвигает засов, нажимает обеими руками на проржавевшую стальную дверь, входит внутрь. Прямо с порога в нос ударяет едкий запах хлорки, уши закладывает от гула работающих

генераторных установок, расположенных за лабиринтом проржавевших труб.

Давненько я не был здесь... Какой жуткий бардак! Не стоило так полагаться на Мака. Мне еще крупно повезет, если удастся продать весь этот хлам хоть за какие-то гроши.

Обнаружив панель управления, Масао пытается отыскать тумблеры, приводящие в действие систему фильтрации лагуны. Щелкает тумблером.

Ничего.

Память явно подводит старика. Он пробует с десятков других тумблеров, пока наконец не находит нужный. Спаренные генераторные установки фыркают и замолкают, выключив систему фильтрации.

Низкий гул тотчас же сменяется звуком падающих капель. Масао покидает машинный зал и направляется к кладовке с экипировкой. Раздевшись, Масао натягивает на себя мокрый гидрокостюм. Достает с полки баллон с воздухом. Удостоверяется, что он полный. Прикрепляет баллон к надувному жилету с компенсатором, берет ласты, маску, грузовой пояс и специальный мешок для мусора, похожий на плотно сложенную сеть. Затем перекидывает баллон с воздухом и жилет через плечо.

– Уф... – Колющая боль в сердце заставляет старика опуститься на одно колено.

Порывшись в куче снятой одежды, Масао достает из кармана брюк баночку с белыми таблетками.

С трудом отвинтив защищенную от детей крышку, он поспешно кладет под язык крошечную таблетку нитроглицерина.

Боль в груди понемногу стихает.

Не волнуйся. Скорее всего, это просто несварение желудка.

Масао отдыхает еще десять минут, затем, почувствовав себя немного лучше, берет снаряжение. Он, естественно, и не подозревает о том, что в одной из коронарных артерий образовался тромб.

Старик с трудом преодолевает два пролета бетонной лестницы, ведущей к арене, и неожиданно слышит до боли знакомые звуки: глухую дробь вудуистских барабанов, доносящуюся из расположенных под водой динамиков.

Старый дурак. Должно быть, по ошибке включил звонок, приглашающий Ангела на обед.

Недовольный собой, Масао вглядывается в подернутый предвечерней дымкой серый горизонт, обдумывая следующий шаг. *Ой, да оставь все как есть. Так или иначе потом все равно придется спуститься вниз, чтобы включить систему фильтрации.*

Масао открывает вентиль баллона с воздухом, проверяет регулятор и принимается натягивать экипировку.

– Мак?

Патриция проходит через гостевую каюту прямо в каюту Мака. И находит его, бледного, небритого, склонившегося над раковиной. В помещении пахнет алкогольной блевотиной.

– Мак?

– Триша... Господи, как ты...

– Я ждала тебя два часа. Что, блин, с тобой приключилось?!

– Не знаю. Полагаю, слишком длинная ночь. Дай мне несколько минут, хорошо?

– Тогда пойду приготовлю кофе.

– Ага, кофе. Лучше плесни его мне прямо в глаза.

Оставив Мака, Патриция направляется на крошечный камбуз... и сталкивается с незнакомой девушкой.

Отпадная пергидрольная блондинка. Длинные волнистые волосы спускаются до копчика. В пупке пирсинг. На щиколотке тату рыба-молота.

Абсолютно голая.

– Привет. Ты, наверное, Триша. Прошлой ночью Мак твердил твое имя. По-моему, очень мило.

У Патриции отвисает челюсть, от лица отливает кровь.

– А ты, черт возьми, кто такая?!

– Тамека Миллер. Мы с Маком познакомились вчера вечером на соревновании серфингистов. Не волнуйтесь, я не собираюсь с ним встречаться. Просто случайный секс.

– Надо же, как мне повезло!

Мак, шатаясь, выходит как зомби в коридор:

– Ох!.. Вот дерьмо!..

– Ага, ты в полном дерьме. – Патриция переходит от слов к делу и бьет его правой рукой в левый глаз.

Мак падает навзничь, свалив на пол кофейник.

– Ой-ей-ей! Проклятье! Триш, если бы ты позволила мне все объяснить...

– Ублюдок! Я впустую потратила на тебя два года жизни.

Мак трет глаза, колесики в мозгу по-прежнему крутятся еле-еле.

– Послушай, мне очень жаль. Ты действительно заслуживаешь лучшего. Просто... просто я еще не готов сидеть на привязи...

– И поэтому ты переспал с Мисс Калифорнийской Малолеткой?

– К твоему сведению, в марте мне исполнится двадцать два.

– Заткнись! – Покинув камбуз, Патриция поднимается на палубу.

– Триш, погоди! – Мак тащится вслед за ней по трапу навстречу слепящему дневному свету. – Мы можем поговорить? Пожалуйста.

– Катись к черту! – Она встает на транец и прыгает за борт.

Берег всего в четверти мили от катера.

Масао перелезает через пятифутовую подпорную стенку и спускается по вертикальной алюминиевой лестнице в лагуну, балансируя на нижних ступеньках, чтобы надеть маску. Вставив в рот регулятор, он делает несколько вдохов, берет за ручку мешок для мусора и отталкивается.

Надувной жилет держит его на поверхности. Масао поднимает голову и замечает Атти, которая поливает из шланга плексигласовые панели, установленные над южной опорной стеной лагуны. Несмотря на низкую зарплату, девушка-инвалид прилежно моет стекла каждый вторник, пятницу и воскресенье, а по понедельникам и четвергам сметает песок с арены. По средам и субботам она проходит курс физиотерапии. Если бы не это, Атти каждый божий день проводила бы в институте.

Масао машет ей рукой, затем нащупывает на жилете выпускной клапан. Нажав на кнопку дефлятора, он выпускает лишний воздух, после чего стремительно погружается ногами вперед в зеленые воды рукотворной лагуны.

Барабанная дробь пульсирует у него в ушах. Подавив желание подняться наверх и выключить динамики, Масао продолжает погружение. Ему приходится, зажав нос, выровнять давление, чтобы преодолеть семьдесят футов, отделяющих его от сумрачного дна.

Стальная решетка шириной двадцать футов закрывает основную дренажную трубу, тянущуюся на всю ширину бассейна. Масао

сгибается над решеткой, забитой водорослями, дохлой рыбой и прочей дрянью. Тут же плавает мертвая морская черепаха, ее передняя лапа застряла в дренажной трубе.

Низкая барабанная дробь пробирает до костей, пульс старика учащается в такт завораживающему ритму. Масао нервно озирается по сторонам, затем улыбается, понимая, что становится параноиком. *Она давным-давно уплыла, старина. И не сможет причинить тебе вреда.*

Зажав в левой руке сетку, Масао принимается выдирать из решетки водоросли и собирать мусор.

Патриция Педраццоли держит голову над водой и начинает грести еще интенсивнее, пробиваясь через полосу прибоя. От кипящей на медленном огне ярости мускулы наливаются силой, и Патриция уже не обращает внимания на холодную тихоокеанскую воду.

Ублюдок... Кеннет был прав. Мне давным-давно следовало послать его куда подальше...

Девушка не замечает призрачного сияния, следующего за ней в восьмидесяти футах от поверхности, – сияния, от которого темно-синий цвет вод становится изумрудным. Однако ее настораживают доносящиеся с правой стороны истошные вопли:

– Триша, акула! Акула, Триш... Это мег!

Патриция перестает грести, сердце бешено колотится. Тяжело дыша, она делает рывок вперед и оглядывается.

«Ангел II» плывет по инерции в двадцати футах справа от нее, Мак перегибается через леер, защитив глаза ладонью от исходящего от воды мерцания, и пытается скрыть озорную ухмылку:

– Прости, мне нужно было привлечь твоё внимание.

– Задница!

– Пусть я задница, но, эй, я несчастная задница! Позволь мне хотя бы тебя забрать. Если хочешь, можешь поставить мне фингал и под вторым глазом.

– Уж лучше я поплаваю с мегом! – Опустив голову в воду, Патриция упрямо продолжает плыть.

Ангел кружит внизу, вдыхая запахи моря, ее мозг обрабатывает информацию об аминокислотах в содержащейся в воде моче,

масляных пятнах на шкуре, запах от желез внутренней секреции после недавнего эстрального цикла...

Акула поднимается, чтобы начать кормежку.

Но внезапно обнаруживает другие импульсы: отдаленные низкочастотные реверберации, воздействующие на основные инстинкты, впиваются в мозг.

В отличие от большинства рыб, хищные акулы вроде *Carcharodon megalodon* обладают достаточно сложным мозгом – центром управления самой совершенной нервной системой из всех, что когда-либо создавала Природа. Слуховые, зрительные, обонятельные и электрические сигналы обрабатываются средним мозгом животного, мозжечком и задним мозгом, а также десятью процентами переднего мозга. Остальная часть гигантского головного мозга предназначена для обучения и запоминания. Память привела Ангела в родные воды. И теперь поведенческие навыки заставили ее переключить свой сенсорный аппарат.

Бум-бум-бум... бум-бум-бум... бум-бум-бум...

Не обращая внимания на Патрицию, Ангел направляется обратно в каньон. По мере приближению к склону каньона вибрации все больше усиливаются. Ангел следует по глубоководному ущелью на юг, словно собака Павлова, повинаясь условным рефлексам.

Бум-бум-бум... бум-бум-бум... бум-бум-бум...

Ответвление ущелья ведет на восток. Ангел плывет вдоль расщелины, пульс учащается в ритме вудуистского барабана. Звонок на обед времен ее юности приводит акулу в рукотворный канал лагуны Танаки.

Масао Танаки, стараясь не прикасаться к мертвой морской черепахе, кладет очередную порцию водорослей в переполненную сетку. Проверяет запас воздуха в баллоне и смотрит на узкую дорожку, которую удалось очистить от грязи. *Похоже, работы здесь на всю ночь.* Затянув завязки сетки, старик нащупывает клапан жилета, чтобы подняться на поверхность...

И тут у него внезапно сжимает грудь, а дыхание перехватывает. Он леденеет при виде жуткой конусообразной головы, надвигающейся на него сквозь зеленоватую дымку.

Отвратительная морда, усеянная черными точками пор.

Ощеренная в дьявольской ухмылке пасть.

Обтекаемое тело. Чудовищные размеры. Причем настолько, что вода бурлит при движении акулы.

Ангел...

У Масао мурашки ползут по спине, кожа начинает гореть, мышцы, словно электрифицировавшись, каменеют. Он прикусывает загубник, поправляет мешок, но остается неподвижным, несмотря на тиски, все крепче сжимающие грудную клетку.

Ангел обращает на него серое пятно правого глаза, а затем, словно гигантский дирижабль, проплывает мимо. В поле зрения Масао попадают трепещущие жаберные щели, затем правый грудной плавник, похожий на крыло «Боинга-737».

Поднятый монстром водоворот затягивает Масао, отрывая от дна. Голова старика врезается в плавник меча снова и снова. Хвостовой плавник высотой с двухэтажный дом, точно букашку, вышвыривает Масао из кильватерного следа.

Морская черепаха, освободившись, дрейфует неподалеку; ее панцирь ударяется о маску старика. Отодвинув мертвое животное, Масао расширенными от ужаса глазами смотрит, как Ангел приближается к южному концу бассейна – туда, где находится подводная обзорная комната.

Мег высовывает из воды гигантскую голову, чтобы оглядеться.

Барабаны... Она думает, что настало время обеда.

Новая волна боли сжимает грудь старика, заставляя согнуться пополам.

Атти Холман поливает из шланга очередную панель из плексигласа, потом счищает соль скребком, который держит в здоровой левой руке, направляя ее неработающей левой.

Неожиданно Атти спотыкается о бетонное основание заржавевшей А-рамы и падает при виде омерзительной алебастровой головы, возникшей из темно-зеленой воды по другую сторону перегородки.

Оцепенев от ужаса, Атти таращится на чудовище, которое словно разговаривает с ней: его нижняя челюсть открывается и закрывается, демонстрируя кончики жутких семидюймовых зубов.

Масао, сжавшись в комочек, болтается в воде на глубине пятидесяти футов. Невыносимая боль пронизывает тело, старику кажется, будто у него на груди сидит слон. Боль отдается в спину и шею, в руки и нижнюю челюсть. Масао силится глотнуть воздуха, его пораженное ишемией сердце, лишенное из-за тромба кислорода, пытается прогнать кровь через коронарную артерию. Сердечный ритм становится неровным, фибрилляция желудочка заставляет сердце трепыхаться, препятствуя нормальному кровоснабжению мозга.

Уже в агонии, Масао видит, как громадная доисторическая большая белая акула уходит на глубину и поворачивает назад, огромные ноздри обнюхивают воды бассейна.

Сенсорный аппарат мегалодона снабжает его новой информацией. Чудовище направляется к Масао, точно увидев его впервые.

Тысяча острых ножей, казалось, врезаются в плоть старика, его израненное сердце сжимается от невыносимой боли, и он молится о том, чтобы поскорей умереть.

Ангел медленно приближается, ее нижняя челюсть открывается...

Плюх!

Металлическое ведро с шумом падает в воду на другом конце бассейна, этот звук настораживает животное. Оно поворачивает голову, потом плывет назад, нацелившись на источник помех.

Грудь Масао еще сильнее сжимает в тисках. Он не в силах пошевелиться. Не может дышать.

Пустое ведро проплывает мимо рыла Ангела, не вызывая у нее интереса.

Хищник возвращается к своей жертве.

Его рецепторы настроены на южный конец бассейна, но электрические сигналы внезапно исчезают.

Обескураженный левиафан дважды кружит на одном месте и внезапно видит жертву – его обед плавает над темным дном бассейна.

Огромная пасть чудовища открывается, верхняя челюсть вытягивается вперед...

Хрум!

Ангел заглатывает протухшую черепаху, раскусывая панцирь, точно грецкий орех...

И не замечает старика, лежащего лицом вниз на загаженной решетке.

Так и не утолившее голод животное выплывает из лагуны через канал в океан. Протиснувшись в открытые ворота, Ангел возвращается в святилище подводного каньона Монтерей.

Тело старика в последний раз содрогается в конвульсиях среди зарослей водорослей.

Масао Танака умер.

Глава 5

Венис-Бич, Флорида

Когда родители выходят из соседней комнаты двухместного номера, Даниэлла Тейлор, поспешно приняв бледный вид, бухается на кровать.

Терри, в облаке духов, наклоняется поцеловать дочь:

– Все еще тошнит?

– Немного.

– Твой брат вышел на балкон. Играет в видеоигры. Постарайся немного отдохнуть.

– Непременно. Желаю хорошо повеселиться за обедом.

Джонас машет с порога:

– Спокойной ночи, Дани. Не забывай, ты все еще наказана. И остаешься в номере.

– Неужели, по-вашему, человек в таком состоянии может куда-то свалить?! – Дани изображает смертельную обиду.

Джонас открывает рот, чтобы что-то сказать, но затем передумывает.

Дверь номера защелкивается. Дани ждет пять минут и выходит на балкон. Брат раскинулся на шезлонге, с головой погрузившись в компьютерную игру.

– Эй, очкарик, я собираюсь сходить за содовой. Тебе чего-нибудь принести?

– Не ври. Если бы действительно хотела содовой, то позвонила бы в обслуживание номеров. Ты просто хочешь смотаться.

– Ладно, сколько стоит твое молчание?

– Десять баксов.

– Пять.

Даниэлла возвращается в номер, достает из кошелька пятидолларовую банкноту, комкает ее и швыряет брату. Натягивает поверх джинсов и прозрачной блузки невзрачный серый фланелевый спортивный костюм, накладывает макияж, подводит глаза.

Она кладет в карман электронный ключ и покидает номер. Проходит мимо лифта, по лестнице спускается с пятого этажа в холл, открывает металлическую пожарную дверь, заглядывает в коридор.

Ресторан и комната отдыха находятся слева, коридор, ведущий к бассейну и на пляж, – справа.

Низко опустив голову, Даниэлла поворачивает направо, проходит по покрытому ковром коридору мимо автомата для льда и выходит к бассейну и пляжному клубу.

Сейчас начало десятого, бассейн уже закрыт. Оставив огороженную зону, Даниэлла направляется на пляж.

Мексиканский залив безмятежен, теплый вечерний воздух дышит негой. Россыпь звезд прячется за белыми шапками облаков. Даниэлла стягивает тренировочный костюм, поправляет волосы и идет в сторону компании, расположившейся вокруг небольшого костра на темной полоске побережья.

Соленый воздух пропах пивом и марихуаной, грохот музыки в стиле рэпа перекрывает шум прибоя. Под покровом темноты самозабвенно обжимаются парочки. Приблизившись к костру, Даниэлла спотыкается о спальный мешок, но обнаженная пара внутри ее даже не замечает.

Несколько десятков человек расположились вокруг костра, уже догоревшего до головешек и пылающих углей. Дани видит затененные лица – подростки, в основном девушки, смешались с членами съемочной группы «Сорвиголов».

Нет, вы только посмотрите! Они буквально вешаются на этих парней. Как убого!

Она поворачивается, собираясь уходить, но внезапно слышит голос Вейна Фергюсона:

– Расслабься. Еще полно времени дать задний ход. Делай то, что должно.

Ферджи в толстовке с надписью «Оседлай побережье Дикого Запада» сидит на бревне возле костра.

Дани усаживается рядом с двумя сплошь покрытыми татуировками байкерами, гадая, кто это рядом с ней – мужчина или женщина.

Ферджи делает большой глоток пива, осушив бутылку:

– Леди Ди сегодня явно была моим ангелом-хранителем.

– Эй, Ферджи, расскажи им о Блэкфелласе.

– Не-а, они уже это слышали. К тому же Адам сразу начнет меня перебивать. Да, приятель?

– Только тогда, когда ты все перевираешь. – Адам Поттер лежит на спине, его голова покоится на колене платиновой блондинки в бикини; из обрезанного рукава фуфайки Адама выглядывает вытатуированный на правом плече индеец.

Невысокого роста, атлетического телосложения, с короткостриженными волосами цвета темной меди и рыжеватой бородкой, Адам Поттер работал айтишником и одновременно менеджером Сорвиголов на неполный рабочий день.

Собравшиеся отзываются одобрителем свистом, явно приглашая Ферджи начать рассказ.

– Ну ладно, ладно. Дайте мне промочить горло холодненьким – и я выложу вам все как на духу.

Кто-то выуживает из ведра со льдом очередную бутылку пива и передает Ферджи.

Шиканье. Слушатели замолкают.

– Дело было десять месяцев назад. Так, Адам?

– Одиннадцать.

– Правильно, одиннадцать. Все случилось сразу после того, как Диана отошла в мир иной. Но так или иначе, мы с Адамом получили предложение сделать подводные снимки серферов для журнала о серфинге. Первой остановкой, само собой, стал Блэкс-Пойнт – мы называем это место Блэкфеллас, – обширный участок прибрежных вод залива Энкшес.

– Это на юге Австралии, – добавляет Адам. – Отличное дикое место для серфинга. Когда волны разбиваются о подводный каменистый шельф, то образуются огромные, закрученные влево гребни – идеально для съемок.

– Кто у нас рассказчик, я или ты?

– Извини.

– Ладно, проехали. Итак, я работал под волной, а Адам – на скутере. Менял пленку и выпендривался перед девицами, когда один из янки... как бишь его звали?

– Кристофер Лобин.

– Верно. Итак, старина Крис ловит волну, ты тем временем буквально попадаешь в трубу, камера направлена на него, строчит, как автомат, и тут справа из воды появляется голова огромной акулы, которая кусает беднягу Криса чуть ниже левого колена, прокусывая доску и все такое. – (Слушатели в ужасе ойкают; Дани чувствует, как кровь стынет в жилах.) – Волна затягивает Криса вниз, я тоже ныряю, но сперва выпускаю воздух из спасательного жилета, прикинув, что сейчас мне, пожалуй, не стоит быть на поверхности, тем более когда в воде столько крови. Одним словом, я камнем иду на дно, вокруг сплошная розовая пена, и тут я вижу акулу. Это была акула-людоед, реально страшная тварь, та, что вы, янки, называете большой белой акулой, а еще она была жутко здоровой, метров семь от рыла до хвоста, и она кружила вокруг бедолаги Кристофера, очень быстро кружила, явно собираясь его прикончить. Между тем Крис уже на поверхности, он держится за остатки доски и плывет к утесу. И я вижу, что ему точно не уйти. А потом слышу рев скутера.

– Я кружил рядом, искал Криса, – вступает в разговор Адам. – Увидел немного крови в воде, но решил, что он просто поранился о коралловый риф. Значит, подъезжаю я поближе и спрашиваю, не подбросить ли его. А он, весь такой бледный, но вроде как спокойный, говорит мне: «Адам, она меня укусила». И тут я замечаю, что из него хлещет кровяца. Хватаю его под мышки и усаживаю на скутер...

– А акула нападает снова... Бамс! – Ферджи ударяет кулаком по раскрытой ладони. – Хватает Кристофера поперек тела и начинает трясти, будто тряпичную куклу.

– Чуть не вывихнула мне плечо, – продолжает Адам. – Мы с этой акулой словно занимались перетягиванием каната. На нас накатилась большая волна, Крис закричал: «Давай, давай!» – а сам ухватился за край скутера, и тогда я рванул вперед и буквально выдернул его из пасти этой твари. – Адам замолкает, пытаюсь справиться с захлестнувшими его эмоциями. – Это была жесть. Он продолжал цепляться, но вся нижняя часть тела осталась позади... Чертова акула просто-напросто обглодала его. Крис истек кровью еще до того, как мы достигли подножия утеса.

Ферджи кивает:

– Теперь мы с акулой остались вдвоем, и она здорово разозлилась, ведь Адам увел у нее из-под носа остатки завтрака. Не успел я

сообразить, что к чему, как она на меня напала, врезавшись своим мерзким рылом прямо мне в живот.

– Боже мой, и что же ты сделал?! – Высокая рыжеволосая девица в бикини из двух веревочек в ужасе прикрывает рот рукой.

Ферджи встает и обходит вокруг костра, подпитываясь эмоциями слушателей:

– Единственное, что я мог сделать, – держаться. Треснул ее по морде двумя руками, чтобы она меня не цапнула. Она все щелкает и щелкает зубищами, но глаза у нее уже закатились, и она не знает, куда кусать. Так вот, я продолжаю по ней хреначить, но это все равно что драться с пикапом. Наконец она уплывает, правда недалеко. Кружит прямо у меня над головой, так же как кружила над Крисом. Ну а я остаюсь у самого дна. Перебираюсь от одного кораллового рифа к другому в надежде, что она от меня отстанет и уплывет... но она не уплыла. – Ферджи допивает пиво и швыряет пустую бутылку в мешок для мусора. – Она нацеливалась на меня еще семь раз... да, семь. Очуметь! На четвертый раз она сорвала с меня маску... Вот тогда-то я не на шутку струхнул. Ведь теперь мне практически ничего не было видно. Пошарив вокруг себя рукой, я ткнул пальцем ей прямо в глаз. Акуле это не слишком понравилось, и она вильнула в сторону, дав мне возможность надеть маску.

– Ух ты! И как долго ты пробыл внизу? – спрашивает уже другая группа.

– По ощущениям несколько часов, но мой подводный компьютер показал, что всего двадцать минут.

– И как тебе удалось выбраться из этой передрыги? – снова подает голос рыжеволосая девица.

– Береговая охрана помогла. Короче, я дождался, когда акула-людоед отплывет подальше, и рванул к поверхности. Вот тогда-то я и натерпелся страху. Ведь я не видел ее, но знал, что она подбирается ко мне снизу. Но я справился. Через два дня мы закончили съемки. Вот, пожалуй, и вся история.

– Ты чокнутый, да?! – выкрикивает Даниэлла, непроизвольно вскакивая с места. – Я хочу сказать... Зачем было возвращаться после всего этого ужаса?

Ферджи снисходительно улыбается:

– Жизнь заставила. И не тебе диктовать мне, как зарабатывать на кусок хлеба.

– В любом случае обычно акулы не охотятся на людей. – К слушателям присоединяется Майкл Коффи.

Темноволосый с проседью, чем-то похожий на регбиста, Коффи – самый старый среди Сорвиголов, и он явно соревнуется с Ферджи за лидерство среди товарищей.

– А вот тут-то ты ошибаешься, приятель. Эта акула попробовала человеческого мяса и захотела еще.

– Брехня! Акула наверняка приняла серфера за тюленя. А на тебя она напала лишь потому, что в воде была кровь и она возбудилась.

– Ага, в ней пробудилось желание попробовать человечины.

– Да что ты вообще можешь знать об этих тварях! А вот я плавал с большими белыми в открытом море. И собираюсь все это повторить нынешней зимой в Южной Африке. Человеческое мясо не входит в рацион питания акул. Уж можешь мне поверить, от укусов пчел в мире погибает больше людей, чем от зубов этих рыбок.

– От укусов пчел? Коффи, ты кретин. От укусов пчел еще никто никогда не умирал. И я не согласен с твоей теорией насчет тюленей. Каждый год операторы туров для любителей акул кидают все больше мяса в австралийские воды, приманивая больших белых поближе к клеткам для дайверов, чтобы слабаки вроде тебя могли сфоткаться, изобразив из себя мачо. Большие белые очень сообразительные, и мы прививаем им ассоциацию людей с едой. Чтоб им пусто было, всем этим операторам дайвинга в клетках! В своих брошюрах им следовало написать: «Человек: еще один вид белого мяса».

Кое-кто из собравшихся хихикает.

Но Коффи явно не до веселья:

– Ну и что ты предлагаешь? Уничтожить этих великолепных животных только потому, что они, оказывается, обитают в тех водах, где ловят волну серферы?

– Акулы, они как люди, приятель. Среди них есть вполне безобидные, но есть и те, которые попробовали человечины. Если тебе попалась та, что ассоциирует человека с едой, то лучше убей ее или закрой все пляжи.

– Очередная чушь в жанре «Челюстей». Истории вроде твоей подвергают опасности весь этот вид.

– Лично меня волнует только один вид – человек.

В разговор встречается Адам:

– Майкл, никто не собирается убивать больших белых акул, хотя Ферджи на них реально зациклился. Если бы ты там был и видел эту акулу, то не стал бы так рьяно ее защищать. Львов, попробовавших человеческой крови, необходимо истреблять, поскольку в противном случае погибнут жители деревни. Если хищник подсел на человечину, он или начнет убивать, или будет убит.

– Живи и дай жить другим – вот мое кредо. – Коффи качает головой и смотрит на Ферджи. – Более того, если бы я мог выбирать, как лучше уйти из жизни, то скорее согласился бы пойти на корм таким божественным созданиям, как большие белые акулы, чем бездарно разбиться, упав с высоты четырнадцати тысяч футов.

Ферджи затыкает Коффи рот кулаком, и вот уже они оба катаются по земле, осыпая друг друга ударами. Адам и парочка Сорвиголов бросаются разнимать здоровяка-американца и молодого австралийца.

Коффи улыбается разбитыми в кровь губами:

– В чем дело, человек-птица? Совсем шуток не понимаешь?

Ферджи словно проснувшийся вулкан:

– Накось выкуси, чертов тупица! Мы с тобой еще не закончили. Вот выйдем в море, там и поговорим!

– Отлично! Меня это вполне устраивает. – Коффи выплевывает окровавленный передний зуб и швыряет его в Ферджи. – Держи. Продашь на ярмарке зубов.

Ферджи отталкивает Адама, вцепившегося в его предплечье, и, яростно взметая песок, скрывается в тени.

Дани выжидает немного, а затем идет вслед за Ферджи. Догоняет его у края воды:

– Эй... – (Ферджи демонстративно молчит.) – Ты в порядке?

– Этот парень – кретин. Чистоплюй поганый. Думает, его моча не воняет только потому, что он стал победителем в прошлом сезоне «Сорвиголов».

– Он определенно знает твои слабые места.

– Он так развлекается, а я, как последний дурак, купился. И не в первый раз. – Ферджи бросает в набежавшую волну раковину.

– А кто такая Ди?

Ферджи отводит глаза:

– Она была моей невестой. Погибла во время прошлогоднего шоу.
– Мне очень жаль. – Дани делает приличествующую случаю паузу. – Ферджи...

– Ты хочешь знать, почему я это делаю? Почему рискую своей задницей?

– Сегодня днем ты едва не погиб. Но, похоже, тебя это нисколько не колышет. У тебя что, суицидальные наклонности?

– Тебе все равно не понять.

– А ты попробуй.

Ферджи поворачивается лицом к Дани:

– Послушай, со стороны может показаться, что я разыгрываю смертельный сценарий, но это связано не с желанием умереть, а с желанием жить.

– Ты прав. Я действительно ничего не поняла.

– Дани, мы все рано или поздно умрем, но мало кто из нас действительно жил по-настоящему. Большинство людей впустую растрчивает жизнь, трудясь с девяти до пяти на дурацкой работе, которую они ненавидят, переживая о дурацких сроках, в то время как алчное руководство ворует деньги из их пенсионных фондов. Мой отец работал в медицинском учреждении. Туда отправляли гнить заживо неизлечимо больных, пока их дети бодались за наследство. Во время летних каникул я обычно помогал отцу: выносил горшки, массировал дряхлые тела, в которых уже много лет не циркулировала кровь. Такое и в страшном сне не приснится. Пережившие клиническую смерть старики, дышащие через трубку, сидящие на морфии. Однако близкие настаивают на том, чтобы в этих живых мертвецах поддерживалась жизнь. Я видел такие вещи, ужасные вещи, которые лучше бы вообще не видеть. Распадающаяся плоть. Обтянутые кожей позвоночники. У одного старика в горле даже завелись личинки. Если муха случайно залетит в дыхательную трубку...

– Прекрати. Меня сейчас стошнит.

– Меня от этого тоже тошнит. Но это наша жизнь, ее уродливая сторона, о которой не принято говорить. И я понял, что с меня довольно. Бросил школу, уехал из дому, чтобы вдохнуть воздух свободы.

– Ну а то, что ты едва не погиб, тебе сильно помогло?

– Тебе, конечно, этого не понять, но, когда парашют не раскрылся, где-то в глубине души я был даже рад. Ведь когда ты оказываешься... между жизнью и смертью, все зависит исключительно от тебя. Никакого страха... На это не было времени. В такие моменты ты сосредоточиваешься исключительно на выживании. Адреналин буквально зашкаливает, время останавливается. Когда запасной парашют открывается и ты понимаешь, что будешь жить, твое тело вырабатывает столько энергии, что, кажется, еще немного – и ты взорвешься. Эта энергия до сих пор во мне бурлит. Всю ночь держит на ногах. Дани, для меня жизнь – это риск, хождение по краю пропасти. В каком-то смысле я похож на большую белую акулу – ту, что сожрала Кристофера. Стоит хоть раз попробовать вкус приключений, и тебе уже не остановиться. Диана умерла, но она прожила хорошую жизнь. Жила так, как хотела, отбросив все наносное. Я скучаю по ней, но отчасти даже рад за нее.

Даниэлла прислоняется к плечу Ферджи:

– По сравнению с твоей моя жизнь – тоска зеленая. А мой отец, он такой правильный, иногда мне кажется, что ему вот-вот башню снесет. Он сводит меня с ума своими дурацкими принципами, а моя мать... ее пугают любые изменения. Единственное, что ее заботит, – это безопасность семьи. Она боится собственной тени... Неудивительно, что она ходит к психологу. Мой брат вечно сидит, уткнувшись носом в книгу, он помешался на научной фантастике, а мои так называемые подруги – их интересуют лишь парни. Меня во всем ограничивают, родители уже распланировали следующие пять лет моей жизни. А меня все это достало.

– Тогда попробуй что-то изменить. Дани, это твоя жизнь, возьми ее в свои руки.

– Если бы я могла... Мне хотелось бы поехать с тобой, жить так, как живешь ты... Послать их всех куда подальше.

– Так сделай это.

– Не могу... Я не могу делать то, что делаешь ты. Потому что я жуткая трусиха.

– Никто и не требует от тебя, чтобы ты прыгала с парашютом, просто дай себе волю. Ведь ты бессмертна, пока не умрешь.

Дани лезет в карман, достает косячок:

– Хочешь заторчать?

– Я не употребляю наркоту. Торчать от наркоты как-то неестественно, и потом становится очень хреново. Я торчу от адреналина. Торчу от новых впечатлений, от возможности попробовать себя в чем-то еще. – Забрав у Дани косяк, Ферджи швыряет его в море.

– Эй!..

Она собирается протестовать, но Ферджи закрывает ей рот поцелуем. В его объятиях она тает, как мороженое, и мысль о сопротивлении сразу исчезает. Он опрокидывает Дани на мокрый песок и стягивает с нее одежду, его прикосновения пронзают будто электрическим током, рождая сладкую истому внизу живота.

– Вперед, Дани Тейлор. Пора начинать жить!

Супруги возвращаются в свой номер после полуночи. Джонас вставляет электронную карточку в щель и чертыхается, когда дверь не хочет открываться.

– Ты вставляешь не той стороной. Дай мне.

– Благодарю. Сам справлюсь. – Он переворачивает карточку. И снова не срабатывает.

Терри забирает у него карточку и открывает дверь:

– Ох уж эти мужчины! Ни на что не способны.

– Я тебе это припомню, когда в следующий раз будешь умолять, чтобы я встал с дивана и убил паука. – Скинув туфли, Джонас падает на кровать.

– Ты собираешься обсудить ситуацию или как?

– Мы это обсуждали весь вечер. Подвожу итог. Нам нужны деньги.

– Значит, так? Ты твердо решил ехать? – Терри рывком отодвигает стеклянную дверь и выходит на балкон, впустив в комнату поток тропического воздуха.

Похоже, о сексе можно забыть. Джонас заставляет себя встать с постели. И, присоединившись к жене, обнимает ее за плечи.

– Не прикасайся ко мне.

– Да брось, Ти! Я же ненадолго.

– Очнись, Джонас! Дани скоро восемнадцать. Возможно, это ее последнее лето дома, если, конечно, она не уедет сразу после дня рождения. И, кроме того, состояние папиного здоровья ухудшается. Дэвид собирается с командой на выездные матчи Малой бейсбольной

лиги, а ты на семь недель отправляешься в голливудский круиз по югу Тихого океана для одиночек.

– Работать, Терри. Я буду работать – зарабатывать деньги, в которых отчаянно нуждается наша семья.

– И оставишь меня следить за порядком в нашей семье! Джонас, я не смогу еще раз через это пройти. Не смогу.

– Через что пройти? Чего ты так боишься?

Терри качает головой, к мокрым от слез щекам прилипают шелковистые пряди черных как смоль волос.

– Мне было одиннадцать, когда умерла мама. А папа... папа не знал, что делать, не знал, как воспитывать детей и одновременно продолжать работать морским биологом. Мы с Ди Джейем были слишком малы для океанских путешествий, поэтому папа нанял женщину присматривать за нами в его отсутствие. Иногда он оставлял нас на несколько месяцев. Няня убирала и стряпала еду, но эмоциональной отдачи мы от нее не видели. Эту роль взяла на себя я, заменив Ди Джейю родителей. Каникулы, дни рождения... Все это было на мне. И всякий раз, когда папа паковал вещи, в очередной раз собираясь уезжать, он сажал меня к себе на колени и говорил: «Терри, ты ведь понимаешь, что я делаю это, чтобы иметь возможность содержать семью, поэтому я рассчитываю, что, пока меня не будет, ты проследишь за порядком». С тех пор прошло тридцать лет. Ди Джей мертв, папа по-прежнему делает вид, будто совершает все на благо семьи... А теперь еще и ты. Наши дети растут, и ты это упускаешь.

– Терри, скажи это в своем банке, когда они за долги наложат арест на наш дом. Скажи это автомеханику, когда сломается наша машина, как в тот раз, или медицинской страховой компании, которая каждый месяц поднимает цену на страховку. Скажи это электро- и водопроводным компаниям, когда нам в очередной раз отключат электричество или воду, а еще лучше скажи это Дани, когда та, если Богу будет угодно, осенью и в самом деле захочет отправиться в колледж. Я не одобряю поведение твоего отца, но прекрасно понимаю его мотивы. А что касается их дурацкого телешоу, то это разовая акция и я не могу упустить столь выгодное предложение только потому, что ты... Ну, ты сама знаешь.

– Нет, не знаю. – Терри поворачивается к Джонасу лицом, ее миндалевидные глаза пылают яростью. – Продолжай, коли начал.

– Твой психолог тебе все хорошо объяснил. Тебя до сих пор преследуют воспоминания о том, что случилось восемнадцать лет назад. После той истории с «Бентосом» ты уже больше никогда не была прежней. Ты стала сверхосторожной, не позволяя ни себе, ни нам подвергаться хотя бы минимальному риску.

– Отлично! Хочешь оставить нас на два месяца – флаг в руки! Мне плевать! Да, возможно, у меня есть кое-какие психологические проблемы, которые необходимо устранить, но у тебя, мой дорогой, они тоже есть. Последние пятнадцать лет тебе сто раз предлагали хорошую работу, но ты почему-то отказывался.

– Не могу просиживать штаны за письменным столом.

– А почему нет? Другие мужья могут.

– Да, но не я.

– А получив это предложение, ты прямо-таки на седьмом небе от счастья, разве нет? Тебе хочется новых приключений, хочется еще раз доказать себе, что ты по-прежнему мачо. Что ты еще о-го-го и сам черт тебе не брат.

– Меня пригласили вести дурацкое телешоу. Я не участвую в соревновании.

– Пока нет. Но обязательно будешь. Я услышала это в словах Эрика, разливавшегося соловьем, чтобы потешить твое эго, и увидела в твоих глазах. Я тебя хорошо знаю, Джонас Тейлор. Тебе не терпится доказать всему миру, что есть еще порох в пороховницах. Так что иди играй. Ступай на свой последний парад, продолжая отрицать, что у тебя мужской климакс, только больше не вешай мне лапшу на уши, будто тебе нужно зарабатывать на жизнь, поскольку мы оба знаем, что это брехня.

Их перепалку прерывает телефонный звонок.

– Алло? – Терри меняется в лице, глаза наполняются слезами, нижняя губа дрожит. – Хорошо... Хорошо. Нет, я все сделаю. Спасибо, что позвонили.

– Что случилось? Что-то не так?

Терри смотрит на мужа, точно маленькая потерянная девочка:

– Мой папа... Он умер.

Глава 6

*Пролив Хуан-де-Фука, Тихий океан
18 миль к юго-западу от Порт-Ренфрю
Остров Ванкувер, Британская Колумбия*

Северо-западная береговая линия Британской Колумбии простирается почти на 17 000 миль, включая бесчисленные острова, узкие заливы и бухты. В этих богатых питательными веществами водах встречаются самые разнообразные представители морской фауны. Здесь кормятся местные и мигрирующие стада китов: горбатые и серые киты, косатки и малые полосатики. В глубоких водах вблизи островов Королевы Шарлотты, или, как их называют аборигены, Хайда-Гуай, и острова Ванкувер водятся чавыча, кижуч, морской окунь, зубатый терпуг и гигантский палтус – самая крупная плотоядная рыба северо-запада Тихого океана. Палтус в основном обитает в открытых водах в районе острова Ванкувер; его масса составляет от двухсот до трехсот фунтов, а беременные самки могут весить более четырехсот фунтов.

Чартерное рыболовецкое судно «Байт ми 2» движется со скоростью три узла на север от Сомбрио-Бич – каменистого побережья, переходящего в покрытую густыми зарослями гористую местность. Плотный туман, окутывающий кедрово-тсуговый лес, сгущается по мере приближения к морю.

Хит Шелби поправляет козырек бейсболки с логотипом «Сан-Франциско форти найнерс» и застегивает на все пуговицы водонепроницаемую парку, когда утренний туман превращается в надоедливую морось. Будучи заядлым рыбаком, бывший помощник вице-президента по оперативным вопросам корпорации «Энрон» арендовал «Байт ми 2» на неделю, надеясь поймать крупного палтуса и украсить им кабинет своего нового летнего домика в Принс-Руперте. Первые два дня рыбалки принесли ему семь сорокафунтовых чавычей и палтуса весом шестьдесят три фунта, но крупная добыча от него ускользнула – рыбака весом 330 фунтов, которая перекусила леску после изматывающей борьбы в течение часа.

Дождь становится сильнее, вынуждая Шелби спрятаться внутри.

Племянник его жены Марк Аллен приветствует его поднятой вверх чашкой кофе:

– Погода шепчет, да?

– Какая наблюдательность!

– Капитан говорит, дальше будет еще хуже и только потом погода пойдет на лад. Может, вернемся? Рейчел уже слегка укачало.

Шелби заглядывает в соседнюю каюту, где стройная зеленоглазая английская красавица лежит на диване, лелея головную боль. Невеста Марка, школьная учительница из Вулверхэмптона, присоединилась к экспедиции Шелби сегодня утром, надеясь понырять с аквалангом, но после шести часов пребывания в море уже начала подумывать о возвращении в Соединенное Королевство.

– Скажи ей, чтобы приняла еще драмина.

– Дядя Хит...

– Марк, это моя рыбалка, и я не собираюсь возвращаться обратно, пока не поймаю свою рыбку. – Шелби поднимается по трапу на ходовой мостик переговорить с капитаном.

Мэтт Вайнгар рыбачил в этих прибрежных водах уже без малого восемь лет, сразу после увольнения с краткосрочной службы в ВМС США. Нужно было сильно постараться, чтобы вывести из себя уравновешенного и покладистого капитана, но распальцованный техасский миллионер уже успел достать его до печенок.

– Ну? И где моя рыба? С таким затейливым снаряжением вы вполне могли бы его обнаружить.

– *Ее*, и я делаю все, что в моих силах, мистер Шелби. Большие самки вроде той, что попалась вам на крючок, предпочитают держаться поближе к камням на дне. Мы продолжим закидывать удочки у Свифтшур-Бэнк между Порт-Ренфрю и Сомбрио-Бич, пока не обнаружим рыбу вашей мечты, но я ничего гарантировать не могу.

– Чертова леска... На сей раз мне нужно что-нибудь попрочнее.

– Я велел Майклу взять самую толстую леску из всех, что есть на борту. Но упаси боже подцепить рыбину больше семидесяти фунтов. Если она за что-нибудь зацепится, нам ее точно не удастся поднять со дна.

– Тогда мы обрежем леску и начнем все по новой. Капитан, мне плевать, сколько это будет стоить! Я хочу поймать свою рыбку.

Вайнгар стискивает зубы и широко ухмыляется:

– Есть, сэр! Сделаем все, что в наших силах.

Дождь немного стихает. Шелби возвращается на палубу, где первый помощник капитана Майкл Райбел уже закрепляет на удилице катушку с крученой леской из дакрона.

– Толстая леска... Хорошо. А на что будем ловить?

– На кальмара. Акулы его не трогают. Здорово экономит время.

– А раньше ты именно это использовал?

– Так точно, сэр!

Шелби таращится на левую штанину помощника капитана, закатанную до икры:

– А это что такое? Протез? На тебя напала акула или вроде того?

– Нет, ничего героического. – Будущий инженер-электрик хлопает себя по пластиковой ноге. – У меня нейрофиброматоз – слоновья болезнь. Это врожденное.

– Да уж, не повезло тебе, парень.

– Все не так страшно, как кажется, хотя диализ – еще тот геморрой. А на второй ноге у меня есть скоба...

– Ладно, избавь меня от медицинских подробностей. Давай кидай леску обратно в воду, пока мы не упустили мою рыбу.

Ответ Райбела заглушен зычным голосом Вайнгара с ходового мостика:

– Майк, ты готов? Похоже, она внизу.

– Самое время. – Шелби вытирает воду с закрепленного на палубе стального рыболовного кресла. Закончив насаживать приманку на крючок, Райбел ковыляет к транцу.

Капитан ставит мотор на нейтралку. Спаренные моторы работают вхолостую, выплевывая серо-синие облака выхлопных газов.

Шелби, задыхаясь от дыма, прикрывает рот:

– Давай быстрее, пока она не уплыла.

– Крупный палтус – территориальное морское животное, которое отгоняет всех остальных. Самая большая рыба в этом районе, поэтому так быстро она не уйдет. – Первый помощник капитана бросает леску за борт, тяжелый двухфунтовый свинцовый шарик тянет толстую леску вниз. – Я еще и ароматизировал крючок с кальмаром, самкам это обычно нравится. – Майкл поворачивается к капитану. – Эй, кэп, какая глубина?

– Примерно сто девяносто.

Райбел чувствует, как грузило ударяется о дно, затем несколькими оборотами подтягивает леску и стопорит катушку.

– Мы на месте.

Вайнгар включает реверс и сдает назад, чтобы леска оказалась прямо под днищем, – маневр, необходимый для компенсации влияния сильного течения в районе Свифтшур-Бэнк.

– О’кей, мистер Шелби, усаживайтесь. Посмотрим, удастся ли нам снова подцепить вашего монстра.

Течения вдоль северо-западного побережья Тихого океана, подобно бурным рекам, устремляясь на юг мимо подводных гор Уэлкер и Боуи, осуществляют перенос глубинных водных масс у побережья Британской Колумбии к срединно-океаническому хребту Хуан-де-Фука.

Самец *Carcharodon megalodon* движется зигзагом возле Свифтшур-Бэнк, изучая новую окружающую среду. Этот гигант уже несколько недель плывет по Аляскинскому течению, ведомый стойкими химическими следами эструса самки. Но, оказавшись в богатых питательными веществами водах залива Аляска, самец вдруг почувствовал голод, что заставило его на время забыть о жажде спаривания.

Киты, морские слоны, тюлени, дельфины... Экосистема залива изобиловала морскими млекопитающими – настоящий банкет для голодного мегалодона. Однако молодой самец еще никогда не охотился в поверхностном слое, тем более на такую крупную добычу.

Первое боевое крещение он получил во время ночной атаки. Преследуя стадо серых китов, мегалодон попытался отбить беззащитного теленка от взрослых. Однако вместо того, чтобы насладиться сытным обедом, ему пришлось поспешно спастись от бронейных хвостовых плавников двух самцов весом 60 000 фунтов каждый.

Последующие лихорадочные попытки поймать добычу также провалились, что вынудило мега выбрать другую стратегию.

Двигаясь вдоль западного побережья острова Банкс, хищник учуял плившего на поверхности морского слона. Мег не пошел в лобовую атаку, а остался на глубине, кружа прямо под намеченной

жертвой, и только потом ринулся на нее, поднявшись вертикально вверх.

Подобно большим белым акулам, что бороздят прибрежные воды Южной Африки, мегалодон выпрыгнул из моря и в один присест перекусил пополам морского слона весом в полтонны. Проглотив верхнюю часть туловища жертвы, сверхосторожный мег продолжил кружить вокруг истекающей кровью задней части морского слона, прежде чем закончить трапезу.

Урок был усвоен: атаки из засады оказались куда эффективнее, чем лобовые.

Вооружившись новыми знаниями, молодой самец продолжил свой путь на юг вдоль северо-западного побережья Тихого океана – одинокий волк, пробирающийся между стадами испуганных овец.

Кальмар танцует, борясь с течением, – марионетка, соблазняющая любителя головоногих моллюсков массой 330 фунтов.

Шестифутовый палтус – беременная самка – вынашивает в своем раздувшемся теле более четырех миллионов оплодотворенных икринок. Самка вдыхает запах приманки, вид наживки еще больше возбуждает голод.

Самка делает еще один круг возле приманки, наблюдает... выжидает...

У Хита Шелби замирает сердце, когда толстая дакроновая леска натягивается на удилице.

– Ха, я поймал ее! И на этот раз она от меня не уйдет!

Майкл Райбел прикрепляет Шелби ремнем безопасности к привинченному к палубе стулу.

– О'кей, все легко и просто. Поводите ее немного по дну. Возможно, она еще и не знает, что попалась на крючок.

Леска немного ослабевает.

Шелби пристегивает удочку к стальному креслу, чтобы дать отдых усталым рукам.

– Так, мистер Шелби, а теперь потихонечку, медленно и уверенно. Нам нужно вышибить из нее желание драться.

– Нам? Ты, наверное, хочешь сказать, вам? Ведь это моя рыба! – Шелби вытравливает леску, затем, откинувшись назад всем телом,

начинает тянуть на себя неподвижный объект. После чего снова нагибается вперед, отматывает несколько футов лески и, дрожа от напряжения, повторяет маневр. – Боже, какой монстр!

– Измотайте ее, поведите немного, затем снова натягивайте леску.

– Измотать? Это она меня уже порядком измотала! Нужно зафиксировать леску.

– Невозможно, рыба слишком большая. Она вырвет крепления из судна!

Шелби кривится, капельки пота текут у него по лицу.

– Я с трудом ее удерживаю.

Капитан снова переключает реверс, теперь судно движется вперед со скоростью двух узлов.

К Шелби присоединяется Марк Аллен:

– Ты ее снова поймал. Отлично! Эй, дядя Хит, ты в порядке? У тебя все лицо красное. Хочешь, я возьму...

– погоди... Назад! – Шелби еще крепче берется за удочку, жилы на шее вздуваются, становясь похожими на веревки.

Райбел подходит к транцу, в руках у помощника капитана гарпун с веревкой, прикрепленной к светящемуся оранжевому поплавку.

– Подведите ее поближе к поверхности, и я загарпуню ее.

Шелби тянет и наматывает леску, тянет и наматывает, под тяжестью невидимой рыбы судно уже начинает крениться и сдавать назад.

– Вроде бы потихоньку поднимается... Я чувствую, она слабеет.

Самка палтуса петляет в воде, изгибаясь и перекатываясь в попытке побороть нечто невидимое, воткнувшееся ей в жабры, информация о ее отчаянной борьбе за выживание передается по бурным глубоким водам Свифтшур-Бэнк.

В двух милях к северу большой самец меча резко меняет курс, вся его сенсорная система настроена на низкочастотные произвольные раскатистые звуки, притягивающие к себе, точно магнит.

На море внезапно обрушивается проливной дождь. Он окутывает судно толстым покрывалом, заглушающим все остальные звуки, кроме беспрестанного стука капель.

Вода стекает с промокшего козырька бейсболки с логотипом «Сан-Франциско форти найнерс». Шелби трясет головой, пытаясь хоть что-то разглядеть. Руки горят от избытка молочной кислоты, спина и ноги дрожат от мышечного напряжения. Однако Шелби не желает сдаваться.

Леска полностью разматывается, удочка выскальзывает из взмокших ладоней.

Измученный, но слишком упрямый, чтобы остаться ни с чем, Шелби снова пристегивает удочку к креслу, надеясь, что привинченное к палубе металлическое кресло поможет вытянуть улов.

Леска натягивается, теперь рыбе не убежать.

Шелби стискивает зубы. *Ладно, самое время вытягивать эту суку.* Обняв обеими руками удочку и намотав вытравленную леску на предплечья, Шелби откидывается назад всем телом, леска врезается в водонепроницаемый материал парки.

– Я тебя сделаю, на сей раз ты от меня не уйдешь...

БАБАХ!!!

Леска цепляется за мчащийся товарный поезд, от чудовищного удара палубная обшивка разлетается в щепки, основание кресла вылетает из образовавшейся дыры, и вся конструкция – кресло, удочка и Хит Шелби – катапультируется прямо в океан.

Палтус взрывается в пасти мегалодона, словно перезрелая земляника.

Леска застревает в щели между двумя верхними зубами.

Большой самец уплывает прочь, волоча за собой прицепившийся к нему груз.

Марк Аллен с раскрытым ртом смотрит на дыру в палубе на том самом месте, где еще секунду назад был его дядя Хит.

Капитан Вайнгар глушит мотор и, то ли оступившись, то ли спрыгнув, оказывается на покрытой щепками палубе, после чего перегибается через транец. Перед его глазами мелькает стремительно удаляющийся от судна пенный след, который в мгновение ока исчезает за бесконечной стеной дождя. И тут капитан вспоминает о своем первом помощнике:

– Майкл! Майкл! – (Майкл Райбел выныривает на поверхность, из раны на голове хлещет кровь.) – Что случилось?

– Нас смыло за борт.

Вайнгар хватает багор, подцепляет своего помощника за пояс, пытаясь затащить обратно на судно. С помощью капитана Райбел карабкается на палубу, он весь трясется от холода, его глаза буквально вылезают из орбит при виде здоровенной дыры в расколотой палубной обшивке.

– Господи Иисусе, кто мог это сделать?!

Реальность рассыпается на мелкие осколки. Хит Шелби, вращаясь и поворачиваясь вместе со стулом, стремительно летит багровым лицом вниз в ледяную синеву вод; разрывающиеся легкие призывают его бросить оснастку.

Освободив пальцы от удочки, Хит тщетно пытается избавиться от впившейся в тело лески, по-прежнему обмотанной вокруг предплечий и пристегнутой к стулу.

Семьдесят футов... Восемьдесят... От давления воды закладывает уши, сердце стучит молотом где-то в мозгу. Хит стремительно спускается под углом тридцать градусов к своей подводной могиле.

Но затем он неожиданно останавливается, и давление на уши сразу уменьшается – леска лопается, тяжелый стул тянет Шелби прямо на дно.

Выдохнув остатки воздуха, Хит Шелби яростно рвет ремень безопасности, чтобы освободиться от якоря. Ногами отпихивает в сторону стул, тот камнем падает вниз, исчезая из виду.

Шелби начинает всплывать, спасательный жилет, поддетый под паркой, поднимает его к невидимой пока поверхности. Бывший топ-менеджер крупнейшей энергетической компании зажимает пальцами нос, мысленно приказывая себе держаться. *Ты жив... Все в порядке.*

Он сосредоточивается на колышущейся над ним поверхности моря, считая оставшиеся секунды до того момента, когда сможет дышать.

Проклятый чартер!.. К тому времени, как мои юристы разделаются с ним...

Неземное сияние, идущее откуда-то снизу, ошарашивает его.

Кит... Ты подцепил на крючок чертову белуху... Твою мать!..

Приблизившись на десять футов к странной рыбе, самец мегалодона смотрит на нее правым глазом.

Боже милостивый!.. Прилив адреналина дает Шелби новый заряд сил. Отчаянно работая руками и ногами, он как сумасшедший рвется к поверхности.

Сигнал отчаяния – вещь универсальная, а реакция хищника – врожденная.

Огромная голова вытягивается вперед, челюсти медленно раскрываются, затягивая в утробу морскую воду – ее количества вполне хватило бы, чтобы наполнить плавательный бассейн, – вместе с телом бедняги Хита Шелби.

Затягиваемый обратно в черную пропасть безумия, Шелби, с его затуманенным сознанием, уже не узнает собственных криков, когда что-то бритвенно-острое впивается в тело, сжимая его в смертельном объятии.

Глава 7

Долина Биг-Сур, Калифорния

Малонаселенный район Биг-Сур, который художник-пейзажист Фрэнсис Маккомас назвал величайшим в мире местом встречи суши и моря, лежит между Сан-Симеоном и Кармелом. Это семьдесят две мили каменистого побережья, где неистовые тихоокеанские волны бьются в подножие гор Санта-Лючия. Вдоль обзорных площадок змеится трасса номер один – горная дорога с большими перепадами высот, с висящими над пропастью мостами и слепыми поворотами, таящая особую опасность для водителей, у которых появляется непреодолимое желание посмотреть вниз на это потрясающее побережье.

– «Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях... – (Терри Тейлор стоит на заднем дворе отцовского дома и оцепенело смотрит на Тихий океан – роскошный синий ковер, простирающийся, насколько хватает глаз.) – И водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. – (Перед мысленным взором Терри проносятся сцены из детства: восхождение с отцом и братом на Маунт-Мануэль, пикники на скалах над бухтой Соберанес; шопинг в Кармеле, походы в национальный парк Редвуд.) – Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной. – (А сколько зимних бурь она видела, сидя у отца на коленях? Сколько утренних туманов? Сколько закатов?) – Так, благодать и милость Твоя да сопровождает меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни»^[1].

Урна с прахом ее отца опускается в узкую яму.

В миндалевидных темных глазах Терри стоят слезы, и только крепкая рука мужа не дает ей упасть.

Джонас бродит по дому как зомби, время от времени останавливаясь, чтобы из вежливости выслушать слова соблезнования гостей.

- Мне так жаль...
- А как держится Терри?
- Ведь он был таким жизнелюбом.
- Надо же, как выросли ваши дети!
- И что вы теперь собираетесь делать?
- Будете продавать дом?
- Вернетесь в Калифорнию?
- А почему нет Мака?
- Итак, я слышал, что вы пишете книгу.

– Прошу прощения. – Джонас протискивается между гостями, проходит мимо очереди к столу с закусками, берет пиво из кулера и выходит на свежий воздух.

Директор похоронного бюро с помощниками закончили работу, гранитная мемориальная доска водружена на место, дзен на заднем дворе полностью восстановлен.

Присев на деревянную скамью, Джонас смотрит на могильную плиту. Ему кажется, что Масао где-то рядом. Прохладный морской ветер треплет пряди седеющих каштановых волос Джонаса, успокаивая его измученные нервы.

- Я слышу тебя, старина. Мне тебя уже не хватает.
- Что?

Резко обернувшись, Джонас видит перед собой подружку Мака.

– Ой... э-э-э... Патриция... Извини, ради бога... Я просто сам с собой разговаривал.

– Можно? – Голубоглазая пепельная блондинка подсаживается к Джонасу. – Я только хотела сказать, что мне очень жаль.

– Спасибо. – Джонас одним махом выпивает полбутылки пива.

– Мой босс просил меня передать тебе свои соболезнования. Он и сам собирался приехать, но у него закрытие сделки в Кармеле.

– Родни по-прежнему представляет интересы братьев Дейтч?

– Так же как и половины Биг-Сура.

– А та сделка все еще актуальна?

– Естественно. Как только вы с Терри будете готовы.

– Дай ей несколько дней.

– Столько, сколько потребуется.

– А как дела у вас с Маком?

– Никак. Мы с Маком расстались.

Джонас поворачивается к ней:

– Жаль. По-моему, ты ему очень подходила.

– Я старалась. Но оказалась недостаточно сильной, чтобы справиться с его проблемами, впрочем, так же как и он. Но ты, Джонас, совсем другой. И ты нужен Маку.

– Я был рядом с ним. Сделал все, что мог. И в конце концов он отверг мою помощь.

– Это еще не конец. Да и вообще, с каких это пор алкоголикам дают право самим принимать решения? У Мака психологические проблемы, которые нуждаются в адресной помощи. Тебе следовало заставить его повторить курс реабилитации.

– Думаешь, все так просто? Триш, тебя там не было. Ты даже не представляешь, с чем мне пришлось иметь дело. Вытаскивал его из баров в четыре утра, вызволял из кутузки, навещал в больницах. Была когда-нибудь бэбиситтер у взрослого? Это не каждому по плечу.

– И тем не менее он всегда приходил тебе на помощь. Ты должен был что-нибудь сделать. Ты должен был вмешаться.

– Я делал что мог. Хочешь вмешаться – ради бога. У меня и так проблем выше крыши. – Джонас направляется к дому.

– Джонас Тейлор, если ты сейчас повернешься к нему спиной, то в следующий раз увидишь его уже в гробу.

Джонас появляется на пристани затемно.

Катер Мака пришвартован между четвертой и пятой сваей от конца пирса. За кормой «Ангела II» валяются пластиковые мешки с мусором.

Джонас пинает один из них и слышит характерный звон бутылок.

– Кто там?! – Из камбуза выскакивает Мак, в одной руке у него бутылка текилы, в другой – бейсбольная бита. Пастозное лицо, остекленевший взгляд, черные круги под глазами в красных прожилках. – А-а, это ты. Явился устроить мне нагоняй за то, что не был на похоронах?

– Я пришел поговорить.

– Похоже, меня ждет очередная лекция.

– Ты выглядишь ужасно. Интересно, когда в последний раз ты ел твердую пищу, не из бутылки?

– А ла-люм... алюминиевые банки считаются? – Мак начинает смеяться и заходится в приступе лающего кашля. – (Ухватившись за корму, Джонас подтягивает катер к пирсу.) – Эй, я не давал тебе разрешения подниматься на борт. Я здесь капитан, и только я могу позволить подняться на борт.

– А я здесь не для того, чтобы ссориться.

– Нет, ты здесь для того, чтобы судить, вот так-то. Что скажете, ваша честь?

– Мак...

– Эй, у меня для тебя есть классное прозвище. Судья Джонас.

– Я пришел поговорить.

– Валяй, судья Джонас. А помнишь, как два-три года назад... Помнишь, как ты тогда ополчился на меня, когда я обрюхатил ту маленькую сладкую блондиночку? Ой, как бишь ее звали... Погоди, не говори, судья Джонас, я сам вспомню... Вроде бы Лейла или типа того.

– Лиза.

– Ага, Лиза. Блин, ты тогда писал кипятком. Наехал на меня, словно асфальтовый каток. Три месяца не разговаривал со своим старым корешом, ведь так? Эй, ты слышал, что я сказал?

– Ее звали Лиза Франкель. Я знаю, потому что она иногда сидела с Дани. Ей было семнадцать, и она только что окончила школу, когда ты подклеил ее у Джузеппе.

У Мака мгновенно отвисает челюсть.

– Семнадцать... Вот дерьмо! – Он кружит по палубе, явно потеряв дар речи. – Ну, она выглядела на все двадцать три. И что я должен был делать? Спрашивать у нее удостоверение личности в постели? Так или иначе, я оплатил ей аборт. И оставался рядом во время всей этой чертовой процедуры.

– И ты наверняка считаешь, что это снимает с тебя ответственность?

– Да, я облажался, идет? Думаешь, я был у нее первым? А вы что, никогда не лажали, ваша честь? Вы весь из себя такой белый и пушистый?

– Отнюдь нет.

– И то верно. Так что проваливай! Катись отсюда, мистер Сорвиголова, лети навстречу своему маленькому тихоокеанскому приключению! Или ты думал, что я не узнаю? – (Джонас упрямо

молчит.) – Да-да, они предложили мне это дельце уже несколько недель назад. Сказал им, чтобы засунули свое предложение туда, куда никогда не попадает солнце. Быть может, я и конченная пьянь, но сразу чувствую, когда кто-то хочет засунуть язык мне в сфинктер. Чтобы посмотреть, как я плюхнусь на жопу. Вот что им нужно. Но ты... ты езжай. Распускай перед ними хвост.

– Мне просто нужны деньги.

– Ха! Теперь, когда Масао нет в живых, вы можете продать его вонючее предприятие и уйти на покой. Так что не надо стоять тут и гнать пургу. Мы оба отлично знаем, почему ты решил ехать.

– И почему?

– Потому что тебе этого не хватает. Тебе непременно нужно чувствовать свою значимость. Но самое главное, тебе нужно действие. В твоих жилах по-прежнему течет кровь Сорвиголовы, судья Джонас, хоть и разбавленная геритолом^[2].

Джонас смотрит на часы, начиная терять терпение:

– Мак, я всего-навсего ведущий. От меня ждут лишь красочных комментариев.

– Ха! – Осушив бутылку, Мак швыряет ее за борт. – На очереди призыв к действию, мистер Совершенство. Тебя просто пихнут в задницу, и ты живо подпрыгнешь, чтобы доказать всему миру, что есть еще порох в пороховницах.

Джонас собирается ответить, но тут на пристань въезжает полицейская патрульная машина, из которой выходят двое полицейских и решительным шагом направляются прямо к ним.

У Мака от удивления глаза лезут на лоб.

– Ты, сукин сын! Хочешь воткнуть нож в спину старому корешу, а? – Он хватается за бейсбольную битку.

Джонас берет его сзади в клещи и держит, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота от вонючего дыхания лучшего друга.

– Мак, Масао умер. И теперь, когда я потерял уже двух отцов, мне не хочется лишиться брата.

Даниэлла Тейлор, прижав ухо к стене, слушает перепалку родителей.

– ...поверить не могу, что ты все-таки едешь!

Джонас отводит глаза, избегая испепеляющего взгляда жены:

- Терри, я подписал контракт. Я дал Эрику слово.
- Эрику? Ну и кто этот хрен с бугра?! Да просто незнакомец, которого ты встретил пару дней назад. – Терри переводит дух. – У тебя что, кризис среднего возраста?
- Не знаю... Вполне возможно.
- Джонас, а ты все еще меня любишь? Скажи, я тебя привлекаю как женщина?
- Конечно.
- Тогда почему тебе так не терпится меня оставить, оставить детей на два месяца?
- На шесть недель, максимум на семь. И мне отнюдь не хочется тебя оставлять. Просто я чувствую, что должен это сделать.
- Тогда возьми с собой Дани.
- Дани? Терри, ты же знаешь, я не могу.
- А почему нет? Вам двоим будет полезно немного побыть вместе. Джонас, тебе необходимо наладить контакт с дочерью. Пока не поздно.
- Думаю, она скорее перережет себе горло.
- Если хочешь знать, Дани уже подкатывалась ко мне по этому поводу.
- Насчет того, чтобы проводить со мной больше времени?
- Насчет того, чтобы посмотреть, как будут проходить съемки «Сорвиголов». Похоже, в Венис-Биче она встретила парня... участника проекта...
- Забудь! – (Дани молча шлет отцу проклятия.) – Терри, это бизнес.
- Ой, да оставь, ради бога! Ты будешь загорать на палубе в окружении слабых на передок полуголых женщин, которые тебе в дочери годятся. Если тебе так уж приспичило ехать и делать из себя дурака – флаг в руки, но тогда ты берешь Дани в качестве дуэньи, а иначе можешь об этом забыть!
- Терри...
- Я сказала, а иначе можешь об этом забыть!
- Дани закрывает глаза, прислушиваясь к тяжелой тишине, и молится про себя.
- Отлично, Дани может поехать со мной, но, Богом клянусь, если она начнет мне хамить перед камерами...

Раздавшийся за стеной победный клич дочери заставляет Джонаса замолкнуть на полуслове.

Поздний плейстоцен

*Северо-запад Тихого океана
18 000 лет назад*

Голодная и измученная беременная самка появилась у тропического атолла – барьерного кораллового рифа, обширная лагуна которого сплошь усеяна зелеными грибообразными островами. Образованные в результате процесса подползания Тихоокеанской плиты под Филиппинскую, эти покрытые густой растительностью архипелаги простираются на сотни миль параллельно глубоководным впадинам и зонам субдукции, которые их и породили.

Резкие перепады уровня моря, возникшие еще в ледниковый период, наблюдаются до самой границы цепочки островов, создавая лабиринт лазурных водных потоков, которые извиваются между этими тропическими участками суши, словно реки.

Для беременной самки мегалодона атолл – настоящий оазис в пустыне. Богатые питательными веществами воды поступают в лагуну из Филиппинской впадины и подводного желоба Палау, снабжая пищей многочисленных акул, скатов, китов и несколько тысяч видов рыб.

Ослабевшая от голода самка скользит над коралловым барьерным рифом по зеленовато-голубому и нефритовому морю, ее широкая свинцово-серая спина кажется зловещей тенью на фоне желтого, как сливочное масло, песка. Она плывет по теплomu восточному течению, затем попадает в широкое устье. Верхняя треть ее спинного плавника возвышается над зеркальной поверхностью, угольно-черные глаза обшаривают пронизанные солнцем воды в поисках пищи.

Все органы чувств хищницы тотчас же наполняются запахами и звуками мелководья.

Десятки представителей скаровых и гимносардовых рыб проплывают мимо, лениво дрейфуя по стремительному течению.

Косяки морских дьяволов проносятся вдоль дна. Две хищные барракуды сопровождают свою новую королеву, но затем растворяются в тени. Гигантский пятнистый угорь высовывает голову из-за кораллового ограждения и поспешно прячется.

Самка углубляется в лабиринт из коралловых островов, все ее органы чувств нацелены на нечто очень притягательное.

Не замечая опасности, 233-фунтовый золотистый морской окунь приближается к скоплению кораллов, его толстогубый рот открывается и закрывается, заглатывая морскую воду.

Несколько мощных ударов хвостового плавника – и акула нацеливается на беспечного окуня, ее выдвинутые вперед челюсти в один присест заглатывают жертву, а задние зубы прокалывают ее, чтобы та не смогла ускользнуть.

Толстый язык мегга проталкивает окуня в глотку величиной с гараж, внезапная волна насыщения моментально возбуждает апатичную самку, ускоряя пульс, при этом волны новой информации насыщают ее основные органы чувств.

Ноздри, похожие на прорытые сусликом дыры в почве, вдыхают запахи океанских химических веществ, помогая получить буквально фотографическое изображение новой окружающей среды.

Зловоние земли.

Едкие запахи мочи и фекалий.

Турбулентность.

Мышечная активность.

Пища.

Самка мегалодона погружается еще глубже в реку соленой воды, начиная преследование новой съедобной добычи.

У самки над головой по обоим берегам перепрыгивают с ветки на ветку десятки белощеких хохлатых гиббонов, гонясь за свинцово-серым спинным плавником «мрачного жнеца».

Пронзительное гуканье и крики обезьян привлекают внимание группы туземных жителей Микронезии, которые, выйдя из джунглей, начинают потихоньку подкрадываться к человекообразным приматам снизу. А в миле оттуда, вниз по течению, Стеллерова корова (*Hydrodamalis gigas*) длиной 26 футов и массой 7200 фунтов, продолжает поедать плавающие в мутной воде водоросли, не подозревая о переполохе в джунглях и о своем месте в этой мгновенно

образовавшейся пищевой цепи. Это грузное ластоногое с выпуклыми боками хорошо приспособилось к ледниковому периоду благодаря похожей на древесную кору толстой шкуре, предохраняющей от холода. За неимением зубов Стеллера корова является самым настоящим водным травоядным, что выделяет ее из всех остальных морских млекопитающих плейстоцена.

Следует отметить, что гигантские размеры всегда служили морской корове надежной защитой от врагов.

Но не на сей раз.

Увидев надвигающуюся волну, Стеллера корова погружается в море, с любопытством оглядывая окутанный дымкой подводный мир.

Из сине-зеленого тумана внезапно возникают пятна кожи цвета слоновой кости, затем – конусообразное рыло и голова, настолько огромная, что полностью закрывает поле зрения ластоногого.

Морскую корову, словно током, пронзает приступ паники. Выброс адреналина заставляет плоский хвост интенсивно взбивать воду, перепончатые передние конечности изо всех сил гребут к берегу.

Мегалодон улавливает возмущения в концентрических слоях воды: мгновенное учащение пульса морской коровы, электрические сигналы от работающих мышц, какофонию эхом разносящихся по мелководью звуков; он чувствует запах ее ужаса – запах выделений желез внутренней секреции, видит стремительно уплывающую жертву...

...чувствует кислый вкус ее страха.

Поскольку глубина мелководья всего сорок футов, самка грациозно переворачивается на бок и, разрезая ил лезвием правого грудного плавника, приближается на опасное расстояние к берегу.

Массивный серповидный хвост яростно молотит по поверхности воды короткой очередью стремительных ударов, продвигая вперед огромное тело самки, челюсти которой уже смыкаются на задней части жертвы.

Морская корова в последний раз содрогается в агонии, когда острые шести-, семидюймовые зубы протыкают подкожный жир, и уже секунду спустя испускает дух от укуса, сила которого составляет 200 000 фунтов на квадратный дюйм. Легкие ластоногого взрываются, его сжатые внутренности вылетают через отверстия в разорванной коже.

Мег мотает головой, зазубренными зубами разрывая пополам тушу морской коровы. Задняя часть туловища жертвы перемалывается на стофунтовые сочные горячие ошметки, которые тут же заглатываются, голова и остатки верхней части туловища плывут к берегу.

Обнаружив, что лазурные прибрежные воды покраснели от крови, обезьяны оглашают воздух пронзительными криками.

Хвостовой плавник выскакивает из воды в шестидесяти футах от разинутой пасти. Мощные удары поднимают фонтан брызг, которые с головой окатывают испуганных обезьян. Продвигаясь вперед по кровавому следу, самка мегга слепо шарит в воде разинутой верхней челюстью в поисках останков морской коровы.

И внезапно останавливается.

Самка начинает задыхаться. Задняя часть ее туловища прочно села на мель, в результате чего пасть и жабры оказались над поверхностью воды. Акула в панике бьется в мелкой воде, хлещет мощным хвостом, стараясь выбраться с известнякового шельфа, но конвульсивные движения лишь приводят к тому, что раздувшееся брюхо еще глубже вязнет в мягком песке.

Наступают минуты отчаяния. Самка жадно глотает илистую морскую воду и воздух, удары хвоста становятся все более вялыми.

Верещащие обезьяны возвращаются, они спускаются ниже по ветвям деревьев, чтобы утолить любопытство.

Солнце неспешно уходит за горизонт, словно маня за собой вечерний прибой и кое-кого еще...

...самца меггалодона.

Голодный хищник бесшумно скользит по потемневшей воде атолла, нацелившись на попавшую в западню самку.

Глава 8

Остров Лолоата Папуа – Новая Гвинея

Независимое государство Папуа – Новая Гвинея на юго-западе Тихого океана занимает восточную часть острова Новая Гвинея, архипелаг Бисмарка и северную часть Соломоновых островов. Расположенное в восьмидесяти морских милях от северной оконечности Австралии, государство это является тропическим раем в окружении сказочного подводного мира коралловых рифов.

Согласно археологическим находкам, основной остров был заселен 50 000 лет назад выходцами из Азии. Спустя целую вечность, а именно в 1526 году, на остров высадились португальцы. Название «Новая Гвинея» острову дал испанский мореплаватель Иньиго Ортис де Ретес, которому туземцы чем-то напоминали жителей африканской Гвинеи. В 1800-х годах эти земли частично попали под протекторат Нидерландов, а позднее были разделены между Германией, Великобританией и, наконец, Австралией. Независимость Папуа – Новая Гвинея обрела лишь в 1975 году, после чего началась партизанская война с местными жителями острова Бугенвиль, боровшимися за отделение от Папуа – Новой Гвинеи. В 1998 году после многолетней гражданской войны была достигнута договоренность о прекращении огня, но сразу после этого эпохального события Папуа – Новую Гвинею поразила катастрофическая засуха, от которой пострадало более 650 000 человек. И словно этой напасти было недостаточно: на северо-западное побережье основного острова обрушились три смертоносных цунами, унесших жизни 3000 человек и сровнявших с землей все местные деревни.

Однако, несмотря на прошлые политические неурядицы и стихийные бедствия, несмотря на волну преступности, вынудившей местную администрацию огородить колючей проволокой обширные районы Порт-Морсби и Центральную провинцию, туристическая индустрия продолжает постепенно завоевывать Папуа – Новую

Гвинею и соседние частные острова, благодаря которым выражение «рай на земле» обрело новый, более конкретный смысл.

Остров Лолоата – одно из таких мест. Расположенный у залива Бутлесс, к югу от Порт-Морсби, столицы Папуа – Новой Гвинеи, остров, название которого переводится с языка местного племени моту как «один холм», предлагает туристам уединенное место отдыха, какое трудно найти в западном мире.

Единственный отель острова Лолоата был открыт в 1960 году в качестве хозяйского дома при ферме по разведению кур. С тех пор дважды реконструированный, отель предлагает размещение в двадцати двух бунгало на пляже; здесь также имеется ресторан, два судна для дайвинга и настольные игры для «любителей более интеллектуальных занятий».

Грузный американец с затянутыми в хвост каштановыми волосами, одетый в обтягивающую майку с эмблемой «Бостон ред сокс» и штаны цвета хаки, поправив защищающие от ослепительного утреннего солнца темные очки, направляется из холла отеля по травянистой прогулочной дорожке к террасе с видом на море, на которой уже накрыт шведский стол для завтрака. В свои сорок шесть лет мужчина идет старческой походкой Чарли Чаплина, тяжело опираясь на трость и шаркая плоскими ступнями по траве. Некогда ученый-ихтиолог и марафонец-любитель, человек этот был вынужден оставить спорт, поскольку из-за серьезного обморожения лишился пальцев ног и подушечек стоп. Не имея возможности заниматься бегом, обозленный на весь мир, профессор из Вудсхолского океанографического института набрал за эти годы восемьдесят фунтов и поставил крест на светской жизни, хотя и совсем по другой причине.

Майкл Марен направляется к своему обычному столику, втискивая увесистое тело в плетеное кресло, обращенное к бухте. Обмахивается меню, точно веером, задумчиво смотрит на пушистые кучевые облака, плывущие по бескрайнему голубому небу над островом Новая Гвинея.

Махнув рукой официантке, Марен вручает ей тарелку:

– Как обычно, Франсин. И побольше бекона.

Франсин улыбается стандартной меланезийской улыбкой и спешит к шведскому столу.

Водное такси прибывает уже после второй перемены блюд.

Джеймс Гелет, бывшая звезда мыльных опер, а в настоящее время сопродюсер шоу «Сорвиголовы», вылезает из маленькой моторной лодки на пристань, морской бриз топорщит его прилизанные гелем темные волосы.

Марен поднимает вверх левую руку, в правой руке он держит вилку, которой подцепляет остатки омлета.

– Мистер Марен... Приятно видеть, что ты ни в чем себе не отказываешь, сидя на нашем скукоживающемся бюджете съемок.

– *Доктор* Марен. Гелет, кончай скулить и присаживайся. Завтракать будешь?

– Это не визит вежливости. У телесети накопились вопросы, требующие ответа. И у меня тоже. Мы вложили хренову тучу денег в этот проект, основываясь лишь на пустых обещаниях.

– Что не идет ни в какое сравнение с тем, что вложил я. А это четырнадцать долгих лет полевых работ, не говоря уже о наследстве, полученном от матери.

– И все же ты наверняка понимаешь нашу озабоченность. Как ты сможешь гарантировать...

– Гелет, никаких гарантий. Никто не способен контролировать Мать-Природу. Самое большее, что я смогу сделать, – это выманить его на поверхность. А уж дальше будь что будет. Теперь ты скажи. Тейлор на борту?

– Он сегодня прибывает в Сидней. Чуть позже.

– Я знал, что он не устоит. При его-то раздутом самомнении! Ну а как насчет Макрейдса?

– Прости. Он отказался участвовать.

Марен стучит кулаком по столу с такой силой, что подпрыгивает посуда:

– Я с самого начала четко определил свои требования. И вы с Холландером это прекрасно знали.

– Как ты справедливо заметил, мы можем выманивать, но не контролировать. Макрейдс – законченный алкаш, которому плевать на деньги и славу. И вообще, почему ты заиклился на этих двоих? Согласно нашим экзитполам, у зрителей к ним нет особого интереса.

– А у меня есть... Меня интересуют акулы. Я посвятил всю свою жизнь изучению их повадок, особенно таких крупных обитателей

океана, как большие белые или их вымершие, как принято считать, доисторические родственники. Я написал несколько учебников, провел множество семинаров и со временем стал считаться главным экспертом по данному вопросу. И тут этот бывший пилот подводных аппаратов ВМС случайно натывается на самое значительное открытие в истории палеонтологии и неожиданно становится ведущим специалистом по мегалодонам.

– Признайся, в тебе говорит задетое самолюбие. Ты все еще злишься из-за того, что Джонас Тейлор украл у тебя славу.

– Гелет, дело не в самолюбии, а в восстановлении справедливости. Пока Тейлор писал мемуары и позировал перед камерами, я проводил настоящие полевые исследования, разрабатывал и тестировал новое полевое снаряжение, расширял горизонты науки о поведении животных. Тейлор не ученый, а мошенник, прикрывающийся дипломом, и ваше шоу – это форум, который я выбрал, чтобы показать всему миру его жалкую сущность.

– Да на здоровье, если это даст нам рейтинги!

– Вы получите свои рейтинги. А как насчет моих денег?

– Первый платеж будет сделан, как только ты поставишь товар. «Нептун» отплывает через два дня. Когда ты планируешь вернуться на «Целакант»?

– Вертолет будет здесь через четыре часа. Мы встретимся в море Багда в условленном месте.

– И все по-прежнему... функционирует?

– Я получаю доклады каждый час, тик-в-тик. Расслабься, Гелет, у меня все под контролем. Просто помни о том, что, когда придет время, тебе нужно будет сдвинуть съемки на вечернее время.

– Понял.

Марен отодвигает кресло и встает, давая понять, что встреча закончена:

– А теперь будь хорошим мальчиком и рассчитайся за отель. Я опаздываю на встречу с одним из местных.

– Нам что, и за это нужно платить?

– Да, и за мой завтрак тоже. – Марен вручает Джеймсу Гелету счет и ковыляет прочь.

Глава 9

КИТЫ В НЕБЫВАЛЫХ КОЛИЧЕСТВАХ ВЫБРАСЫВАЮТСЯ НА БЕРЕГ

Ноа Льюис

Служба новостей газетного концерна Скриппса – Говарда

Остров Ванкувер, Британская Колумбия. На прошлой неделе более восьмидесяти китов выбросились на восточное (Тихоокеанское) побережье острова Ванкувер, в основном в районе Сомбрио-Бич, к югу от города Роки-Пойнт. Среди пострадавших животных десятки серых китов и не менее пятнадцати косаток. Отдыхающие и другие волонтеры работали от зари до зари, чтобы спасти умирающих китов: набрасывали на животных мокрые полотенца, поливали их водой для сохранения необходимой влажности кожи. Несмотря на все предпринятые усилия, по крайней мере половина китов погибли, причем с каждым часом число умерших животных увеличивалось.

Кори Лабранш, местный морской биолог и заместитель директора прибрежной телесети Хуан-де-Фука, был явно озадачен масштабом события:

«Массовый выброс на сушу – явление не столь уж редкое среди стадных животных, наша береговая линия отличается наличием множества бухт, заливов, каналов и фьордов, способных в некотором смысле дезориентировать эти существа. И все же данный случай коренным образом отличается от всех остальных, поскольку мы видим перед собой не одно стадо, а десятки стад различных видов млекопитающих. За последние семьдесят два часа нам пришлось спасать косаток, горбачей, серых китов и тихоокеанских полосатых дельфинов. Прошлым вечером семь горбачей застряли на мелководье у бухты Андерсон в Ист-Сук, к каменистому побережью которого крупные беззубые киты обычно не приближаются. Нам удалось отбуксировать несколько взрослых особей на глубину, но не прошло и часа, как они вернулись в бухту. Что весьма огорчительно».

Поднявшиеся приливные волны помогли волонтерам оттащить многочисленных косаток и дельфинов в более глубокие воды, ну а там

время покажет, сумеют ли они выжить.

Пролив Хуан-де-Фука

Тихий океан

16 мильк юго-востоку от Ист-Сук, Британская Колумбия

22 милик северо-западу от Порт-Анджелес, штат Вашингтон

Названный в честь человека, которому ошибочно приписали открытие этого морского прохода в 1592 году, пролив Хуан-де-Фука представляет собой узкое водное пространство шириной пятнадцать миль и длиной более шестидесяти миль, отделяющее южное побережье острова Ванкувер от северного побережья штата Вашингтон. Пролив этот, характеризующийся богатым живым миром, является основным выходом в Тихий океан из пролива Джорджия и залива Пьюджет-Саунд.

На пролив опускается тьма. Молодая луна стыдливо прячется за бегущими по небу кучевыми облаками. Волны бьются о каменистые отмели. С борта проходящего где-то вдали парома доносится звук колокола.

Черные воды оживают в лунном сиянии, озаряясь ярко-зеленым люминесцентным светом – большой самец попадает в поверхностный слой океана. Спинной плавник цвета слоновой кости разрезает волны, в тускло освещенном кильватерном следе виднеется гигантское тело монстра.

Ночь. Самое время для большого самца покинуть глубокие воды этого рыбного места, чтобы начать кормежку.

Дарвин, Северная территория

Север Австралии

Дарвин – столица Северной территории – является воротами между Юго-Восточной Азией и Австралией. Названный в честь английского ученого-натуралиста Чарльза Дарвина, который высадился здесь в 1839 году, этот портовый город имеет гавань вдвое больше сиднейской и является одной из самых быстроразвивающихся столиц в мире.

В десять минут первого белый лимузин «мерседес-бенц» подъезжает к причалу 139 пристани Стоукс-Хилл, чтобы высадить двух усталых американских ВИПов.

– Дани, просыпайся, приехали. – Растормошив дочь, Джонас Тейлор вылезает из машины; голова все еще гудит после перелета.

Солнце бьет прямо в глаза. Слева от Джонаса огороженная территория порта, с ресторанами и развлекательными заведениями с видом на Тиморское море, справа, на другом берегу узкого канала, пришвартованы три роскошных круизных лайнера. А прямо перед ним, за огороженными воротами с двумя охранниками, у пирса стоит испанский галеон «Нептун».

Реконструированный военный корабль XVII века представляет собой весьма впечатляющее зрелище. Водоизмещение парусника с прямым парусным вооружением составляет 1000 тонн, длина от носа до кормы – 203 фута, ширина – 54 фута, общая площадь парусов – 50 000 квадратных футов. Грот-мачты со спущенными парусами, словно гигантские распятия, тянутся высоко в безоблачное синее небо.

У Джонаса перехватывает дыхание. *Это и в самом деле будет интересно.*

Дани с трудом выползает из лимузина, ее слегка укачало.

– Меня тошнит.

– Когда мы поедим и чуть-чуть прогуляемся, тебе сразу полегчает. Иди сюда. Погляди, какой корабль!

По пирсу в их сторону катит гольф-кар. Сидящий за рулем Эрик Холландер приветственно машет свободной рукой, затем резко останавливается, едва не сбив одного из охранников:

– А вот и вы! Добро пожаловать в Австралию! Утомительное путешествие, да? Но оно того стоит. Погодите, вы еще не видели «Нептуна». Это нечто особенное! В том, что касается деталей, Полански не мелочился. Чтобы построить такой корабль, потребовалось два года труда двух тысяч рабочих и более восьми миллионов долларов. Нам тоже пришлось раскошелиться на аренду судна, но все это с лихвой окупится. Отличный антураж для наших каскадеров.

Дани, сощурившись, смотрит на корабль:

– А Сорвиголовы уже на борту?

– Еще нет. Готовятся к эффектному выходу в море. Мы отплываем через четыре часа, если мой чертов звукооператор соизволит явиться.

– Мне бы очень хотелось как-то пристроить Дани. Скажем, где-нибудь за кадром. Ну, там, помогать съемочной группе... В общем, чтобы она была при деле.

– За кадром, говорите? – смеется Эрик. – Профессор, ваша дочка просто куколка. И мы не можем позволить себе разбрасываться такими красотками. Дани, когда устроишься, найди меня, и мы подберем тебе подходящий гардероб. Симпатичные бикини и какие-нибудь шмотки на выход. Мы заплатим тебе за роль Куколки. Это я так называю фанаток Сорвиголов.

– Класс! – От злорадной улыбки Дани у Джонаса моментально подскакивает давление.

– Кто-нибудь из членов экипажа заберет ваш багаж. Пойдемте со мной, я покажу вам корабль.

Джонас с Дани забираются на заднее сиденье гольф-кара.

Эрик делает крутой разворот, от которого Джонас едва не слетает с сиденья, и мчится обратно к судну, на ходу показывая им две галереи с открытыми балкончиками, занимающие всю надводную кормовую часть.

Гольф-кар наконец останавливается. Джонас с Дани, проследовав за продюсером по крутому трапу, смотрят круглыми от изумления глазами на парусник.

На главной палубе «Нептуна» разворачивается бурная деятельность, причем одновременно в двух разных временных пластах. Местные работяги грузят в старомодные сети, прикрепленные к современным кранам, запасы продовольствия. Бухты канатов для парусов соседствуют с катушками электрического кабеля. Съемочная аппаратура прислонена к штабелям мушкетов. Сети с провиантом опускаются в специальные хранилища под руководством людей с сотовыми телефонами.

Эрик с гордостью простирает вверх руки:

– Невероятно, да?

Однако Дани явно разочарована:

– Я ожидала увидеть настоящую яхту. А это что-то типа пиратского судна.

– Уж можешь мне поверить, «Нептун» куда круче любой яхты. Такие галеоны были военными кораблями, разработанными почти пять веков назад на замену испанских галер. – Эрик показывает на мачты. – Каждая мачта прикреплена к килю и проходит через нижние палубы. Центральная – это грот-мачта, остальные большие мачты называются фок-мачтами, а мачта поменьше за ними – это...

– ...бизань-мачта. – Джонас кивает на пятую мачту, установленную под углом тридцать градусов на носу судна. – И кстати, не забудьте о бушприте.

– Ой, совсем забыл, что вы были когда-то военным моряком.

– Похоже, корабль переоснастили для вашего шоу. Зачем было лишать его индивидуальности?

– Ничего не поделаешь, пришлось. Нам приходится кормить большую команду, а эти типы из Голливуда не выносят суровых условий. Боже упаси предложить им яичный порошок или растворимый кофе. У нас тут куча реквизита, оборудования для спутниковой связи, и это при всем при том, что мы уже установили подводные прожекторы вдоль киля, чтобы снимать наших каскадеров ночью.

Дани тычет пальцем в надстройку в конце прохода у них над головой:

– Интересно, а там кто спит?

– Вообще-то, я. Там капитанская галерея. Это надо видеть! Самые настоящие апартаменты капитана пиратского корабля. А сразу под моей каютой – адмиральская галерея для капитана Робертсона. Я вас потом с ним познакомлю. Отличный малый! Американец, как и большинство членов нашей команды.

– А где мы будем спать? – спрашивает Дани.

– Внизу. Под нами еще четыре уровня, вам нужно просто спуститься по трапу. Профессор, ваша каюта расположена под главной палубой, там же находятся кубрики экипажа и кают-компания. Если заблудитесь, ищите самую маленькую пушку «Нептуна» – педреро^[3]. Палубой ниже находятся пушки побольше – кулеврины. Полански заказал работающие реплики. А в последний день съемок мы непременно дадим из них пару залпов. Это будет жесть. Итак, Сорвиголовы и Куколки занимают второй ярус. Лазарет тоже внизу. Пресная вода, продовольствие, паруса и каптерки расположены на

третьей, если считать сверху, палубе. Самая нижняя палуба – это, скорее, узкая щель, расположенная под килем. Изначально она была предназначена для бочонков с порохом, но мы используем ее просто как место для хранения.

– Хочу посмотреть свою каюту, – заявляет Дани.

– Легко. Джонас?

– Вы двое идите вперед. Я вас догоню. – Оставив своих спутников, Джонас направляется туда, где уже начинают собирать акулю клетку из нержавеющей стали.

На якорном шпигеле сидит какой-то загорелый темноволосый парень в обтягивающей рельефные мышцы потной футболке и внимательно изучает камеру для подводной съемки.

При виде знакомого лица Джонас расплывается в улыбке.

Эндрю Фокс – сорокалетний австралиец, несмотря на некоторую интровертность, буквально излучает мальчишеское обаяние. Основатель Фонда исследования акул, он к тому же является сыном кинематографиста, известного специалиста по акулам легендарного Родни Фокса, которому впервые в истории удалось выжить после свирепого нападения большой белой акулы.

– Эндрю Фокс. Как я сразу не догадался! Ни одно настоящее океанское путешествие не может считаться полноценным, если на борту не будет Фокса.

– Профессор Джонас, какая встреча! Что-то вы здорово постарели. Эй, я знаю классную краску для волос, которая моментально уберет седину.

– А вот некоторые считают, что седина придает мне особый шарм.

– Не-а, они вас просто троллят. – Мужчины тепло обнимаются.

– А как поживает твой папа?

– Как всегда, по-прежнему занимается с туристами. Вы непременно должны заглянуть в наш музей, когда съемки закончатся. Ребята будут рады вас видеть.

– Непременно. Итак, а зачем тут клетки? Вот уж не думал, что Сорвиголовы собираются их использовать.

– Клетки для меня и моей команды. Я отвечаю за подводные съемки. Кстати, может, присоединишься ко мне во время каких-то сцен?

– Возможно.

– Я хочу! – Появляется Дани, явно воодушевленная. – Эрик сказал, я могу пользоваться водными лыжами, когда мы выйдем из порта.

– Эндрю, ты, наверное, помнишь мою дочь.

– Конечно. Привет, Дани. Не ожидал увидеть тебя на борту.

– Нам с папой нужно наладить отношения.

– Она запала на одного из Сорвиголов, – ухмыляется Джонас.

– Да неужели? И на кого именно? Надеюсь, не на Эвана Стюарта.

Этот парень реально чокнутый.

– Его зовут Вейн Фергюсон. Он тоже из Австралии.

– Ферджи? – Эндрю бросает на Джонаса многозначительный взгляд.

Дани поспешно меняет тему:

– Эндрю, а как бы мне попасть вместе с тобой в акулю клетку?

– У тебя есть сертификат дайвера?

– А то!

– Тогда последнее слово за твоим стариком. Если вас обоих это устраивает...

– Здрово! Папа, Эрик велел передать тебе, что твоя каюта палубой ниже. Номер одиннадцать. Рядом с телевизионщиками. А я устроюсь на той палубе, где разместили ребят.

– Черта с два!

– Остынь. Я буду с моделями. У женщин отдельная каюта. Это как жить в колледже в большом дортуаре.

– Откуда ты знаешь?

– Не начинай. Мы ведь только приехали. Ладно, мне еще нужно распаковать вещи. Пока, Эндрю.

Даниэлла машет рукой и поспешно спускается вниз по ближайшему трапу.

Джонас сокрушенно качает головой:

– Похоже, к концу путешествия мне понадобятся уже два флакона этой самой краски для волос.

Монтерей, Калифорния

Адвокатская контора Келси Линн Кретчер расположена на Ван-Барен-стрит, неподалеку от Рыбацкой пристани.

Голубоглазая адвокатесса в очках в металлической оправе, высунув голову из двери комнаты для переговоров, заглядывает в приемную:

– Терри, простите, что задержала. Вы двое можете войти.

Терри машет рукой Дэвиду, занятому своим плеером «Сони волкман». Они следуют за Келси в переговорную – прямоугольную комнату, стены которой обиты ореховыми панелями и украшены вставленными в рамку сертификатами и дипломами.

За овальным столом для переговоров сидит пожилая афроамериканка, ее седые волосы затянуты в тугий узел.

– Знакомьтесь, Шарлин Холман. А это Терри, дочь Масао, и ее сын Дэвид. Терри, Шарлин – бабушка Афины.

– Афины?

– Атти. Она работала у вашего отца.

– Ой, та... э-э-э...

– Да, девушка с церебральным параличом, – уточняет старая женщина. – Миссис Тейлор, Атти для меня свет в окошке. И она всегда была очень предана вашему отцу и своей работе. Мы крайне опечалены тем, что произошло.

– Благодарю. И да, я знаю, мой отец был очень привязан к Атти.

– Причем даже больше, чем вы думаете. – Адвокатесса жестом приглашает Терри присесть. – Согласно завещанию вашего отца, Атти получает два процента от продажной стоимости лагуны Танаки.

Терри пытается скрыть удивление:

– Два процента? Я об этом ничего не знала.

– В завещание были внесены изменения несколько месяцев назад. Из разговора с Патрицией Педраццоли я поняла, что вы желаете закрыть сделку с братьями Дейтч, причем как можно скорее, и мне не хотелось бы застать вас врасплох.

– Ладно, очень хорошо, два процента. – Терри поворачивается к старой женщине. – А как там Атти?

– Неважно. Она в больнице. До сих пор в шоке после смерти вашего отца. Ведь все произошло у нее на глазах. Доктора говорят, у нее посттравматический синдром. Мы молимся, чтобы она поскорее оправилась.

– Мне очень жаль. Я не знала.

– Она всегда казалась нам сильным ребенком. Поэтому сейчас мы немного волнуемся.

– Шарлин, нам с Терри нужно поговорить, но у вас есть номер моего телефона. Позвоните мне, если у вас что-то изменится. – Келси помогает пожилой женщине подняться со стула.

– Было очень приятно познакомиться, миссис Тейлор.

– Да, мне тоже. Надеюсь, Атти скоро поправится.

Улыбка адвокатессы меркнет, как только за миссис Холман закрывается дверь.

– Мне очень жаль.

– Господи, два процента! О чем, черт возьми, он думал?!

– Он также оставил двадцать процентов Дэвиду.

– Ну об этом я знаю.

Дэвид ухмыляется:

– Двадцать процентов. Круто!

– На всех документах по продаже собственности теперь должна стоять подпись Дэвида. Кстати, я переговорила с банком и страховыми компаниями. Откровенно говоря, мне нечем вас порадовать. Ваш отец был по уши в долгах. Он задолжал кучу денег очень многим людям.

Терри чувствует, как у нее внутри все сжимается.

– Сколько?

– После получения страховых выплат на вас по-прежнему остаются висеть пятьдесят тысяч долларов персонального займа, взятого у братьев Дейтч, плюс два кредита под залог предприятия. Чтобы выйти в ноль, вам необходимо получить как минимум восемнадцать миллионов от продажи собственности и оборудования, что на полмиллиона долларов меньше суммы, которую предлагают братья Дейтч.

Терри растерянно качает головой:

– Вы даже не представляете себе, сколько денег мы с Джоном ухнули в эту денежную яму! Мой отец постоянно твердил, что у него вот-вот выгорит удачная сделка, но в последний момент все срывалось. Мне не стоило его слушать. – Терри чувствует, как к горлу подкатывает разочарование. – Ладно, Келси. Теперь, когда вы знаете наше финансовое положение, какие будут предложения?

Келси садится напротив Терри:

– Лично я рассматриваю только два варианта. Вы либо выторговываете для себя более выгодные условия сделки с братьями Дейтч, либо заявляете о банкротстве, после чего братья Дейтч в любом случае купят ваше предприятие за гроши.

– Не слишком богатый выбор.

– По крайней мере, так вы сможете выиграть время.

– Время для чего? Мой отец много лет искал другого покупателя.

Он мечтал продать предприятие.

– А вот и нет. – Дэвид стягивает наушники. – Дедуля никогда не хотел продавать лагуну. Он ее любил.

– Да, Дэвид, я знаю. Но он отчаянно нуждался в деньгах. И поэтому брал в долг под залог лагуны.

– Он говорил, когда вернется Ангел, все окупится.

Терри улыбается нервной улыбкой:

– Милый, Ангел навсегда исчезла.

– Откуда тебе знать?! Папа говорит, большие глубоководные акулы вроде Ангела способны за год мигрировать на десятки тысяч миль. Он говорит, тот факт, что Ангел выросла в этих водах, увеличивает вероятность...

– Дэвид, перестань. Ангел исчезла, а мы с твоим отцом, в отличие от бабушки, больше не можем позволить себе держать это заведение на плаву.

– Но, мама...

– Мы в долгах как в шелках и должны продать лагуну. И все, конец истории.

– Ладно, хватит. – Дэвид надевает наушники, давая понять, что разговор закончен.

Терри снова поворачивается к адвокатессе:

– Свяжитесь с Родни Котнером. Скажите ему, мы хотим снова обсудить последнее предложение братьев Дейтч. Скажите ему, моя семья не желает оставаться ни с чем. А иначе, пока суть да дело, эта собственность может зависнуть на много лет.

Глава 10

Арафурское море

27 морских миль к юго-западу от Папуа – Новой Гвинеи

Испанский галеон «Нептун» плывет на север по Арафурскому морю, расположенному между Тиморским и Коралловым морями, – мелкому водоему, которое отделяет Австралию от Новой Гвинеи.

Вдыхая полной грудью соленый морской воздух, Джонас Тейлор наблюдает с верхней палубы за стадом темных дельфинов, резвящихся в кильватерной волне судна, и, закрыв глаза, прислушивается к умиротворяющему хлопанию парусов.

Порыв ветра откидывает со лба пряди тронутых сединой волос. Джонас открывает глаза, вглядываясь в съезживающийся огненный шар, который расцветивает западный горизонт кроваво-красными и лиловыми красками. Под ногами скрипит дерево, трещат натягивающие паруса канаты, в ушах свистит морской ветер. Монотонный рев океана – словно бальзам для мятущейся души Джонаса.

Господи, как же мне этого всего не хватало! Стресс, треволения, бесконечные споры из-за счетов и то дерьмо, в котором тонула моя повседневная жизнь, – все это так мелко и незначительно по сравнению с морской стихией!

– Господи, как мне хреново! – Состояние дзен исчезает как сон; Джонас поворачивается и видит свою дочь. Белая как мел, она ковыляет к нему, точно зомби. – Меня тошнит. Я хочу домой.

– Ты просто еще не привыкла к качке. А ты приняла, как я тебе велел, драмамин?

– Нет.

– Почему?

– Потому что. Ну как, доволен? Кончай задавать мне дурацкие вопросы, меня сейчас вырвет.

– Постарайся смотреть на горизонт.

– Не могу. – Обхватив голову руками, Дани садится у его ног.

– Дани...

– Пап, ты можешь просто оставить меня в покое?

Прикусив язык, Джонас снова закрывает глаза. Прислушивается к глухому хлопанию парусов и протяжному стону обшивки. Чувствует соленые поцелуи океана на своем лице... и отвратительный горячий поток рвотных масс, когда дочь стошнило прямо ему на ноги.

Региональный парк Ист-Сук

Остров Ванкувер, Британская Колумбия

Региональный парк Ист-Сук, расположенный в двадцати одной миле к западу от города Виктории, занимает более 3500 акров охраняемой береговой зоны и дикой природы. Некогда родина индейцев-тсуке, почва здесь состоит из базальтовой породы вулканического происхождения, возраст которой составляет 50 миллионов лет.

Испанский путешественник Мануэль Кимпер стал первым европейцем, приплывшим в залив Сук, однако уже к 1795 году все острова и земли к северу от пролива Хуан-де-Фука оказались под протекторатом Британской империи, а огромные полномочия и монопольное право ведения торговли на острове Ванкувер были отданы Компании Гудзонова залива.

Хотя Джошуа Банкофски большую часть жизни провел в Штатах, никто лучше его не знает истории Ист-Сука. Его прадед Уильям Банкофски был одним из первых европейцев, работавших в доках Форт-Виктории в те времена, когда парусники с вертикальным парусным вооружением перевозили грузы по проливу Хуан-де-Фука. Поэтому море было в крови двадцатидевятилетнего морского биолога, по крайней мере, именно так привык он говорить женщинам-интернам на морской станции в Бамфилде.

Джошуа останавливает «джип чероки» у пропускного пункта, машет удостоверением перед носом у смотрителя парка и, получив разрешение, следует на запад по дороге к автомобильной стоянке Пайк-Роуд на берегу залива Сук.

До истечения контракта осталось всего три недели, и пока никаких предложений. Знать бы раньше, никогда не покинул бы Штаты ради этой работы в Бамфилде. Слишком далеко. Если они

окрестили тебя канадцем, то, значит, тебе суждено стать парнем из глухомани. Прости, Банкофски, но ведь мы собирались заниматься дикими животными, а не торчать в лаборатории...

Обычно забитая парковка Пайк-Роуд сейчас практически свободна, если не считать с десятков машин, принадлежащих Королевской канадской конной полиции, и фургончика Канала 7. Припарковавшись, Джошуа внезапно замечает, как двое полицейских препровождают женщину-репортера и оператора к их фургону.

– Погодите... Офицер, по крайней мере, скажите нам, почему прекращена операция по спасению китов.

– Без комментариев. Проваливайте отсюда!

Женщина поворачивается и обнаруживает выходящего из джипа Джошуа:

– Вы... Вы кто такой? Эксперт по китообразным?

Между ними вклинивается полицейский:

– Ладно, дамочка. Все, довольно. Или вы следуете за нами и уезжаете из парка, или я вас арестовываю.

– Тогда скажите, почему ему можно находиться в парке, а нам – нет. Хорошо-хорошо, уже иду.

Джошуа предъявляет удостоверение другому полицейскому, одновременно наблюдая за тем, как женщину подгоняют к фургончику. *Господи, как же я соскучился по Калифорнии! Еще одно свидание с телкой с волосатыми ногами, и я точно...*

– Лаборант, да?

– Морской биолог.

– Мне без разницы. Следуйте по пешеходной тропе на юг. Она приведет вас на берег в районе Пайк-Пойнта. Спросите командера Стива Сутеру. Он из Отряда морской пехоты Западного побережья.

– Морская пехота? Объясните, что здесь происходит?

Старший сержант награждает Джошуа раздраженным взглядом:

– Сэр, я простой сержант, а это значит, что мне платят слишком мало, чтобы я располагал информацией. Вас что, тоже проводить?

– Ничего, я справлюсь. – Джошуа припускает вниз по тропе, гадая про себя, во что же он вляпался.

Двадцать минут спуска по пешеходной тропе – старой просеке, оставшейся после лесозаготовок, – и Джошуа уже на узкой полоске земли у подножия горы. Сквозь ветви деревьев просвечивают голубые

воды бухты Айрон-Майн. Выйдя из леса, Джошуа оказывается на галечном пляже; перед ним, переливаясь, мерцает пролив Хуан-де-Фука.

Вдоль береговой линии сложены, точно бревна, мертвые киты. Вонь кругом просто невыносимая.

Двое мужчин в оранжевых комбинезонах и масках берут образцы из открытой раны в нижней части тела одного из китов. Кто-то накрывает мертвых китов серыми брезентовыми полотнищами. Остальные – все из элитного отряда морской пехоты – кучкуются небольшими группами.

Джошуа находит командера Сутеру – высокого мужчину с волнистыми каштановыми волосами. Сутера отдает распоряжения в уоки-токи:

– Мне плевать, даже если это чертов премьер-министр! Никто не войдет в этот парк, пока я тут все не подчищу. И пусть Джастин Лагей закроет воздушное пространство над дельтой. Шестой отряд докладывает, что видит еще один новостной вертолет, направляющийся в нашу сторону. Конец связи. – Командер поднимает голову. – А ты еще что за хрен с горы?

– Банкофски. Меня прислали из Бамфилда.

– Лаборант не нужен. Мне нужен кто-то, кто знает о морской жизни.

– Просто скажите, в чем проблема.

Сутера направляется к берегу:

– Вы знаете о последних случаях выбрасывания китов на сушу?

– Конечно. У нас в Баркли-Саунде тоже произошло нечто подобное. Это бывает.

– Но не в таких масштабах.

– Похоже, дело совсем плохо, если вам пришлось закрыть весь парк.

– И не только парк. Мы запретили дайвинг, водные виды спорта и судоходство на этом участке пролива. Два часа назад объявили, что имеет место опасное цветение водорослей. Слышали когда-нибудь о домоевой кислоте?

– Побочный продукт цветения водорослей. Возникает под действием водоворота в устье пролива Хуан-де-Фука и подводного каньона. Жуткая штука. Сводит к нулю доходы от вылова

двустворчатых моллюсков и крабов, но никогда не думал, что она может убить такое крупное животное, как кит.

– Внимание! Я не говорил, что эта кислота убивает китов. Я говорил о том, что именно мы сообщили публике. Киты выбрасываются на берег не из-за цветения фитопланктона. Треклятые животные делают это исключительно потому, что до смерти напуганы... По крайней мере, таково мое мнение.

– Напуганы? – хмыкает Джошуа.

Кем этот парень себя возомнил? Психиатром китообразных?

– Думаете, я шучу?

– А что еще можно сказать, если вы буксируете косатку на глубину, а проклятый кит тащит лодку обратно на мелководье? Знаете, как я это называю? Напрасной тратой денег налогоплательщиков. А сейчас мы их просто усыпляем. Так будет быстрее и чище. У меня тут подъемный кран и два мусоровоза, которые круглосуточно вывозят туши.

– О каком количестве животных идет речь?

– О тридцати в день, плюс-минус.

– Боже мой, я понятия не имел, что дела настолько плохи!

– Потому-то мы и хотим, чтобы все было шито-крыто. Эти выбрасывания на сушу отнюдь не способствуют развитию туризма.

– А туши? Куда вы их вывозите?

– Этого вам лучше не знать. Скажем так, у нас ничего не пропадает.

– Коммандер, если вы уничтожите вещественные доказательства, как я установлю причину бедствия?

– Причину? – морщится Сутера. – Мы знаем причину.

Они подходят к туше горбача, верхняя часть тела которого накрыта брезентом, а нижняя часть и хвостовой плавник лежат в воде.

Сутера машет рукой. Двое его людей откидывают сырой брезент.

Джошуа бросает в дрожь.

Чудовищная рваная рана шириной восемь с половиной футов, глубиной четыре-пять футов. Точки запекшейся крови – следы от зубов – окружают смертельный укус.

– Как такое могло случиться? Я хочу сказать, что, ради всего святого, тут произошло? Одним словом, я знаю... э-э-э... кто способен такое сделать, но...

– Никаких «но». Она вернулась. Проклятый монстр вернулся и наводит ужас на местные популяции китов.

– Невероятно! – Не в силах отвести взгляд от зияющей раны, Джошуа с трудом подавляет приступ тошноты. – А кто-нибудь видел мегалодона своими глазами?

– Пока нет. Мы держим ситуацию под контролем. Если публика узнает, что монстр вернулся в наши воды, то все – пиши пропало. Сразу потеряем половину нашей индустрии туризма.

Джошуа отворачивается, вонь становится невыносимой. Устремив взгляд в сторону моря, он обнаруживает, что мелководье покрыто бурыми пятнами крови китов, а поверхность моря испещрена темными спинными плавниками.

Вот наконец-то проект, который поможет мне выбраться из этой глуши.

– Ладно, командер, но меня-то вы зачем вызвали?

– Вы единственный, кто хоть как-то может сойти за специалиста по мегам из всех, кого мы могли вызвать в пожарном порядке. Мы хотим, чтобы вы выследили и убили это чудовище, пока оно не отогнало всех китов от нашего побережья.

– Убить Ангела? Такое великолепное животное?! Ни за что!

– Тогда просто прогоните ее отсюда! Мне начхать, что вы собираетесь делать, лишь бы она убралась из наших вод.

– Если даже допустить, что ваше предложение меня заинтересовало, как, по-вашему, я смогу это сделать?

– Мы имеем дело с рыбой, сынок, хотя и очень большой. Мы знаем, где она предпочитает охотиться, знаем, что она кормится по ночам... Ну а остальное постарайтесь додумать сами.

Арафурское море

52 морские мили к юго-западу от Папуа – Новой Гвинеи

Кают-компания «Нептуна», расположенная в кормовой части судна, занимает бóльшую часть передней батарейной палубы. Длинные деревянные столы в три ряда с приставленными скамьями прикручены к дощатому настилу за якорной цепью, которая тянется до шпиля. С шестов свисают реплики старинных масляных светильников, но с электрическими лампочками. Алюминиевые столы для буфета

установлены у дальней переборки, возле раздаточного окна в камбуз. Через открытые настежь орудийные люки в помещение поступает свежий морской воздух, несколько смягчая эффект клаустрофобии.

Джонас с Дани сидят за одним столом с Эриком Холландером и его выпускающей бригадой, остальные члены съемочной группы – за другим, команда «Нептуна» – за третьим.

Джонас смотрит, как Дани лениво возит по тарелке цыпленка с рисом:

– Тебя все еще тошнит?

– У меня все прекрасно.

– Тогда что не так?

– Просто это не то, что я ожидала. Когда ты говорил, что мы поплывем на яхте, я рассчитывала на судно, где есть джакузи.

– Как?! Тебе не нравится мой галеон? – (Повернувшись, Джонас с Дани обнаруживают прямо у себя за спиной капитана корабля.) – Роберт Робертсон, капитан «Нептуна». Невысокий человек с военной выправкой и коротко стриженными светлыми волосами протягивает Джонасу свободную руку, с трудом удерживая в другой поднос с едой. – Очень рад наконец-то с вами познакомиться, доктор Тейлор.

– Я тоже. А это моя дочь Даниэлла.

– Дани. Терпеть не могу имя Даниэлла.

– Насколько я понимаю, качка уже успела отравить тебе жизнь.

– У меня от нее мигрень.

– Ничего, дальше будет легче.

– А что, если нет?

– Ну, полагаю, мы всегда можем разрешить тебе перебраться на борт «Целаканта».

– А это еще что такое?

– Суперяхта, с которой у нас завтра назначена встреча. Это судно наверняка понравится тебе гораздо больше. «Вирпул», сауна, роскошные каюты, двуспальные кровати, даже вертолетная площадка. Все самое лучшее и плавный ход.

– Нет... – Эрик, едва не подавившись, поспешно запивает еду соком. – Прости, Дани. Пользоваться яхтой строго запрещено. Мы... э-э-э... используем ее для съемок дальним планом «Нептуна», координации трюков, ну и всякого такого прочего. Вертолет зарезервирован только для ВИПов и экстренных случаев. И, кроме

того, все Сорвиголовы будут на борту «Нептуна» уже завтра вечером. А ты ведь ради этого с нами поехала, да?

Дани явно разочарована.

– Вроде того.

– С ней все будет в порядке, – говорит Джонас.

– Конечно будет. – Капитан Робертсон занимает оставленное ему место во главе стола. – Впрочем, шикарные яхты очень быстро приедаются. Да и вообще, сколько человек в мире может похвастаться тем, что они плавали на испанском галеоне?

– Мне казалось, это реплика.

– От мачт до киля «Нептун» полностью идентичен военным кораблям, что бороздили эти воды сотни лет назад. Ты пока этого не понимаешь, но тебе еще предстоит оценить ту уникальную роль, которую испанские галеоны сыграли в истории океанских плаваний. – (Даниэлла вытирает рот, не пытаясь скрыть широкий зевок.) – В течение двухсот пятидесяти лет суда типа «Нептуна» ходили в дальнее плавание по Тихому океану. Они перевозили китайскую слоновую кость и драгоценные камни, курсируя между Акапулько и Манилой. Поисковики до сих пор находят сокровища с затонувших галеонов вдоль всей цепи Марианских островов.

– Марианских островов? – вскидывает голову Джонас. – А при чем здесь Марианские острова?

– На этих островах корабли делали остановку для пополнения запасов свежей воды и провизии. Однако район снискал себе недобрую славу кладбища галеонов. За несколько веков у Марианского архипелага пропало более сорока судов. Если учесть, что в те времена отправляли только одно судно в год, вы наверняка можете себе представить катастрофический размер убытков. Помнится, я как-то читал о жутком кораблекрушении, произошедшем у острова Сайпан в сентябре тысяча шестьсот тридцать восьмого года. Корабль назывался «Нуэстра Сеньора де ла Консепсьон».

– И как оно затонуло?

– Согласно отчету о происшествии, на борту вспыхнул бунт. К тому же погодные условия были крайне неблагоприятными, и корабль налетел на риф. Четыреста человек погибли, когда судно ушло на дно. Никто не выжил. Затонувший груз оценивался в миллионы.

– А если никто не выжил, как смогли узнать, что стало причиной кораблекрушения?

– Без понятия. Сохранилась лишь эта информация. На самом деле как только мы минуем остров Хальмахера, то дальше уже пойдём по следам «Консепсьон».

Дани делает недовольную гримасу:

– Так вы считаете, мне от этого легче?

Робертсон ухмыляется с набитым ртом:

– Не волнуйся. Погоду обещают хорошую, экипаж у нас опытный, и никаких бунтов в ближайшее время не предвидится.

*Океанографический институт Танаки
Монтерей, Калифорния*

Кабинеты руководства Океанографического института Танаки находятся на втором этаже трехэтажного офисного здания, расположенного в западном конце рассчитанной на 10 000 посадочных мест арены.

Венецианские жалюзи в кабинете Масао подняты, из окон открывается вид на пронизанную солнцем рукотворную лагуну длиной три четверти мили. Терри Тейлор сидит за отцовским письменным столом из вишни, уставившись на некогда лазурные, а сейчас скорее напоминающие болотную жижу воды лагуны.

Крепко прижимая к уху телефон, Терри прислушивается к голосу своего собеседника:

– О'кей, миссис Тейлор, я оценил стоимость работ.

– Я вас слушаю. – Терри тянется за ручкой.

– Значит, продувка системы фильтрации, замена протекающего генератора и очистка дна основного резервуара обойдутся вам чуть меньше двадцати двух тысяч долларов.

– Двадцать две тысячи? – Терри роняет ручку на стол.

– Да, мэм. Причем в эту цену не входит стоимость новых труб взамен проржавевших, уплотнителей и других запчастей. Ну как, составлять договор о сервисном обслуживании?

– Я с вами еще свяжусь. – Терри, едва сдерживая слезы, выключает телефон.

Пока бассейн не очистят, не стоит и мечтать о сколько-нибудь серьезных предложениях от других океанариумов. Но мне это явно не по карману. Неудивительно, что папе пришлось пойти на сделку с братьями Дейтч.

Терри включает радиопередатчик:

– Дэвид, ты меня слышишь?

Этажом выше, в диспетчерской, Дэвид проверяет плату главной панели управления автоматическими воротами в канал. Мальчик подносит передатчик к лицу:

– Тебе чего?

– Ну как, у тебя что-нибудь получилось?

– Да. Но не совсем. Электрика вроде работает, хотя ворота в канал все равно не закрываются. Скорее всего, проблема в подводном реле. Пожалуй, схожу за снаряжением для дайвинга и проверю на месте.

– Нет, не проверишь.

– Мама...

– Дэвид, никакого дайвинга. Это слишком опасно.

– Там всего восемь футов. Мы с папой обследовали поломки типа этой и на большей глубине.

– Я сказала «нет».

– Опять ты надо мной трясешься, словно я маленький.

– Попробуй найти другое решение.

Терри выключает передатчик, садится с ногами в отцовское кресло, прижав колени к груди.

Обшитую панелями стену справа от Терри украшают фотографии в белых сосновых рамках. Зернистая черно-белая фотография матери Терри. Сделанный скрытой камерой снимок Терри в возрасте десяти лет с младшим братом Ди Джеем; они дурачатся на борту научно-исследовательского судна. Фото Терри в кабине «сессны». Фото Терри, плывущей под водой с аквалангом рядом с серым китом.

Терри смотрит на последний снимок, видит свое отражение в стекле.

Кем была эта женщина? Что с ней произошло?

Жизнь каждого человека представляет собой цепь predetermined moments, но иногда эту закономерность нарушает череда случайных событий, которые оставляют глубокий след. Выигрышный лотерейный билет, неудачная беременность,

прервавшаяся карьера или роковое стечение обстоятельств, когда ты оказываешься не в том месте и не в то время...

Не в том месте...

Восемнадцать лет назад Джонас спас Терри с тонущего «Бентоса» – мобильной глубоководной станции, принадлежавшей основателю корпорации «Геотек» Бенедикту Сингеру. В свое время Бенедикт разработал эту огромную глубоководную лабораторию с целью добычи марганцевых конкреций, содержавших гелий-3 – редкий элемент, который, как надеялся Бенедикт, позволит сделать прорыв в термоядерном синтезе. Обманом завлеченная на борт «Бентоса», Терри, словно мышшь в лабиринте, попала в ловушку на дне Марианской впадины, глубина которой составляла семь миль, а давление воды на корпус подводного судна достигало 16 000 фунтов. В этой враждебной окружающей среде Терри стала игрушкой в руках Бенедикта. Он пытался надругаться над ее душой, позволив русскому отморозку по имени Сергей надругаться над ее телом.

Наперекор судьбе Терри сумела с честью выдержать испытание и дожждаться помощи, однако память об этом ужасном опыте навсегда отпечаталась в ее душе. Терри преследовали ночные кошмары, одолевали видения чудесного спасения от неминуемого насилия, а измученный мозг корчился в тисках клаустрофобии. Ей прописали медикаментозное лечение и психотерапию, но болезнь прогрессировала, и Джонасу в конце концов пришлось разрешить врачам поместить жену в специальную лечебницу.

Двух месяцев, проведенных в этом заведении, хватило, чтобы справиться с ночными кошмарами, но из лечебницы вышла уже совсем другая женщина, а вовсе не та юная мятежница, в которую в свое время влюбился Джонас. Паранойя, спровоцированная Бенедиктом Сингером, заставила их семью в корне изменить стиль жизни. Никаких погружений с аквалангом, никаких самолетов, никакого риска. Вся деятельность должна была быть строго унифицированной. Унификация – это надежность. Унификация – это возможность избежать потенциальных конфликтов.

И в каком-то смысле рождение Даниэллы еще больше усугубило ситуацию. Терри перенесла свои фобии на ребенка, пытаясь защитить девочку от участившихся случаев насилия, которым было заражено

современное общество. Стрельба в школах. Киднеппинг. Терроризм. Снайперы.

Как можно было сохранить веру в людей, когда вокруг столько бессмысленного зла?! Мир стал очень опасным местом, слишком опасным, чтобы высовываться или получать удовольствие от жизни.

Терри знала, что ее фобии сказались на карьере Джонаса, но ей было наплевать. Ведь работа – это всего-навсего деньги, а деньги – дело наживное. Всегда можно как-нибудь перебиться. Терри настояла на домашнем обучении для Дани, а затем заставила Джонаса продать их заложенное и перезаложенное поместье, чтобы получить возможность отправить дочь в частную школу.

Чтобы умаслить мужа, Терри даже согласилась на второго ребенка.

Слепой случай может круто изменить судьбу, и расплачиваться за это приходится до самой смерти. После двадцати лет такой жизни Терри почти срослась со «своей новой кожей», однако в глубине души она понимала всю шаткость подобной позиции – это было все равно что строить дом на линии геологического разлома. Ведь рано или поздно такой дом непременно рухнет.

Глядя на свое отражение в стекле, Терри чувствует, как потрясение от смерти отца начинает подрывать ее неустойчивую психику.

Услышав звонок телефона Масао, Терри буквально подскакивает от неожиданности:

– Терри Тейлор.

– Миссис Тейлор, ух ты! Какая честь! Я и не надеялся вас найти.

– С кем я говорю?

– Простите, меня зовут Джошуа Банкофски. Я ихтиолог и...

– Мы никого не принимаем на работу. – Терри кладет трубку и возвращается к следующему пункту списка неотложных дел.

Телефон звонит снова.

– Да?

– Миссис Тейлор, это опять Джошуа Банкофски, пожалуйста, не вешайте трубку.

– Джош, институт не набирает сотрудников. Если хотите, можете послать нам...

– Миссис Тейлор, Ангел вернулась. Нам очень нужна помощь вашего мужа. – (Спокойствие, только спокойствие; за последние двадцать лет она слышала эту песню десятки раз.) – Мэм?

– Ладно, Джошуа, я вся внимание. Откуда вы звоните?

– С острова Ванкувер. Я работаю на морской станции в Бамфилде. Послушайте, может, мне лучше поговорить с вашим мужем?

– Джонас сейчас уехал по делам из страны. И вернется только через несколько месяцев.

– Черт!

– Джош, не хочется вас разочаровывать, но институт получает сотни звонков от так называемых свидетелей появления Ангела. И всякий раз это ложная тревога.

– На сей раз нет. Вы слышали о массовой гибели китов в проливе Хуан-де-Фука?

– Кажется, в новостях что-то такое проскочило.

– За последние несколько недель здесь было более сотни таких случаев. Но вы наверняка не слышали о том, что на телах нескольких из выбросившихся на сушу китов мы нашли следы от укусов. Они явно принадлежат взрослому мегалодону.

– Джошуа, вам когда-нибудь приходилось видеть след от укуса мегалодона?

– Хм, фактически нет, но...

– А кто-нибудь видел Ангела своими глазами?

– Нет, мэм. Но, клянусь, это точно ваша акула!

Лицо Терри вспыхивает от ярости.

– Зарубите себе на носу, Джошуа: она вовсе не моя акула! Более того, я сильно сомневаюсь, что Ангел могла вернуться из Марианской впадины. На китов могло напасть стадо косаток. Как вам наверняка известно, косатки тоже охотятся на китов.

– Но только не друг на друга. Среди погибших китов мы обнаружили несколько косаток. Послушайте, миссис Тейлор, я признаюсь, что не могу как эксперт судить о нападениях мегалодона, ведь мне было всего лишь одиннадцать, когда Ангел сбежала из лагуны. Но если вы знаете, как выглядят следы укуса мегалодона, быть может, я смогу уговорить вас прилететь сюда и высказать свое мнение о ранах, которые мы уже задокументировали?

– Я не уверена...

– Миссис Тейлор, если это Ангел, то тогда нам придется действовать очень оперативно, прежде чем она нападет на какое-нибудь судно или того хуже. Отряд морской пехоты нуждается в вас. Только скажите, во сколько вы оцениваете ваш приезд сюда, – и деньги ваши.

– Как насчет двадцати двух тысяч долларов?

Нервный смех.

– Вы меня разыгрываете, да?

– Ладно, три тысячи долларов в день плюс расходы. Стандартная цена нашего института за подобную работу. И учтите, Джошуа, речь идет об американских долларах. Причем налом.

– Оставайтесь на линии.

Терри ждет, с трудом сдерживая волнение. Вот он момент истины. Только так можно отделить пранкеров от серьезных людей, или, как любил говорить отец, покупателей от надувателей.

Джошуа снова берет трубку:

– Хорошо, миссис Тейлор, по рукам. В Сан-Франциско на стойке «Американ эрлайнс» вас будет ждать билет на ваше имя. Следующий рейс через три часа. Вы долетите до Сиэтла, а оттуда частный самолет доставит вас в Викторию.

У Терри учащается пульс.

– А кто еще в курсе?

– Никто. Ответственные лица требуют соблюдения полной конфиденциальности. – (Терри нервно барабанит пальцами по крышке стола.) – Мэм? – (Она смотрит на свое фото с аквалангом. *Время выбирать. Какой Терри ты хочешь быть?*) – Миссис Тейлор, вы еще тут?

– Да, тут. Вылетаю ближайшим рейсом.

Глава 11

Море Банда

43 морские мили к северо-востоку от Молуккских островов

Продолговатая спасательная капсула, словно бочонок, перекачивается в бурлящем желудке монстра, серо-коричневые капли растаявшего китового жира оседают на запотевшем лексане.

Прожектор миниатюрного подводного аппарата высвечивает какой-то странный предмет... человеческий торс.

Джонас вопит от ужаса... когда его судно снова проваливается в небытие.

А-а-а-а!

Джонас садится, в висках стучит, майка насквозь промокла от пота. Не понимая, где он и что с ним, Джонас в отчаянии озирается по сторонам.

Он один в своей каюте на борту «Нептуна», гамак под ним слегка покачивается, узлы гамака тихонько поскрипывают в унисон с движением океана.

– Все в порядке... Ты в порядке.

Джонас с трудом вылезает из гамака, поясница одеревенела и распухла, явно нуждаясь в заботливых руках хиропрактика. Джонас смотрит на часы. *Четыре тридцать. Интересно, вечера или утра?* Глянув в иллюминатор на сумрачное вечернее небо, Джонас понимает, что проспал весь день.

Схватив бутылку воды, он ковыляет к помойному ведру почистить зубы, затем, надев теннисные туфли, направляется на поиски общественного туалета.

Термин «галъюн», принятый среди моряков, своим происхождением обязан фигуре, украшающей нос испанского галеона, когда туалеты членов экипажа были устроены на небольшом открытом участке в носовой части верхней палубы, откуда начинается бушприт – передняя, наклоненная под небольшим углом деревянная балка,

служившая для установки отдельных элементов парусного вооружения.

Десять минут спустя Джонас уже поднимается на палубу, стараясь психологически подготовиться к новому этапу своей карьеры, в животе у него порхают бабочки. Джонас приветственно машет рукой капитану Робертсону, который слишком занят, чтобы ответить, поскольку командует спуском передних парусов.

Небо затянуто плотным покрывалом кучево-дождевых облаков, образующих на горизонте сплошную линию зловещих белых башен со свинцово-серой подошвой.

Эндрю Фокс окликает Джонаса с верхнего трапа:

– Добрый день, спящая красавица.

– Эй, я все еще живу по калифорнийскому времени. А почему мы направляемся прямо к линии шквала?

– Шоу вот-вот начнется. Две команды Сорвиголов готовятся подняться на борт. Одна – снизу, другая – сверху. – Эндрю показывает на самолет, который кружит на высоте 5000 футов. – Команда, прилетевшая на самолете, еще два часа назад направила корабль в сторону линии шквала. Ума не приложу, чего они тянут время.

– Мило. – Джонас бросает взгляд за корму.

В кильватере «Нептуна» горделиво плывет «Целакант».

Длина суперяхты производства «Абекинг и Расмуссен» – 188 футов, ширина – 35 футов, осадка – 11,5 фута. Темно-синяя, с белой верхней палубой и такой же белой отделкой, яхта – словно роскошная изящная крепость из стеклопластика и стали; спаренные двигатели мощностью 1400 лошадиных сил способны вести ее по бурному морю со скоростью двенадцать узлов.

Джонас присвистывает от удивления:

– Пожалуй, я солидарен с Дани! И точно не отказался бы пересечь на борт этой красавицы.

– Джонас, где, черт возьми, тебя носило?! – Эрик Холландер исступленно машет ему с нижней палубы. – Давай быстрее! Тебе нужно было загримироваться еще час назад.

Эндрю дружески подмигивает:

– Заставь их поработать над этими гусиными лапками.

– Грим? – У Джонаса глаза лезут на лоб. – Эндрю, мне начинает нравиться твоя акулья клетка.

– Джонас, пожалуйста! – Эрик машет гримерше, которая с ходу начинает наносить Джонасу на лицо тональную пудру. – Говорить в основном будет Шарлотта, а тебе просто нужно вставлять в нужных местах комментарии. У нас прямая трансляция, но она идет в записи, поэтому кое-что мы вполне сможем переснять или подправить позже. Вопросы есть?

– Да. А кто такая Шарлотта?

– Кто такая Шарлотта? Ведущая шоу в этом сезоне. Ты что, еще не успел с ней познакомиться? Она прилетела на вертолете три часа назад... Погоди-ка, а вот и она. – Эрик тычет пальцем в сторону носа корабля, где шоколадная афроамериканка в белом бикини позирует фотографу и двум операторам. – Актриса из нее никакая, но кого это волнует...

– Я знаю. Красотка.

– Совершенно верно. За последние три года эта девчонка уже дважды была на обложке номера «Спортс иллюстрейтед», посвященном купальникам.

– Три минуты! – кричит с ярко выраженным нью-йоркским акцентом в мегафон какая-то женщина лет сорока. – Давайте, народ, шевелитесь. Свет уходит. – Женщина подходит к Джонасу с Эриком, прямо на ходу сменив мегафон на уоки-токи. – ...и пусть «Целакант» держится позади примерно в ста ярдах, нам сейчас меньше всего нужно, чтобы яхта возникла на заднем плане. – Повесив уоки-токи на пояс, она протягивает свободную руку Джонасу: – Сьюзен Феррарис, режиссер. Еще раз опоздаешь – отхожу тебя хворостиной для скота по за...

– Сьюзен, полегче, это его первый день.

– Эрик, какого хрена ты ко мне прикопался! У меня не хватает двух операторов, да и вообще, у меня месячные. Рези такие, что могут гризли свалить с ног. И довольно макияжа! Он уже и так выглядит как долбаный манекен. – Сьюзен хватается Джонаса за руку и тащит в сторону красной буквы «Х», нарисованной мелом на леере правого борта. – Вот твоя отметка. А где микрофон? Черт бы вас всех побрал, кто-нибудь может надеть на него микрофон?!

Появившийся оператор прикрепляет к воротничку Джонаса микрофон. Заводит провод под рубашку, пропускает вдоль спины и подсоединяет штекер к передатчику.

– Сунь это в задний карман и скажи что-нибудь.

– Привет, меня зовут Джонас Тейлор, и я...

– Он готов.

– Шарлотта, дорогая, ты нужна мне здесь. – (Уоки-токи Сьюзен внезапно оживает.) – Что?

– Сьюзен, это Брайан. Команда «Мако»^[4] говорит, что они все еще не готовы.

– Не готовы? Эти кретины понимают, что мы теряем свет?

– Сомневаюсь, что это их хоть сколько-нибудь кольшет. Но у нас есть информация от «Уоллера». «Молоты»^[5] будут на месте через десять минут. Предлагаю начать съемки с них.

– Согласна. – Она выключает радиопередатчик. – Ладно, народ. Планы изменились. Снимаем заставку, а затем появление Молотов.

– Сьюзен, телесуфлер не работает.

– Замечательно. Что еще у нас не так?

На накрашенном лице Шарлотты появляется паническое выражение.

– Нет телесуфлера?! Интересно, и как мне теперь быть? Все запоминать?

– Дорогая, это всего лишь заставка. На репетиции ты это делала тысячу раз.

Съемочные бригады занимают свои места, две из них направляют объективы над леером правого борта, третья собирается снимать Джонаса с Шарлоттой. Глаза супермодели закрыты, губы беззвучно двигаются. Она в спешном порядке репетирует свои реплики.

– Сьюзен, у нас все готово.

– Тишина на съемочной площадке!

– Свет.

Джонас жмурится от жарких огней, в глубине души сожалея, что не успел еще раз забежать в галюн.

– Звук... Скорость...

– Пять секунд... Четыре... Три...

Глаза Шарлотты театрально распахиваются, на лице загорается фальшивая улыбка.

Джонас стискивает зубы в широкой ухмылке.

Режиссер беззвучно дает сигнал. Два... Один...

– Добро пожаловать на шоу «Сорвиголовы, второй сезон. Бросить вызов Тихому океану». Я Шарлотта Локхарт, ведущая шоу этого сезона, а рядом со мной легендарный Сорвиголова, бывший пилот глубоководных аппаратов Джеймс Тейлор.

Джонас кривит рот в усмешке:

– На самом деле я Джонас. Джеймс – это певец.

– Стоп! – Сьюзен Феррарис налетает на Джонаса, словно разъяренный бык. – Впредь... больше никогда не поправляйте ведущую во время съемки... Господи! – Она поворачивается к операторам. – Переснять. И, Шарлотта, душечка, ради всего святого, он Джонас, ну ты знаешь, как тот парень в чреве кита.

– На самом деле того звали Джона^[6]. А мое имя...

– Мотор!

– Начали.

Сьюзен дает отмашку.

Супермодель оживает:

– Добро пожаловать на шоу «Сорвиголовы, второй сезон. Бросить вызов Тихому океану». Я Шарлотта Локхарт, ведущая шоу этого сезона, и рядом со мной легендарный Сорвиголова, бывший пилот глубоководных аппаратов Джона Тейлор.

– Хм, спасибо, Шарлотта. Я счастлив быть здесь, с вами.

– И мы счастливы, что ты с нами, Джона. Итак, давайте вспомним основные правила. Как вы знаете, шоу «Сорвиголовы» выходит дважды в неделю, чтобы дать возможность нашим телезрителям проголосовать за понравившегося кандидата на нашем официальном сайте, что позволит нам определить победителя. Наши Сорвиголовы разделены на две команды по пять человек. В каждом эпизоде шоу обе команды будут соревноваться на равных в проведении какого-нибудь смертельного трюка, во время которого по крайней мере один член команды окажется в опасности. А у вас, наши дорогие телезрители, останется два дня на то, чтобы проголосовать за лучший трюк. В начале каждого эпизода проигравшая команда отсеивает путем голосования одного члена. Во время третьей недели шоу мы соберем оставшихся участников соревнования в одну команду и продолжим процесс отбора до тех пор, пока у нас не останется один-единственный победитель. Джона, ну как тебе такая идея?

– Звучит очень волнительно, Шэрон.

Фальшивая улыбка супермодели тотчас же меркнет.

– Верно. А теперь встречайте Сорвиголов – участников этого сезона.

– Стоп! Снято! – Голубые глаза Сьюзен пылают яростью. Она готова наброситься на Джонаса, но тут на палубу падают первые холодные капли дождя. Громко чертыхаясь, Сьюзен хватается уоки-токи, и тут же одновременно раскрывается с десятков огромных зонтиков, защищающих аппаратуру от дождя. – Брайан, дождь начинается. А что там с «Мако»?

– По-прежнему кружат над нами и ждут.

– Интересно чего? У моря погоды?

– Без понятия, босс.

– Свяжитесь по рации с «Молотами». Скажите, чтобы начинали спуск команды на воду. – Она поворачивается к капитану. – Мы меняем очередность съемок. Переключите ваш корабль на нейтралку.

– Мэм, это вам не автомобиль, – бурчит Робертсон, поворачивая судно носом к ветру.

Тяжелые паруса хлопают над головой, судно замедляет ход.

– Сьюзен, у нас все готово.

– Перемотайте пленку! – кричит она в уоки-токи. – Брайан, дай отмашку «Молотам».

Джонас и члены экипажа судна с изумлением видят, как по правому борту «Нептуна» возникает пенный след, из которого появляется стальная рубка подводной лодки типа «Коллинз». Подлодка КВМФ Австралии продолжает всплытие, ее корпус вспахивает океан... так же как и пять появившихся одновременно с подлодкой водных лыжников, троих мужчин и двух женщин, каждого из которых тащат на буксировочных тросах, прикрепленных к носу судна.

Майкл Коффи, капитан команды «Молоты», освобождается от маленького баллона с воздухом, когда его голова пробивает поверхность воды в тридцати футах позади гребного винта подлодки. Крепко держась обеими руками за трос, Майкл поворачивает голову направо.

Эван Стюарт и Джейсон Массет, которые скользят по волне вдоль правого борта подлодки, поднимают вверх большие пальцы.

Коффи смотрит налево. Ди Хатчер и Мия Дуранте появляются с другой стороны подлодки – той, что обращена к «Нептуну». Наготу

женщин чисто символически прикрывают крошечные желтые бикини.

Подлодка КВМФ Австралии «Уоллер» проплывает вокруг дрейфующего испанского галеона. Субмарина проходит мимо кормы «Нептуна» и начинает погружение, увлекая за собой Сорвиголов.

Джонас с замиранием сердца смотрит на океан, самолюбиво задаваясь вопросом, способен ли он сделать подобный трюк. Проходит тридцать секунд, затем минута... Камеры, направленные на пенную поверхность воды, продолжают работать.

Джонас наблюдает и ждет, затаив дыхание.

Девяносто секунд... И тут на поверхности появляется голова, за ней – другая. Под гром аплодисментов из воды в унисон поднимаются пять рук.

Шарлотта Локхарт, улыбаясь в камеру, устремляет правую руку в сторону моря:

– Дамы и господа, позвольте представить вам команду «Молоты». Поздоровайтесь с Ди Хатчер...

Брюнетка лет тридцати с синевато-серыми глазами поднимается на борт по грузовой сети. Величавым жестом богини откидывает назад волосы и в ожидании остальных членов команды позирует перед камерой, упершись кулаками в точеные бедра.

– Эван Стюарт.

Следующим по импровизированной веревочной лестнице поднимается морской биолог из Майами, крепкий мужчина с четырнадцатидюймовым шрамом в форме полумесяца на талии.

– Мия Дуранте.

Темноволосая смуглая итальянка с примесью филиппинской крови перебрасывает через борт мускулистую ногу, откровенно демонстрируя себя в этой непристойной позе, а затем делает поклон, как в соревнованиях по восточным единоборствам.

– И Джейсон Массет из Массapeкуа.

Бывший игрок в лакросс, хорошо сложенный, с пронзительными карими глазами и каштановыми волосами, улыбается чуть кривоватой улыбкой, после чего присоединяется к товарищам по команде.

– И наконец, безусловный победитель прошлого сезона, капитан команды... Майкл Коффи.

Самый старший член команды делает кувырок через леер прямо на палубу, приветствуя растопыренной пятерней своих товарищей.

Дав возможность камерам еще немного покрутиться, Сьюзен Феррарис останавливает съемку.

– Стоп, снято! Вторая на очереди! – кричит она в уоки-токи. – Брайан, где, мать ее так, команда номер два?!

А под темным потолком кучево-дождевых облаков, в пяти тысячах футов над испанским галеоном, продолжает кружить грузовой самолет.

Вейн Джон Фергюсон выглядывает из открытого грузового люка, чтобы посмотреть на свинцовую воду.

– Ферджи, да брось ты наконец, – говорит ему Барри Струл, похожий на футбольного полузащитника атлет с темными волосами и небольшой бородкой. – Уже прошел целый час с тех пор, как мы видели последний водяной смерч, а у нас кончается топливо.

– Барри прав, – поддерживает товарища по команде Лекси Пьятек. – Ты не можешь контролировать погоду. Давай просто прыгнем, как планировали, и постараемся сделать максимум возможного.

– Это скучно. – Ферджи сплевывает в открытый люк. – Что скажешь, Док?

Джон Шинто, тридцатитрехлетний дантист из Виргинии, чешет коротко стриженную русую голову:

– Лекси права, мы не можем контролировать погоду. Дженни ведь сидит впереди, и если уж она не может обнаружить смерч, значит никто не сможет. По-моему, не стоит тянуть резину до бесконечности.

Самолет резко вздрагивает, и Ферджи едва не вылетает головой вперед через открытый люк.

– А вот и смерч! Я же говорил вам! Дженни, стрелка на два часа! Эй, Дженни!

Дженни, сидящая в кресле второго пилота, поворачивает голову:

– Мы видим. Приготовиться, мы связываемся по рации с «Нептуном».

Капитан Робертсон резко поворачивает корабль направо, снова наполнив грот ветром. Оживший «Нептун» прыгает по шестифутовым волнам, двигаясь параллельно линии шквала.

Джонас, держась за леер правого борта, вытирает с лица капли соленой воды. Вечернее небо меняет цвет, мощные тропические конвективные атмосферные течения формируют зловещий треугольный белый объект, вырастающий из-под черного кучево-дождевого облака.

Дани жметесь к отцу:

– Пап... что это такое?

Прямо у них на глазах белый облачный рукав спускается с небес и касается поверхности океана, образуя гигантский каскад брызг менее чем в двух милях от правого борта «Нептуна».

– Господи, это же водяной смерч! – Джонас смотрит на дочь. – Почему ты не надела спасательный жилет?

– Вот еще! Тут все без жилетов.

– Сейчас же надень!

– Да ладно тебе, папа...

– Живо!

Майкл Коффи вытирает мокрое лицо, устремив взгляд на крутящееся веретено мелких брызг:

– Ладно, Ферджи, чокнутый ублюдок, ты получил, чего добивался, а теперь поглядим, что ты с этим будешь делать.

Грузовой самолет кружит под облачной грядой, предоставляя команде «Мако» возможность увидеть своими глазами сформировавшийся водяной смерч.

– Похоже, будет весело, – говорит Ферджи. – Как думаешь, Джен? Трое в океане, а двое участвуют в родео.

– И кто эти двое?

– Только не я, – поспешно заявляет Док Шинто. – Даже если я выживу, жена и дети вообще перестанут со мной разговаривать.

– Барри?

– Эй, чувак, я серфер, а не парашютист.

– А как насчет тебя, Лекси? Хочешь рискнуть?

Миниатюрная девушка двадцати двух лет смотрит на вихревой столб воздуха:

– Нет, я с Барри. Я, скорее, по части моря.

– Итак, остается лишь прекрасная Джеди Дженни.

Она кусает губы:

– Ладно, я в игре.

– Уверена?

– Заткнись!

– Отлично! Барри, я хочу, чтобы ты, Док и Лекси прыгнули с самолета и парили в воздухе, словно ночнушка невесты, еще до того, как наша птичка улетит. Смерч идет на юго-запад, поэтому держите курс на восток, прежде чем рассредоточиться, а когда окажетесь в океане, свяжитесь с нами по рации.

Док Шинто кивает:

– Как близко вы будете от завихрения?

– Еще не знаю, никогда раньше такого не делал. Мы с Дженни сделаем круг и посмотрим, каково это. Если увидите, как нас, с голыми задницами, уносит ветер, то сразу поймете, что мы просчитались и приблизились на опасное расстояние.

«Нептун» замедляет ход, капитан в очередной раз меняет курс, остановив судно в полумиле к востоку от крутящегося белого веретена торнадо.

Сьюзен Феррарис выкрикивает команды, ее операторская группа продолжает снимать. К юго-востоку от «Нептуна» суперяхта «Целагант» заняла удобное положение для съемок водяного смерча с «Нептуном» на заднем плане.

На мобильной лебедке один за другим спускают три гидроцикла «Ямаха 701 вейв-райдер». Майкл Коффи сползает вниз по грузовой сети и садится на гидроцикл, Эван и Джейсон – на оставшиеся два.

И хотя Коффи презирает Вейна Фергюсона, неписанный кодекс чести адреналиновых наркоманов гласит, что нельзя оставлять никого наедине со стихией. Чтобы спасти Фергюсона, Коффи готов рисковать жизнью, хотя в глубине души и надеется, что смерч разорвет Ферджи в клочья еще до того, как его тело шлепнется в воду.

– Там! – Эван показывает на трех парашютистов, только что прыгнувших с самолета.

– Группа подстраховки. Все, погнали. Каждый из нас сажает к себе по одному из них, а затем соберем останки тех двоих.

Нацелившись на первого парашютиста, Коффи резко стартует, мощный двухкарбюраторный двигатель крупногабаритного гидроцикла способен развивать скорость более 58 миль в час.

Ветер и морские брызги хлещут Дока Шинто по лицу, затуманивая защитные очки. Он неуклюже летит к полоске зеленоватой воды. В пятнадцати футах от поверхности раскрывает парашют, падает ногами вперед в море и камнем идет ко дну.

Надув спасательный жилет, Док стрелой поднимается на поверхность и отплывает от парашюта.

Море на удивление теплое, но волнение сильное. Сняв очки, Шинто озирается по сторонам. Он приземлился в 125 ярдах к юго-востоку от шлейфа водяного смерча. Шинто не может оторвать глаз от белого столба завывающего ветра.

Верхние и нижние участки водяного смерча движутся с разной скоростью, в результате чего весь облачный рукав слегка кренится на запад. По сравнению с земляным смерчем водяной характеризуется меньшей разрушительной силой, однако скорость ветра в нем иногда достигает 80–100 миль в час, что делает его крайне опасным.

Удостоверившись, что шлейф движется в обратном от него направлении, Шинто связывается с кружащим над водой грузовым самолетом:

– Ферджи, это Док, я на месте. Ферджи, ты меня слышишь? Ферджи...

Самолет попадает в воздушную яму, моментально теряя высоту.

– Шторм может разразиться с минуты на минуту! – кричит пилот. – Сейчас или никогда!

Дженни прижимает руки к шлему:

– Я слышу Дока. Он в воде.

– Пилот прав, если мы собираемся прыгать, то надо делать это прямо сейчас, пока шлейф смерча не накрыл все небо.

Дженни смеется, смотрит на Ферджи, ее глаза расширились от прилива адреналина, пульс участился.

– Кто первый окажется внизу, тому и лавры победителя! – Она выпрыгивает из самолета...

Ферджи следом за ней.

Ветер хлещет в лицо, свистит в ушах. Ферджи летит в свободном падении к белому веретену смерча, похожему на копье Зевса, которое тот мечет с небес.

Ферджи отводит руки назад и пролетает вниз головой под углом тридцать градусов мимо Дженни, и чем ближе он приближается к крутящемуся по часовой стрелке рукаву, тем менее отчетливым становится его сердцевина.

А затем ветер, врезавшись в тело Ферджи, начинает затягивать его в бездонную воронку, соленый ветер завывает уже где-то в мозгу, и Ферджи понимает, что все его существо сосредоточено сейчас на этом бесценном неповторимом мгновении. Внутренний голос истошно кричит, призывая раскрыть парашют, но неукротимое это требует попробовать оседлать белого монстра. Это чувство настолько пронзительное, что Ферджи хочется навечно сохранить его в душе. Центробежная сила растягивает позвоночник, безжалостно рвет плоть, сдирает комбинезон. Австралиец летит вокруг вертящегося столба, словно ковбой, привязанный к необъезженному жеребцу...

И тут неожиданно проклятая гравитация катапультирует его назад – в оглушительную тишину.

Инстинкт самосохранения, как мимолетная вспышка, заставляет Ферджи раскрыть парашют, а дальше – чернота, которая, окутав смельчака, словно теплое одеяло, сопровождает его навстречу морю, жадно тянущему загибающие руки к человеческой плоти.

Глава 12

Монтерей, Калифорния

Дэвид протягивает матери куртку:

– Раз уж ты летишь на встречу с потенциальным покупателем, почему бы тебе не взять меня с собой?

– Во-первых, потому, что пригласили лично меня, а во-вторых, ты должен починить электронику в диспетчерской. Дэвид, ты у нас спец в таких делах. И поэтому нужен именно здесь.

– Ладно, но мне потребуется помощь. А где дядя Мак?

Терри, отвернувшись, застегивает на молнию дорожную сумку:

– Я ведь тебе уже говорила. Мак в отъезде. Поехал навестить друзей.

– Ты хочешь сказать, он в лечебнице?

– Откуда ты знаешь?

– Слышал, как вы с папой ругались.

– Дэвид, подслушивать некрасиво.

– Тогда в следующий раз не орите так громко.

– А Триш не может тебе помочь? Я попросила ее забегать к тебе.

– Мама, я не нуждаюсь в няньке.

– Ладно, не спорь. Меня сейчас нельзя волновать. – Терри умолкает, прислушиваясь к автомобильному гудку. – А вот и такси. Тебя подбросить обратно до института?

– Нет. Доберусь на велосипеде.

Терри наклоняется для прощального поцелуя:

– И запомни, никаких аквалангов.

– А можно хотя бы в бассейне понырять?

– Я тебе категорически запрещаю. И вообще, у меня сейчас нет времени пререкаться. Вот тебе восемьдесят долларов на продукты и на всякий пожарный. Постарайся не спустить все сразу. Вечером позвоню тебе из Канады, поэтому советую быть дома.

Перекинув сумку через плечо, Терри спускается вниз и выходит на улицу к ожидающему ее водителю такси.

– Аэропорт Сан-Франциско. – Она оборачивается помахать Дэвиду, но видит только закрытую дверь.

Терри садится на заднее сиденье, и минуту спустя они уже мчатся по прибрежной автостраде. В заляпанное окно Терри смотрит на темно-синий горизонт.

Три тысячи долларов, а также билет туда и обратно, что-то здорово напугало этих парней. Хотя, скорее всего, просто какой-нибудь паразит в воде.

И все же...

– Водитель, мне нужно ненадолго заскочить в институт. Это по гравийной дороге налево.

Терри с довольным видом смотрит в окно, размышляя о том, что будет делать, если Ангел действительно вернулась из Марианской впадины.

И от одной этой мысли у Терри начинают трястись руки.

Национальный морской заповедник, залив Монтерей Сумерки

Фотограф-натуралист Брайан Ходжес вытаскивает весло, позволив каяку проплыть еще футов сто по кишасей крилем воде. Торопливо оглянувшись через плечо на заходящее солнце, Брайан прикидывает расстояние до широкой полосы фитопланктона и открывает футляр камеры.

Пожалуй, лучше поставит широкоугольный объектив.

Сняв висящую на шее ярко-желтую камеру «Минолта вектис везематик зум», Брайан быстро меняет стандартный объектив на широкоугольный 50-миллиметровый. Удостоверившись, что на пленке еще достаточно кадров, Брайан надевает маску для дайвинга, вставляет в рот дыхательную трубку и переваливается через борт.

На расстоянии примерно ста с лишним футов десятки тысяч крошечных креветок продолжают кормиться на поверхности, не подозревая о том, что из глубин уже поднимается гигантский хищник, готовый их сожрать.

Нацелив камеру на поверхность воды, Брайан выпрямляет руку, задерживает дыхание и ждет.

Громкий всплеск – и поверхность воды взрывается клочьями пены. Это 32-футовый молодой горбач заглатывает цистерну морской воды с крилем. Брайан быстро щелкает камерой, чтобы снять среднюю часть туловища кита весом 38 000 фунтов, который, хлопая по воде огромным хвостом, поднимает разбегающиеся трехфутовые волны. Пока кит кормится, Брайан успевает разглядеть знакомое пятно из налипших мелких рачков на правом боку животного. *Добрый вечер, Чарли Донатс. Рад видеть тебя снова.*

Высунув голову из воды, чтобы выпустить через китовый ус очередной фонтан воды, горбач смотрит большими добрыми глазами на фотографа-натуралиста.

Белый двенадцатифутовый грудной плавник игриво шлепает по поверхности, окатив Брайана и его водонепроницаемую камеру.

– Спасибо, Чарли, а теперь как насчет того, чтобы...

Бабах!

Брайана захлестывает волной размером с небольшой плавательный бассейн: Тихий океан взрывается пеной и кровью... густой маслянистой алой кровью, которую изрыгает гора плоти цвета слоновой кости.

Ангел яростно мотает головой, ее окровавленные зазубренные зубы вырывают гигантский кусок мяса из брюха застигнутого врасплох горбача. Раненый кит извивается и бьется в агонии, тем самым вынудив более крупного хищника разжать челюсти.

А потом так же неожиданно, как и появился, мегалодон исчезает, оставив свою жертву агонизировать в луже собственной крови на поверхности океана.

Задыхаясь от потрясения, Брайан Ходжес перебирает в воде ногами, стараясь увертываться от восьмифутовых валов. С трудом оторвав взгляд от умирающего кита, Брайан судорожно пытается найти свой каяк. *Срочно убирайся отсюда, срочно вылезай из воды...*

С отчаянно бьющимся сердцем, покрывшись от страха мурашками, Брайан плывет к каяку. Доплывает до него. Залезает внутрь, едва не перелетев головой вперед через другой борт от мощного выброса адреналина. *Садись и гребь... Где это чертово весло?!*

Найдя весло, Брайан хватается за него и гребет из последних сил, ведь и береговая линия, и его девушка, и его работа фотографом-

фрилансером, и оставшиеся дни его жизни находятся в добрых двух милях отсюда.

Спокойствие, эта тварь пришла не по твою душу, она пришла за китом. Ты в порядке. Главное, не нервничать и продолжать грести...

Камера, по-прежнему болтающаяся на шее, бьется о грудь, словно взывая к нему.

Не в силах преодолеть искушение, Брайан смотрит на камеру, страх моментально испаряется. *Кит умирает. Ангел наверняка кружит под ним, чтобы продолжить трапезу. Один снимок, так, побыстрому, пока не ушел свет, а потом гребь что есть мочи обратно к берегу.*

Убрав весло и оставив каяк дрейфовать, Брайан оборачивается, чтобы взглянуть на Чарли. *Успокойся и не дергайся, тогда мегалодон даже не узнает, что ты здесь. Один классный снимок ее следующей атаки, только один-единственный убийственный снимок.*

Брайан проверяет камеру. Выставляет кадр.

Выглядит хорошо, реально хорошо. Я уже слышу, что будут говорить в «Даймонд клуб». Брайан, предъяви нам доказательства. Ладно, парни, любуйтесь!

Фотограф наводит объектив на умирающего кита, корчащегося в конвульсиях. Из раны в брюхе размером с джакузи струей хлещет кровь. *Прости, Чарли, но наша жизнь – это пищевая цепочка. Черт, выглядит хорошо! Ладно, Ангел, еще один раз для папочки, пока не ушел свет. Стопудово фото на обложку «Нэшнл джиографик». А может, даже и «Тайм»...*

Горбач издает слабый стон и вяло бьет хвостом, бессильно шлепая по воде похожими на весла грудными плавниками.

Ну давай, Ангел! Давай – возьми его!

Кит резко меняет направление, рванув к берегу – и к каяку Брайана.

Брайан видит в объектив, как животное подплывает все ближе и ближе...

Ну давай, Ангел, время десерта.

– Вот дерьмо, что же я делаю? – Брайан в панике выпускает из рук камеру и тянется за веслом.

Кит бьет хвостом по поверхности воды. Звук, похожий на пушечный выстрел, застает Брайана врасплох, он роняет весло и в

остолбенении смотрит, как оно уплывает вдаль.

– Господь всемогущий! – Нагнувшись вперед, Брайан гребет обеими руками в надежде поймать убежавшее весло.

Горбач выпускает мощную струю воздуха из дыхала, влага оседает на шее Брайана, который уже тянется за веслом.

Но каяк, подталкиваемый снизу украшенной наростом из ракушек головой кита, относит в сторону.

– Глупый кит, убирайся, к чертовой матери, отсюда!..

Оранжево-красное небо опрокидывается в воду, темно-синее море выворачивается наизнанку. Каяк, горбач и Брайан Ходжес летят вверх, запущенные, словно из катапульты, разъяренной 40-тонной акулой.

Так высоко... Три этажа... Четыре этажа... И вот теперь он падает... Сердце застревает в горле... И воздух такой непривычно холодный, когда Брайан, пролетев мимо горы кремовой плоти размером с силосную башню, ныряет головой вперед. И мир будто сходит с ума, когда он инстинктивно хватается за гигантский грудной плавник. И безумие этого жеста, и разодранные до мяса ладони заставляют его разжать руку.

В очередной раз перекувырнувшись, Брайан падает ногами вперед в морскую зыбь, ему нечем дышать, он начинает тонуть.

Вода теплая... Просто остаться здесь на секунду... только на одну секунду...

Но проклятое море отшвыривает его в сторону и снова выносит на поверхность как раз в тот момент, когда два мастодонта лавиной обрушиваются в океан, и от чудовищного удара у него лопаются барабанные перепонки. *Если бы я смог сделать снимок, всего лишь один призовой снимок для своего надгробия...*

Он снова тонет... Нет, не тонет, его куда-то тянет. *Должно быть, я упал в реку...*

Брайан отчаянно молотит руками и ногами. *Куда плыть, чтобы вынырнуть на поверхность? Давится жиром, кровью и китовым мясом. Почему Природа так жестока?.. Кто знает? Кто, черт возьми, знает?!*

Проходит целая вечность, но вот наконец Брайан оказывается на взбаламученной поверхности океана. Отворачиваясь от волн, он запрокидывает голову, чтобы глотнуть воздуха, сердце громко стучит в ушах, измочаленное тело пронизано холодом и болью.

Один-одинешенек, он барахтается в расползающейся по воде луже крови, ее успокоительное тепло вызывает тошнотворное чувство.

Каяк исчез. Брайан слышит шум обрушивающегося на скалы прибоя и плывет на этот звук, сопровождая каждое движение стоном.

– Ой! Ой! – кричит он, когда его дрожащее тело внезапно вздымается на окровавленном, вонючем, маслянистом плоту из китового мяса.

Боже!.. Это происходит не со мной...

Его сознание на мгновение отключается, он лежит ничком на шероховатой шкуре Чарли Донатса, перебирая пальцами наросты из ракушек.

Под ним колышется остров безжизненной китовой плоти. Холодный воздух пробирает до костей.

Кончай тупить! Тащи свою задницу в лужу крови и плыви... плыви, чтобы спасти свою чертову жизнь!

Но Брайан, вконец окоченевший, вконец испуганный, не может сдвинуться с места.

День незаметно скрывается за горизонт, оставляя его одного в ночи.

Проходит минута, минута длиною в жизнь, а он все еще не решается нырнуть в воду.

Мертвый кит перекачивается на волнах.

Брайан цепляется руками и ногами, балансируя на коленях, но туша выскользывает из-под него, и он падает в море.

Он брыкается, кричит и лезет... лезет обратно на беднягу Чарли Донатса, хватаясь за налипшие ракушки... *Спасибо Тебе, Господи, за эти ракушки!.. Лезет вверх по спинному плавнику, кровь льется рекой... Бедный, бедный мертвый Чарли Донатс! Такова жизнь в пищевой цепи. Ну пожалуйста, мертвый Чарли, помоги мне выбраться из моря.*

– На помощь! На помощь! Помогите кто-нибудь!

Он не узнает собственного голоса... Такой скрипучий в холодном вечернем воздухе, такой надрывный.

Брайана рвет морской водой и крошечным, размером с полтинник, куском внутренностей, и при виде этого куса его рвет снова.

Ладно... остановись... просто остановись, пока она не вернулась... пока она не вернулась, чтобы откусить очередной шмат

мяса из твоего плота.

Туша кита содрогается под ним, Брайан падает на колени.

Слишком поздно...

Он нагибается и смотрит в воду... в воду, которая еще секунду назад была темной, а сейчас озарена мягким люминесцентным светом, исходящим от чудовищной пасти, при виде которой Брайан подскакивает от испуга.

Зияющая дыра размером с трейлер обнажает туннель с острыми зубами, выдвинутые вперед челюсти открываются все шире, выдергивая из-под Брайана его плот.

Брайан вопит и катится вниз по скользкому склону.

– Нет!..

Голова Брайана уходит под воду, море заряжает его новой энергией, побуждая действовать.

И теперь Брайан Человек-Паук... Наэлектризованные мышцы толкают тело вверх по скользкому склону, надпочечники, словно взбесившись, вырабатывают адреналин, решительно отказываясь допустить, чтобы его остров исчез. Разбитые в кровь пальцы впиваются в жирное мясо в поисках ракушек, ноги находят точки опоры на безжизненном грудном плавнике.

Туша перекачивается, точно бревно, и Брайан снова скользит и попадает ногой в рану.

Ангел, внезапно почувствовав присутствие соперника, вытаскивает рыло из чудовищной раны и прекращает кормежку.

Брайан карабкается на вершину безжизненной горы мяса, ракушек, жира и крови, мысленно моля Господа сотворить чудо.

А потом слышит... пронзительный вой мотора.

Лодка... о, спасибо Тебе!

– Здесь! Я здесь!

Вокруг стоит непроглядная тьма, но Брайан широко расставляет ноги, и машет, и кричит, и будь он проклят, если эта рыбацкая лодка не повернет.

– О да, вперед! Сюда, сюда! Я здесь!

Он плачет от радости... но внезапно замолкает.

При виде люминесцентного белого спинного плавника он лишается дара речи. Этот кружащий над поверхностью парус настолько высокий, зловещий и пугающий, что слова застревают в пересохшем горле, а во рту появляется горечь.

Моторная лодка по-прежнему приближается. Она может появиться в любую минуту, в любую секунду.

Убирайся!

Плавник исчезает.

Надо быть осторожнее в своих желаниях, потому что у Брайана есть время подумать, и вот теперь он реально напуган, настолько напуган, что может лишь тихо постанывать, мочась в гидрокостюм.

– Помогите! Помогите мне...

Туша кита внезапно взрывается, Брайан летит вверх тормашками, мощный удар снизу посылает его в темное, бурное, безжалостное море.

Моторная лодка замедляет ход.

Дэвид Эмануэл глушит мотор.

– Алло? – Он светит фонариком на плавающую гору китового жира. – Боже, какой кошмар!

Его напарник Жан Фишер перебирается к нему на нос лодки.

– Ни хрена себе! Что это было?

– Кит. Я вроде как слышал его крики или типа того.

– Наш босс раскричится еще сильнее, если мы опоздаем на вечеринку. Поехали! Здесь воняет, как в выгребной яме.

– И то верно. – Эмануэл заводит мотор, обходя кругом кучу китового жира, чтобы продолжить плыть на север, в залив Сан-Франциско.

А в четырехстах семидесяти футах под растерзанным китом Ангел переворачивается на спину... заглатывая останки фотографа-натуралиста Брайана Ходжеса.

Глава 13

На борту «Нептуна»

Море Банда

61 морская миля к северо-востоку от Молуккских островов

Кают-компания Сорвиголов расположена в трюме, перед камбузом, – там, где некогда находились кубрики экипажа галеона. В передней части этого просторного помещения имеется массивное основание, удерживающее бушприт – мачту высотой с дерево, которая идет от нижней палубы под углом сорок пять градусов. Свешивающиеся с потолка фонари льют мягкий золотистый свет, отбрасывающий длинные тени. Мебелью в кают-компании служат огромные разноцветные подушки с эмблемами Сорвиголов. Бильярдный стол прикручен к голому деревянному полу между двумя внушительными пушками.

Команда «Молоты», в синих хлопчатобумажных тренировочных костюмах, отдыхает на разложенных вдоль стены подушках; «Мако», в красной спортивной одежде, – у противоположной стены. А между обеими командами, в центре комнаты, сидят на складных матерчатых стульях Шарлотта Локхарт и Джонас Тейлор.

Кино- и звукооператоры расположились в дальних концах помещения.

Даниэлла, в облегающем топе с логотипом Сорвиголов и коротеньких шортиках, стоит в сторонке вместе с остальными Куколками, мечтающими стать со временем супермоделями.

Вейн Фергюсон, с забинтованной головой и холодным компрессом на левом бедре, возлежит на горе подушек в окружении товарищей по команде. Ссадины на лбу и скулах заклеены пластырем.

Чуть-чуть вялый от обезболивающих, Вейн машет Дани и улыбается ей кривоватой ухмылкой. Дженни Арнос плюхается на подушку рядом с Вейном, ненароком задев его раненое бедро.

– Ой!

– Впредь будешь знать. Ты должен был облететь рукав смерча кругом, а не лезть прямо к черту в пекло.

– Я и не собирался лететь в центр смерча. Меня закрутило восходящим потоком воздуха. Мне даже на секунду показалось, что Господь Бог решил использовать меня в качестве шарика для пинг-понга.

– Угадай с трех раз, кто вытащил тебя из воды. – Она кивает в сторону Майкла Коффи, дающего интервью.

– Наверняка пытается уменьшить число баллов за мой прыжок.

– Мне казалось, что это наш прыжок.

– Наш прыжок. Не придирайся к словам.

Тем временем на сцену выходит Сьюзен Феррарис:

– Народ, грандиозный первый день! Грандиозный! Понимаю, вам не терпится это отметить, но сперва нужно чуть сбавить градус, сделать картинку более реальной... позволить нашим зрителям проникнуть в мозг адреналинового наркомана. Поэтому не будем выключать камеры и предоставим вести разговор Шарлотте с Джонасом. Хорошо? Запомните, чем активнее вы будете участвовать, тем больше узнают о вас зрители, что будет иметь решающее значение при голосовании. Шарлотта, скажи, когда будешь готова.

Супермодель скрещивает точеные ноги, поправляет вырез блузки, демонстрируя темную ложбинку между грудей:

– Итак, Джонас, у нас был потрясающий первый день. Следующие сорок восемь часов наши зрители будут голосовать за то, чтобы определить, трюк какой команды Сорвиголов стал победителем в открытии шоу. Между тем всем нам хотелось бы узнать, что именно движет Сорвиголовами. Что заставляет так рисковать? Они ищут почестей и славы? Или это всего-навсего выброс адреналина? Сегодня вечером мы зададим эти вопросы мужчинам и женщинам из шоу «Сорвиголовы». И начнем мы с Эвана Стюарта из команды «Молоты». Привет, Эван! – (Эван скромно машет рукой.) – Эван, насколько мне известно, вы морской биолог. А недавно вы переехали из Майами в Мауи.

Эван кивает:

– Если хочешь оседлать большую волну, то нужно поселиться рядом с ней.

– Расскажи нам о волне, которая называется «Челюсти».

– «Челюсти», или на местном языке «Пеахи», встречаются у западной оконечности острова Мауи, который является Меккой для

любителей серфинга. Высота этих огромных волн, зарождающихся в Тихом океане, достигает тридцати-сорока футов.

– А не мог бы ты поделиться с нашими зрителями, каково это – покорять такие волны?

– Во-первых, свеллы здесь очень крутые и очень быстрые. Чтобы достигнуть скорости, необходимой для старта на волне, нас разгоняют с помощью водных скутеров. Наш успех всецело зависит от мастерства парней на скутерах, которые рискуют жизнью так же, как и мы. Как только ты поймаешь волну, то сразу забываешь обо всем. Мощь воды настолько велика, что от ее рева закладывает уши... Вы даже не представляете себе, какова первоизданная сила Природы! Это очень страшно.

– Но если тебе так страшно, зачем ты это делаешь? Зачем рискуешь жизнью?

– А это уже из области сверхъестественного. Накануне ночью я обычно на таком взводе, на таком адреналине, что не могу сомкнуть глаз. Но когда меня наконец подтаскивают к волне, я сразу становлюсь другим. Никакого тебе мужского соперничества, никаких тебе коллекторов или проблем на работе... Все исчезает. Я один на один с доской для серфинга, один на один с океаном, с волной. Абсолютная свобода. Только ты и волна. Но если облажаешься и не справишься с «Челюстями», то сильно пожалеешь, что вообще родился на свет. Ведь волна не станет качать тебя, как на качелях. Нет, она утащит тебя в черную бездну, она будет крутить тебя в своей глотке, словно кошку в стиральной машине, а потом выплюнет. И тем не менее покорение таких монстров... ощущение дикой энергии внутри... лечит душу, делает тебя цельной личностью. Это чувство невозможно описать словами.

– Понятно, – говорит Шарлотта, которой явно ничего не понятно. – Джон Шинто, ты ведь примерный семьянин. У тебя жена и двое детишек. Уважаемый дантист. На мой взгляд, ты не вписываешься в типичную для Сорвиголов схему.

– Ну, по-моему, уважаемый дантист – это своего рода оксюморон. Большинство людей ненавидит ходить к дантистам. А тебе известно, что число самоубийц среди дантистов гораздо выше, чем среди людей других профессий? Так или иначе, один мой старый друг приобщил меня к парашютному спорту, когда я еще учился в медицинской школе,

и это стало для меня настоящей отдушиной. Видите ли, мне обрыдла моя ежедневная работа. А острые ощущения помогают снять стресс.

– Разве ты не боишься?

– Я скажу, чего действительно боюсь. Боюсь стареть. Сидеть на диване в девяносто лет и пердеть перед телевизором.

– И это оправдывает твой авантюризм?

– Мы не авантюристы. А специалисты по риску. Что совсем другое дело. Мы тщательно планируем наши трюки.

Раздается одобрителный шепот.

– А как насчет тебя, Ферджи? Ты тоже планировал сегодняшнюю критическую ситуацию? Ведь ты вполне мог погибнуть!

Ферджи застенчиво улыбается:

– Всегда что-то планируешь лучше, а что-то хуже.

– А о чем ты думал, когда врезался в рукав смерча?

– Да мне, собственно, некогда было думать. В критические моменты умственные способности... они вроде как парализованы, а глаза практически ничего не видят, кроме того, что прямо перед тобой. Типа сужение поля зрения. И все вокруг, словно в замедленной съемке.

– А как насчет страха? Ты наверняка до смерти испугался.

– Некогда было бояться. Ведь страх появляется тогда, когда есть время на размышления. Можешь спросить у профессора Джонаса.

Все поворачиваются и смотрят на Джонаса, за исключением Дани. *Типа тебя-то это как касается...*

Джонас пожимает плечами, смущенно разглядывая руки:

– Когда я пилотировал глубоководные аппараты – в те далекие времена большинства из вас и в проекте не было, – то всегда старался сосредоточиться на полном контроле за своим телом. Таким образом я мог сфокусироваться на предстоящей задаче, а не на мыслях о смерти.

– Давайте, профессор Джей! – выкрикивает Лекси Пятек. – Поведайте нам о том, как вас проглотил мег.

Раздается одобрителный гул.

– Ну, это совсем другое дело. Поскольку не было трюком. Когда я мчался в мини-аппарате по глотке мег, то чувствовал не страх, а слепую ярость... ярость при мысли о том, что меня сейчас сожрут. Ведь я уже считал себя покойником, и напоследок мне захотелось нанести мегу максимальный урон.

– А когда вы поняли, что выжили и застряли в брюхе у чудовища, то наверняка чуть не спятили, – замечает Дженни. – Сидеть в полной темноте, совсем без воздуха... Нет, я бы точно сдрейфила.

– Я и сдрейфил, но потом заставил себя дышать и успокоиться, чтобы получить шанс нормально соображать. – (Дани скептически качает головой. *Чушь собачья! Если бы только они знали его так же хорошо, как я.*)

– Вылезти из спасательной капсулы прямо в брюхо мега... Боже, это реальный пипец!

Не вполне нормативная лексика Барри Струла заставляет Сьюзен Феррарис нервно вздрогнуть.

Джонас пожимает плечами:

– Это было мое личное мнение. А вы делайте то, что должно.

– Ползать по внутренностям мега, чтобы вырвать его сердце, да? Блин, это суперкруто! Если бы у меня был шанс, я предпочел бы именно такую смерть. Грандиозную, кровавую, героическую! – выпаливает Джейсон Массет под дружный смех остальных.

– А что вы почувствовали, когда поняли, что сумеете выжить? – спрашивает Ди Хатчер.

– Трудно сказать. Я только... Я только пытался решать проблемы по мере их поступления. И когда я наконец смог выбраться и заглянуть в глаза Терри, то ощутил невероятную эйфорию. Хотя, ребята, я совсем не похож на вас. Возможно, когда-то я и был таким. Теперь уже нет.

– Не скромничайте, – говорит Док Шинто. – Вы победили свой страх. И четыре года спустя вернулись в Марианскую впадину, чтобы встретиться лицом к лицу с Ангелом.

Джонас качает головой:

– Я вернулся вовсе не потому. Моя жена оказалась в беде. В тот момент мне было глубоко наплевать, выживу я или нет. Лишь бы ее спасти.

У Дани на ресницах дрожат слезы. Она смотрит на отца совсем другими глазами. Так, будто видит его впервые.

– Черт, мне это нравится! – восклицает Ди. – Вы самый настоящий рыцарь в блестящих доспехах.

Мия кивает:

– Большинство людей наверняка оцепенели бы от страха и тихо молились бы, покорно ожидая, когда их сожрут живьем. Профессор

Джей, вы самый настоящий Сорвиголова. Вы отказываетесь проигрывать, совсем как мы.

Остальные Сорвиголовы согласно зашумели.

– Тогда я был гораздо моложе. Полон отваги и боевого задора. С возрастом... все меняется. Ты меняешься. Твое тело уже не может делать то, что привыкло делать, и ты теряешь драйв. Именно это случилось со мной много лет назад, но я по своей тупости не сразу врубился.

– Стоп! Снято! – Сьюзен Феррарис хлопает ладонью по клипборду. – Отлично, народ, и, Джонас, отличная человеческая нотка! Я с удовольствием продолжила бы, но нам еще предстоит перевести отснятый материал в цифру и отослать в студию для редактирования. Так что на сегодня достаточно. Только имейте в виду, народ, по всему кораблю натканы скрытые камеры. Поэтому прошу потом не жаловаться, что вас застали при компрометирующих обстоятельствах. Ведь в реалити-шоу все по-честному.

Виктория

Остров Ванкувер, Британская Колумбия

Город Виктория, который принято считать основным туристическим центром северо-запада Тихого океана, расположен в южной оконечности острова Ванкувер. И если плыть от Порт-Анджелеса, штат Вашингтон, через пролив Хуан-де-Фука строго на север, то поездка не займет много времени. Процветающий портовый город с населением 300 000 человек, Виктория до сих пор хранит явные следы 150-летнего британского колониального гнета.

Терри Тейлор выходит из маленького самолета компании «Хорайзон эрлайнс» и спускается по трапу. Внизу Терри уже ожидает темноволосый мужчина лет тридцати; в руках у него табличка с ее именем.

При росте пять футов пять дюймов, Джошуа Банкофски на два дюйма ниже Терри Тейлор и со своим детским личиком скорее похож на студента-старшекурсника, чем на серьезного ученого. Единственное, что выдает его возраст, – карие глаза, сосредоточенный взгляд которых не сочетается с мальчишеской внешностью.

– Джошуа?

– Здравствуйте, миссис Тейлор. Как долетели?

– Прекрасно. Мне только еще нужно получить маленький чемодан, который пришлось сдать. – Терри ведет Джошуа к грузовому отсеку самолета, откуда пассажиры уже забирают багаж. – Итак, когда я увижу китов?

– Прямо сейчас. У меня здесь гидроплан, который доставит нас в Ист-Сук.

– Гидроплан? – У Терри екает сердце.

Один из грузчиков поднимает вверх алюминиевый чемоданчик размером с футляр для саксофона.

– А вот и мой багаж.

Джошуа принимает из рук грузчика чемодан:

– Тяжеловатый. А что там внутри?

– После покажу. Когда увижу китов.

*Океанографический институт Танаки
Монтерей, Калифорния*

– Вот дерьмо! – Дэвид Тейлор вылезает из-под пульта управления диспетчерской лагуны. – Чертов пульт совсем сдох.

Дэвид бросил взгляд в панорамное окно с видом на лагуну. Набежавшая волна покрывает рябью бурюю поверхность бассейна.

Тем временем в канале уже вскипает очередная волна. *Сейчас есть только один способ закрыть эти ворота.*

Лучи полуденного солнца играют на поверхности воды, которая кажется такой безмятежной. Дэвид находит бинокль. Наводит его на канал.

Над волнами выступают верхние три фута тянущихся параллельно друг другу стен из бетонных блоков.

Отлив. *Именно то, что надо для дайвинга.*

Дэвид нервно меряет шагами диспетчерскую, смотрит на пульт управления:

– Была не была, чем меньше она будет знать, тем крепче будет спать.

*Залив Сук
Остров Ванкувер*

Джошуа пролетает на пятиместном «Де Хэвилленд бивер» над плоской вершиной горы Магуайр в Национальном парке Ист-Сук, практически задевая салазками кроны дугласовых пихт.

Терри судорожно хватается за ручки кресла, когда самолет резко идет на снижение.

– Миссис Тейлор, вы в порядке?

– Зовите меня просто Терри. И да, я уже целую вечность не работала в одиночку.

– Вы что, боитесь летать на самолете?

– Никогда не боялась. Хотите верьте, хотите нет, но в свое время я постоянно доставляла ВИПов примерно на таких же самолетах в нашу лагуну. Джонас всегда говорил, что я пилотирую самолет с безрассудной лихостью.

– Так что же случилось?

– Сама не знаю, – лжет Терри. – Похоже, я просто утратила дух авантюризма. Вот вам мой совет: оставайтесь молодым.

Гидроплан садится на мелководье глубиной два фута у побережья Пайк-Пойнт, подруливая к небольшой пристани, сооруженной у каменистого берега.

Первым их приветствует командер Сутера:

– Миссис Тейлор, мы благодарны вам за то, что вы так оперативно откликнулись на нашу просьбу. Отряд морских пехотинцев уже в течение недели не покладая рук убирает туши мертвых китов. Мы оставили вам для осмотра двух животных: самку косатки и самца серого кита.

– Скажите, гибель китов наблюдалась только в Ист-Сук?

– Нет. Шестнадцать дней назад мы потеряли с десятков гринд в Бамфилде, а это в добрых шестидесяти милях к северу отсюда. Киты начали массово выбрасываться на берег тогда, когда ваша акула мигрировала на юг в устье пролива, отрезав китам путь к отступлению в Тихий океан.

– Похоже, она нашла себе новый дом, – глубокомысленно заявляет Джошуа.

– Средствам массовой информации мы сказали, что гибель китов вызвана токсичным цветением водорослей. Под этим предлогом мы

закрыли пролив для дайверов, но все это лишь временная мера. Нам не удастся слишком долго водить публику за нос.

– Тогда, может, вам стоит показать мне раны от укусов, – предлагает Терри.

Коммандер Сутера подводит их к той туше, что побольше:

– Этот серый кит самый свежий. Его выбросило на берег позапрошлой ночью. Ее типичная манера. Как минимум одна жертва каждую третью ночь. Остальное время она патрулирует пролив, сводя с ума стада китов.

Сутера с помощью Джошуа вытаскивает из земли кольшки и снимает брезент.

У Терри перехватывает дыхание.

Туша сплошь усеяна следами загноившихся укусов, некоторые из них размером с детский бассейн. Тысячи мух кружат над ранами, облепленными полчищами крабов.

У Терри кружится голова.

– А зубы? Зубы остались в ранах?

– Нам не говорили, что надо искать зубы, – пожимает плечами коммандер Сутера.

Джошуа кивает:

– Акулы нередко теряют зубы, нападая на крупную добычу. Я провел поверхностный осмотр, но ничего не нашел.

– Возможно, вы просто не там искали. Мне нужны перчатки, отвертка или нож. Кстати, маска тоже не помешала бы.

*Океанографический институт Танаки
Монтерей, Калифорния*

Дэвид забирается на самый верх северных трибун арены. Находит потайную дверь в стальном ограждении, открывает ключом замок и выходит на узкий, шириной двенадцать дюймов, верхний бортик северной стены канала.

Бетонные стены, словно узкие прогулочные дорожки, тянутся на несколько сотен ярдов в сторону прибрежной зоны, где у выхода в открытый океан установлены предупреждающие буйки, а вход в канал перегороден ржавой колючей проволокой.

Прихватив снаряжение для дайвинга, Дэвид осторожно идет по бортику стены.

Приливная волна, надвигающаяся на Дэвида, разбивается о подпорную стенку, обдав фонтаном брызг ноги; он останавливается, пытаясь удержать равновесие. *Начинается прилив, у тебя не так-то много времени.*

Дэвид ускоряет шаг.

До океана осталась еще половина пути, а волны становятся все выше и неистовее. Отказавшись от первоначального плана дойти до конца стены, Дэвид надевает ласты, натягивает жилет – компенсатор плавучести, прикрепляет к спине баллон с воздухом, затягивает покрепче ремни сумки с инструментами, надевает маску. Ждет, когда пройдет очередная волна, и прыгает солдатиком в канал.

Мутные холодные тихоокеанские воды пробирают до костей, не спасает даже гидрокостюм. Стравив воздух в жилете, Дэвид совершает контрольное погружение на тридцать футов и потихоньку продвигается в сторону ворот.

Вопреки его расчетам, течение довольно сильное, поэтому приходится затрачивать вдвое больше энергии. Десять минут – и у него начинают болеть усталые мышцы. В порыве отчаяния он опускается на глубину семьдесят футов. Вода неприятно давит на уши, но зато течение заметно ослабевает.

Дэвид уже у самого дна. Основание бетонной стены покрыто водорослями и зарослями кораллов, в которых снуют тысячи ярко окрашенных рыбок. Неподалеку в песке прячется электрический скат. Из своего укрытия выглядывает мурена.

И вот наконец из полумрака выступают они... две гигантские створки ворот, тянущиеся к поверхности, словно башни-близнецы. Высотой восемьдесят футов, толщиной восемь дюймов, заевшие створки уже лет десять остаются распахнутыми в сторону Тихого океана.

Дэвид выплывает из канала. Окидывает взглядом дно, которое тянется еще на пятнадцать футов вперед и заканчивается зловещей черной пропастью, уходящей на несколько тысяч футов вниз, прямо в подводный каньон Монтерей.

Мальчик осторожно огибает северную створку ворот и, подплыв к приводу открывания ворот, протискивается в узкое пространство

между створкой и подпорной стенкой канала в поисках резервного блока питания.

Блок размером с мусорный контейнер прячется под многолетним слоем ракушек.

Достав из сумки отвертку, Дэвид счищает ракушки, намертво запечатавшие крышку. Внутри стального ящика, в водонепроницаемом резиновом кожухе, находится автономный источник электропитания. Энергия от него подается к внутренней пневматической помпе, с помощью которой можно открывать и закрывать ворота, минуя диспетчерскую.

Дэвид пытается поднять крышку.

Крышку, похоже, намертво заклинило.

Он проверяет уровень воздуха в баллоне: воздуха осталось еще на двадцать минут. Дэвид счищает зацементировавшие крышку ракушки до тех пор, пока у него не начинают болеть руки. Тогда он дает себе передышку и, заглянув в щель между стенкой и створкой ворот, смотрит на океан и скалистый склон каньона.

Подводный каньон... Место, где обитала мать Ангела, пока мой папа не убил ее. Где-то там, внизу, лежат еще не окаменелые зубы мегалодона на сумму не меньше двух миллионов долларов.

подавив внутреннюю дрожь, Дэвид возвращается к блоку питания и продолжает отдиравать неподдающуюся крышку.

Звук, отражаясь от стальной створки и подпорных стенок, эхом разносится по каналу.

Залив Сук

Остров Ванкувер

Терри затягивает черные как смоль волосы тугим узлом и надевает противогаз. Крепко зажав рукой в перчатке топорик, она приближается к самой обширной ране на теле серого кита, по лицу градом льется пот.

С помощью топорика Терри очищает рану от полчищ крабов, отгоняя сердито жужжащих над головой мух.

Думай о деньгах. Думай о том, как обрадуется Джонас, когда узнает, что ты помогаешь ему оплатить счета.

Сделав вдох, чтобы подавить рвотный рефлекс, Терри сует руку в гноящуюся рану.

Жир... Сухожилия... Нужно нащупать кость.

Затем Терри переходит к другой ране – глубокому отверстию прямо над искалеченным левым грудным плавником.

Терри шарит рукой по периферии раны до тех пор, пока не добирается до грудной клетки, затем бросает топор и направляет луч фонаря в зияющую дыру, свободной рукой ощупывая раздробленные края костей.

– Ой!

Перчатка на ладони порвана, рука в крови.

Терри вновь пускает в ход топор и, стараясь не реагировать на назойливых мух и кусачих крабов, вырывает из туши окровавленный кусок мяса.

Есть! Зуб цвета слоновой кости, отколотый, но все же добрых шесть дюймов длиной. Его кончик намертво застрял между двух ребер.

Терри, лихорадочно соображая, пытается освободить зуб.

После десяти минут изнурительного труда она возвращается к командеру Сутере и Джошуа с драгоценным призом в руке.

Джошуа снимает с Терри противогаз. Торжественно подняв вверх найденный зуб, она втягивает в себя свежий воздух:

– Это правда. Поверить не могу, что после стольких лет... – Внезапно Терри резко бледнеет и падает на колени, мир вокруг начинает вертеться в бешеном танце.

– Вы в порядке? – спрашивает Джошуа.

– Просто голова немного закружилась.

– Расслабьтесь. – Сутера протягивает ей банку содовой.

– Спасибо. Джонас уже привык к подобным вещам, а вот я пока нет.

Джошуа помогает ей подняться на ноги:

– Пойдемте. Вам сейчас явно не помешает пропустить стаканчик. И нужно позаботиться о вашей руке, пока туда не попала инфекция.

*Океанографический институт Танаки
Монтерей, Калифорния*

Дэвид, у которого силы и кислород уже на исходе, наконец-то умудряется открыть крышку блока. Включив фонарик, он заглядывает внутрь.

В тусклом свете слегка поблескивает цифровая клавиатура.

О'кей, дедушка миллион раз называл мне цифровой код. Поглядим, месяц его рождения... мамин... папин... Даниэлы... и мой.

Дэвид набирает 10-7-6-4-6.

Зажигается зеленая лампочка, показывающая, что источник подключен.

Прекрасно! Прогресс налицо. Дэвид находит переключатель, затем нажимает на кнопку с резиновой изоляцией, на которой написано «ЗАКРЫТЬ».

От оглушительного скрежета металла у Дэвида закладывает уши – это внутри приводов активируются шланги для подачи сжатого воздуха, и створки ворот начинают неохотно закрываться со скоростью два дюйма в секунду. Проходит еще секунд тридцать – створки застывают на месте.

Черт!.. Дэвид снова нажимает на кнопку «ЗАКРЫТЬ». Приводы скрежещут, но створки остаются неподвижны.

БАБАХ!

Правая стальная створка содрогается так, будто в нее врезался автобус.

Дэвид отдергивает руку от блока питания, сердце бьется, как у пойманной птицы. Мальчик осторожно выглядывает в щель между подпорной стенкой и створкой ворот, которая расширилась футов на двенадцать, и видит исчезающий во мраке белый спинной плавник высотой с двухэтажный дом.

И тут мозг Дэвида словно получает электрический разряд. Бросив инструменты и грузовой пояс, он как сумасшедший работает ногами, чтобы выплыть на поверхность, и уже на глубине двадцати футов у него из носа начинает идти кровь.

Ухватившись за край бетонной стены, Дэвид подтягивается и забирается наверх. Стаскивает ласты и жилет, снаряжение и баллон с воздухом падают в море. Балансируя на узком бортике, он во весь опор мчится обратно к арене, к спасительным трибунам...

В его кровеносной системе пузырится азот.

На борту «Нептуна»

Море Банда

75 морских миль к северо-востоку от Молуккских островов

Динамики изрыгают тяжелый бас, который реверберирует вверх через доски пола каюты, заставляя трястись гамак.

Джонас лежит, уставившись в потолок, голова раскалывается от недосыпа.

Он вылезает из гамака, надевает тренировочные штаны, выходит из каюты и спускается вниз, ориентируясь на источник шума.

– Вот это да...

Джонас Тейлор, в свою бытность старшекурсника Пенсильванского университета, не раз бывал на студенческих вечеринках и уже потом, на службе в ВМС, неоднократно принимал участие в печально известных вечеринках морских летчиков, но все это даже рядом не стояло с тем, что предстало его глазам.

В темном помещении с дрожащими от гангста-рэпа стенами горят лишь красные неоновые лампочки. Свет пробивается сквозь густую завесу дыма от сигарет с марихуаной, отчего все кругом затянуто багровым туманом. Густой запах дешевого пива и травки с ходу бьет по мозгам, впрочем, так же как и вид обнаженных участников вечеринки – это и Сорвиголовы, и члены команды, и Куколки, которые занимаются сексом прямо на импровизированном танцполе.

Из тумана появляется темноволосая смуглая женщина, из всей одежды на ней лишь прикрепленная к пупку серебряная цепочка.

– Профессор Джей. Я Мия. Мия Дуранте. Из команды «Молоты».

– Ну да, конечно, я... э-э-э... не узнал тебя без униформы.

– Вы явно шокированы. Не стоит. Мы славно поработали, а теперь хотим на славу оттянуться.

– Да, но где-то там среди участников оргии моя семнадцатилетняя дочь.

– Расслабьтесь. Это всего лишь травка, и пиво, и вожделение. Ничего серьезного, просто торжество жизни. – Она вручает ему конец серебряной цепочки. – Хотите вывести меня на прогулку?

– Спасибо, конечно, но, боюсь, моя жена этого не одобрит.

Джонас в растерянности проходит по всем помещениям, раздражаясь все больше и больше, но в конце концов снова

возвращается, уже насквозь провонявший марихуаной, в кают-компанию, а затем поднимается на верхнюю палубу, чтобы глотнуть свежего воздуха.

На палубе, прислонившись к кабестану, одиноко стоит Эндрю Фокс:

– Добрый вечер, док.

– Ты был внизу? Видел, что там творится?

– Ага. Эти Сорвиголовы торопятся жить и зажигают не по-детски. Видел бы ты их сборища во время парашютных уик-эндов! Словно последние дни Калигулы.

– И Дани там с ними где-то внизу... Господи, мне следовало быть умнее и не брать ее с собой на борт корабля из фильма Романа Полански!

Смех Эндрю тонет в шуме хлопающих парусов плывущего в ночь судна.

Ист-Сук

Остров Ванкувер, Британская Колумбия

Ближайшая местная распивочная – это английская таверна, где на стенах висят головы кабанов, а под ними – мишени для дартс и черно-белые фото лесоповалов, а также работяг с железных рудников.

Терри тянет уже третий по счету джин с тоником, в животе разливается приятное тепло, напряжение в плечевых мышцах постепенно проходит.

– Похоже, я могу здесь упиться вусмерть.

Джошуа, улыбаясь, гладит ее по спине.

Однако командеру Сутере не до шуток.

– Миссис Тейлор, мы платим вам три штуки в день вовсе не для того, чтобы вы надирались до поросычьего визга. Теперь, когда вы знаете, что ваш монстр здесь, подскажите, что нам делать?

– Во-первых, как я уже говорила вашему вундеркинду, это вовсе не мой монстр, по крайней мере уже не мой. А во-вторых, что вы хотите с ним сделать?

– А у вас есть варианты?

– Ну... – Терри осушает стакан. – Полагаю, вы могли бы выследить и убить акулу. Но вам понадобится чертова пушка, чтобы

остановить ее. Конечно, при условии, что она выплывет на поверхность. – У Терри начинается заплетаться язык.

– Рано или поздно ей придется выплыть на поверхность, – заявляет командер Сутера.

– Не обязательно, сэр, – вмешивается в разговор Джошуа. – Она ведь рыба. Строго говоря, она может ближайшие двадцать лет продолжать патрулировать залив, а мы ее так и не увидим. Нам необходимо выманить ее на поверхность. Мы могли бы бросить за борт приманку для рыб.

– Приманку для рыб?! – фыркает Терри. – Джоши, мальчик мой, похоже, ты насмотрелся сиквелов фильма «Челюсти». Единственная вещь, способная вернуть нам Ангела, – это... это... Эй, а где мой чемоданчик?

– В джипе, – говорит Джошуа. – Хотите, чтобы я принес его?

– Нет, но можешь принести мне еще выпивки, – хихикает Терри и, увидев, что Сутера и Джошуа переглядываются, добавляет: – Расслабьтесь, мужики. Я в порядке.

– Миссис Тейлор, а что в чемоданчике?

– Я велела тебе называть меня просто Терри. – Она сжимает руку Джошуа. – Там тампер. Портативное устройство, которое использовал Джонас, когда Ангел еще была детенышем. Оно посылает низкочастотные вибрации, типа подводных барабанов дуду. – Она снова хихикает. – Я хотела сказать «барабанов вуду». Та-дам! И Ангел спешит на звук.

Командер Сутера кивает:

– Я распоряжусь насчет судна.

– О-ля-ля, командер Канада! Интересно, и что вы будете делать, когда ее найдете?

– Убью, конечно. Мы не можем позволить этой рыбине охотиться в заливе, где плавают наши туристы.

– Нет-нет-нет. Вы не можете ее убить. Это охраняемый вид. Спорим, вы этого не знали, да?

– А мне глубоко начхать...

Джошуа поднимает руку, останавливая Сутеру:

– Терри, а что, по-вашему, нам следует сделать?

Терри улыбается пьяной улыбкой:

– Ну, так уж случилось, что в одном месте – это там, где я живу, – есть вакансия, причем идеальная для нашего маленького Ангела. Все, что нам нужно сделать, – показать ей дорогу.

Глава 14

Круг света... такой бесценный, такой же бесценный, как воздух, который он втягивает, как маска, закрывающая глаза и нос от токсичного окружения.

Джонас извивается, словно головастик, протискиваясь сквозь горячие плотные слои внутренних органов, продвигаясь практически вслепую в удушающей темноте в сторону эпицентра толчков, и этот маленький круг света, похожего на гало, – его единственный друг.

Голова раскалывается от ревербераций, барабанные перепонки, и мозг, и кости гудят от каждого двойного удара.

Сосредоточься, ведь стоит только дать волю мыслям, и у тебя в мозгах сразу появится осознание полного безумия задуманного предприятия. Продолжай двигаться по этой камере пыток и останови наконец ужасный звук.

Он падает, затем поднимается, он скользит, затем ползет, в одной руке – незаменимый фонарик, а в другой – окаменелый зуб мегалодона. Зуб он сжимает так крепко, что зазубренные края раздирают ладонь.

Сердце бьется в унисон с дьявольским звуком, кровь в ушах стучит в такт непрерывным вибрациям. А потом стены, которые поддерживают его существование – стены Иерихона, – начинают надвигаться на его разгоряченное лицо, точно объявляя о присутствии заветного органа, и он начинает резать мембрану, рубя и кромсая ее зазубренными краями до тех пор, пока стенки не распадаются и перед ним не предстает сердце зверя.

Драгоценный свет меркнет, но даже в этом тусклом гало Джонас видит орган размером с баскетбольный мяч, бьющийся и сокращающийся в защитной сетке из кровеносных сосудов, взывающий к нему, совсем как Сердце-обличитель Эдгара По, смеющееся над ним нечестивым смехом. Джонаса душит ярость, и он кидается головой вперед в камеру сердца, практически теряя сознание, когда сердце резко опускается, словно «Боинг-747», попавший в зону турбулентности.

Первый удар вызывает фонтан крови, забрызгавшей фонарь. Его разум вопиет в темноте, осознание безумия своего положения вызывает асфиксию мозга. Слепо шаря руками, он прижимает бьющееся сердце к груди и начинает кромсать кровеносные сосуды, словно капитан Ахав, борющийся с белым китом.

Напрягая ноги, налегая всем телом, молясь всей душой, он со стоном втягивает остатки воздуха из практически пустого баллона, точно человек, заживо похороненный в гробу.

Плотина прорывается, заливая маску на лице горячей кровью.

Ужасные звуки обрываются, сменяясь гнетущей тишиной и его собственными сдавленными криками...

Не в силах дышать, Джонас, лежавший лицом в подушку, переворачивается и просыпается, сердце выбивает барабанную дробь.

– Господи!.. Боже мой!

Он лежит на спине, устремив взгляд на просачивающиеся в иллюминатор золотистые лучи рассветного солнца.

Стук в дверь, входит Эрик Холландер:

– Джонас, ты проснулся? – (Скатившись с гамака, Джонас непроизвольно морщится, когда больная поясница желает ему доброго утра.) – Ты в порядке?

– Поясница снова вышла из строя. Жаль, что на борту нет хиропрактика.

– Может, стоит пригласить одну из наших Куколок сделать тебе массаж? – ухмыляется Эрик, но, увидев нахмуренные брови Джонаса, сразу меняет тему: – Ладно, но я собираюсь задействовать тебя на все сто. Сегодня у нас большой день. Получены результаты первого зрительского голосования, а это значит, что мы будем снимать процесс голосования проигравшей команды. Им придется отсеять кого-то одного. Но прежде чем это произойдет, нам еще нужно будет снять, как ты руководишь приманиванием рыбы.

– Приманиванием рыбы?

– Это часть следующего испытания Сорвиголов. «Нептун» входит в воды, кишащие акулами, по крайней мере, так будет сказано в анонсе. Мы хотим привлечь сюда целое полчище хищников еще до того, как команды начнут рисковать жизнью и здоровьем во время

следующего испытания. Так что через десять минут жду тебя на палубе. Тебе еще нужно заgrimироваться.

Следующие пять минут Джонас пытается размять мышцы, сделав три комплекса отжиманий по двадцать раз, затем бреется и одевается. После чего идет не на верхнюю палубу, а спускается по трапу вниз, в кубрики Сорвиголов.

Мия Дуранте выходит из общей душевой, завернувшись в полотенце:

– И снова здравствуйте.

– Хм, да... Привет...

– Мия Дуранте.

– Верно. Прости. У меня жуткая память на имена.

– Итак, когда, по-вашему, мы с вами сможем устроить короткую встречу с глазу на глаз?

– С глазу на глаз?

– Мне ужасно хочется поделиться с вами некоторыми мыслями. Нам сказали, что вы вроде как консультант Сорвиголов.

– И о чем ты хочешь со мной посоветоваться? О своем гардеробе?

– Смешно. Нет, мне нужен совет зрелого мужчины. Эти идиоты не умеют ценить самое важное в жизни. В отличие от меня. Я уже была по ту сторону и хорошо понимаю, что нас ждет.

– Прости?

– Смерть. Великий уравнитель. Я уже умирала однажды. Или вы не в курсе?

– Нет.

– Я вам об этом как-нибудь расскажу в ближайшее время, но не сейчас, атмосфера нерасполагающая. – Она подходит совсем близко, принохивается. – Мм... Животные чувствуют запах страха и некоторые люди тоже. Профессор Джей, вы хорошо замаскировали свой страх, но я его ощущаю, он засел где-то очень глубоко.

– Ну... ладно. Послушай, извини, но мне нужно...

– Знаете, почему я стала Сорвиголовой? Потому что больше не боюсь жить. – Она крутится на месте, полотенце падает на пол. – Спорим, теперь вам не удастся так легко забыть мое имя. – Мия смеется и удаляется, волоча за собой полотенце.

– Папа!

Джонас подпрыгивает от неожиданности. Поворачивается и видит дочь в крошечном бикини:

– Господи, Дани! Ты хочешь довести меня до инфаркта? И ради бога, прикройся, ты практически голая.

– Алло? Я только что видела, как ты пялился на ту голую женщину.

– Я не пялился. И вообще, хватит обо мне. Лучше скажи, где ты была прошлой ночью. И почему ты так одета?

– Утром я участвовала в фотосессии. А вот что ты забыл тут внизу? У нас есть жесткое правило. Всем, кому за тридцать, вход воспрещен.

– Забавно. Между прочим, я искал тебя. Думал, мы сможем поговорить.

– Интересно о чем?

– Ну, во-первых, о колледже. Знаешь, еще не поздно...

– Все, тема закрыта. Я собираюсь путешествовать. По Европе. Австралии. Эрик сказал, что может устроить меня статисткой на съемки фильма в Сиднее следующей осенью. Пора расправить крылья и полететь.

– А почему нельзя полететь и одновременно пойти в колледж?

– Пап, я знаю, тебе неприятно это слышать, но мне совершенно неинтересно просиживать задницу с девяти до пяти. Я хочу жить полной жизнью, стать такой, каким когда-то был ты.

– Я?

– Ага. Ну ты понимаешь, пока не связал себя семейными узами.

– Дани...

– Сколько я тебя помню, ты всегда был несчастным, вечно на взводе, вечно в стрессе из-за денег. И посмотри на себя сейчас. Ты будто заново родился. Я наблюдала за тобой вчера на палубе, ты улыбался. Впервые за долгие годы.

– Неправда.

– Пап, это круто. Послушай, колледж не для меня. И прикинь, сколько денег ты сможешь сэкономить на моем обучении.

– Дани...

– Все, мне пора бежать. Увидимся за ланчем. – Она быстрым шагом идет дальше по коридору, потом оборачивается и добавляет: – И кончай глазеть на голых баб!

Море спокойное, на ярко-голубом небе ни облачка. Капитан Робертсон убрал грот и фок, позволив «Нептуну» спокойно дрейфовать.

Верхняя палуба, смежная с капитанской галереей, заполонена Куколками, которые используют ее вместо солярия; намазанные средством для загара тела этих солнцепоклонников маслянисто блестят на солнце. Скучающие операторы, обильно потея, снимают всю эту красоту «для видеоматериала».

Джонас присоединяется к Эндрю Фоксу на главной палубе. Пока фотограф натягивает мокрый гидрокостюм, один из его людей уже спускает за борт акулю клетку.

– Ну что, Эндрю, решил окунуться с утра пораньше?

– Да так, легкая закуска перед основным блюдом. – Эндрю показывает на правый борт.

Море окрасилось багрянцем, вокруг корабля плавают приманки для рыб. С десятков спинных плавников, разрезавших поверхность, быстро рассредоточиваются, когда, раздвигая килем лужи бычьей крови и рыбы потроха, к «Нептуну» приближается суперяхта «Целакант».

Судно тащит на тресе гигантский плавучий объект – свежеебитого горбача.

Спаренные двигатели «Целаканта» работают на холостом ходу, чтобы дать возможность экипажу яхты, целиком состоящему из жителей Борнео, бросить тушу массой 33 000 фунтов на съедение акулам.

В считанные секунды хищники сгрудились вокруг плавающей туши, впиваясь в нее зубами и с отчаянным неистовством вырывая из нее здоровенные куски мяса.

Джонас вне себя от злости хватается за леер:

– Где, черт возьми, Холландер?

На борту суперяхты «Целакант»

Отделанный полированным красным деревом и тиком интерьер трехпалубной суперяхты без преувеличения можно назвать дворцовым. На нижней палубе расположены камбуз, буфетная, кают-

компания экипажа, кубрики, прачечная, мастерская и кладовая. На средней палубе – открытая гостиная, VIP-каюта, а также капитанская каюта, прямо за рулевой рубкой.

Верхняя палуба – это личные апартаменты хозяина яхты. Стены и шкафы отделаны темным вишневым деревом, полы – черным мрамором. Стены хозяйских апартаментов, с гимнастическим залом, джакузи, игровой комнатой, кабинетом и отдельной кухней, представляют собой огромные тонированные панорамные окна.

Построенное на верфи «Абекинг и Расмуссен» в Уэст-Палм-Бич, Флорида, для недавно скончавшейся миссис Эвелин Марен, супруги покойного магната в области недвижимости Джонатана Б. Марена, судно это – все, что осталось от огромного наследства, полученного в свое время единственным ребенком четы Марен.

Майкл Марен в купальном халате сидит в своей каюте. Широкий конец его бинокля вставлен между блестящими хромовыми ламелями венецианских жалюзи, взгляд Марена сфокусирован на мужчине, стоящем у правого леера испанского галеона.

– А ты постарел, мой друг. Время тебя не пощадило.

– С кем ты разговариваешь?

Марен досадливо морщится при звуках бостонского акцента женщины:

– Сам с собой, если тебе так интересно.

Марен еще с минуту смотрит на Джонаса, затем проходит по роскошному ковру цвета слоновой кости в кабинет.

Помощница Марена, Элисон Петруччи, сидит перед тремя большими компьютерными мониторами и множеством экранов системы телевизионного наблюдения и втирает детский крем в обгоревшую на солнце кожу. Миниатюрная двадцатипятилетняя брюнетка родом из Бостона, Элисон не накладывает макияж и грызет ногти, причем скорее не в силу привычки, а для того, чтобы они оставались короткими.

– Изменения есть?

– Нет. – Элисон поспешно проглатывает остатки сэндвича с индейкой. Запив еду глотком диетической содовой, она показывает на экран сонара, где появляется белая точка. – Он то и дело всплывает, но лишь до глубины тысяча четыреста футов, а потом снова уходит в

глубоководные слои. Мертвый кит его явно заинтересовал, но сомневаюсь, что до захода солнца он рискнет подняться выше.

– Когда его кормили в последний раз?

Она бросает взгляд на настенные часы:

– Восемьдесят три часа назад. Бьюсь об заклад, это произойдет сегодня ночью. – Она поворачивается лицом к Марену. – Эй, а тебе не кажется, что нужно связаться по рации с Холландером?

– Да пошел он! Холландер хотел реалити-шоу, он его получит.

На борту «Нептуна»

– Профессор, сколько можно повторять?! Это реалити-шоу. В реальной жизни киты постоянно умирают, так?

– Но этого кита убили намеренно, и ты это знаешь, – говорит Джонас, надвигаясь на Холландера.

– Послушай, я, честно, не понимаю, о чем ты тут толкуешь. Экипаж «Целаканта» получил приказ бросить приманку там, где нужно. Нам очень повезло. Все, тема закрыта.

– Я имею право знать, как был убит этот кит.

– Имеешь право? Джонас, ты не в том положении, чтобы качать права. Послушай, вполне возможно, что кит просто умер от старости. А может, судно «Гринпис» случайно перерезало его винтом. Да и кому какое дело, если мы можем использовать его для наших целей. А теперь быстро займи свое место, или я не стану оплачивать тебе сегодняшний день.

Кипя от ярости, Джонас встает рядом с Шарлоттой. Поправив алый с серебром сплошной купальник, супермодель кивает Сьюзен Феррарис:

– Я готова.

Сьюзен бросает на Джонаса сердитый взгляд:

– Тейлор, ты опаздываешь уже во второй раз. В следующий раз я лично притащу тебя за...

– Пять, четыре, три...

Шарлотта включает дежурную улыбку:

– И добро пожаловать на шоу. Сегодня утром мы закончили подсчет ваших голосов. В первом туре соревнований большинство голосов получила команда «Мако» за потрясающий прыжок с

парашютом в водяной смерч. Как вы все знаете, «Молоты» проиграли первый тур и потому должны проголосовать за исключение одного из членов команды. Итак, первая потеря в рядах Сорвиголов – Джейсон Массет, и мы всей душой сейчас с ним. Джейсон, несколько слов нашим зрителям, прежде чем вертолет унесет тебя обратно в цивилизацию.

– Конечно, Шарлотта. – Бывший игрок в лакросс из колледжа Манхэттенвилла улыбается добродушной улыбкой. – Мне, естественно, очень обидно, причем не только за себя, но и за моих родственников и друзей там, дома. Однако, чтобы показать, что я по-прежнему один из Молотов, мы решили представить мой отъезд как командный трюк.

– А что вы будете делать?

Объектив камеры переводится на восьмифутовый брус шириной двенадцать дюймов, который в спешном порядке установили на леере левого борта.

– Шарлотта, когда-то в семнадцатом веке испанские галеоны типа «Нептуна» нередко подвергались нападению пиратов. И без вины виноватым членам экипажа приходилось идти по доске, чтобы затем умереть страшной смертью в кишасших акулами водах. Сегодня я поплыву в тех же водах на «Целакант», откуда отправлюсь домой.

– Ух ты! Вот это трюк! Джонас, как насчет прощального совета?

– Да. Не делай этого.

По главной палубе эхом разносится барабанная дробь в записи.

Оставшиеся члены команды «Молоты» выстраиваются по обеим сторонам доски.

Майкл Коффи делает знак товарищам по команде отдать честь:

– Мы приветствуем нашего брата Джейсона Массета и молимся о его благополучном плавании.

Джейсон обнимает на прощание друзей, затем с высоко поднятой головой забирается на доску и начинает идти. В трех футах от конца доски он останавливается, подмигивает одной из Куколок, похожей на Риз Уизерспун хорошенькой блондиночке по имени Наташа, – и ныряет в море.

Сорвиголовы, Куколки и члены экипажа кидаются к борту, камеры тем временем продолжают снимать.

Защищенный акульей клеткой в десяти футах от поверхности воды, Эндрю Фокс направляет камеру в отверстие между прутьями из нержавеющей стали, чтобы заснять всю сцену снизу.

В подводном царстве сейчас находится не менее двухсот темных живых снарядов: это акулы снуют туда-сюда в багровом тумане, атакуя тушу кита.

Джейсон размеренно плывет брассом, стараясь контролировать скорость. Голову он держит над растекшейся по воде приманкой, чтобы не выпускать из виду находящуюся сбоку, в семидесяти пяти ярдах от него, стройную суперяхту.

Его окружают темные плавники, то и дело появляющиеся из мутной воды.

Темные акулы, несколько синих. Они не настоящие людоеды. Остерегайся коричневых плавников, темнопёрые серые акулы могут стать агрессивными, если решат, что ты претендуешь на их обед...

А тем временем Эндрю Фокс снимает крупным планом косяк золотистых рыб-молотов, держащихся в стороне от схватки.

И тут подводный фотограф засекает медленно поднимающееся с глубины существо весом 1800 фунтов и длиной шестнадцать футов, с характерными полосами... тупым рылом...

Тигровая акула... О боже!..

Джейсон прибавляет скорость и под приветственные крики проплывает над растекшейся приманкой. Улыбаясь от уха до уха, он переворачивается на спину и вопит во все горло:

– Сделайте это, Молоты, покорите...

– А-а-а!

Сотня незримых ножей врезается ему в ягодицы и почки, и он буквально выпрыгивает из воды.

Тигровая акула тянет Сорвиголову назад в море, вырывая из его тела кусок мяса, после чего отпускает, и тогда тишину разрывает душераздирающий крик:

– А-а-а! На помощь! Помогите!

Дженни Арнос и Док Шинто первыми бросаются на помощь. Буквально через секунду пронзительный рев их «Зодиака» заглушает истошные вопли товарища по команде.

Джонас, стоя на кабестане, наблюдает в бинокль за сценой кровавой бойни. Прямо на его глазах тигровая акула кружит по поверхности, готовясь предпринять новую атаку.

Боже мой!..

Дани, протиснувшись сквозь толпу онемевших от ужаса зрителей, стискивает отцовскую руку:

– Что ты стоишь, сделай хоть что-нибудь!

Джонас смотрит в круглые от страха глаза дочери, и выражение его лица говорит ей все лучше любых слов.

Дженни Арнос направляет «Зодиак» к месту атаки, однако хищник успевает снова напасть на Джейсона.

– А-а-а!

Джейсон отбивается от акулы, но она утаскивает его под воду как раз в тот момент, когда Док Шинто пытается схватить товарища за руку.

– Я его потерял... Куда он делся?

– Вон там! – показывает Дженни.

Док перегибается через противоположный борт плота и хватает Джейсона, голова которого вот-вот скроется под водой, за волосы. Поддерживая Джейсона под мышки, Док затаскивает его на плот.

Кровь льется рекой, скрывая идущие пунктиром раны вокруг изуродованной средней части тела Джейсона. Глаза бедняги вылезают из орбит, рот жадно ловит воздух.

Стараясь не смотреть на раненого, Дженни резко разворачивает «Зодиак» и мчится назад к «Нептуну».

Джейсон, бледный как смерть, конвульсивно дергаясь, смотрит на Шинто:

– Док, я не чувствую ног. Док, они еще там?

Док Шинто, не в силах смотреть на искаленную поясницу Джейсона, выдавливает из себя утвердительный ответ и поспешно прижимает окровавленное полотенце к рваным ранам на животе товарища.

– Док, онемение распространяется все выше. Боже мой, Док, мне страшно.

– Держись! – кричит Дженни.

Майкл Коффи и Эван Стюарт висят, уцепившись за дно грузовой сети, прикрепленной к правому борту испанского галеона. Они

поднимают раненого товарища и укладывают его на спасательные ремни типа гамака, которые быстро поднимают на борт. За считанные секунды ремни насквозь пропитываются кровью.

Джейсон лежит распростершись на главной палубе в окружении бригады медиков и операторов.словно экипаж механиков на гонках «Индианаполис 500», бригада скорой помощи, стоя в луже черной крови, слаженно обрабатывают полубесчувственного Джейсона.

– Давай, Джей, останься с нами!

– Дайте мне еще два мешка крови. Первая положительная!

– Дело плохо. Слишком сильная кровопотеря. Мы не успеваем ее восполнить. Господи, только посмотрите на его поясицу! Она отъела ему правое бедро и половину ягодиц.

Дани стоит на кабестане рядом с отцом, она не может отвести глаз от драматической сцены. Везде кровь, Дани еще никогда не видела столько крови, даже в самых страшных фильмах ужаса. *Сколько же крови может вмещать человеческое тело?*

Медики переглядываются и резко прекращают работу. Смотрят на часы:

– Вот и все. Время смерти пятнадцать часов семь минут.

На палубе повисает жуткая тишина.

Слышен лишь скрип деревянной обшивки. Морской бриз ласково треплет бизань.

Тем временем шум ветра заглушается дружными всхлипываниями.

Дани глотает слезы и прижимается к груди отца, стараясь не смотреть на неподвижное тело, которое еще минуту назад было Джейсоном Массетом.

*Общественная больница полуострова Монтерей
Монтерей, Калифорния*

Патриция Педраццоли торопливо идет по коридору подвального этажа больницы. Находит дверь с надписью «ДКБ» и, запыхавшись, входит внутрь.

Дежурной медсестры на месте нет.

– Есть кто-нибудь?

– Сюда, пожалуйста, – слышится мужской голос.

Она идет на голос и оказывается в маленькой палате неотложной помощи. Только одна кровать из трех занята.

Дэвид Тейлор лежит на спине, на лице у него кислородная маска.

– Господи боже мой!..

– С ним все будет в порядке. – Появляется медик в больничном зеленом костюме. – Трей Харрис. Я дежурный врач.

– Патриция Педраццоли. Что с ним случилось?

– Декомпрессионная болезнь. Слишком быстро поднялся с большой глубины. При резком уменьшении давления азот растворяется в крови и тканях. Пузырьки разрушают стенки клеток и сосудов, влияя на внутренние органы.

– Дэвид нырял с аквалангом?

– Он это отрицает, но симптомы очень характерные. Поражение кожного покрова и острая боль в суставах, в результате чего он и попал к нам. Когда мы его сюда привезли, он буквально корчился от боли. К счастью, у него достаточно легкая форма. И кислород быстро устранил симптомы. Если нет, мы поместим его в барокамеру для декомпрессии.

– Могу я с ним поговорить?

– Да, но недолго. Его до сих пор подташнивает.

Патриция придвигает стул к кровати больного:

– Дэвид?

Он стонет, потом открывает один глаз:

– Только... не говори никому. – Из-за кислородной маски голос Дэвида звучит глухо.

– Мне придется сказать. Нырять в одиночку... Ты рехнулся?! Ты ведь мог умереть!

Дэвид пытается сесть. Сдергивает маску:

– Моя мама... У нее точно будет удар. Обещаю больше никогда не нырять в одиночку.

– Сейчас же надень маску. Это нечестно, ты сам знаешь. Да, я согласилась выручить твою маму, но вовсе не нанималась быть твоей нянькой. Кстати, а где ты нырял?

– В канале. Пытался закрыть ворота в канал.

– Это не оправдание.

– Я больше не буду.

– Тебе было сказано надеть маску.

– Мне нужно поговорить с дядей Маком.

- Забудь. У Мака даже нет доступа к телефону.
- Отвезешь меня к нему?
- Категорически исключено. А теперь ложись и постарайся отдохнуть. Завтра утром я отвезу тебя домой. Но, Дэвид, Богом клянусь, если я еще раз поймаю тебя около океана, то вызову полицию и заставлю их посадить тебя под замок до возвращения твоей матери!

Бамфилд/Баркли-Саунд

Остров Ванкувер, Британская Колумбия

Баркли-Саунд – широкий залив, который пересекает западное побережье острова Ванкувер и врезается в сушу на расстояние тридцати миль до самого Порт-Алберни. Питаемый тремя каналами и группой узких морских фьордов, этот водный путь с интенсивным судоходством характеризуется скалистыми берегами, наличием множества мелких островов и рифов, а также пещер и приливных заводей.

На северо-западном берегу Баркли-Саунда расположен город Юклулет, пользующийся большой популярностью у туристов – любителей наблюдений за китами, рыбалки и дайвинга, а также желающих вернуться в лоно Матери-Природы. На южном берегу Баркли-Саунда находится деревушка Бамфилд с населением около трех тысяч человек, вокруг которой раскинулись индейские резервации и участки национального парка Пасифик-Рим.

В 1972 году консорциум пяти университетов Западной Канады организовал в Бамфилде морскую станцию, учебное и научно-исследовательское заведение, обеспечивающее круглогодичную помощь приезжающим на стажировку ученым и студентам в области морских наук. Помимо своей академической функции, Бамфилд также служит форпостом для береговой охраны Тихоокеанского региона Канады.

Терри Тейлор просыпается не от жестокого похмелья или пересохшего горла, а от настойчивого стука в дверь, раскатистые звуки которого эхом отдаются в черепе и заставляют вылезти из незнакомой кровати в незнакомой комнате в...

– Какого черта я здесь делаю?

Терри с трудом поднимается на ноги. Преодолевая тошноту, она пытается сделать шаг, потом опускает голову, несмотря на головокружение, и обнаруживает, что на ней серая мужская майка размера XL, ну а еще трусики... и больше ничего.

Боже правый!.. Во что я вляпалась прошлой ночью?

Стук в дверь заставляет забыть об урагане в животе. Терри открывает дверь и тут же пулей летит в ванную, захлопнув дверь за секунду до того, как ее начинает рвать.

Джошуа Банкофски, демонстрируя деловитость, приносит пластиковый контейнер с завтраком и стаканчик кофе:

– Терри? Вы в порядке?

– Уходи.

Присев на край постели, Джошуа берет в руки утреннюю газету.

Терри появляется десять минут спустя, бледная и измученная.

– Где, черт возьми, я нахожусь и чем это так жутко пахнет?!

– Вы в моей комнате на морской станции в Бамфилде, а пахнет это вашим завтраком.

– Выкинь его подальше! Мне сейчас нужен только аспирин и моя одежда.

– Конечно. – Заглянув под кровать, Джошуа обнаруживает недостающие предметы туалета, затем достает из прикроватной тумбочки баночку адвила.

Терри возвращается в ванную. Медленно одевается, памятуя о своей больной голове, проглатывает четыре таблетки адвила, опустошает бутылочку полоскания для рта.

Услышав, что Терри наконец вышла из ванной, Джошуа бросает на нее быстрый взгляд:

– Вы в порядке?

– Хуже не бывает. – Она кивает на неубранную постель. – Надеюсь, мы не... ну, ты понимаешь...

– Нет. Вы отрубались еще в джипе. На станции все комнаты, кроме моей, были заняты. Эй, но я не против, если вы согласны.

– Забудь. А зачем мы здесь?

– Вы сказали, что хотите поймать меча. У меня есть доступ к лодке и снаряжению. Если повезет, то за неделю мы доберемся до Монтерея.

– Ты спятил! Интересно, как ты собираешься тащить за собой мега восемьсот миль вдоль Тихоокеанского побережья?

– Да, но мы двинемся в путь не по океану, а по скоростной магистрали. Помните, как несколько лет назад моторная лодка врезалась в беременную самку синего кита в Грейс-Харбор? «Морской мир» переправил мать в передвижном резервуаре, сооруженном из двух трейлеров. Нечто вроде гигантской ванны с собственным запасом морской воды и циркуляционным насосом.

– Я в курсе. Джонас был там. Руководил бригадой, грузившей кита в резервуар с помощью подъемного крана. Джонас даже разработал надувную прокладку для того, чтобы нивелировать вес животного.

– Заметьте, Ангел по размерам даже близко не стояла к синему киту. Все, что нам нужно, начинить одну из туш мертвых китов достаточным количеством снотворного, чтобы вырубить акулу, а затем выманить ее на поверхность этой вашей штуковиной. Поймаем ее, отбуксируем в гавань и, прежде чем она успеет очухаться, загрузим в трейлер. И уже два дня спустя она, в целости и сохранности, вернется в лагуну.

– Насколько я понимаю, вы уже успели провентилировать вопрос в «Морском мире»?

– Ну да, поговорил утром с одним своим корешем. Подъемный кран принадлежит местной погрузо-разгрузочной службе, так что он уже в гавани. Остается только предупредить за шесть часов «Морской мир», после чего они сразу начнут выдвигаться на своем трейлере.

– Ну а лично ты что будешь с этого иметь?

– Вы хотите сказать, кроме возможности познакомиться с вами поближе? – Джошуа перестает улыбаться. – О'кей, я хочу получить руководящую должность в институте и работать с Ангелом. Хочу зарплату, измеряемую шестизначной цифрой, и бонусы, ну а там посмотрим, как пойдет.

– Твоя детская внешность весьма обманчива. На самом деле ты жадный мелкий говнюк, да?

– Эй, я такой же, как все, и просто стараюсь держать нос по ветру. А кроме того, эта тварь принесет вашей семье целое состояние. И если я помогу вам его получить, то честно заслужу свой кусок пирога, – подмигивает Джошуа.

Терри уже начинает не на шутку сердиться:

– Послушай ты, молодой да ранний, а что, если я скажу, что просто хочу получить свой гонорар и вернуться домой?

– Вы в своем праве, конечно. Только вы теряете чертову уйму денег. По крайней мере, позвольте показать вам лодку.

«Кейп Калверт», катер Береговой охраны Канады, – многофункциональное судно средней автономности, списанное в запас для выполнения поисково-спасательных работ, а также для рыбоохраны в Баркли-Саунде и у западного побережья острова Ванкувер. Катер длиной сорок восемь футов и шириной четырнадцать футов приводится в движение двумя дизельными двигателями «Катерпиллер», способными развивать скорость до двадцати узлов.

Терри изумленно таращится на катер, алый корпус и белая рулевая рубка блестят на полуденном солнце.

– Это что, шутка?

– Катер – именно то, что нам нужно.

– Для ученого вы явно туповаты, разве нет? Ангел по крайней мере на двадцать футов больше этой вашей посудыны, да и плавает наверняка быстрее.

– Ладно, по правде говоря, это единственная лодка, которую я смог получить в свое распоряжение за такой короткий срок, но все будет отлично. Катер может поднимать на борт до ста пятидесяти тонн. Он оборудован отличным сонаром и рыболокатором. Более того, не зафиксировано ни одного случая нападения в дневное время, а это значит, что Ангел стала чувствительна к свету. Ночью, когда больше шансов, что она выплывет на поверхность, мы просто будем держаться поближе к берегу. Все отлично сработает, обещаю.

– А я обещаю тебе большие проблемы, потому что ты даже не представляешь, с чем имеешь дело. – Терри бросает взгляд на часы. – Проклятье, я забыла позвонить сыну! – Она снимает с пояса сотовый телефон и набирает дом своего отца. – Нет ответа. Тогда она набирает номер Института Танаки. – Господи, куда же он подевался?!

– Я не сомневаюсь, что с ним все в порядке. Давайте поднимемся на борт, я покажу вам сонар и рыболокатор. Если Ангел окажется поблизости от катера, мы сразу об этом узнаем. – (Терри колеблется.) – Терри, мы ведь не в плавание отправляемся. Ну давайте же!

Терри поднимается на борт катера, причем вовсе не из желания идти на поводу у Джошуа, а скорее для того, чтобы проверить, хватит ли у нее мужества.

– Если я все же решусь на эту авантюру, то в таком случае нам придется кое-что обговорить. Во-первых, если я активирую тампер, то наверняка привлеку внимание Ангела, но я категорически против, чтобы она оказалась в сотне ярдов от судна.

– Не вопрос. Мы можем буксировать тампер на бую. Что еще?

– Полагаю, у вас уже есть экипаж?

– Местный рыбак и один бывший военный моряк. Они всегда выполняют для меня всякие разные поручения. Я с ними разберусь, но рассчитываю на возмещение расходов.

Терри показывает на закрепленный на корме «Зодиак»:

– Я хочу, чтобы спасательная лодка была заправлена и в любой момент готова к спуску на воду. А еще на борту должно быть оружие.

– Оружие? Какого типа? Гаубица?

– Я серьезно. Мне необходимо подстраховаться на случай, если что-то пойдет не так. Нечто такое, что способно остановить танк.

– А разве не вы говорили командеру Сутере, что Ангел относится к охраняемым видам?

– Пусть меня арестуют. Но без оружия я никуда не поеду.

*Общественная больница полуострова Монтерей
Монтерей, Калифорния*

Дэвид открывает глаза. Он уже в другой палате, утреннее солнце просачивается сквозь оконные жалюзи. Настенные часы показывают 6:45.

Он садится в кровати. Боль сменилась голодными спазмами в желудке.

На стуле сложена его одежда. Дэвид идет в ванную, потом одевается и выходит из палаты в поисках съестного.

Он проходит мимо открытых дверей, время от времени останавливаясь, чтобы послушать. Миновав полдюжины палат, Дэвид оказывается в детском отделении.

И тут у него в голове возникает блестящая идея. Он находит пост медсестер:

– Здравствуйте, я ищу Афины Холман.

– Палата триста семнадцать.

Следуя указателям, Дэвид находит нужную палату и входит.

Девочка лежит в кровати, глаза полуоткрыты, взгляд остекленевший. Рядом с ней стоит поднос с нетронутым завтраком. Тихо работает телевизор.

Дэвид подходит поближе:

– Привет, Атти.

Нет ответа.

Дэвид присаживается на краешек кровати:

– Ты меня не помнишь? Я внук Масао.

Ее глаза открываются чуть шире.

– Масао?

– Верно. Мы уже встречались раньше. Думаю, несколько лет назад. Ну как, вспомнила? – (Атти вглядывается в его лицо и кивает.) – У тебя все хорошо? – (Она снова кивает.) – Отлично. Слышал, тебе здорово досталось. Видеть, как тонет мой дедушка и вообще... Мне очень жаль, что тебе пришлось пережить такое...

Она отворачивается, переключив внимание на телевизор. Прибавляет звук.

...Прошлым вечером «Филлис» проиграли «Редс», шесть – три, однако нападающий Райан Ховард совершил рекордное за свою карьеру число хоум-ранов – семьсот пятьдесят шесть, – став третьим, кто претендует на то, чтобы побить непревзойденный рекорд Барри Бондса по количеству хоум-ранов. На сегодня «Филлис» закончили, они отправляются в «Пасифик-Белл-Парк» на серию из четырех игр с «Джайентс», которая начинается в пятницу вечером. Что касается других игр, «Доджерс» перешли с восьмой строчки на...

Атти выключает телевизор:

– Бабуля говорит, я скоро вернусь домой. Говорит, что возьмет меня на матч – посмотреть, как Райан Ховард ставит рекорд.

– Круто! – Дэвид показывает на поджаренный хлеб. – Ты будешь это есть? – Мальчик намазывает хрустящий хлеб виноградным джемом и откусывает кусочек. – Мы можем поговорить о моем дедушке? – (Афина мгновенно мрачнеет и отворачивается; у нее дрожат руки.) – Атти, ведь, когда умер дедушка, Ангел была в лагуне, да? Потому-то у дедули и случился инфаркт. Все дело в Ангеле.

Афина кивает, уткнувшись лицом в подушку.

Я так и знал!

– Атти, только никому не говори об этом, хорошо?

– А что ты собираешься делать?

Наклонившись, Дэвид шепчет Афине на ухо:

– Я собираюсь поймать ее.

Глава 15

На борту «Нептуна»

Филиппинское море

473 миль юго-западу от Марианской впадины

Прислонившись к лееру правого борта, Джонас Тейлор наблюдает за тем, как на западном горизонте бледнеют багровые сполохи.

С наступлением темноты по телу ползет неприятный холодок, но причина не только в понижении температуры воздуха.

Смерть Джейсона Массета накинута на корабль покров уныния. Его подруга Наташа держится исключительно на сильных седативных препаратах. Съёмочная группа разбредается по кораблю: продюсеры сидят в капитанской кают-компании, Сорвиголовы – в комнате отдыха, Куколки – в своем кубрике.

И только Джонас стоит в одиночестве на запятнанной кровью палубе – одинокий часовой у неподвижного тела в самопальном мешке.

Очередная жертва юношеской самонадеянности и слепой веры в собственное бессмертие.

Много лет назад Джонас был точно таким же. Он рисковал жизнью во время глубоководных погружений, пребывая в святой уверенности, что будет жить вечно. Несколько раз он обманывал смерть – он стал «героем», победившим самого страшного хищника на планете и оставшимся жить, чтобы поведать миру эту историю.

Но проблема героев состоит в том, что все они рано или поздно умирают: или погибают в челюстях страшного противника, или уходят в мир иной, не выдержав бремени прожитых лет. Для Джонаса Тейлора – зрелого мужчины за шестьдесят, успевшего стать отцом двух детей, – смерть уже не абстрактное понятие, а суровая реальность, когда в верхнем сосуде песочных часов осталось гораздо меньше песка, чем в нижнем, а значит, смерть рано или поздно выиграет последнюю битву. С годами приходит осознание того, что не сегодня-завтра ты можешь обнаружить у себя смертельное заболевание или попасть в аварию, оставшись до конца жизни калекой.

Мысли о смерти преследуют Джонаса, словно наваждение. Он представляет себе, как мертвый лежит в гробу, который медленно опускают в землю. Осознание того, что рано или поздно придется покинуть этот мир, действует угнетающе, а поскольку Джонас далек от религии, вера в загробную жизнь не может дать утешения.

Куда уходят годы? И чего я успел достичь?

Джонас устремляет взгляд на поверхность воды и неожиданно замечает какое-то движение.

Раздутая туша горбача вздымается и перекачивается, демонстрируя растерзанное брюхо. Спинные плавники продолжают разрезать поверхность моря, спокойствие которого то и дело нарушают яростные удары.

Что случилось с моими мечтами, с амбициозными целями, которые я перед собой ставил? Не слишком ли поздно искать смысл жизни? И не вышел ли я в тираж, как этот самый кит?

Порывы ветра хлещут по палубе, заставляя дрожать от холода. Джонас садится, прижав колени к груди, артрит тотчас же дает о себе знать тупой болью в левом колене. Джонас вспоминает стихотворение, которое начал сочинять для мемуаров:

Бездумные порывы вечной юности моей
Заставили меня блуждать у тех дверей,
Где скрыта правда. Я пробивался наугад
Сквозь лихолетья и напастей камнепад.
Но вот в колокола пробило Время.
И понял я, что все на свете бrenно.

Джонас смотрит на темнеющий горизонт, находя в этой черноте нечто символичное.

Погруженный в свои мысли, он не замечает, что акулы внезапно исчезли.

В комнате отдыха Сорвиголов явно не чувствуется недостатка в тестостероне.

– Правила соревнования абсолютно ясны, – заявляет Майкл Коффи. – Или «Мако» выполняют свой трюк, или они проигрывают

соревнование.

– А кто, умерев, сделал тебя королем? – наезжает на него Дженни. – Мы собрались здесь, чтобы почтить память Джейсона, а не для того, чтобы обсуждать шоу.

– Я не знаю, – говорит Док Шинто. – То, что случилось сегодня... Я не перестаю об этом думать... Это было ужасно.

– Это было именно то, на что мы все подписались, – парирует Эван Стюарт. – Лично я считаю, Джейсон остался верен себе. Я видел, как он катался без доски на гребне «Челюстей». Думаю, в глубине души он хотел для себя именно такой смерти.

Ди Хатчер осушает свое пиво:

– Что верно, то верно. Джейсон умел себя показать.

– За Джейсона! – Сорвиголовы салютуют пивом.

– Чушь собачья! – Коффи нервно меряет ногами комнату. – Джейсон облажался, и все это знают. Мы и раньше плавали с акулами, и я тогда еще специально напомнил ему, что нужно осторожно плыть среди приманки, не делая резких движений. А он валял дурака, что и привлекло тигровую акулу. Мне следовало самому выполнить этот трюк.

– Жаль, что ты этого не сделал, – бормочет Ферджи.

Коффи бросает косой взгляд на австралийца:

– Уж кто-кто, а ты должен быть на моей стороне. В прошлом сезоне, когда погибла Диана, никто из нас не пал духом. Мы все решили, что почтим ее память тем, что не отступимся и будем продолжать соревнования. Неужели Джейсон достоин меньшего?

– Лично я не хочу возвращаться на это поле смерти, – говорит Лекси. – Я выполняю трюки не хуже других, но отнюдь не готова быть съеденной живьем. Кто-то должен был засечь эту тигровую акулу.

– Жалкие отговорки, Лекси. И ты это знаешь. – Эван Стюарт снимает рубашку, демонстрируя страшные шрамы на животе. – Видишь это? Подарок от большой белой акулы весом три тысячи фунтов. Гнусная тварь поимела меня, когда я занимался серфингом в Австралии. Первое, что я сделал, выписавшись из больницы, – это схватил доску и вернулся к своим волнам. Если вы, ребята, сейчас откажетесь от соревнований, то навсегда потеряете драйв. Лекси уже его теряет.

– Да пошел ты, Эван!

– Кончайте базар! – Дженни Арнос прикрикивает на спорщиков. – Будет день, будет пища. Утром мы вернемся в море, мы все, но сегодняшний вечер... сегодняшний вечер посвящен Джейсону, и ничто не может сравниться с его смертью.

– Ничто не может сравниться с этим, – шепчет Сьюзен Феррарис. – Эндрю, прокрути снова.

Эндрю Фокс прокручивает запись подводной съемки нападения на Джейсона Массета:

– А ты уверена, что хочешь это показывать? По-моему, картина слишком страшная, даже для реалити-шоу.

– Ты что, шутишь?! Это же золотое дно для рейтингов! Ну что еще? – спрашивает Сьюзен, заметив обеспокоенный взгляд Эрика Холландера. – Надеюсь, ты не дашь слабину?

– Нет, я вот тут думаю. А что, если события станут еще более кровавыми?

– Куда уж кровавее?! Не стоит меня дразнить.

– Следующая остановка – «ясли» кашалота. Бог его знает, что еще может случиться.

– Мы не сдвинемся с места, пока «Мако» не ответят на вызов «Молотов», – напоминает Сьюзен. – Им придется через это пройти, так?

– Последний срок для выполнения трюка – семь утра.

Ущербная луна прячется за вздымающимися кучевыми облаками, озаряя призрачным светом небо на востоке.

Даниэлла Тейлор босиком крадется вверх по трапу, разыгравшиеся гормоны берут верх над муками совести. Оказавшись на главной палубе, она направляется вперед, но темнота плюс воспоминания об изувеченном теле Джейсона Массета лишают ее остатков мужества.

Возле бушприта Дани видит надувную лодку «Зодиак». В лодке, укрывшись шерстяным одеялом, лежит Ферджи:

– Чудесный вечер, правда?

– Здесь чертовски холодно, а от спального мешка у меня мурашки ползут по спине. Почему нельзя было заняться этим внизу?

– Слишком много глаз, слишком много камер. И вообще, я не дам тебе замерзнуть. – Ферджи отбрасывает одеяло. Он совершенно голый. Рядом с ним лежит упаковка пива. – Я решил, что тебе наверняка захочется глотнуть пивка.

– Не откажусь. А где твое? – Дани стягивает тренировочный костюм и падает в его объятия.

Джонас лежит, уставившись на деревянные балки над головой. Сна нет ни в одном глазу. Гамак висит под таким наклоном, что артритное колено постоянно напряжено, а ноющая старая рана в мышцах правого плеча мешает перевернуться на другой бок.

И тем не менее все это пустяки по сравнению с болью в сердце, которая и не дает сомкнуть глаз.

Боже, как я скучаю по Ти! Хотел бы сейчас лежать вместе с ней на нашей постели, занимаясь любовью под одеялом. Жизнь такая короткая, а я понапрасну растрачиваю время в разлуке с любимой женой. И как вынести еще четыре с половиной недели без нее?

В каюте душно, в нос назойливо лезет запах сухого дерева. По пояснице катятся капельки пота. Выбравшись из гамака, Джонас пересекает комнату и открывает иллюминатор.

В помещение врывается свежий бриз.

А потом Джонас видит свечение.

Вода под тушей кита озаряется бирюзовым светом. Должно быть, подводные огни «Нептуна». Он просовывает голову в иллюминатор, изогнув шею для лучшего обзора.

И тут в извилинах его мозга возникает страшная мысль.

– Нет, наверняка это не она. Этого не может быть!

Джонас пулей вылетает из каюты и взбегаёт по трапу, едва не сбив с ног капитана Робертсона.

– Полегче, Тейлор! Что за пожар?

– Подводные огни «Нептуна»... Они включены?

– С чего вдруг? А почему тебя это интересует?

– Думаю, под тушей кита происходит нечто странное.

Перемахивая через оставшиеся ступени, Джонас выскакивает на главную палубу.

Капитан Робертсон достает портативную рацию:

– Лавак, включить подводные огни!

– Есть, сэр!

Джонас перегибается через леер правого борта, и как раз в этот момент прожекторы озаряют море, создавая вокруг «Нептуна» светящееся лазурное озеро. Туша кита подсвечена снизу, кусочки мяса кружатся в лучах света.

Капитан Робертсон присоединяется к Джонасу:

– Итак? Нашел, что искал?

– Мне показалось... будто что-то люминесцирует под тушей кита. Возможно, все это мое больное воображение. Сам не знаю. Что бы там ни было, оно исчезло.

Робертсон лукаво ухмыляется:

– Пиротехника глубинных слоев. Скорее всего, из впадины в поисках пищи всплыла колония сифонофор. Я слышал, размеры некоторых из них превышают восемьдесят футов. А их биолюминесцентное свечение – это нечто.

– Да, вполне возможно. Но есть еще одно существо, шкура которого испускает призрачное сияние, и это отнюдь не угорь в желе.

Капитан хлопает Джонаса по спине:

– Расслабься, приятель. Нельзя жить одним лишь прошлым. Давай-ка лучше пропустим по стаканчику на ночь. Это позволит тебе уснуть. Денек сегодня выдался не из легких.

– Я, пожалуй, пас.

– Как тебе будет угодно. – Капитан удаляется в свою каюту.

Подводные огни меркнут, и только восковая луна освещает Джонасу путь.

Джонас бросает взгляд на темные очертания мертвого кита. Ничего. *Джонас, соберись и не впадай в старческий маразм.*

И все же, понимая, что не сможет спокойно уснуть, Джонас решает пройтись по главной палубе в надежде прочистить мозги.

Оказавшись у носа судна, он неожиданно слышит какие-то шепотки. Идет на источник звуков к «Зодиаку». Какая-то парочка, прячась под одеялом, похоже, целуется в засос.

Джонас улыбается, вспоминая свое университетское прошлое. *Господи, сколько воды с тех пор утекло!..*

Одеяло неожиданно сползает. И Джонас узнает девушку, лежащую сверху:

– Даниэлла Тейлор!

– Вот дерьмо! – Дани складывается, точно аккордеон, набрасывает на голое тело одеяло и вихрем несется к ближайшему трапу.

Джонас, по-прежнему в шоке, обращает взгляд в сторону распростертого в лодке мужчины.

– Э-э-э... Добрый вечер, профессор Джонас. Решили прогуляться?

– Мистер Фергюсон, у нас сегодня уже был один покойник. Вам что, не терпится стать вторым?

– Полегче, здоровяк. Твоя дочь уже давно выросла, если ты не заметил. Настало время дать ей право самой принимать решения.

Джонас, сжав кулаки, с трудом преодолевает желание хорошенько навалить наглому австралийцу:

– А теперь, умник, слушай меня очень внимательно. Согласно закону, она пока несовершеннолетняя, по крайней мере еще одну неделю, но независимо от ее возраста она моя маленькая девочка. И вообще, я отлично знаю, что тебе нужно и чем все это закончится, поэтому давай на том и порешим: еще раз застукаю тебя с ней, и ты горько пожалеешь, что я не скормил тебя акулам.

Гора Мадонна

Уотсонвилл, Калифорния

На ослепительно-синем полуденном небе ни облачка.

Дэвид Тейлор вытирает взмокшие ладони о пропотевшие шорты, поправляет козырек бейсболки с эмблемой «Филадельфия Филлис» и упрямо продолжает толкать велосипед вверх по гравийной обочине однополосного шоссе.

Пятичасовая поездка на велосипеде вконец измотала Дэвида. Утром, незаметно улизнув из больницы, он автостопом добрался до дедушкиного дома, набил рюкзак припасами и позвонил матери по сотовому, чтобы отметить.

– Дэвид, ты уверен, что справишься? Мне придется на день-два задержаться.

– Мама, все отлично. В холодильнике полно еды, и у меня еще куча дел. Кстати, а где сейчас дядя Мак? Хочу послать ему открытку с пожеланием скорейшего выздоровления.

Дэвид нашел реабилитационный центр в «Желтых страницах», затем позвонил узнать, как туда добраться.

Поездка по Тихоокеанскому прибрежному шоссе оказались сплошным мучением, но зато дальше, по шоссе через Уотсонвилл, Дэвид ехал с ветерком.

Сходя в туалет и перекусив на скорую руку в супермаркете, он начал долгий подъем по шоссе 152.

И уже через десять минут у него устали ноги.

Гора Мадонна, где некогда жили индейцы племени олони, представляет собой часть горного хребта Санта-Круз. С зелеными лугами на вершине и лесами из секвойи, гора эта является охраняемым национальным парком, дающим возможность публике полюбоваться видами залива Монтерей на западе и долины Санта-Клара на востоке.

Дэвид выходит на дорогу, ведущую в реабилитационный центр, только к половине второго.

Северокалифорнийский центр по избавлению от наркотической и алкогольной зависимости раскинулся на площади тридцать два акра на вершине горы Мадонна. Скорее дом в горах, нежели медицинское учреждение, центр этот, с его многочисленными горными тропами и великолепным видом на долину Пахаро, предоставляет пациентам возможность единения с природой в ходе реабилитации.

Причиной пристрастия к алкоголю и наркотикам может быть плохая наследственность, душевные заболевания или неблагоприятное окружение. Поэтому философия программы центра состоит в том, чтобы помочь пациенту на тяжелом этапе детоксикации путем назначения ударных доз витаминов и сочетания индивидуальных занятий с групповой терапией. Конечная цель подобного комплексного подхода – вернуть пациенту чувство ответственности за свою жизнь. И хотя реабилитация требует от человека полной отдачи до конца жизни при отсутствии всяких гарантий, семь из десяти пациентов, прошедших курс терапии по этой программе, в течение пяти лет не притрагиваются к наркотикам, что значительно больше, чем число избавившихся от наркозависимости в рамках других программ.

Дэвид оставляет велосипед у дерева и направляется к главному входу.

Проскользнув мимо стойки администратора, он торопливо проходит по коридору, натывается на закрытую дверь аудитории и заглядывает в окошко наверху.

Человек десять сидят кружком посреди комнаты. Мака среди них нет.

– Эй, малыш! Тебе сюда нельзя.

У Дэвида екает сердце. Он поворачивается, морально готовый к тому, что его арестуют или побьют.

Перед ним мужчина слегка за тридцать. Каштановые волосы, зеленые глаза, одет в джинсы и выцветшую зеленую футболку «Иглс».

– Расслабься, малыш, я не адвокат. И что ты здесь потерял?

– Ищу друга. Джеймса Макрейдса.

– Неужели? А откуда ты знаешь Мака?

– Он мой крестный. Мне нужно с ним увидаться. Так, семейные дела.

– Не знал, что у Мака есть семья. А как тебя зовут?

– Дэвид. Дэвид Тейлор.

– Вот эту фамилию я уже слышал. Ну а я Роб Паркер. Опекун Мака.

– Что значит «опекун»?

– Опекун – это парень, которому Мак должен позвонить, если ему вдруг захочется нарушить трезвый образ жизни.

– А как он поживает?

– Он зол на весь мир, и сейчас у него стадия отрицания, что нормально для этого этапа лечения. Пошли, я тебя к нему провожу.

Паркер ведет Дэвида по узкому коридорчику к расположенному снаружи бассейну, пересекает террасу и останавливается перед деревянной дверью в сауну:

– Мак в сауне. Проводит тут кучу времени. Будь с ним поласковее. Ему сейчас тяжело приходится.

Дэвид тянет на себя тугую дверь и входит.

Его встречает обжигающая лицо волна сухого жара.

– Сейчас же закрой эту сраную дверь!

На деревянной скамье лежит одинокая фигура, голова и бедра обмотаны полотенцами.

– Дядя Мак?

Мак снимает с лица полотенце:

– Дэвид? Господи, малыш, что ты здесь делаешь?!

– Приехал с тобой повидаться.

– А папа с мамой тоже тут?

– Нет, я один.

Мак садится:

– А как, черт возьми, ты сюда добрался?! Впрочем, какая разница! Приятно увидеть родное лицо. Итак, что случилось?

– Ангел вернулась.

– Ангел? – хмыкает Мак. – Да брось, малыш...

– Я видел ее. Нырял на дно канала, проверял резервный блок питания и...

– Ты что, нырял один?

– Ладно, проехали. Суть в том...

– А где твоя мама?

– Улетела по делам на остров Ванкувер. В общем, я видел ее, видел Ангела, по крайней мере хвост. Она уходила на глубину, в сторону подводного каньона Монтерей.

– А теперь давай уточним. Выходит, ты проделал весь этот путь, потому что тебе примстился хвост Ангела.

– Не примстился, я действительно ее видел, и Атти тоже видела. Ангел была в лагуне в тот день, когда умер дедушка.

Взгляд Мака становится напряженным.

– Тебе Атти сказала?

– Именно так. А теперь давай одевайся, мне нужна твоя помощь. Мы должны отловить ее, прежде чем...

– Отловить ее? Эй-эй, не гони лошадей, Бако! – Мак берет пластиковый контейнер с водой, выливает ее на камни, сложенные поверх решетки обогревателя, и его окутывает облаком пара. – Допустим, чисто гипотетически, что ты прав. Будем считать, что эта ошибка природы действительно вернулась в калифорнийские воды. Но с чего ты взял, что я захочу ее отловить?

– Ты что, издеваешься? Для нас это отличный шанс. А ты знаешь, как долго дедушка ждал этого момента?

– Твой дедушка?! Послушай, малыш, твой дедушка ненавидел Ангела. Ненавидел ее запах, оставшийся после нее дух или что там еще, поскольку он мешал его ненаглядным китам поселиться в лагуне. Он винил эту тварь во всех бедах, которые сыпались на его голову последние двадцать лет.

– Ты ошибаешься. Возможно, он хотел, чтобы ты и мои родители так думали, но на самом деле все обстояло иначе. Дедушка говорил

мне, у него вагон и маленькая тележка предложений продать лагуну, но он этого не сделает. Говорил о карме. Он знал, что в один прекрасный день Ангел вернется, и хотел быть готовым.

– Он сам тебе это сказал?

– Всю дорогу твердил. Рассказывал, какие толпы народу приходили поглазеть на Ангела, как он встречал всех этих президентов, и актеров, и прочих знаменитостей. Он говорил, Ангел соединяла людей самых разных национальностей и из самых разных слоев общества.

– И пугала всех до чертиков. Если твой дедушка действительно так думал, тогда почему он согласился продать лагуну братьям Дейтч?

– Дедуля водил их за нос. Он был должен им кучу денег, да и моим родителям тоже, а потому делал вид, будто из кожи вон лезет, чтобы расплатиться.

Мак закатывает глаза и ухмыляется:

– Молодец! Развел нас, как детей.

– Он не знал, что Ангел вернулась. Наверное, случайно включил запись с барабанной дробью перед тем, как спуститься в лагуну.

– Он умер в лагуне?

– Там у него случился сердечный приступ. Дедушка чистил основной сток. Я думал, ты знаешь.

– Нет. – Мак сжимает голову руками, по подбородку стекают ручейки пота.

– Дядя Мак, может, уйдем отсюда? А не то я совсем спарюсь.

– Я виноват в его смерти. Уход за бассейном не входил в его обязанности, это была моя работа.

– Произошел несчастный случай.

– Нет. Я должен был быть с ним. Но целую неделю туда носа не показывал. Стоки нуждаются в регулярной прочистке, а я откладывал это на потом. Мне все было недосуг. Нужно было успеть надраться в дупель. В вечер перед его смертью я пропивал мозги в какой-то местной забегаловке.

– Дядя Мак...

– А закончил тем, что подцепил какую-то соплюху-студенточку... Реальный кретинизм. Триш застучала меня с ней. А буквально час спустя твоего дедушку выловили из бассейна.

Дэвид вытирает потный лоб:

– Дядя Мак, у него было слабое сердце. Он мог умереть, когда переходил улицу.

– Но не умер же. Он умер из-за меня... потому что меня не было рядом. – Мак с силой бьет кулаком по деревянной скамье. Снова и снова.

Дэвиду становится не по себе:

– Ладно, у тебя есть шанс все исправить. Если сможешь мне отловить Ангела.

– Я должен рассказать тебе кое-что еще. Та славная работенка, на которую клюнул твой отец? Так вот, это явная подстава.

– Что? О чем ты говоришь?

– Какой-то крутой продюсер, Джеймс Гелет, он неделями меня доставал. Говорил, что я должен принять участие в круизе, типа это вопрос жизни и смерти, типа им будет полный триндец, если на борту не окажется моей задницы. В результате я велел ему отвалить, я всегда знаю, когда меня хотят поиметь. А твой отец... Ну, он видит только то, что хочет видеть.

– Как его можно подставить? И кому это выгодно?

– Без понятия. Господь свидетель, за все эти годы мы с ним успели разозлить немало людей. Кто-то дергает за ниточки, и это явно не придурки со студии. Ведущий шоу, мать его за ногу! Черт, мы с твоим стариком уже давно вышли в тираж! Большинство из этих так называемых голливудских боссов еще даже не родились, когда мы наслаждались своей минутой славы. Так неужели ты думаешь, что им сейчас на нас не насрать? Такие шоу, как «Сорвиголовы», не нуждаются в старых пердунах вроде нас, им нужны сексапильные цыпочки с большими сиськами. В любом случае я должен был предупредить твоего старика, но не сделал этого. Я злился на него... Блин, я тогда злился на весь этот проклятый мир!

– Мой папа... С ним все будет хорошо?

– Да, наверняка. Твой старик – как кошка, у него девять жизней, и он всегда приземляется на лапы. Не волнуйся за него. Он будет в порядке.

Дэвид заглядывает своему крестному отцу в глаза:

– А как насчет тебя?

– Меня? Как они тут говорят, я должен продвигаться вперед шаг за шагом. Ладно, давай выбираться из этого адского пекла. – (Дэвид

выходит вслед за Маком из сауны, полной грудью вдыхая прохладный горный воздух.) – Значит, все эти годы Масао просто тянул время и ждал, когда его монстр вернется домой на ночлег.

– Ты мне поможешь?

– Не могу же я позволить тебе сделать это в одиночку. И ежу понятно. Ладно, заберем мои пожитки и улизнем отсюда.

– Они не будут возражать?

– А кто их будет спрашивать? Главная засада нас ждет впереди, когда придется уламывать Триш оплатить наше такси.

Поздний плейстоцен

*Северо-запад Тихого океана
18 000 лет назад*

Темнота просачивается сквозь верхушки пальм тропических джунглей, окутывая берег багровой дымкой.

Беременная самка умирает вместе с уходящим днем, ее гигантская туша безнадежно застряла на песчаной отмели. Она яростно билась двадцать мучительных минут и сейчас окончательно изнемогла. Увязнувшая в илистом дне под тяжестью собственного чудовищного веса, она мотает головой из стороны в сторону, подставляя волнам разинутую пасть, чтобы обеспечить хоть какую-то вентиляцию.

Проглотив здоровенную порцию морской воды с песком, самка мегалодона корчится в конвульсиях, осадок забивает жаберные щели. В состоянии паники она выгибается дугой, поднимая гигантскую голову над темной жижей, забитые тиной разинутые челюсти взывают к ночному небу.

Поток воздуха проносится по глотке и задерживается внутри, что неожиданно прибавляет плавучести ее массивному телу, позволяя высвободить один из увязших в жиже грудных плавников.

Заряженная новым приливом энергии, самка бешено мотает головой и хлещет хвостом, отчаянные рывки заставляют воды реки кружиться в неистовом танце. Песчаная отмель внезапно сдается, выпуская из смертельных объятий верхнюю часть тела акулы.

Она извивается, бьет хвостом, перекачивается с боку на бок – и вот наконец долгожданная свобода.

Измученная самка сперва долго-долго лежит в воде, судорожно открывая и закрывая челюсти. Спазмы в налитых свинцом мышцах постепенно проходят, акула устремляется вперед, в родную стихию, набегающие волны, проходя через пасть, очищают забитые жабры.

Свежая морская вода проникает в раздутую матку, охлаждая еще не родившихся детенышей и, таким образом, позволяя приспособиться к окружающей среде, в которой им предстоит оказаться.

Прошло почти два года с момента копуляции, когда и был зачат выводок акул. На эмбриональной стадии детеныши находились в защитной прозрачной капсуле, получающей питание через желточный мешок: являясь неким подобием плаценты, он был соединен с их пищеварительным трактом. Через какое-то время эти капсулы лопнули, и детеныши попали в матку, жидкость в которой коренным образом отличалась по химическому составу от океанской воды. И сейчас, когда время родов неуклонно приближалось, материнская утроба регулировала их ионно-водный баланс, готовя, таким образом, еще не родившуюся молодежь к погружению в море.

Период созревания восьми выживших детенышей мега вследствие недокорма оказался длиннее обычного, поскольку внутреннее строение тела их матери позволяло откладывать родовые схватки до тех пор, пока детеныши не достигнут достаточного размера. Это выработавшееся в ходе эволюции свойство организма увеличивало процент выживаемости детенышей в дикой природе, но было тяжелой ношей для их матери, поскольку вынуждало ее тратить больше энергии на последних неделях беременности.

Огромное плотоядное животное замечает привычное посасывание в утробе. Ей нужно найти пропитание, и срочно, ведь иначе она снова потеряет кого-то из детенышей.

Первобытные органы чувств сканируют темные водные пути, змеящиеся между тропическими островами. Самка засекает слабые электрические импульсы от бьющегося сердца и мощных мышц. Приближается что-то очень большое, что-то знакомое...

Самец.

Слишком слабая, чтобы защититься от более агрессивного противника, самка меняет курс и погружается в лабиринт прибрежных

вод, не подозревая о том, что внизу по течению ее уже поджидает другой охотник.

Глава 16

На борту «Нептуна»

Филиппинское море

473 милик юго-западу от Марианской впадины

Еще не рассвело, а члены съемочной группы уже определяют местоположение камер, делая установочные кадры.

Джонас Тейлор сонно сидит на брезентовом стуле, гример накладывает ему на лицо тон – скрыть темные круги под глазами.

Появляется Эндрю Фокс и протягивает Джонасу чашку горячего кофе:

– Просто чудо какое-то! Ты словно помолодел на десять лет. Теперь ты выглядишь ровно на свои восемьдесят, и ни днем больше.

– И чувствую себя на эти годы. Ты, случайно, не видел мою дочь?

– Нет. А что случилось? Вы снова поцапались?

– Вчера ночью я застукал ее в чем мать родила с одним из наших Сорвиголов.

– Ой-ей-ей! И что ты сделал?

– Пока ничего. Но я подумал, может, мы с тобой сумеем взять его за жопу чуть позже. Например, подвесить вниз головой к «вороньему гнезду».

– Насколько я знаю этих Сорвиголов, думаю, ему понравится.

К ним подходит Эрик Холландер:

– Эндрю, ты нужен нам в клетке. До рассвета осталось десять минут. Джонас, ну как, держишься?

– Холландер, я еще пока не пациент гериатрической клиники.

– Нет, конечно нет. На самом деле я только что говорил с командой Мако. Как насчет того, чтобы присоединиться к ним во время одного из трюков?

– Извини, приятель, но с акулами я свое уже давным-давно отплавал.

– Ладно, не вопрос. Впереди экскурсия в «ясли» кашалота. Не возражаешь понырять с аквалангом вместе с китом?

– Припиши несколько нулей на бонусном чеке – тогда и поговорим.

– И пять... Четыре... Три...

Появившийся на горизонте темно-красный огненный шар смотрит вниз на обнаженное левое плечо Шарлотты Локхарт.

– Сейчас у нас здесь, в южной части Тихого океана, раннее утро. Утро после длинной ночи, когда съемочная группа и обе команды Сорвиголов оплакивали трагический уход из жизни нашего друга Джейсона Массета. Бывший игрок в лакросс, увлекавшийся бодибордингом, Джейсон Массет был одним из самых популярных участников соревнования. Вчера ночью капитан команды Майкл Коффи разговаривал с семьей Джейсона, живущей на Лонг-Айленде.

– Стоп, снято! – Сьюзен Феррарис проверяет свои записи. – О'кей, у нас есть материал на минуту и двадцать секунд разговора с родителями Джейсона, а затем покажем прямой репортаж о том, как мешок с телом Джейсона опускают в океан. Подводная съемочная группа на месте?

– Все готово.

– Отлично! Джонас, хочешь что-нибудь добавить, когда начнется прямое включение с участием Шарлотты?

– Нет, похоже, вы уже обсосали этот момент под всеми возможными углами.

Губы Сьюзен застывают в фальшивой улыбке, но глаза злобно сверкают.

– И то верно. Спасибо за твой неоценимый вклад.

Док Шинто, Барри Струл, Дженни Арнос и Лекси Пьятек выходят вслед за Вейном Джоном Фергюсоном, капитаном команды «Мако», на главную палубу. Все в мокрых гидрокостюмах. Ферджи несет маску с трубкой, Дженни – бумбокс.

Команда выстраивается в боевой готовности у леера правого борта. Двухфутовые волны захлестывают едва держащиеся на плаву останки кита. В призрачном утреннем свете Тихий океан кажется свинцово-серым. Акулы вернулись в полном составе, их спинные плавники разрезают поверхность воды.

– Эй, погоди!

Ферджи поворачивается и замечает Дани, которая прячется за грот-мачтой.

Девушка бросается в его объятия, целуя врасплох:

– Прости за прошлую ночь. Когда мы снова увидимся?

– Без понятия. Твой отец в ярости, как раненая змея. И вообще, мне сейчас некогда. Увидимся после трюка.

– Ферджи... Я люблю тебя. – (Австралиец нервно вздрагивает.) – Что такое? Чего ты боишься? Я только хотела, чтобы ты знал до того, как ты... Ну, ты понимаешь.

– До того, как я что? До того, как я скормлю себя акулам? Послушай, сейчас не самое подходящее время для разборок...

Дженни Арнос хватается Ферджи за руку:

– Пойдем, любимый! Они уже собираются опускать в воду тело Джейсона. А что касается тебя, Тейлор, то Куколкам сюда вход запрещен. Почему бы тебе не пойти поискать своего папочку?

Дани в бессильной злобе стискивает зубы.

Ферджи, пожав плечами, покорно позволяет Дженни себя увести.

Передав подводную камеру Джону Лоури, своему звукооператору, Эндрю Фокс закрепляет крышку акульей клетки из нержавеющей стали. Экипаж «Нептуна» активирует лебедку, которая отрывает клетку от палубы, перекидывает через правый борт, а затем опускает в море.

Тяжелая клетка ударяется о поверхность воды и тотчас же тонет, погружая двух аквалангистов в кишасную хищниками голубую бездну.

Трубы для регулировки плавучести на верху клетки заполняются морской водой, и Эндрю с помощником оказываются на глубине десяти футов, в двадцати ярдах от туши кита.

Благодаря регулируемой длине троса клетка приближается к месту основных событий.

На море царит оживление. Акулы, словно реактивные истребители, стремительно носятся туда-сюда, атакуя плавучий остров китового мяса и жира. Несколько хищников окружают клетку, оценивая ее бездушными ониксовыми глазами. Шестифутовая синяя акула, взбудораженная электрическим полем стальной клетки, идет на таран и вмазывается рылом в двухфутовое отверстие для видеокамеры.

Пока Лоури отгоняет акулу от клетки, Эндрю как ни в чем не бывало продолжает съемку.

Над головой раздается громкий всплеск. Мешок с останками Джейсона Массета ударяется о поверхность моря. Темный предмет секунду-другую качается на волнах, затем медленно идет ко дну. Из глубины навстречу мешку поднимается темнопёрая серая акула. Сделав два круга, она атакует, разрывает мешковину и стремительно исчезает из кадра.

Первую серую акулу сменяет вторая. Яростно работая хвостом, она сует рыло в мешок. И секунду спустя исчезает с добычей – из отвратительной пасти свисает оторванная рука.

Запах свежей крови привлекает остальных хищников, море превращается в бурлящий водоворот коричневых и серых торпедообразных тел.

Эндрю с трудом глотает подступившую к горлу желчь. *Самое настоящее варварство. Не стоило мне подписываться на это безобразие.*

Передвижной кран установлен рядом с лебедкой по правому борту, к вороту лебедки на четырех тросах подвешена плоская алюминиевая платформа размером шесть на восемь футов.

Команда «Мако» забирается на платформу, которая отрывается от основной палубы и взмывает над бортом судна.

Шарлотта подает свою реплику, читая текст по уже функционирующему телесуфлеру:

– Акула. Само это слово будит наш глубинный страх... страх быть съеденным живьем. Человек сумел покорить все уголки суши нашей планеты, но не Мировой океан. Море для нас – словно другая вселенная, а именно враждебная жидкая среда, в которой человек уже не является последним звеном пищевой цепи, поскольку смерть может в любую минуту прийти за ним из неизведанных морских глубин.

Платформа опускается в море.

Дженни вешает бумбокс на трос лебедки.

– Члены команды «Мако», уже ставшие свидетелями гибели Джейсона Массета, отважились погрузиться в море, где сотни хищников, охваченных пищевым безумием, носятся по окровавленной

воде. Они щелкают челюстями, пытаясь схватить все, что движется. Пять человек, пятьсот акул... Не выключайте телевизор.

– Стоп! Снято!

Операторы и остальные члены съемочной бригады толпой направляются к лееру правого борта.

Джонас встает с импровизированного сиденья, но не присоединяется к остальным, а начинает блуждать по главной палубе в поисках дочери.

Проверив, что съемочная группа заняла нужную позицию, Сьюзен Феррарис кричит в мегафон команде «Мако»:

– О'кей, в любое время, когда будете готовы.

Ферджи смотрит на своих товарищей:

– Только не волнуйтесь. Плывите не спеша, в одном темпе, и главное – никаких всплесков. Давай, Дженни.

Дженни нажимает на бумбоксе кнопку «PLAY».

Под аккомпанемент вступительных аккордов «Jamrin' Jack Flash» отважная пятерка соскальзывает с платформы в воду.

Майкл Коффи, забравшись на мачту, следит за всем этим действием:

– Чертовы выпендрожники!

Дженни, Лекси, Док Шинто и Барри Струл поворачиваются друг к другу спиной и берутся за руки, образовав узкий кружок. В центре круга Ферджи, лежа на животе, лицом вниз, и дыша через трубку, наблюдает за происходящим из-под воды.

Оказавшись вне зоны видимости камер, Ферджи расстегивает гидрокостюм, достает три секции стального бильярдного кия, выкрашенного в небесно-голубой цвет, вставляет их одну в другую. Конец последней секции заточен так, что скорее напоминает стилет.

Ферджи поднимает большие пальцы вверх, подавая сигнал товарищам.

Под предводительством Дженни команда «Мако» направляется в сторону вонючей горы китового жира.

Не сумев найти дочь, Джонас оставляет тщетные попытки и присоединяется к Сьюзен с Эриком, которые следят за происходящим на глубине через монитор, соединенный с подводной камерой Эндрю.

Они отчетливо видят четыре пары месящих воду ног и очень смутно – Ферджи в центре круга.

Камера меняет угол съемки, нацелившись на семифутовую темнопёрую серую акулу, поднимающуюся из морских глубин. Опустив грудные плавники и выгнув спину, акула кружит вокруг команды «Мако», словно приготовившаяся к прыжку гремучая змея.

У Джонаса перехватывает дыхание.

– Она атакует.

Стрелой кинувшись на перехват, Ферджи втыкает в хищника самодельное копье.

Острый конец кия входит в тело акулы рядом с левой жаберной щелью, которая моментально окрашивается кровью.

Акула дергается и, метнувшись в сторону, едва не выбивает из рук Ферджи оружие.

Экипаж «Нептуна» облегченно вздыхает.

Ферджи выныривает на поверхность, чтобы глотнуть через трубку воздуха, и снова уходит под воду, где хищники начинают проявлять повышенную активность.

Темные акулы мелькают то тут, то там, периодически пропадая из поля зрения. Эндрю направляет камеру вниз; в объектив попадают зловещие силуэты нескольких десятков рыб-молотов, кружащих над зоной боевых действий, точно грифы.

Пронырливая синяя акула нацеливается на Дока Шинто и скользит у него между ног. Ферджи отгоняет ее ударом кия.

– Я Джек-Попрыгунчик, и это кайф, кайф, кайф... – громко поет Дженни Арнос.

Трясаясь от страха и переизбытка адреналина, она ведет команду к мертвому киту.

Пятнадцать футов... Десять футов...

Она мурлычет себе под нос, подпевая соло на гитаре, и выискивает глазами скользкие спинные плавники, вспарывающие воду хвосты.

– Я тонул, меня вынесло на берег, и я остался там умирать. Я приземлился на ноги и увидел, что они в крови...

Дженни неожиданно останавливается. Откуда-то снизу появляется мерзкая голова короткопёрой акулы-мако, изогнутые нижние зубы вырывают из раздувшейся туши кита кусок мяса размером с футбольный мяч.

Акула с силой хлещет хвостом, мазнув по левой коленке Дженни.

Дженни с громким криком лягает акулу обеими ногами, прогоняя ее прочь. Девушка выпускает руку подруги по команде, вскакивает на тушу кита и карабкается вверх по горе жира, используя следы от укусов в качестве опоры для ног.

– Давай, давай, давай! – Она поворачивается и втаскивает Лекси Пьятек.

Тридцатифутовый горбач весом пятнадцать тонн колышется под ними, словно водяной матрас. Туша испещрена серо-розовыми следами укусов размером с детскую голову.

Барри и Док Шинто залезают наверх, их бледные лица расцветают улыбками облегчения.

– Ферджи, вперед!

Свесившись вниз, они хватают Ферджи за запястья и вытаскивают из воды.

– Э-ге-гей! Э-ге-гей! – Члены команда «Мако» танцуют на спине кита, ставшего для них убежищем, и стучаются растопыренными пятернями.

Ферджи втыкает кий в китовый жир:

– Я объявляю это островом Мако...

Раздутая туша внезапно перекачивается у них под ногами.

Лекси с криком падает в море, за ней – Дженни с Барри. Ферджи и Док Шинто отчаянно цепляются за шкуру кита, но туша продолжает вертеться, словно стремясь достичь нового состояния равновесия, и парни скатываются в воду.

Истошные крики с «Нептуна» тонут в тяжелом бите «Роллинг стоунз».

А тем временем Эндрю Фокс и Джон Лоури с ужасом наблюдают из подводной клетки, как упавшие в воду Сорвиголовы пытаются сомкнуть ряды среди полчищ возбужденных акул.

– Держитесь вместе! – сдавленно командует Ферджи. – И никаких всплесков!

Дженни хватается Барри за руку, пиная невидимых рыб, проносящихся под ногами.

Лекси колотит руками и ногами по поверхности моря, тянется к Доку Шинто, чтобы взять его за руку, – и неожиданно исчезает в расплывающейся по воде луже крови.

Ферджи, надев маску, ныряет головой вниз. И видит, как в водовороте кровавых пузырьков две акулы дерутся за левую ногу Лекси.

Он тычет их кием, но теряет его в ходе борьбы. Обхватив Лекси поперек груди, Ферджи выплывает на поверхность.

Там их ждет «Зодиак». Дженни, Шинто и Барри уже в лодке. Эван Стюарт тянется к Ферджи.

– Нет! Сперва – Лекси.

Эван Стюарт с Ди Хатчером втаскивают Лекси на лодку. Док Шинто и Барри помогают забраться капитану команды «Мако».

Из голени Лекси течет кровь, порванные четырехглавые мышцы держатся только за счет остатков гидрокостюма.

Дженни заводит мотор, «Зодиак» мчится назад к «Нептуну».

– Я не хочу умирать. Ферджи, не дай мне умереть!

– Ты не умрешь. Честное слово, все не так плохо. А теперь постарайся успокоиться.

Бригада медиков уже стоит в боевой готовности на платформе.

Эрик нервно меряет шагами основную палубу. Он ведет переговоры по рации, стараясь не смотреть в объектив камер.

– Свяжитесь с «Целакантом». Скажите им, у нас несчастный случай. Требуется неотложная медицинская помощь. Скажите им, нам нужен вертолет.

Лекси переносят на палубу, все взгляды, объективы всех камер устремлены на кровавый след, который оставляет за собой изувеченная нога, перетянутая жгутом чуть ниже бедра.

Все присутствующие смотрят на нее... Все, кроме Джонаса Тейлора.

Палеобиолог стоит у леера, направив бинокль на брюхо мертвого кита со следом от укуса размером с пескостружку.

Монтерей, Калифорния

Капли вечернего дождя стучат по окнам кафе «Олд Монтерей» на Альварадо-стрит. Патриция Педраццоли, расположившись в угловой кабинке, смотрит на дождь за окном и лениво ковыряет омлет. В ее душе буря противоречивых эмоций.

Она сердится на сидящего напротив своенравного четырнадцатилетнего подростка, который считает себя умнее ее, хотя, возможно, так оно и есть. А еще она сердится на мать малыша, уехавшую в Британскую Колумбию бог его знает по каким делам и застрявшую там.

Но больше всего она злится на Мака.

Нет, вы только посмотрите на него! Жрет гамбургер, словно вернулся с голодного острова. Ни звонков, ни писем. Просто снова врывается в мою жизнь и умащивает меня, чтобы я заплатила за его такси и угостила обедом. И я каждый раз веду себя на это.

– Ну как бургер, малыш?

– Хорошо, – с набитым ртом отвечает Дэвид, роняя кусочки мяса прямо в картофельные оладьи Патриции.

Она с отвращением отодвигает тарелку.

– Что-то не так, солнышко?

– Кто я для тебя, Макрейдс? Талон на обед, о который можно вытирать ноги всякий раз, как тебе вздумается?

– Дэвид, возьми свою тарелку и ступай есть за стойку. Нам с твоей тетей Триш нужно поговорить.

Дэвид берет стакан, тарелку с едой и направляется к барной стойке.

– Ну конечно, тебя-то он слушается. А на все, что я ему говорила эти три дня, ему было глубоко начхать.

– Он хороший мальчик.

– Ты что, издеваешься? Вот из-за таких мальчиков, как он, я в свое время и зареклась иметь детей. И кому, спрашивается, ты вешаешь лапшу на уши, когда говоришь ему «твоя тетя Триш»?

– Понимаю, ты сердисься. Но не надо вымещать злость на моем крестнике. Я хочу загладить свою вину перед тобой и непременно это сделаю.

– Интересно как? Попросишь отдать в химчистку свою грязную одежду?

– Триш, поверь, ты единственное светлое пятно в моей жизни.

– Жаль, что не могу сказать того же о тебе.

– Ты нужна мне.

– А мне нужен кто-то, кто всегда будет рядом со мной, на кого я смогу положиться, а не какой-то там переросток, неспособный

контролировать свое либидо. Когда ты наконец повзрослеешь?

Мак задумчиво смотрит на свои руки:

– Не знаю. У меня комплексы... проблемы, которые начались после самоубийства отца. Похоже, я справляюсь со своими проблемами не лучше его.

– Мак, я слышала эту песню и раньше. Сперва ты искренне каешься, а через неделю снова прикладываешься к стакану.

– Может, мне просто нужна причина, чтобы оставаться трезвым?

– Возможно. Только сделай это не ради меня, а ради себя. Ну а пока все не изменится, общее будущее нам с тобой явно не светит. На самом деле у нас уже сейчас нет общего будущего.

Мак кивает:

– Ты совершенно права. Я всегда был для тебя сплошным разочарованием. Но я собираюсь измениться, независимо от того, простишь ты меня или нет. Я очень много думал в последнее время и...

– Брось. Я здесь исключительно из-за того, что, по твоим словам, сделка по лагуне может сорваться.

– Дэвид никогда не согласится подписать бумаги.

– Что? – У Патриции отвисает челюсть. – До закрытия сделки с братьями Дейтч осталось меньше недели. А тебе известно, сколько времени я угробила на это дело и сколько денег на кону?

– У Дэвида двадцать процентов акций, и он не станет ничего подписывать. По крайней мере, сейчас.

– О, он подпишет... или, видит бог, я его придушу.

– Полегче, девочка. – Мак придвигается поближе и понижает голос. – Дэвид уверен, что Ангел вернулась в калифорнийские воды.

– Что?

– Когда он нырял на дно канала, у него разыгралось воображение. И теперь он хочет ее поймать.

– Это просто нелепо. И вообще, ты представляешь, чем могут закончиться для него подобные эксперименты?

– Ему четырнадцать. Дедушка начал забивать малышу голову сказками об этой акуле, когда тот еще в пеленках лежал.

– И как нам его переубедить?

– Для начала будем ему потакать. Пусть пару дней поиграется. Терри все равно в отъезде, значит в любом случае ты ничего не

теряешь. А к тому времени, как Терри вернется, Дэвид наконец поймет, что все это – плод его воображения, после чего я заставлю его подписать бумаги. – Мак игриво подмигивает Патриции. – Все еще любишь меня, да?

– Господи, какой же ты дурак!

*Пролив Хуан-де-Фука, Тихий океан
17 мильк северо-западу от Порт-Ренфрю
Остров Ванкувер, Британская Колумбия*

Полуденное солнце прорывается сквозь прореху в облаках, его сверкающий оранжевый глаз направляет золотой луч на поверхность Тихого океана.

Луч этот, кажется, неотступно следует за Терри Тейлор, которая стоит на носу «Кейп Калверта». Катер Канадской береговой охраны следует на юг со скоростью десять узлов вдоль побережья острова Ванкувер, буксируя стальные тросы диаметром три четверти дюйма. К одному из них прикреплены подводные салазки с установленным на них переносным тампером из Института Танаки. Второй тащит за собой привязанную за хвост предварительно вспоротую тушу взрослого серого кита, выбросившегося на берег одним из последних.

– Эй! – Терри подпрыгивает от неожиданности, а Джошуа Банкофски громко смеется. – Немного нервничаем, а?

– Будь у тебя побольше мозгов, ты бы тоже нервничал.

– Расслабьтесь, все пойдет точно по плану. Давайте лучше заглянем в рулевую рубку, хочу познакомить вас с членами своего экипажа. Отличные ребята. Они помогут успокоить вам нервы.

Терри проходит вслед за Джошуа в рубку.

За штурвалом стоит мужчина, смахивающий скорее на бас-гитариста рок-группы, чем на капитана корабля. Лохматые темные волосы, усы а-ля Фу Манчу и длинные бакенбарды – привет из шестидесятых.

– Парни, познакомьтесь с дамой, которой предстоит подписывать наши чеки. Терри, это наш капитан Рон Марино-младший... – (Марино кивает.) – И его первый помощник, Брайан Олмстид.

Здоровяк Олмстид сложен как рестлер. Чисто выбрит, под правым глазом – зигзагообразный шрам.

- Очень приятно познакомиться, мэ.м.
- Мне тоже. Джошуа говорил, вы вроде служили на флоте.
- Да, мэ.м. Последние три года в отряде «морских котиков».

Почувствовав облегчение, Терри поворачивается к третьему члену экипажа – грубоватому темноволосому и темноглазому итальянцу:

– Ну а вы?

– Парень, который ненавидит рыбу. Майкл Виллэр. Транспортный коп из Нью-Йорка. В отставке. Я здесь, чтобы защитить вас в случае неблагоприятного сценария. – Он достает из-под стола для работы с картами тяжелый водонепроницаемый футляр и открывает его; внутри лежит короткоствольное ружье с широким прикладом. – Это гранатомет М-79. Унитарный заряд, удобный в использовании, стреляет сорокамиллиметровыми гранатами, дальность – более тысячи трехсот футов. Этот ваш монстр или согласится сотрудничать, или сдохнет. Все, дело закрыто.

Джошуа самоуверенно улыбается:

– Наживка начинена лекарствами. Наживка буксируется, ваш прибор барабанит, наш рыболокатор сообщает нам о моменте ее появления, и у нас здесь есть свой вооруженный до зубов Грязный Гарри. Я бы сказал, что мы прикрыли тылы. А теперь постарайтесь расслабиться.

Терри заставляет себя улыбнуться:

– Ладно, мне уже намного легче.

– А вот мне нет, – хрипит обладатель усов Фу Манчу. – Спец по рыбам говорит, нам заплатят не поденно, а за работу в целом. Пролив – достаточно большой водный путь, если считать, что ваша рыбина все еще в этих водах. Что касается меня, то вы купили мои услуги на три дня, ну а после этого будет совсем другой разговор.

– Если она до сих пор в заливе, тампер выведет ее прямо на нас. Ангел выросла на этом устройстве, которое испускает электронно-акустический сигнал, насколько нам известно, привлекающий акул.

– Да, в вашем зоопарке. Но тут открытый океан.

– Где и зародилась данная технология. Много лет тому назад фирма «Эй ти энд ти» консультировалась у моего мужа относительно системы оптоволоконных кабелей, которые компания только что проложила на океанском дне от восточного побережья до Канарских островов. Кабель был проложен на глубине шесть тысяч футов, но,

несмотря на оплетку из нержавеющей стали, он постоянно рвался вследствие нападения акул, в результате чего «Эй ти энд ти» терпела многомиллионные убытки. Джонас обнаружил, что ампулы Лоренцини в теле акулы реагировали на изменение электронного сигнала, возникавшего в пучках оптоволоконного кабеля.

– Ампулы чьи?

– Лоренцини, – вступает в разговор Джошуа. – Это скопление сенсорных клеток, расположенных на внутренней части рыла акулы.

Терри кивает:

– Тампер, на который натаскана Ангел, испускает аналогичные электрические сигналы в сочетании с низкочастотными ударами, похожими на сердцебиение раненого кита. Эти вибрации очень важны, поскольку они распространяются гораздо дальше электрических сигналов, быстро затухающих в морской воде. Ну и чем крупнее хищник, тем больше у него диапазон восприятия. – Терри берет в руки гранатомет М-79, пробуя его на вес. – И конечно, ни один из них не может сравниться размером с нашим маленьким Ангелом.

Глава 17

На борту «Нептуна»

Филиппинское море

411 морских миль к юго-западу от Марианской впадины

Эрик Холландер торопливо идет по основной палубе в сторону своей каюты. Воровато оглядываясь, он отпирает дверь, входит внутрь и задвигает засов.

Забравшись под кровать, Эрик извлекает оттуда коротковолновую рацию.

На борту суперяхты «Целакант»

Майкл Марен на верхней прогулочной палубе, сидя в джакузи, пьет утренний эспрессо. Яхта движется на север-северо-восток со скоростью десять узлов, оставаясь в полумиле от «Нептуна», уже поднявшего паруса.

Внезапно оживает стоящая в зарядном устройстве рация.

Загоравшая топлес Элисон Петруччи, не вставая с шезлонга, тянется за рацией:

– Да? Оставайтесь на связи. Он сейчас ответит. – Она передает рацию Марену. – Угадай кто?

– Холландер. Я как раз задавал себе вопрос, когда ты позвонишь.

– Марен, что ты творишь?! – Из рации доносятся искаженные треском крики Эрика Холландера. – Ты должен был предупредить меня, когда эта тварь поднимется на поверхность. В результате у меня не оказалось под рукой ни единой камеры!

Марен подмигивает Элисон, которая, не теряя времени даром, откусывает кусок только что испеченного рогалика.

– Расслабься, амиго. Как я уже говорил твоему партнеру, я не могу контролировать Природу, а могу только соблазнять ее. Наш друг решил подняться, чтобы немного подзаправиться на ночь. Подводные огни «Нептуна» оказались для него слишком яркими, вот он и улизнул.

– Да, но утром Тейлор заметил след от укуса и теперь рвет и мечет. С минуту на минуту он начнет барабанить в дверь моей каюты.

– А он обследовал тушу? Сделал замеры?

– Нет. Он не покидал корабль.

– А я тебе что говорил? – Марен, разбрызгивая горячую воду, вылезает из джакузи. – Тейлор не ученый, а всего-навсего поганый мошенник.

– Возможно. Но сейчас он уже разъяренный мошенник. И что прикажешь с ним делать?

– Ничего не делать. Коси под дурачка. Скажи ему, что он ошибся. Корабль ведь уже покинул это место. Тейлор вряд ли захочет вернуться назад, чтобы проверить, в чем дело.

– А как насчет... нашего друга?

– Продолжил следовать за вами, как только вы отплыли. И сейчас он прямо под галеоном, на глубине две тысячи двести футов, причем по-прежнему зверски голодный.

– Значит, отслеживающее устройство...

– По-прежнему творит чудеса.

– Вот черт!.. – (На заднем плане слышатся чьи-то крики.) – Тейлор здесь. Мне нужно идти. Скажи, все случится сегодня ночью? Я должен знать.

– Может, да, а может, нет. Холландер, добро пожаловать в реалисти-шоу! – Марен выключает рацию.

Элисон, прервав процесс смазывания груди маслом для загара, выпрямляется:

– О'кей, Майкл, что происходит? Мы оба знаем, что этот твой монстр следует за «Нептуном» сам по себе, а не из-за «барракуды».

– Как я и предполагал.

– Выходит, ты наврал Холландеру?

– Вовсе нет. Я сказал лишь то, что ему следует знать. – Марен ставит рацию на место, берет стакан апельсинового сока и залезает обратно в джакузи.

– Холландер, открывай! Я знаю, ты здесь!

Завернув рацию в полотенце, Холландер поспешно засовывает ее под кровать.

– погоди, Джонас, уже иду. – Эрик стягивает рубашку и отодвигает засов. – Прости, я как раз собираюсь...

Джонас врывается в каюту:

– Я уже час обшариваю проклятый корабль. Где тебя черти носят?

– Остынь! Я осуществлял связь между вертолетчиком с «Целаканта» и больницей Манилы.

– Брехня! Я три раза заходил в диспетчерскую, но тебя почему-то там не видел.

– Наверное, мы с тобой просто разминулись. Мне пришлось спуститься в трюм, на склад.

– Чтобы избежать встречи со мной?

– С какого перепугу я должен тебя избегать?

– Перестань мне втирать. Ты был на палубе, когда перевернулась туша кита. И видел след от укуса мегалодона так же ясно, как меня сейчас.

– След от укуса мегалодона? Не горячись! То, что я видел, было скорее похоже на след от укуса косатки. Гораздо меньше, чем след от зубов мегалодона.

– Вранье! Кстати, откуда у тебя белый зуб мегалодона?

– Я ведь тебе говорил. Институтский приятель дал.

– Как его зовут?

– Как зовут? Кравиц. Арти Кравиц. Собственно, какая разница?

Джонас смотрит Холландеру прямо в глаза:

– Эрик, не советую со мной шутить. Я хочу знать, что происходит.

– Что происходит?! – Холландер в притворной ярости отталкивает Джонаса в сторону. – Я скажу тебе, что происходит. Джейсон Массет мертв, Лекси может потерять ногу, моя съемочная группа теряет настрой. Эндрю собирается покинуть проект, а Сорвиголовы заперлись в комнате отдыха и бухают текилу. А тут еще ты! Врываешься ко мне в каюту и разоряешься, словно маньяк, о каком-то там следе укуса мегалодона.

– Я, может, и старый, но пока еще не в маразме. И когда речь идет об этих монстрах, полностью отвечаю за свои слова.

– Никто и не говорит, что ты в маразме, но все уже и так на грани. Послушай, Джонас! Я знаю, по-твоему, меня ничего не волнует, кроме рейтингов. Но ты заблуждаешься. Ведь я лично отбирал наших Сорвиголов, и теперь мы одна семья. Все кругом страшно расстроены

из-за того, что случилось в последние несколько дней, и особенно я. Так что, пожалуйста, прими мой совет. Ступай и найди свою дочь. Удели ей внимание. Ведь именно в такие моменты мы особенно нуждаемся в любви наших близких.

Джонас чувствует, что кровяное давление постепенно приходит в норму.

– Ладно. Возможно, у меня неадекватная реакция. Но в ходе нашего плавания и так уже пролилось слишком много крови, поэтому идея взять курс на Марианскую впадину здорово нервирует.

– Понимаю. Уж можешь мне поверить, продюсировать телешоу, особенно такое экстремальное, как «Сорвиголовы», – это не в бирюльки играть. Погоди-ка, у меня для тебя кое-что есть. – Порывшись в чемодане, Эрик выуживает баночку с наклеенным назначением врача и сует Джонасу. – Валиум. В нашем бизнесе – это все равно что витамины, которые нужно принимать каждый день.

*Национальный парк Пасифик-Рим
Остров Ванкувер*

Последние следы уходящего дня тают на мышино-сером горизонте; свет затухает, словно перегоревшая электрическая лампочка. Бархатные волны накатывают на каменистый берег и с шипением умирают между скалами и промоинами.

Ночь вступает в свои права на западном побережье острова Ванкувер.

Ночную тишину внезапно нарушает серия коротких высокочастотных свистков.

Тихоокеанский дельфин застрял в приливной заводи среди камней. Застигнутый отливом, не в состоянии вернуться назад в отступающее море, млекопитающее лежит на боку, натужно дыша через дыхало в ожидании следующей волны, способной разрушить стены каменной тюрьмы и наполнить впадину водой.

Тем временем с вершины утеса по дождевому лесу разносится утробный рык.

Между рядами дугласовых пихт и елей, тяжело ступая, пробирается гризли. Крупный самец останавливается на краю каменистой гряды, его мокрые ноздри втягивают соленый воздух. В

считанные секунды медведь засекает раненого дельфина у подножия утеса, в двадцати футах от вершины.

Море набегаёт на берег, заполняя промоину пеной и погружая под воду попавшего в ловушку дельфина. Когда вода убывает, застрывшее животное выпускает из дыхала струю окровавленного воздуха.

Запах крови действует на гризли возбуждающе. Обшарив глазами склон утеса, гризли прокладывает себе маршрут. Он осторожно ступает на ближайший уступ, цепляясь когтями за поросшие мхом валуны, шатающиеся под его чудовищной массой семьсот двадцать фунтов. На полпути вниз медведь останавливается, чтобы взглянуть через трещину в скале на свою беззащитную жертву, затем прыгает на следующий уступ – и в этот момент уступ накрывает десятифутовый вал.

Волна ударяется об утес, лишая гризли точки опоры. Гризли в свободном полете врежется в скользкий склон и падает навзничь в отступающее море.

Медведь выплывает на поверхность в пятнадцати футах от берега. Отличный пловец, он трясёт огромной головой и, перебирая мощными лапами, плывёт обратно к склону скалы против течения.

Течение усиливается, тянет медведя назад. Медведь, пытаясь держать голову над поверхностью воды, издает пронзительный булькающий звук и исчезает под водой.

И на какой-то миг воцаряется тишина. После чего ночной покой нарушает душераздирающий рев. Гризли снова выныривает, над водой появляется верхняя часть окровавленного туловища. Испуганный медведь отчаянно перебирает передними лапами, устремляясь под укрытие скал.

Тихий океан вскипает, вытянувшиеся вперед челюсти самца мегалодона захватывают гризли, словно гигантская стальная ловушка. Зазубренные зубы смыкаются на загривке медведя, протыкают густую шерсть, мышцы, кости и, словно игрушки, откусывают голову зверя.

Мегалодон поднимается над водой, раскачиваясь взад-вперед, жуткие челюсти продолжают перемалывать толстую медвежью шкуру. Ключья шерсти в кровавой пене разносятся ветром. Затем большой самец вновь исчезает в пучине.

Тихоокеанский дельфин, в своей безопасной приливной заводи, нарушает ночную тишину пронзительным свистом.

*На борту катера Береговой охраны «Кейп Калверт»
Пролив Хуан-де-Фука, Тихий океан
Две мили к юго-западу от Порт-Ренфрю*

Темнота окутывает пролив Хуан-де-Фука, ночную тишину нарушает гул спаренных дизельных двигателей катера «Кейп Калверт».

Терри Тейлор стоит на верхней палубе катера и, смахивая с лица холодные капли морозящего дождя, всматривается в непроглядную черноту вод.

С наступлением ночи вся ее уверенность разлетелась вдребезги, особенно на фоне тягостной пустоты пролива Хуан-де-Фука, береговая линия которого от заката до рассвета по-прежнему находится на карантине для дайверов и небольших судов.

Терри обращает взгляд на восток, ее глаза пытаются отыскать темные очертания суши. *Ты всего лишь в полумиле от берега, «Зодиак» преодолеет это расстояние максимум за две минуты. Кончай психовать! И, кроме того, люди в качестве источника пищи не слишком интересуют Ангела, она сейчас преследует китов.*

К Терри присоединяется Джошуа:

– Вы в порядке?

– У меня все отлично, – лжет Терри.

– Здесь довольно холодно. Почему бы вам не спуститься вниз?

– Мне здесь гораздо лучше. Легкая клаустрофобия.

Он придвигается поближе, протягивает ей металлическую фляжку:

– Вот. Это позволит снять напряжение.

– Нет, спасибо. Я уже и так перегрузила печень.

– Что бы сделал Иисус?

– Прости?

Джошуа улыбается:

– Я хотел сказать, что бы сделал Джонас? Извините, неудачная шутка. Да, я знаю, что он уже один раз пытался поймать Ангела. Мне просто интересно, как бы он справился во второй раз?

– Он вряд ли пошел бы на это. Сколько можно смотреть смерти в глаза? И, кроме того, с годами отношение Джонаса к Ангелу

изменилось. Он больше не видит необходимости держать таких крупных хищников взаперти.

– И вы наверняка с этим не согласны.

– Если мы не отловим Ангела, канадским властям рано или поздно придется начать на нее охоту. Мы заменили ворота в канал, поэтому шансы, что она снова ускользнет, практически равны нулю. А кроме того, если нам удастся ее поймать, это пойдет на пользу местной экономике.

– Особенно вашей.

– Послушай, моя семья вложила все до последнего цента в лагуну. Мой брат заплатил за нее своей жизнью, а мы оказались в долговой яме. Так что да, я считаю, мы заслужили вознаграждение. Последние двадцать лет... они очень нелегко дались нам.

– Можно задать вам личный вопрос?

– Спрашивай. Хотя я могу и не ответить.

Джошуа облокачивается на леер:

– Вам никогда не казалось, что жизнь проходит мимо, а вы, сколько себя помните, сидите и ждете одного крупного прорыва, которого так и не произошло?

Терри отводит взгляд:

– Я не знаю. Возможно, иногда.

– Ну а я чувствую это каждый день. Поэтому и решил все изменить. И чем круче, тем лучше. Новая карьера. Новый город. Новые романтические отношения. Новая жизнь. Если дела идут плохо, значит настала пора резко переломить ситуацию. Это моя новая философия.

– У меня с переменами как-то не складывается.

– Тогда вы так и увязнете в своей колее и будете до самой смерти молить Бога о том, чтобы хоть что-нибудь изменилось, но сидеть сложа руки. Один умный человек как-то сказал, что основная причина душевных заболеваний – это рутинная работа изо дня в день, из года в год без видимых результатов.

– Возможно, ты прав, но все не так просто... Я, наверное, слишком старая, чтобы меняться.

– Старая?! Терри, когда я смотрю на вас, то вижу живую прекрасную женщину, немного уставшую, насколько я понимаю, от однообразной супружеской жизни.

– Пожалуй, это самый неудачный способ съема, с которым я когда-либо сталкивалась, – смеется Терри.

– Ага, вы правы. Но признайтесь: неужели вы никогда не жалели, что вышли замуж за человека на двадцать лет старше вас?

– Во-первых, у нас разница в возрасте не двадцать лет, а всего лишь двенадцать. А во-вторых, мой ответ «нет». Как у большинства пар, у нас с Джоном случаются трудные времена, но в наших отношениях по-прежнему есть нечто особенное.

– Да, но осталось ли в них место для романтики? Скучаете ли вы по нему прямо сейчас? Или вы двое уже привыкли жить рядом как соседи?

– К чему ты ведешь?

– Я знаю, вы боялись подняться на борт нашего катера, но преодолели себя, рискнув посмотреть в лицо своим страхам. Я это заметил. Если честно, похоже, я на вас здорово запал.

– Джош...

– Просто выслушайте меня. Человеку иногда необходимо отдохнуть от самого себя, перезарядить аккумуляторы и почувствовать себя обновленным. Никакого прессинга, никаких сложностей. – Он склоняется над Терри. – Когда будете готовы к более близким контактам, дверь моей спальни всегда открыта. – Джошуа подмигивает и исчезает внутри.

Терри устремляет взгляд на черную воду, жалея, что отказалась от фляжки.

Самец мегалодона рыщет в поисках добычи у скалистых берегов острова Ванкувер, его призрачно-белый спинной плавник то появляется над туманной поверхностью воды, то вновь исчезает. Монстр плывет на север, в сторону Порт-Ренфрю, затем сворачивает на юг, путь его следования становится все более непредсказуемым.

Самец возбужден, после последнего приема пищи у него в животе настоящая буря.

Пищевод хищных акул относительно короткий. Из желудка пища попадает в передний отдел тонкого кишечника – двенадцатиперстную кишку, переходящую в так называемую толстую кишку, на стенках которой заметны поперечные полосы – просвечивающие складки спирального клапана. По форме напоминающий штопор, спиральный

клапан вращается в тонком кишечнике, словно пружинка «Слинки», что дает дополнительную площадь всасывания, обеспечивающую максимальное усвоение питательных веществ. Непосредственно за спиральным клапаном начинается прямая кишка, заканчивающаяся клоакой для удаления непотребной пищи из органов пищеварения.

Возможно, все дело в мохнатой толстой шкуре гризли, возможно, в его слишком развитой мускулатуре, но последний ужин вызывает невыносимую тяжесть в пищеварительной системе акулы.

Мегалодон высовывает огромную голову из воды. Челюсти спазматически открываются, и самец отрывает непереваренные остатки шерсти. Извержение пищи происходит с такой силой, что желудок акулы выворачивается наружу и теперь торчит из бездонной пасти, словно розовый надувной шарик.

Затем желудок втягивается обратно в пищевод, органы пищеварения приходят в норму.

Обессиленный мегалодон перекачивается на бок и плывет по поверхности моря с открытой пастью. Ледяная вода охлаждает пылающие внутренности.

Порт-Ренфрю, остров Ванкувер

4:22

Шестнадцатилетний Райан Маскетт вытирает покрытые росой скамьи 17-футовой моторной лодки «Бостонский китобой», принадлежащей его отцу. Тем временем друг детства Райана Джастин Томасини отвязывает лодку.

Закадычные друзья рыбачили у побережья острова Ванкувер с тех пор, как стали достаточно взрослыми, чтобы держать в руках удочку и спиннинг, и никакой запрет Береговой охраны выходить в море от заката до рассвета не мог их остановить.

Райан, взявший на себя управление лодкой, выводит ее от пристани в глубокие воды. Убрал длинные белокурые волосы под бейсболку «Джон Дир», Джастин прикрепляет к лескам 10-унцевые грузила.

– Эй, Маск, ты смотрел игру вчера вечером? Ховард выбил очередной хоум-ран. Еще немного – и он догонит Бондса.

– Зуб даю, в воскресенье он сделает это снова в игре с «Джайентс». Жаль, что мы не смогли достать билеты. – Пройдя через мелководье, Райан запускает мотор, нос лодки тотчас же поднимается над водой.

– Тсс! – Джастин знаком показывает Райану сбавить обороты. – Еще один штраф нам не по карману.

– К черту Береговую охрану! Интересно, а почему они не трогают большие суда, которые возят туристов на рыбалку?

– Папа говорит, им наплевать на океанские суда. Их волнуют только прогулочные, которые держатся поближе к берегу.

– А эта история с токсичными водорослями... Хрень собачья!

– Ну я не знаю... Помнится, несколько лет назад цветение водорослей уничтожило всех моллюсков, подкосив бизнес. Брат тогда три месяца просидел без работы.

– Ну, я вчера вечером разговаривал с Шоном Маквикаром, и он сказал, что береговая охрана отменила комендантский час к северу от Бамфилда. Шон Маквикар говорит, там отлично ловятся крабы, да и лосось тоже. Говорит, нам стоит туда съездить.

– Хрен с ним, с Шоном Маквикаром, и хрен с ней, с Береговой охраной! Я не собираюсь платить за лишний бензин ради рыбалки у черта на рогах.

Райан проводит лодку мимо оградительного буя, затем проверяет направление по далекому маяку. Они уже в двух милях от берега – там, где глубина воды превышает четыреста футов. Райан выключает мотор, позволив лодке дрейфовать:

– О'кей, Джей Ти. Давай установим правила игры.

– Десять долларов тому, кто первым поймает рыбу, двадцать – за самый большой улов и упаковка пива – за самую крупную рыбу. – Джастин забрасывает спиннинг.

– Заметано. Надеюсь, у тебя с собой достаточно денег. Потому что сегодня я тебя сделаю. – Райан садится на вращающийся стул и насаживает на крючок живую сельдь.

Несколько минут проходит в молчании, мальчики целиком и полностью сосредоточились на кончиках своих спиннингов.

– Его звали Бинго, о! – Райан оперативно сматывает леску, затем, сделав сильный рывок, подсекает.

– Чавыча?

- Ага. И притом увесистая. Придется поднапрячься.
- Лучше поводи ее.
- Говно вопрос. – Райан ослабляет катушку спиннинга, позволяя леске раскрутиться. – Дам ей сто метров, чтобы хорошенько измотать, а потом...
- Есть! – Джастин сматывает катушку, затем с важным видом вытягивает леску. – Ты знаешь правила. Первая рыба в лодке.
- Ага-ага. – Райан стравливает леску. – Давай удвоим первую ставку. Относительно веса.
- Джастин бросает взгляд на удилице друга:
- Я пас.
- Трусишка. Подцепил, небось, мелкую рыбешку.
- Отлично, удваиваем ставки. Но тогда я хочу десять минут форы.

*На борту катера Береговой охраны
«Кейп Калверт»*

В рулевой рубке темно, если не считать янтарного сияния от приборных панелей.

Терри Тейлор допивает остатки едва теплого кофе – уже третью чашку за последние три часа. Приходится взбадриваться кофеином, поскольку запас адреналина давным-давно иссяк. Она смотрит слипающимися глазами на членов экипажа катера, мысленно задавая себе вопрос: можно ли им доверять?

Капитан – бас-гитарист рок-группы – сидит за пультом управления, погрузившись в электронный журнал «Stygian-Star». Брайан Олмстид перед светящимся зеленым дисплеем рыболокатора изучает руководство спецназа ВМС США. За последние восемь часов бывший военный моряк засек два стада косаток, семь усатых китов, несколько дельфинов и штук десять палтусов.

Майкл Виллэр уже несколько часов не показывается. Бывший транспортный коп сейчас наверняка дрыхнет где-то внизу.

Джошуа Банкофски дежурит на носу. Терри видит его смутный силуэт через остекление рубки. Терри дает волю воображению, представляя себя в постели с парнем намного моложе себя.

А действительно, ты способна это сделать? И способен ли Джонас на измену? И не возникало ли у него желания проверить свою

мужскую силу, одержав последнюю победу? И вообще, что происходит в мозгах у женатого мужчины, когда он достигает определенного возраста, твердо зная, что лучшие дни уже позади?

Терри представляет Джонаса на борту испанского галеона в окружении полуголых поклонниц Сорвиголов.

Сейчас же прекрати! Джонас не такой, как Мак. И наверняка не захочет, чтобы его застукала собственная дочь. Хотя, с другой стороны, если ты ему так доверяешь, зачем тогда заставила взять с собой Дани?

Терри снова устремляет взгляд на Джошуа.

Вот уж точно не мачо. И все же... если бы ты наверняка знала, что никто ничего не узнает, стала бы ты это делать?

– Эй! – Брайан Олмстид неожиданно выпрямляется, уставившись на рыболокатор. – Что-то очень большое прошло в трехстах двадцати футах под нами.

– Наверняка просто еще один кит, – бурчит капитан Марино.

– Нет, я так не думаю. Ложитесь на курс три-три-ноль.

Рон Марино выкатывает глаза на своего нового первого помощника, затем резко поворачивает штурвал и увеличивает обороты правого двигателя.

Терри вскакивает на ноги, ощущая покалывание в мочевом пузыре.

– Где она? На какой глубине? Вы ее по-прежнему видите на рыболокаторе?

– Приготовьтесь... – Брайан настраивает регулятор контроля глубины. – Я засек ее. Она в семидесяти футах впереди нас и остается на глубине. Сигнал усиливается. Она поднимается.

Джастин Томасини видит серебристую вспышку, промелькнувшую у борта лодки. Зажав спиннинг в левой руке, правой рукой он хватает подсачек и выуживает семнадцатифунтовую чавычу.

– Я свою поймал. С тебя десятка.

Райан Маскетт пропускает слова друга мимо ушей, целиком и полностью сосредоточившись на своем спиннинге. Руки горят от переизбытка молочной кислоты, но мальчик продолжает сражаться с лососем.

– Фунтов тридцать, легко. Не то что твой задохлик.

– Ты сперва затащи ее в лодку, а там посмотрим.

Райан еще крепче хватает спиннинг, откидывается назад, напрягается, пытаясь вытащить рыбу.

В пятидесяти ярдах от них из воды вылетает серебряная стрела.

– Привет!

– Ух ты! Не упусти ее, Маск. Заставь снова потанцевать!

Райан жадно ловит ртом воздух, собираясь с силами:

– А теперь смотри!

Сматывая леску, он тянет изо всех сил.

Из моря выпрыгивает тридцатифунтовая рыбина, а следом за ней появляется спинной плавник цвета слоновой кости, высотой шесть с половиной футов, который, словно парус, разрезает черную воду.

Мальчики, вытаращив глаза, смотрят на призрачный плавник, мчащийся в сторону лодки.

– Маск, заводи мотор. – (Но подросток оцепенел, будто прирос к скамье.) – Маск, заводи этот чертов мотор!

Зеленовато-желтое сияние становится все ближе, а затем гигантская туша цвета слоновой кости врежется в борт моторной лодки, словно автобус – в велосипед.

Райан Маскетт видит звезды, и вот он уже под водой, в ледяной тьме. Мокрая одежда камнем тянет на дно, но Райан, сделав рывок, выныривает на поверхность и хватается за борт перевернутой лодки.

– Джей Ти!

– Я здесь!

Подростки плывут навстречу друг другу.

– Блин, что это было?!

Глаза Джастина становятся размером с блюдце, нижняя губа дрожит.

– Гляди!

Бледный спинной плавник, пронзая поверхность воды, кружит вокруг них.

Катер Канадской береговой охраны, замедлив ход до трех узлов, входит в полосу густого тумана.

Джошуа Банкофски стоит у носового леера, луч его ручного прожектора не способен пробить плотную серую пелену.

– Брайан, где она?

– Должно быть, где-то впереди! – выкрикивает бывший морской спецназовец.

Терри на дрожащих ногах подходит к Джошуа:

– Послушай, туман усиливается. Может, нам стоит свернуть.

– Тсс!

Луч прожектора Джошуа останавливается на каком-то предмете, качающемся на беспокойной воде чуть-чуть впереди катера.

– Я что-то такое вижу.

Терри придвигается поближе:

– Похоже на перевернутую лодку.

– Думаю, вы правы. Капитан, стоп машины!

Рон Марино переключает двигатели на холостой ход. Тяжелый корпус судна приподнимается и снова опускается в пенную волну.

Джошуа обшаривает поверхность моря прожектором:

– Эй, там, на корабле! Меня кто-нибудь слышит? – (Нет ответа. У Терри екает сердце.) – Эй, там, на корабле! Отзовитесь!

Луч перемещается справа налево, словно бриллиантовым скальпелем пронзая туманную мглу, и замирает, остановившись на вершине выступающего из моря айсберга.

– О боже!..

Голова мегалодона находится над водой, чавкающие челюсти обагрены кровью.

Джошуа в священном ужасе смотрит на акулу:

– Господи! Она великолепна.

– Джош, у нее что-то свисает из пасти... Боже мой, это рука! – Терри с трудом подавляет рвотный рефлекс.

У Джошуа сердце начинает биться где-то в горле при виде безжизненной конечности, ходящей туда-сюда в жующих челюстях меча.

Оторванная рука падает в море.

Луч прожектора выхватывает левый глаз монстра, затянутый серой катарактной пленкой.

Мегалодон откатывается в сторону и исчезает.

Терри, почувствовав головокружение, хватается за леер:

– Я передумала. Срочно доставьте нас на берег.

Джошуа, обняв Терри за талию, поспешно уводит женщину в рубку:

– Она ушла на глубину.

– Акула появилась на сонаре, – рапортует Брайан. – Триста футов... Четыреста... Двигается на юг, направление два-один-ноль. Должно быть, мы ее спугнули. Она буквально летит со скоростью двадцать пять узлов.

Джош настраивает рыболокатор:

– Следуй за ней, Марино.

Терри спускается вниз. Входит в одну из кают. Видит на нижней койке спящего Майкла Виллэра. Трясет его изо всех сил:

– Просыпайся! Доставай гранатомет!

Брайан прислушивается к сигналам сонара:

– Так не пойдет. Ничего не слышно из-за грохота тампера.

В рубке появляется Терри. Марино смотрит на карту:

– Эй, Банкофски, эта твоя рыба покидает пролив. Направляется в открытый океан. Теперь за ней будет нелегко угнаться.

В миндалевидных глазах Терри плещется страх.

– Джош, я не шучу. Давай повернем назад. Мне не нравится эта затея.

– Лучше идите прилягте.

– Хватит меня опекать!

– Терри, вы наняли нас выполнить эту работу. Так не мешайте нам делать свое дело.

– Я передумала. И вообще, по-моему, это даже не Ангел.

Мужчины, дружно повернувшись, таращатся на Терри.

Джошуа нервно улыбается:

– Терри, конечно же это Ангел.

– Нет, я так не думаю. Эта акула не похожа на Ангела. Ангел была гораздо массивнее, гораздо крупнее.

– Когда вы в последний раз ее видели? Восемнадцать лет назад?

– Джошуа, я хочу обратно на берег. Прямо сейчас!

Однако Джошуа пропускает мимо ушей отчаянный призыв Терри:

– Капитан, следуйте прямо за ней! Смотрите не упустите монстра.

Глава 18

На борту «Нептуна»

Филиппинское море

347 мильк юго-западу от Марианской впадины

Порывы штормового ветра хлещут полночное небо, плотные стены дождя обрушиваются на рассвирепевшее море в белых лохмотьях пены. Вздвигающиеся кучевые облака сердито рокочут, разражаясь раскатами грома и сверкающими зигзагами молний, точно паутина, пронизывающих наэлектризованную атмосферу.

Двадцати-, тридцатифутовые валы терзают киль испанского галеона, отвесные горы воды возносят парусное судно к небесам, чтобы затем безжалостно бросить его вниз.

Капитан Робертсон и его старший помощник, оба в непромокаемых робах, стоят за штурвалом, пристегнувшись ремнем безопасности к гроту. Все паруса «Нептуна» убраны, все люки задраены, чтобы с минимальными потерями пережить шторм.

В недрах судна темные коридоры оглашаются взрывами хохота Сорвиголов и громкими звуками хеви-метал. Деревянные балки надрывно скрипят под напором волн, вторя стонам страдающего от качки экипажа.

Сьюзен Феррарис после трех таблеток снотворного мечется в полубессознательном состоянии на койке. Эрик Холландер, стоя на четвереньках, пугает унитаза, впрочем, так же как и большинство его помощников. Эндрю Фокс и его команда, попивая горячий чай из пластиковых кружек, коротают время в кают-компании за просмотром на DVD-диске фильма «Идеальный шторм». Джонас, изображающий из себя старого морского волка, остается, насколько хватает сил, сидеть с молодежью, но приступы тошноты берут над ним верх, и он, сдавшись, отправляется к себе в каюту.

Он пробирается на ощупь по темному коридору, и тут неожиданно «Нептун» кренится на правый борт. Джонаса отбрасывает к противоположной стене, а судно тем временем продолжает крениться,

совсем как в ярмарочном павильоне ужасов... Сорок градусов... Пятьдесят...

В этой крошечной тьме Джонаса охватывает первобытный страх, он с замиранием сердца ждет решающего удара морской стихии.

Музыка палубой ниже внезапно стихает – вышел из строя бумбокс. Слышатся крики, визг, пьяный смех: это команды Сорвиголов, которые играли в обнаженном виде в «Твистер», обмазывая друг друга кремом для бритья, летят вверх тормашками, впилившись в стенку. Полуголые Куколки падают на эту гору плоти, кого-то выворачивает в темноте, и никто из них не подозревает о том, что «Нептун» может в любую минуту затонуть.

Даниэлла Тейлор блюет в полотенце и молится о скором конце.

Но вот наконец судно выравнивается, готовясь отразить очередную атаку беспощадных волн.

Джонас с трудом встает и идет вперед, толком не понимая, что у него под ногами – стена или пол. Он слышит доносящиеся снизу странные звуки, и у него возникает естественное желание отправиться на поиски дочери.

Но какой смысл? Либо ее рвет где-нибудь в уголке, либо она, как и все остальные, уже набухалась. В любом случае я сейчас последний человек, которого ей хочется видеть.

Заглушив первый порыв обломать дочери кайф, Джонас нащупывает дверь своей каюты и вваливается внутрь. Левая нога подворачивается, и он стонет от резкой боли в оперированном колене.

– Ты в порядке? – Женский голос явно застает Джонаса врасплох.

– Дани?

– Не угадал.

Джонас нашаривает вещмешок, находит карманный фонарик, включает.

И видит раскинувшуюся в его гамаке женщину в распахнутом черном купальном халате на голое тело.

– Мия?

– Вот видишь, я знала, что ты запомнишь мое имя.

– Мия, ты, случайно, не видела Дани?

– Она внизу. Блюет вместе с другими зверьми этого зоопарка.

Оставь ее, девочка упивается своим несчастьем.

Нос корабля в очередной раз взмывает вверх.

Мия снова откидывается на спину, наслаждаясь эффектом американских горок.

У Джонаса кровь отливает от головы, когда судно в очередной раз падает с верхушки волны обратно в море. Опустившись на четвереньки, он пытается отыскать ведро с водой.

Темноволосая смуглая итальянка с примесью филиппинской крови соскакивает с гамака, берет Джонаса под руку и подводит к иллюминатору. Открывает штормовую крышку, иллюминатор мгновенно распаивается.

Ветер злобно завывает в каюте. Разряды молний освещают вставший на дыбы Тихий океан.

– Дыши! – Мия заставляет Джонаса сунуть лицо в иллюминатор под брызги морской воды и струи дождя. – Смотри на облака, не на океан.

– Ладно... Достаточно. – Задрав иллюминатор, Джонас вытирает лицо. Голова снова начинает предательски кружиться, и он кулем валится на пол, прислонившись к стене. – Чего ты хочешь?

Мия становится рядом с ним на колени, халат падает с плеч.

– Мы можем умереть сегодня.

– Мы не умрем.

– Если ты так в этом уверен, тогда чего ты боишься?

– Я не Супермен.

– Я тоже. Но я ведь не боюсь.

С трудом подняв гудящую голову, Джонас смотрит Мие в глаза:

– О'кей, в чем твой секрет?

– Я была по ту сторону. – Она плюхается на пол рядом с Джонасом, прислонившись к его плечу. – Четыре года назад мы ехали ночью на машине с друзьями. Шел дождь, конечно не такой, как сейчас, но дорога здорово обледенела. Короче говоря, я орала на свою подругу Бет, требовала, чтобы она выкинула сигарету. Терпеть не могу табачный дым. И тут машину занесло. Первой моей мыслью было – бамс! – мы кого-то сбили. Я вмазалась в руль, да так сильно, что он согнулся и впился в приборную доску, а потом я пробила головой ветровое стекло. Помню трещину в стекле – все, аут. – Каюту освещает вспышка молнии, и Мия берет Джонаса за руку. – А затем... очень странное ощущение. Я очнулась, боли не было, и тут я закричала,

потому что сидела и смотрела на себя сзади, смотрела на свои руки, распростертые на руле.

– Ничего не понимаю.

– Джонас, я умерла. И мой дух наполовину покинул безжизненное тело.

– Боже милостивый!

– Я огляделась. Бет вжало в дверь автомобиля, кругом было море крови; вторая подруга, Элли, оставалась на заднем сиденье, по-прежнему пристегнутая ремнем безопасности. Она пришла в себя и сразу начала вопить: «Она погибла! Она погибла!» Я потянулась, чтобы успокоить Элли, но моя рука прошла сквозь ее тело.

Нос «Нептуна» снова взмывает вверх.

Джонас закрывает глаза, морально готовясь к очередному резкому падению судна:

– А что было потом?

– Я очень испугалась, но не за себя, а за своих подруг. Я кричала Элли, что нужно выбираться из автомобиля, что он сейчас взорвется. Должно быть, Элли что-то услышала, поскольку умудрилась открыть дверь и протащить Бет через окно. Я бежала за ними, хотя, скорее, это был мой дух, затем взмыла в воздух. Я увидела, как Элли вернулась, чтобы вытащить меня из машины, а потом чернота... Когда я очнулась, мой дух снова вернулся в тело, и парамедики вырезали заднюю дверь, чтобы вытащить меня наружу. Боль была адской, голова раскалывалась, я то теряла сознание, то приходила в себя. Помню, меня везли на каталке по длинному коридору, вокруг суетились доктора и медсестры, лампы слепили глаза. После чего я в очередной раз отключилась. Темнота окутала меня, точно теплое одеяло, и все страхи мигом исчезли. В следующий раз я умерла уже на операционном столе. Врачи, само собой, в этом не признались, но я твердо знаю, что все было именно так. Когда я проснулась, мой дух смотрел на меня с потолка отдельной палаты. Я казалась такой маленькой и хрупкой. Кожа белая как мел, а губы синие. А потом я увидела это – нависший надо мной яркий светящийся круг, внутри которого находился луч такого чисто-белого света, какого я в жизни не видела. Ну, я была в полной растерянности, ты ведь слышал такие истории, но никто не явился приветствовать меня, никаких там тебе покойных родственников или типа того. Поэтому я решила войти в

круг света одна – взглянуть, что же там такое. Так вот, я оказалась в прямоугольной комнате со стенами из облаков, по крайней мере мне так показалось, а затем увидела чью-то фигуру. Это был мужчина, правда, лица его я не разглядела. У меня путались мысли, я не верила своим глазам, хотя понимала, что это, должно быть, Иисус или, возможно, ангел, потому что он был прекрасен, но не внешней красотой, а скорее внутренней: от него исходили тепло и солнечный свет. И тогда я не на шутку струхнула, поскольку догадалась, что на сей раз точно умерла, а мне ужасно не хотелось оставлять свою бедную маму совсем одну, поэтому я стала умолять его, чтобы он отпустил меня назад. Он не рассердился, хотя и не обрадовался. Просто кивнул... И вот я вернулась, вернулась в больничную палату, вернулась в свое тело. Мне было так больно, что я еле терпела. Я поняла, почему мой ангел выглядел таким расстроенным: он знал, какие невыносимые муки ждут меня впереди. Ну а потом он прикоснулся к моей душе, и боль стихла, я проснулась и увидела глаза своей мамы. – Мия встала перед Джонасом на колени, вспышка молнии осветила ее страдальческое лицо. – Скажи, ты мне веришь?

– Да.

Она тянет к Джонасу руку, чтобы смахнуть с его щеки невольные слезы, ему очень хочется верить Мие, ведь ее история – это бальзам для его истерзанных нервов. Но затем нос «Нептуна» в очередной раз вздымается вверх, и корабль начинает опасно крениться.

– Не позволяй мыслям о смерти лишать тебя радостей жизни. – Мия берет Джонаса за руки, чтобы помочь подняться. – Раздели со мной этот шторм.

Мия ведет его по качающемуся под ногами полу к гамаку...

И тут дверь каюты внезапно распаивается.

Во вспышках молний Джонас видит Сорвиголов в полном составе, все как один в мокрых гидрокостюмах и разработанном специально для ВМС страховочном снаряжении.

– Ну и дела... – смеется Дженни. – А я-то гадала, кто это там раскачивает судно.

Эван прислоняется к дверному косяку:

– У Коффи родилась грандиозная идея. Покататься на водных лыжах.

– Я за! – Мия сбрасывает халат и натягивает специально принесенный для нее гидрокостюм.

Джонас хватается за гамак, чтобы не упасть:

– Вы, ребята, чокнутые! Неужели вы ни в грош не ставите свою жизнь?

– Оставьте его, – говорит Барри Струл. – Я всегда знал, что он не командный игрок.

– А вот и нет, – возражает Мия. – Давай, Джонас! Это именно то, что тебе нужно. Ферджи, где его гидрокостюм?

Ферджи бросает Джонасу гидрокостюм и страховочный ремень:

– Давайте, профессор. Докажите нам, лузерам, что у вас железные яйца.

Джонас и Сорвиголовы прижимаются к трапу в ожидании, когда судно снова выровняется.

– Сейчас! – Ферджи с Коффи отодвигают задвижку люка и, задравив за собой крышку, прыгают в бурную мглу.

Док Шинто, подсвечивая себе фонариком, помогает Джонасу надеть страховочное снаряжение:

– Расслабьтесь! Никто из нас не хочет умирать. Мы приняли все необходимые меры предосторожности, и здесь вас будет укачивать гораздо меньше, чем внизу. – (Судно снова тяжело переваливается с боку на бок, едва не сбросив Джонаса с трапа.) – Ну а прямо сейчас Ферджи с Коффи разматывают бухты каната, тянущегося от бизань-мачты к вашему страховочному ремню, так что мы вас точно не потеряем. Сперва наденьте спасательный жилет, он удержит вас на плаву, ну а потом – страховочное снаряжение.

Джонас натягивает ярко-оранжевый жилет, крепко застегнув его на талии:

– И тем не менее я не собираюсь участвовать в этой безумной затее.

– А вас никто и не заставляет. Вы просто подниметесь на палубу, чтобы вас видели, а потом спуститесь обратно вниз.

Мия помогает Джонасу надеть страховочное снаряжение ВМС.

Кто-то дважды топает у них над головой. Барри с Эваном открывают люк и сбрасывают вниз три длинных буксирных троса с карабинами на концах.

Дженни, Эван и Ди пристегивают карабины к страховочным поясам, после чего все трое с дикими воплями выпрыгивают из люка навстречу вихрю.

Барри поспешно закрывает люк, отгородившись от бури.

Джонас прикрывает глаза, сердце бешено колотится. *Это просто безумие. Мне шестьдесят три года. У меня наверняка случится инфаркт еще до того, как я выберусь наружу.*

Мия наклоняется к Джонасу:

– Мы следующие на очереди. Док, он готов?

– Нет, – стонет Джонас.

– Готов, – отвечает Док Шинто, проверяя страховку. – Джонас, вы никуда отсюда не денетесь, а значит, наверняка не утонете. Предоставьте Матери-Природе сделать всю работу за вас и наслаждайтесь катанием на волнах.

– Может, в таком случае вы вместо меня возьметесь за исследование впадин?

Двойной стук сверху служит сигналом, что пора подниматься наверх. Барри и Док открывают крышку люка.

В отверстие спускаются четыре троса.

Мия пристегивает один конец к своему страховочному поясу, а второй – к поясу Джонаса.

– Мия, я пас.

– Тсс. – Мия страстно целует Джонаса в губы. – До встречи в море!

Она следует за Доком и Барри навстречу буре, оставив Джонаса смотреть в расчерченное молниями эбонитовое небо. *Да пошло оно все к черту!* Джонас собирается задраить крышку, но трос внезапно дергается и вытягивает его через отверстие на палубу.

Главная палуба встречает Джонаса слепящей стеной дождя, которая тотчас же накрывает его с головой. Нос «Нептуна», словно морское чудовище, вздымается над поверхностью моря, и сразу опрокидывается навзничь.

Джонас, словно дельфин, выныривает из воды и скатывается вниз по мокрой палубе. Затем поднимается на ноги и обнаруживает, что очередной вал – на тридцать футов выше главной палубы – накатывает на правый борт судна.

Корабль поднимается на гребень волны, затем резко кренился, Джонас скользит куда-то назад, сила тяжести тянет его к лееру правого борта...

И тут он взмывает в воздух, истошным воплем разрывая ночь.

А потом он уже под водой.

Поверхностный слой заглушает пронзительный вой ветра до глухого рева, удушающая тьма пробирает до костей ледящим холодом. Джонас теряет ориентацию, не понимая, где верх, а где низ.

Спасательный жилет выносит Джонаса на поверхность, после чего он с размаху ударяется лицом о подошву волны.

Умудрившись поднять голову, он видит, как молния освещает силуэт «Нептуна», который находится по другую сторону мощного вала.

Джонас отплеывается и тяжело дышит, словно выброшенная на сушу рыба; он в невменяемом состоянии на грани паники, а тем временем неведомая сила вновь тащит его по черной воде.

Ухватившись обеими руками за трос, Джонас перекачивается на спину и неожиданно слышит:

– Джо-о-онас!

Повернув голову, он видит Мию, которая мчится позади него на водных лыжах. Мия плюхается на задницу рядом с ним, обнимает его левой рукой за талию, вручает ему конец буксировочного троса и надевает ему на щиколотку страховочный браслет:

– Это тебе, любимый!

После чего Мия снова встает на водные лыжи и в мгновение ока исчезает.

Джонаса подхватывает волной, еще секунда – и он, прокатившись на животе, уже смотрит с вершины водной горы на палубу «Нептуна».

Судно вновь швыряет Джонаса вперед, страховочный браслет подтягивает трос с серфбордом для больших волн. Джонас быстро вставляет ноги в резиновые кожанки и зажимает доску между ног.

Вот он уже наверху, балансирует на гребне волны, держась обеими руками за страховочный трос, серфборд разрезает бесконечный склон водяного вала. Оказавшись у подножия волны, Джонас снова взмывает ввысь и кричит, кричит во всю мощь своих легких, буквально до хрипоты.

Он садится на доску, страх потихоньку отступает, сменяясь чувством гордости.

На гребне водяного вала Джонас поднимается на ноги, он легко скользит по волне, уже не держась за страховочный трос.

Несмотря на разверзшиеся хляби небесные и волны высотой с четырехэтажный дом, Джонас Тейлор неожиданно для себя улыбается.

Сорок минут спустя на небосклоне появляется светло-серая полоска, рассвет гонит шторм куда-то на юг. Дождь постепенно ослабевает, ветер стих до отдельных порывов, ярость волн понемногу улеглась.

Измочаленного, но словно заново родившегося Джонаса Тейлора под бурные аплодисменты вытаскивают из моря.

Джонас освобождается от страховочного пояса и спасательного жилета. Мия набрасывает ему на плечи полотенце:

– С возвращением, Папаша Сорвиголова. Ну как, приятно снова почувствовать себя живым?

Джонас, по-прежнему ощущая слабость в коленках, обнимает Мию дрожащими руками:

– Это вторая самая большая глупость, которую я совершил за свою долгую жизнь. Но мне понравилось. Спасибо.

Обнаружив, что Сорвиголовы и члены экипажа столпились у правого борта, Джонас с Мией присоединяются к ним.

Стоявший у леера Коффи о чем-то спорит с Ферджи:

– Это ведь ты прикреплял буксировочные тросы!

– А ты прикреплял карабины!

– Ты хотя бы знаешь, кто это был?

– Без понятия. А кого не хватает?

Мия решительно становится между ними:

– Что за базар?

Коффи показывает ей оборванный конец троса:

– Похоже, мы потеряли одного из нас.

К ним подходит запыхавшийся Ди Хатчер:

– Капитан поворачивает судно, чтобы начать поиски. Все на месте, кроме Барри и Дока.

– Док внизу, – говорит Эван. – А Барри я не видел.

– Вот дерьмо! – ошеломленно качает головой Ферджи. – Я ведь был рядом. Мы катались на досках бок о бок. Он, конечно, крупный парень, но веревка должна была его выдержать. Как такое могло случиться?

– Нет, это исключено. – В голосе Коффи звучит неприкрытая злость. – Страховочное снаряжение лучшее из всего, что может предложить военно-морской флот. Трос способен вытянуть из моря небольшой грузовик. Нет, здесь наверняка должно быть какое-то другое объяснение.

Джонас внимательно изучает конец толстой нейлоновой веревки. Края раздерганы, словно перерезаны острой пилой.

Глава 19

*Лагуна Танаки
Монтерей, Калифорния*

Мак глушит двигатели «Ангела II» и бросает якорь. Катер мирно покачивается на трехфутовых волнах рядом с колючей проволокой и ярко-оранжевыми буйками, отмечающими вход в канал лагуны.

Дэвид Тейлор, в мокром гидрокостюме, сидит на корме, вглядываясь в горизонт.

Мак, застав Дэвида врасплох, хлопает его по спине:

– Давай, малыш! Надевай снаряжение. Мы впустую растрчиваем светлое время.

– Дядя Мак, мне что-то нездоровится. Может, без меня справишься?

– Это была твоя идея. Какой смысл заманивать Ангела в лагуну, если мы не сможем закрыть за ней ворота? – Увидев, что Дэвид, поблднев, стрелой мчится в гальюн, Мак с ухмылкой бросает ему вслед: – Расслабься, малыш! Призраки не причинят тебе вреда.

Он натягивает болтающийся на поясе верх гидрокостюма, вешает на плечи баллон с воздухом, надевает ласты, застегивает грузовой пояс.

Дэвид, белый как мел, осторожно высовывается на палубу:

– Прости.

– Ладно, оставайся в лодке. Я недолго. – Мак сплевывает в маску, размазывает по стеклу слюну и ныряет в Тихий океан.

Холодная вода бодрит, моментально прогоняя остатки сна.

Мак надевает маску, машет Дэвиду, выпускает воздух из жилета и солдатиком идет на дно, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от покрытой ракушками открытой стальной створки.

В последний раз Мак спускался в канал семь лет назад. И тем не менее бывший механик ВМС хорошо понимает, почему не закрываются ворота.

Он проверяет датчик глубины. *Пятьдесят футов... Шестьдесят футов...* Потом зажимает нос и выравнивает давление. *Семьдесят*

футов... Восемьдесят футов... А вот и дно.

Мак плывет вдоль ворот.

Первая остановка у блока питания, который Дэвид в результате панического всплытия оставил открытым. Мак набирает цифры кода, перезагружая панель управления.

Красный свет становится зеленым, затем снова красным.

Мак двумя руками трясет блок питания.

Загорается зеленый свет.

Чертов генератор, должно быть, сдох! Еще пять штук коту под хвост...

Мак шарит рукой внутри блока в поисках переключателя и нажимает на кнопку «ЗАКРЫТЬ».

Его накрывает волной оглушительного грохота железа. Две стальные створки сдвигаются на дюйм и останавливаются.

Мак выключает систему и выплывает из-за створки, чтобы найти причину неполадок.

Как он и предполагал, с внутренней стороны обеих створок образовались горы ила, препятствующие закрытию ворот.

Десять минут спустя Мак выплывает на поверхность за кормой своего катера. Отдает Дэвиду ласты и по короткому трапу забирается на борт.

– Ну?

– Генератор сдох, но основная проблема – это песок. Прибоем нанесло его чуть ли не тонну. Впрочем, ничего удивительного. Последний раз твой дедушка углублял дно у входа в канал почти семь лет назад.

– И что нам теперь делать?

– Что делать? Не знаю. У тебя, случайно, не завалялись на каком-нибудь банковском счете лишние десять штук?

– Десять штук?

– Как минимум. Сюда нужно будет пригнать баржу, так как придется провести дноуглубительные работы по всей площади канала между створками. Работы займут два-три дня. Накинь еще пять штук на замену генератора блока питания.

– Пятнадцать тысяч долларов. Блин!.. – Дэвид в расстройстве плюхается на подушку сиденья.

– Добро пожаловать в сообщество «Жизнь отстой 101». Хочешь отеческий совет? Поставь свою подпись на бумагах по сделке с братьями Дейтч и забудь обо всех этих заморочках.

– Нет!

– Нет? – Мак стягивает надувной жилет. – Ладно. И что ты собираешься делать? Возьмешь ведро с лопатой и начнешь сам разгребать эти завалы?

– Безвыходных положений не бывает.

Головной офис залогового агентства «Иерихон» расположен в центре Монтерея в старом кирпичном здании, где некогда размещался банк. В холле до сих пор сохранилась старая бронированная дверь из нержавеющей стали, ведущая в сейфовое помещение, которое сейчас используется для хранения архива компании.

Родни Кеннет Котнер, генеральный директор и президент залогового агентства «Иерихон» – бизнесмен, добившийся успеха исключительно собственными силами, родом из Центрального Айдахо. После нескольких лет торговли машинами этот обаятельный трудоголик открыл залоговое агентство, специализирующееся на рефинансировании. На базе офиса в Ланкастере, Огайо, Котнер открыл с десятков новых, но затем решил продать бизнес и обосноваться на Западном побережье.

Месяца три порыбачив и погревшись на солнышке, Котнер – прирожденный гешефтмахер – снова вступил в игру, на сей раз занявшись исключительно высокодоходным бизнесом. Шести лет напряженного труда и таланта заводить нужные связи, как Джон Готти, оказалось достаточно, чтобы Котнер вошел в бизнес-элиту Северной Калифорнии.

Родни откидывается на спинку кожаного кресла. Аккуратно подстриженные каштановые волосы контрастируют с неопрятными усами и короткой бородкой. Попыхивая сигарой, словно актер, изображающий гангстера, он пускает клуб дыма в лицо сидящего перед ним четырнадцатилетнего мальчика.

– Мальш, ты что, надо мной издеваешься?

Дэвид качает головой:

– Нет, сэр. Ангел в калифорнийских водах. Ее наверняка кто-нибудь обнаружит. Это всего лишь вопрос времени.

– Ты меня просто без ножа режешь. Я потратил несколько лет на подготовку этой сделки.

– Лагуна задумывалась как океанариум, а не какой-то там дурацкий кондоминиум с пристанью. Дедушка говорил, билеты на шоу с Ангелом были раскуплены на два года вперед.

– Без обид, малыш, но твой дед был чокнутым. И если дела шли так хорошо, зачем ему понадобилось продавать контрольный пакет акций Бенедикту Сингеру?

– Это все из-за судебных исков. Дедушка сказал, что большинство из них было спровоцировано федералами. Но в конце концов он вернул себе все права и...

– Да-да, я слышал эту историю. – Родни выходит из-за письменного стола. – Послушай, малыш, я бизнесмен, а не банк. Тебе нужны деньги, у меня они есть, но я хочу получить свою долю акций, а не просто прибыль, которую мог бы получить с депозитного сертификата. Сколько акций оставил тебе дедушка?

– Двадцать процентов.

– Я хочу пятнадцать.

У Дэвида глаза лезут на лоб.

– Нет, ни за что.

– Ладно, тебе решать. Удачи тебе и твоим родителям. Когда будешь уходить, смотри, чтобы тебя не зашибло дверью.

– Пять.

Дэвид и Родни, не сговариваясь, поворачиваются. На пороге с самодовольным видом стоит Патриция Педраццоли.

Глаза Родни мечут молнии.

– У вас ко мне какое-то дело, мисс Педраццоли?

– Дэвид, сколько тебе нужно денег?

– Мак говорит, пятнадцать тысяч. И еще десять на приманку и снаряжение.

– Ладно, я сделаю это за пять процентов. Плюс место в штате, если мы поймем мегу. Что-нибудь в сфере связей с общественностью.

Дэвид, ухмыляясь от уха до уха, смотрит на Родни:

– Заметано.

Родни багровеет от злости:

– Дэвид, подожди снаружи. Мне нужно сказать пару слов своей бывшей служащей.

– Ступай, Дэвид. Я скоро. – Патриция закрывает за мальчиком дверь.

– Какого черта ты лезешь не в свое дело?

– Не хочу, чтобы вы использовали мальчика в своих интересах.

– Брехня! Ты помогаешь братьям Дейтч обтяпать дельце так, чтобы они могли получить лагуну за сущие гроши.

– Считайте это страховкой. Согласитесь, Род, малыш держит вас всех за яйца. Если я сейчас с ним полажу, стану его партнером, то у меня хотя бы будет шанс уговорить его подписать бумаги до возвращения Терри из Канады. А кроме того, я это заслужила. Ведь именно я готовила сделку.

– Но все это незаконно. Малыш еще несовершеннолетний.

– Я проверила завещание. Масао наделил Мака соответствующими полномочиями. Он подпишет бумаги, а когда деньги перейдут из рук в руки, ни Дэвид, ни Терри уже не смогут оспорить контракт с братьями Дейтч.

Родни садится на место:

– Мне нравится идея. Но пять процентов? Господи, Триш, мы легко могли получить десять!

Северная часть Тихого океана

34 морские мили к северо-востоку от Палау

268 морских миль к юго-западу от Марианской впадины

Республика Палау – островное государство, расположенное на архипелаге длиной более 400 миль, который включает несколько сот островов в окружении голубых лагун. Из всего этого лабиринта островов в форме гриба только девять являются обитаемыми, причем основная часть населения Палау живет в столице, которая носит название Корор. В этом затерянном в океане тропическом оазисе можно найти и пятизвездочные отели, и музеи, и японские храмы, и ржавую военную технику времен Второй мировой войны.

Эта жемчужина Тихого океана пользуется популярностью у туристов, и в первую очередь благодаря необычным местам для дайвинга, завоевавшим первое место в списке Подводных чудес света. Атолл Каянгел с лагуной – любимое место для подводного плавания с маской. У берегов острова Пелелиу, у южной границы лагуны Палау,

где во время Второй мировой войны проходила мощная линия обороны японской армии, находится множество затонувших самолетов и судов. Стена Нгемелис, расположенная на одноименном острове, также известная как Биг-Дроп-офф, – это покрытый кораллами, морскими веерами и губками риф, уходящий вертикально вниз более чем на 1000 футов. Опытные дайверы смогут увидеть у побережья Палау подводные катакомбы – зловещие синие дыры, где отмечается самая большая на планете концентрация морских обитателей.

В здешних водах со средней температурой 82 градуса по шкале Фаренгейта можно встретить 1500 видов рыб и 700 видов кораллов. Из хищников у побережья Палау водятся темнопёрая серая акула, барракуда, красный луциан, морской дьявол и косатка. Более того, не исключена вероятность наткнуться на китовую акулу.

Подобное разнообразие морских животных у побережья Палау обусловлено притоком обогащенных питательными веществами вод из близлежащих глубоководных впадин, окаймляющих восточную границу Филиппинской плиты. Идзу-Бонинский желоб, впадина Палау, Японский желоб, Марианская впадина и трог Айю – все это входит в зону с тектоническими точками конвергенции, обеспечивающую питательными веществами пищевую цепь у побережья архипелага.

Испанский галеон «Нептун» идет со скоростью два узла по безмятежному морю над разломом морского дна, известным как Японский желоб. Парусное судно медленно обходит кругом стадо из тридцати-сорока кашалотов, которые отдыхают на морской поверхности в обычном для периода спаривания формировании. Самки с детенышами собираются большими группами, в то время как молодые самцы образуют скопления «холостяков» по периферии. Стараясь привлечь внимание самки, достигшие половой зрелости самцы издают громкие щелкающие звуки, которые самка способна уловить благодаря механизму эхолокации.

Забравшись на топ грот-мачты, Джонас Тейлор наблюдает за китами в бинокль с высоты ста футов. Новый мощный фонтан воды свидетельствует о том, что к стаду присоединился зрелый кит. Доминантный самец направляется к самкам, словно султан в гарем; серебристо-серая голова гиганта чуть ли не вдвое крупнее, чем у его молодых соперников.

Джонас видит, как кит ныряет головой вниз, его огромный хвостовой плавник шириной тринадцать футов торчит из воды. Кит с шумом бьет хвостом по поверхности снова и снова; звуки разносятся над водной гладью, словно пушечные выстрелы.

И тут пронзительное завывание мотора взрывает воздух.

От «Нептуна» отчаливает «Зодиак». Джонас наводит бинокль на спасательную лодку и одинокого человека за штурвалом.

Эрик Холландер направляет «Зодиак» в сторону суперяхты, остановившейся в полумиле к востоку от «Нептуна». Заглушив мотор, Эрик ведет лодку вдоль правого борта изящной яхты. Эрика встречают двое матросов-микронезийцев: один пришвартовывает лодку, другой помогает подняться на борт.

– Где Марен?

Матрос показывает на верхнюю палубу.

Холландер поднимается по винтовой лестнице, жаркое полуденное солнце обжигает его бледную кожу.

Хозяин яхты сидит за ноутбуком в мягком кресле под зонтиком.

– Марен, нам нужно поговорить.

Марен, не удостоив Холландера ответом, как ни в чем не бывало продолжает работать.

Холландер захлопывает ноутбук Марена:

– Не советую со мной шутки шутить! Я знаю, что ты сделал, и чертовски зол на тебя.

Подняв голову, Марен окидывает Холландера злобным взглядом через темные стекла солнцезащитных очков:

– Не зарывайся, Холландер! Ты на борту моего судна.

– Барри Струл был одним из самых популярных Сорвиголов. Прошлой ночью во время шторма он катался на водных лыжах, и его трос самым загадочным образом оказался перекушен.

– Но при чем здесь я?

– Мы с тобой прекрасно знаем, что на самом деле произошло. Ты не контролируешь ситуацию.

– А я никогда ее и не контролировал. Я тысячу раз говорил, что могу выманить животное на поверхность, но не могу повлиять на его поведение. Это тебе не дрессированный тюлень.

– Ты лжешь! Ведь ты отлично знал, что Джонас Тейлор был в воде вместе с Сорвиголовами. И поэтому использовал прошлой ночью свое устройство, чтобы выманить зверюгу на поверхность.

– Интересно, а стал бы ты так убиваться, если бы твои операторы сумели заснять гибель Сорвиголовы?

– Ты, напыщенный осел! Я вовсе не заказывал тебе убийства членов моей команды!

– Конечно нет. Они и без меня прекрасно с этим справились.

– А теперь слушай сюда. Моя компания финансирует это предприятие, и если на то пошло, то нам пока особо нечем похвастаться.

Марен, ни слова не говоря, открывает лэптоп, вводит несколько паролей, затем разворачивает монитор к Холландеру.

На экране топографическая карта дислокации обоих судов в северной части Тихого океана. Марен вводит еще один пароль – и перед Холландером предстает карта с отметкой глубин в режиме реального времени. Синяя точка указывает на местонахождение «Нептуна», а три десятка зеленых точек у поверхности – на расположение стада кашалотов.

Внизу экрана зависла одинокая красная точка.

– Видишь эту красную точку? Это наш общий друг. Как ты, наверное, успел заметить, он кружит под «Нептуном» на глубине три тысячи пятьсот футов. Именно за это ты мне и платишь. А теперь убирайся на свое судно!

– Мне нужно, чтобы он выплыл на поверхность сегодня вечером.

– Я не могу контролировать Мать-Природу...

– Знаю-знаю. Просто попробуй выманить его с помощью прибора, который ты в свое время свистнул в Вудсхолле.

– Свистнул? – Лицо Марена багровеет. – Сатоси!

Похожий на человека-гору японец появляется из джакузи, уровень воды в котором сразу уменьшается вдвое. Полуобнаженный бывший борец сумо весом 375 фунтов направляется к Холландеру; палуба дрожит от его тяжелой поступи.

– Сатоси, проводи мистера Холландера до его лодки.

Холландер вжимается в леер:

– Ладно, Марен, прошу прощения. Я знаю, что ты не крал дрон, поскольку сам его и разработал. Марен, ты меня слышишь? Позови

его!

Сатоси хватает Эрика Холландера одной лапицей за шею, другой – за мошонку и, словно перышко, поднимает над головой.

Холландер отчаянно бьется, пытаясь вырваться из мертвой хватки:

– Сейчас же отпусти... или никакой оплаты.

Марен презрительно фыркает:

– Ты получишь то, что хочешь, и очень скоро, ну а потом заплатишь мне двойную цену. А пока оставайся на своем корабле и занимайся своим делом.

Марен кивает, и Сатоси с утробным рыком перебрасывает Холландера через леер.

Эрик Холландер с пронзительным воплем падает с высоты двухэтажного дома в море, затем выныривает на поверхность, плывет к «Зодиаку» и с трудом переваливается через борт надувной лодки.

– Тебе конец, Марен! Не видать тебе Голливуда как собственных ушей... Ты никогда нигде не будешь больше работать!

В ответ ухмыляющийся Сатоси посылает Холландеру с верхней палубы воздушный поцелуй.

Национальный морской заповедник «Олимпик»

Северо-западное побережье Тихого океана

Штат Вашингтон

Национальный морской заповедник «Олимпик» простирается на 135 миль вдоль скалистого побережья полуострова Олимпик, штат Вашингтон, и на 35 миль в глубь морской акватории, занимая более 2500 морских миль площади Тихого океана. Береговая линия представляет собой острые скалы, сотни мелких островков и пустынные песчаные пляжи в окаймлении густых лесов.

На самом севере морского заповедника находится пролив Хуан-де-Фука. Что касается геологии морского дна, то следует отметить, что на юго-западе дно резко уходит вниз, поскольку именно здесь пролегает подводный каньон Хуан-де-Фука, образовавшийся в результате разлома тектонической плиты Хуан-де-Фука, являющейся частью зоны субдукции Каскадия. Плита Хуан-де-Фука подползает под Североамериканскую континентальную плиту, в результате чего

высота гор Олимпик увеличивается со скоростью, сравнимой со скоростью роста человеческого ногтя за один день. Расплавленная порода вдоль западного края плиты попадает в земную кору, образуя новое океанское ложе, а также цепь подводных вулканов.

Большой самец опускается в глубины подводного каньона Хуан-де-Фука. Обтекаемые челюсти ритмично открываются и закрываются по мере того, как ампулы Лоренцини фиксируют присутствие нескольких стад китов, кормящихся на мелководье. И хотя последняя добыча оказалась слишком мелкой, чтобы утолить голод, мегалодон, опасаясь жалящих лучей солнца, не решается подняться к поверхности для атаки, тем более что левый глаз все еще болит после встречи с лучом прожектора.

Итак, гигантская акула остается в темных глубинах подводного ущелья. Она следует на юг вдоль склонов каньона и только время от времени поднимается проверить оттенки серого в срединном слое, с нетерпением ожидая наступления ночи.

*На борту катера Береговой охраны «Кейп Калверт»
Кладбище великанов
Северо-западное побережье штата Вашингтон*

Лучи утреннего солнца весело играют на покрытой бурными водорослями поверхности Тихого океана. Холодный ветер нагоняет океанскую воду, обрушивая ее на скалистые берега и склоны величественных скал на Кладбище великанов – монолитных колонн, изваянных самой Природой и расставленных ею вдоль всего побережья.

Терри Тейлор, облокотившись на леер правого борта, рассеянно разглядывает живописные окрестности, мысли ее блуждают где-то далеко.

Всю ночь она ссорилась с Джошуа, который категорически отказывался высадить ее на берег из боязни упустить мегалодона. Мегалодон же, остававшийся на глубине, двигался на юго-запад через подводный каньон Хуан-де-Фука, вынудив их продолжить эту бессмысленную погоню за призрачной мечтой.

Измученная, на грани нервного срыва, Терри смотрит на побережье, отчаянно пытаясь найти выход из положения. *Либо*

оставайся на борту и продолжай выслеживать монстра, либо спусти на воду «Зодиак» и плыви к берегу, пока еще не стемнело. Так или иначе, действовать нужно безотлагательно. Стань хозяйкой своей судьбы. Не позволяй еще одному властному мужчине путем манипуляций загонять тебя в угол.

Подошедший к Терри Джошуа протягивает ей чашку дымящегося какао:

– Я вот тут подумал: может, примешь это в знак примирения.

– Джош, мы тут не в бирюльки играем. Или мы договоримся прямо сейчас, или я беру «Зодиак».

– Ладно. Давай договариваться. Это твоя экспедиция. Тебе и карты в руки. Но я по-прежнему оплачиваю все расходы, а значит, тоже имею право голоса. Прошлой ночью тебя захлестнули эмоции. Ты запаниковала. Если бы я тебя послушался и высадил на берег, мы наверняка упустили бы меча.

– Не имеет значения. Когда в следующий раз я прикажу тебе что-то сделать, не советую пропускать мои слова мимо ушей.

– Терри, попробуй посмотреть на вещи трезво. Нам вообще не угрожала никакая опасность. Похоже, Ангел куда больше боится нас, чем мы ее. Она не рискнет приблизиться к нашим подводным огням, да и звук двигателей ее тоже отпугивает.

– Джош, тут не тебе решать. Это моя жизнь, и я не позволю ни тебе, ни кому бы то ни было себя контролировать. – Взяв из его рук чашку с какао, Терри присаживается на деревянную скамью возле рулевой рубки. – Тебе кажется, будто ты меня знаешь, но ты глубоко заблуждаешься. Когда-то я легко справлялась с подобными вещами, но это было очень давно, задолго до побега Ангела.

– Я и сейчас считаю тебя очень крутой.

Но Терри пропускает комплимент мимо ушей.

– Был один человек... Бенедикт Сингер. И когда мы оказались в финансовой яме, он стал главным акционером лагуны Танаки. Тогда у нас просто не было выбора, суды ободрали нас как липку. Так вот, незадолго до побега Ангела Бенедикт Сингер путем разных манипуляций заставил меня спуститься вместе с ним в Марианскую впадину на борту обитаемой абиссальной станции «Бентос». Опустившись на глубину семь миль, мы исследовали Бездну Челленджера. По идее, я должна была выяснить причину исчезновения

глубоководного робота. Когда мы были внизу, на судно напали чудовища, сохранившиеся еще с юрского периода.

– Кронозавры. Я читал об этом. Жуткие твари.

– Да, жуткие, но монстры на борту «Бентоса» были гораздо страшнее. Один из членов экипажа, русский, пытался меня изнасиловать. Опасаясь за свою жизнь, я пошла к Бенедикту, но он играл со мной, как кошка с мышкой, и продолжал кормить обещаниями, что судно вот-вот поднимется на поверхность, хотя вовсе не собирался меня отпустить. Оказалось, что его целью было обнаружить определенный вид марганцевых конкреций, который, по мнению Сингера, мог стать ключом к получению термоядерной энергии. Выяснив, за чем именно охотится Бенедикт, я стала для него расходным материалом. Мне негде было спрятаться, некуда было бежать. Правда, я попыталась, но меня поймала Селеста, любовница Бенедикта, женщина, которая пыталась охмурить моего мужа. И когда, казалось, все было кончено, Джонас спас меня, однако этот горький опыт... – Терри на секунду замолкает. – Скажем так, Бенедикт меня сломал. С тех пор прошло почти двадцать лет, а меня до сих пор мучают ночные кошмары. Поверишь или нет, но когда-то я была очень рискованной, пилотировала самолеты и подводные аппараты. Занималась альпинизмом. Все это в прошлом. Теперь я стараюсь избежать любого риска. Я страдаю от клаустрофобии, и даже в пассажирском самолете у меня дрожат поджилки. Так что, если попробуешь загнать меня в угол, тебе мало не покажется.

– Но посмотри, как далеко ты продвинулась за последние несколько дней. Прилетела в Британскую Колумбию, потом позволила затащить себя в мою таратайку. Не побоялась подняться на борт этого судна и не распахнулась, когда увидела мегу.

– Да, но исключительно потому, что у меня нет выхода. Моя семья в отчаянном положении, нам нужен мег для работы. И не стоит себя обманывать. Сейчас я так же напугана, как и всегда. А осталась я только из-за того, что побоялась ночью вести «Зодиак».

– Не бойся. Ангел клюнет на приманку, и тогда мы ее поймем. Давай придерживаться нашего плана, и в конце концов он непременно сработает.

– А если я все-таки настою на том, чтобы ты высадил меня на берег?

– Тогда я прикажу направить катер в ближайший порт.
Терри пристально вглядывается в его лицо:
– Хорошо, Джош. Даю тебе последний шанс, но...
– Я ведь обещал.
– Отлично! – Терри направляется к трапу.
– Ты куда?
– Мне нужно поспать. Разбуди меня перед заходом солнца.
– Эй, еще один вопрос. А что случилось с тем русским парнем?
– Ты о Сергее? – Резко повернувшись, Терри смотрит молодому человеку прямо в глаза. – Я убила его.

На борту «Нептуна»

34 морские мили к северо-востоку от Палау

268 морских миль к юго-западу от Марианской впадины

Сьюзен Феррарис и семь оставшихся участников шоу «Сорвиголовы» собрались на капитанской галерее. Мия, Ди, Майк Коффи и Эван Стюарт плюхаются на матрас старинной кровати со столбиками. Ферджи, Док Шинто и Дженни – теснятся на кушетке.

Эрик, приглаживая мокрые после душа волосы, выходит из ванной:

– Добрый день. Мы со Сьюзен собрали вас здесь, подальше от кинокамер, чтобы обсудить ночной инцидент.

– Тут нечего обсуждать, – заявляет Коффи. – Это был несчастный случай.

– Утром я говорила с семьей Барри, – вступает в разговор Дженни. – Они, конечно, очень переживают, но ни в кого пальцем не тычут.

– Еще не вечер. Посмотрим, что будет, когда к этому подключатся юристы, – бормочет Док Шинто.

– Вы, народ, упускаете суть дела, – вмешивается Сьюзен. – Ночная эскапада была незапланированным дурацким трюком, не имеющим никакого отношения к нашему шоу.

Ди Хатчер встречает ее слова ироничной ухмылкой:

– Дурацкой по сравнению с плаванием наперегонки с акулами, да? Ферджи поворачивается к Эрику:

– Вам, прохвостам, ужасно обидно, что не удалось заснять все на камеру.

– Но если бы это было частью шоу, то Барри, возможно, остался бы жив, – парирует Эрик. – Нравится вам или нет, нам всем платят за то, что мы развлекаем публику. Если вы хотели выполнить импровизированный трюк, то должны были сперва обратиться к нам.

– Мы тебе не цирковые собачки! – вспыхивает Мия. – Мы делаем это, чтобы почувствовать себя живыми, а не для поднятия рейтингов.

– И тем не менее бизнес есть бизнес, – осаживает ее Сьюзен. – И вы это прекрасно знали, когда подписывали контракт. Мы вполне могли снять ночной трюк или, по крайней мере, оснастить кого-нибудь из вас миниатюрной видеокамерой.

– Ею следовало оснастить Барри, – заявляет Ферджи. – Возможно, тогда мы бы знали, что с ним произошло.

Эрик бросает косой взгляд на Сьюзен:

– Ну да, и здесь хотелось бы прояснить еще один деликатный вопрос. Согласно нашему официальному заявлению, Барри Струл пропал в море. Два вертолета береговой охраны из Манилы присоединились к поискам. Поскольку Барри был в спасательном жилете, то по-прежнему имеется большая вероятность, что его обнаружат.

Но Сорвиголов его слова, похоже, не слишком убедили.

– Так или иначе, шоу должно продолжаться. – Сьюзен обводит глазами комнату. – Исчезновение Барри дает «Молотам» преимущество, а это несправедливо. Так как несчастный случай произошел не во время состязания, мы считаем, что «Мако» имеют право принять в свою команду еще одного члена.

Сорвиголовы удивленно переглядываются.

– И кого вы предлагаете? – спрашивает Коффи.

Эрик меряет шагами каюту:

– Мы открыты для предложений, но, вообще-то, подумываем о Джонасе Тейлоре.

– И уж точно не станем переживать о потере столь яркого комментатора, – бормочет себе под нос Сьюзен.

Дженни качает головой:

– Не пойдет. Он ведь старпер.

– Испытание штормом он выдержал не хуже других, – огрызается Мия.

Эрик смотрит на Ферджи:

– Ты капитан команды «Мако», тебе и решать.

– Вы, конечно, можете его спросить, но он на такое не подпишется. Лет двадцать назад, может, и согласился бы. А сейчас у него для этого кишка тонка, – ухмыляется австралиец. – Правда, я знаю кое-кого, кто точно не откажется.

Лучи полуденного солнца просачиваются в открытые иллюминаторы, окутывая кают-компанию оранжевой дымкой. В помещении яблоку негде упасть, камеры вовсю стрекочут.

На тележке выкатывается торт для почетного гостя.

– С днем рождения, дорогая Дани, с днем рождения тебя!

– Вперед, Дани, – подмигивает Ферджи. – Загадай желание и дуй посильнее.

Дани со смехом задувает свечи.

Возбужденные Куколки, в откровенных купальниках, бешено аплодируют, позируя перед объективами.

Ферджи обмакивает указательный палец в глазурь и протягивает его восемнадцатилетней новорожденной. Гости радостно улюлюкают при виде того, как Дани демонстративно облизывает палец Сорвиголовы.

Джонас, кипя от ярости, наблюдает за происходящим из-за спин кинооператоров.

Шарлотта пробирается в центр зала:

– Тише! Тише, пожалуйста! Прежде чем команда «Мако» объявит о своем следующем трюке, мы хотели бы сделать объявление. Как вы все, конечно, знаете, одного из «Мако», Барри Струла, смыло волной во время ночного шторма. Береговая охрана Манилы присоединилась к властям Палау в проведении поисков, и мы не теряем надежды, что им удастся найти Барри. Однако шоу должно продолжаться, а поэтому необходимо выбрать нового Сорвиголову взамен Барри. И я счастлива сообщить, что для выполнения следующего трюка к «Мако» присоединяется наша новорожденная – Даниэлла Тейлор!

– Что?! – У Джонаса перехватывает дыхание, когда под приветственные крики члены команды «Мако» поднимают Дани на

плечи, чтобы совершить круг почета по кают-компани.

Джонас протискивается сквозь толпу. Обнаружив Эрика Холландера, Джонас, как зверь, кидается на него и хватает за воротник.

– Полегче, приятель...

– Сукин сын, ты хоть немного соображаешь, что делаешь?! Моя дочь не Сорвиголова. И я никогда не дам разрешения.

– Ты отклонил наше предложение, а вот она охотно согласилась. Ей уже восемнадцать. Так что смирись.

Швырнув Эрика на пол, Джонас устремляется к дочери.

Лагуна Танаки

Залив Монтерей, Калифорния

Дэвид Тейлор в полном отчаянии.

Он обшарил буквально все кладовые и кабинеты в дедушкином институте. Распаковал кучу запечатанных картонных коробок и перерыл каждую полку. Передвинул горы снаряжения и даже проверил мусорные баки, но так и не смог найти портативный тампер для приманивания Ангела.

Дэвид снимает с пояса рацию:

– Дядя Мак?

– Слушаю, малыш.

Мак на борту «Ангела II», пришвартованного в южной части бассейна, выгружает снаряжение.

– Тампер исчез.

– А в машинном отделении смотрел?

– Раз десять, не меньше. Обшарил все здание. Тампер исчез.

– Ну, исчез так исчез. Институт не в первый раз грабят. Правда, теперь у нас вообще нет шансов доказать, что Ангел где-то здесь. – Мак поднимает глаза и видит Патрицию с портфелем в руках; перебравшись через бетонную опорную стену, она забирается на борт судна. – Дэвид, я тебе перезвоню.

Мак швыряет рацию на подушки сиденья:

– А вы, леди, времени зря не теряете. Твоя идея подобраться ко мне с тылу, а?

– Ты это о чем?

– О твоей маленькой сделке с Дэвидом. Неужели ты и вправду думала, что я это подпишу?

– Очнись, Мак! Это заведение увязло в долгах. У Терри с Джонасом только один шанс выбраться из долговой ямы с парочкой долларов в кармане, а Дэвид готов пустить все насмарку из-за каких-то детских фантазий.

– Что тем не менее не дает тебе права...

Патриция падает Маку на грудь, когда лагуна начинает дрожать, словно кто-то пытается гигантским камертоном настроить звук.

– Какого черта тут творится?!

– Это подводные динамики. Дэвид активировал сигнал, который мы подаем Ангелу. Малыш пытается доказать, что мег действительно здесь.

– Упертый мелкий засранец, вот он кто! – Патриция достает из портфеля пачку контрактов.

– Забудь, Триш. Я ничего не подпишу. Пусть этим занимается его мать.

– Кстати, я вчера получила от нее сообщение. Теперь она говорит, что ее не будет до конца недели. А тем временем Родни встречался с братьями Дейтч. Сегодня последний день. Они ждут до полуночи, а потом отзывают свое предложение. Ситуацию может спасти лишь подпись Дэвида, но только в том случае, если ты ее заверишь.

– Забудь! – Мак спускается вниз.

Патриция идет за ним по пятам:

– Эй, ты, алкаш поганый! Ты мой должник. Кто, по-твоему, сделал последние три взноса за катер? Кто о тебе заботился последние полгода, когда ты пропивал остатки мозгов?

– Ну это касается только нас. А вот ты обираешь моего крестника! – Мак увертывается от пластиковой тарелки, которую швыряет в него Патриция.

– Никто никого не обирает! Возьми калькулятор и посмотри на чертовы цифры!

Дэвид в подземной обзорной комнате разглядывает оливковые воды главного бассейна. Каждые пятнадцать секунд семидюймовое лексановое покрытие дрожит от грохота подводных динамиков, но

Дэвид не обращает внимания, поскольку прислушивается к искаженным помехами голосам, просачивающимся из рации.

Дэвид подслушивает Мака с Патрицией, не сводя глаз с киля «Ангела II», который занимает весь правый верхний угол обзорного окна.

Мак заканчивает подсчеты:

– По моим прикидкам, десять процентов Дэвида дают тебе лишние сорок штук комиссионных.

– Минус двадцать пять тысяч, выданных ему авансом на расходы.

– Пятнадцать из которых ушли на драгирование дна канала. Насколько я понимаю, братья Дейтч в любом случае должны были заплатить за это из своего кармана.

Бабах!

«Ангел II» раскачивается, словно в него врезалось другое судно, и опасно кренится, в результате чего стопка грязной посуды падает на пол.

Мак помогает Патриции подняться и вихрем взлетает по трапу на палубу.

– О боже!..

Из воды торчит гигантская голова Ангела, буквально на расстоянии вытянутой руки от катера. Серо-голубые глаза акулы с вожделием глядят на возвышающуюся над головой ржавую А-раму, чудовищная нижняя челюсть слегка подрагивает, словно животное что-то бормочет себе под нос.

Мак, дрожа всем телом, смотрит на монстра.

Она ждет, когда ее покормят.

Патриция поднимается по трапу. Мак зажимает ей рот рукой, чтобы заглушить истошный крик:

– Не двигайся. И ни звука.

Дэвид вскакивает на ноги. Сердце так отчаянно бьется, что вот-вот выскочит из груди. Мальчик, замороженный размерами белоснежно-белой сорокатонной туши чудовища, не в силах отвести взгляд от трепещущих жаберных щелей.

Устав от напрасного ожидания пищи, мегалодон уходит под воду, обратив к мальчику жуткое рыло.

Дэвид, раскрыв рот, смотрит на массивную голову Ангела, которую, наверное, впервые в жизни видит так близко. Смотрит на ноздри размером с канталупу, втягивающие морскую воду, на мощные челюсти, способные целиком проглотить отцовский автомобиль, на жуткие розовые десны, служащие отметкой того места на рыле акулы, где челюсти, открываясь от черепной коробки, выдвигаются вперед, чтобы сделать самый чудовищный укус за всю историю эволюции.

Всего несколько дюймов лексана отделяет Дэвида от нескольких рядов белых треугольных зубов размером с человеческое лицо и острых, как скальпель. Дэвид заглядывает в черную глотку – прямую дорогу в ад, смотрит в злобные серо-голубые глаза без зрачков, которые глядят на него в упор.

По телу мальчика бегут мурашки, грудь болезненно сжимается. Он переводит взгляд справа от себя, на каменную стену с красной кнопкой под табличкой «Исключительно для экстренных случаев».

Ангел тыкается рылом в прозрачный барьер, лексан прогибается от воздействия. В мозгу мега вспыхивает отдаленное воспоминание... Воспоминание о еде.

Отплыв от обзорного окна, мегалодон начинает кружить в южной части бассейна.

– Вот черт!

Дэвид кидается к стене и судорожно жмет на красную кнопку, когда Ангел, точно торпеда, нацеливается на обзорное окно.

За лексановым барьером вскипают, взрываясь, пузырьки воды – и створки титанового щита смыкаются за секунду до того, как гигантская акула врезается мордой в обзорное окно.

Увидев, что семифутовый спинной плавник снова направляется в сторону катера, Мак хватает Патрицию и крепко прижимает к себе.

Бассейн сотрясает звуковая волна. Десятифутовые валы обрушиваются на борт судна, «Ангел II» кружится в бешеном водовороте, стучаясь корпусом о внутреннюю бетонную стенку бассейна.

– Ты в порядке?

Патриция кивает и сразу же громко вскрикивает. Голова Ангела выныривает на поверхность возле катера, чудовищный глаз тарачится на двух дрожащих людишек.

– Шевелись! – Мак отталкивает Патрицию к лееру левого борта, увертываясь от убийственных челюстей мегалодона, которые, сомкнувшись на транце, яростно крошат стеклопластик.

Катер начинает опасно крениться, и Мак, обхватив Патрицию за талию, перебрасывает ее через бетонную подпорную стенку.

Удостоверившись, что Патриция в безопасности, Мак облегченно вздыхает, и в этот момент катер получает такой мощный удар снизу, что рвется беседочный узел.

Катер, оторвавшись от стенки, дрейфует на середину лагуны.

Бабах!

Разъяренный мег снова атакует корпус лодки, ее нос выскакивает из воды, опасно задираясь вверх.

Мак падает на алюминиевый трап, ведущий на открытый мостик. Подтягивается, ухватившись за перекладину...

Бабах!

Ангел в очередной раз врывается в корпус катера, отшвыривая его в сторону.

– Мак, заводи мотор! – кричит Патриция.

Мак карабкается по трапу на мостик. Буквально падает на пульт управления и нажимает на кнопку «ПУСК».

Спаренные двигатели оживают, винты взбивают воду. Мак газует, переключившись с нейтралки; катер пытается сделать рывок, однако смятый ведущий вал лязгает, скрипит, фырчит и умирает.

Бабах!

Катер снова атакован, слышится тошнотворный треск стеклопластика и дерева. Корпус судна не выдерживает, и вода поступает внутрь искаленного судна.

«Ангел II» медленно кренится на правый борт, затопленное судно обречено.

Мегалодон кружит поблизости в ожидании смерти своей жертвы.

Патриция озирается по сторонам, обнаруживает старую весельную лодку Масао и, схватив весло, мчится к северному концу бассейна.

Мак, по колено в воде, стоит на уходящей из-под ног палубе. Кружащий неподалеку белый спинной плавник заставляет сердце тревожно биться. Тридцать ярдов отделяет Мака от ближайшей

подпорной стенки, тридцать секунд – от того момента, когда судно окончательно пойдет ко дну. Тридцать секунд до смерти.

Бамс!

Патриция, перегнувшись через подпорную стенку, с силой хлопает веслом по поверхности воды.

Бамс! Бамс... бамс... бамс...

Нос «Ангела II» поднимается вертикально вверх, полусжеванная корма медленно уходит под воду.

Мак балансирует на перекладине алюминиевого трапа и делает то, что не делал уже двадцать лет. Молится.

Бамс... бамс... бамс... бамс...

Мак, стоявший по грудь в воде, внезапно чувствует мощный толчок, когда 76-футовая акула-альбинос скользит мимо, устремившись в северный конец бассейна.

Еще рано.

Мак барахтается в воде, пытаясь отплыть от судна, которое медленно идет ко дну.

Погоди-ка...

Он смотрит, как мег направляется к источнику шума.

Корма ударяется о дно бассейна.

Спинной плавник неожиданно поворачивает назад.

Вот черт!..

Мак ныряет в оливково-зеленую воду и плывет из последних сил, бешено работая руками и ногами, пытаясь поскорее добраться до восточной стенки бассейна; он мысленно подгоняет себя двигаться быстрее, хотя пока еще плохо понимает, как будет карабкаться на пятифутовую высоту.

Ангел нацеливается на вновь возникший источник помех, разрезая поверхность воды со скоростью двадцать узлов.

Доплыв до края бассейна, Мак видит протянутую руку свесившегося со стены крестника.

Ангел, на расстоянии примерно двухсот футов от них, поднимает голову с разинутыми челюстями, собираясь проглотить свою жертву.

Мак хватает Дэвида за руку, цепляясь ногами за бетонные швы, а свободной рукой – за верх стены, и на одном адреналине переваливается через стену, увлекая за собой мальчика.

Они валятся на первый ряд сидений для зрителей, а Ангел тем временем таранит подпорную стенку. Вертикальная бетонная плита раскалывается от удара, и куски бетона падают в воду. Мимо проплывает спинной плавник, секундой позже гигантский хвост в форме полумесяца разносит по сторонам остатки бетонной преграды.

Мак рывком ставит Дэвида на ноги. Слегка контуженные, но, слава богу, живые, они взбегают по ступеням арены, остановившись только у десятого ряда.

Ангел кружит возле затонувшего катера, заставляя его ерзать по дну бассейна. Возбужденная самка, засунув рыло в рулевую рубку, толкает судно к разрушенной восточной стене.

Бабах!

Катер ударяется о край бассейна – на арену накатываютось восьмифутовые волны.

Монстр еще немного кружит, после чего покидает лагуну. Оказавшись в канале, он проходит через распахнутые стальные ворота и исчезает в черных глубинах каньона.

Патриция обнимает промокшего до нитки Мака.

– Эй! – Дэвид хлопает своего крестного отца по плечу, заставив Патрицию разомкнуть объятия. – Ну что? Теперь вы мне верите?

Глава 20

На борту «Нептуна»

34 морские мили к северо-востоку от Палау

268 морских миль к юго-западу от Марианской впадины

– Папа, можешь советовать мне сколько влезет, только, пожалуйста, не обижайся, если я пропущу все твои советы мимо ушей. – Даниэлла Тейлор демонстративно застегивает на молнию гидрокостюм. – Мне уже восемнадцать. Я достаточно взрослая, чтобы голосовать, достаточно взрослая, чтобы принимать решения, достаточно взрослая, чтобы жить своей собственной жизнью и совершать свои собственные ошибки.

С этими словами Дани берет акваланг. Джонас идет за ней:

– Может, тебе и восемнадцать, но ты по-прежнему моя дочь, и я запрещаю тебе это делать.

Дани разворачивается лицом к отцу:

– Интересно, и что ты сделаешь? Накажешь меня? Запрешь в своей каюте до конца плавания? Заметь, я уже не ребенок.

– Тогда прекрати ребячиться. Включи здравый смысл. То, что ты собираешься сделать, очень опасно. Поведение диких животных непредсказуемо. Что ты хочешь доказать?

– Ничего. Неужели так трудно принять как должное, что я самостоятельная личность? Это моя жизнь. Я заработала право самостоятельно принимать решения и брать на себя определенный риск.

– Дани, я ведь тебе не враг. Но я гораздо старше тебя и куда опытнее в такого рода вещах. Поверь мне, ты еще не готова.

– Сколько лет было Эндрю Фоксу, когда отец впервые взял его с собой в акулю клетку? А сколько было тебе, когда ты решил стать пилотом глубоководных аппаратов?

– Это совсем другое дело. Я ведь не стал с ходу запрыгивать в подводный аппарат для того, чтобы совершить погружение. А прошел курс обучения на флоте.

– Меня обучают Сорвиголовы. – (Тем временем Ферджи уже машет Дани, чтобы садилась в шлюпку.) – Папа, я понимаю, что тебе тяжело, но ты не можешь держать под контролем весь мир. Научись отпускать ситуацию. – Дани обнимает отца. – Эй, я скоро стану звездой! Порадуйся за меня.

Джонас провожает дочь взглядом, спрашивая себя: что же случилось с маленькой светловолосой девочкой, которую он когда-то качал на коленях?

Молодые самцы кашалота уже несколько часов резвятся среди самок и, сгрудившись, трутся друг о друга боками.

Но сейчас, когда заходящее солнце озаряет западный горизонт оранжево-красным сиянием, активность млекопитающих несколько снижается и они снова разделяются по половому признаку: самки собираются вокруг детенышей, а молодые самцы – группами по четыре-пять особей.

С востока к китам тихо приближаются два плавсредства: деревянная весельная шлюпка с четверьмя членами команды «Мако» и «Зодиак» с Эндрю Фоксом и двумя членами его съемочной группы на борту.

Ферджи останавливает лодку в двадцати футах от полдюжины серовато-коричневых самок:

– О'кей, значит, делаем так. Полчаса просто поплаваем среди самок, чтобы они к нам привыкли. Пусть молодые самцы вас не волнуют. В вечернее время они не станут нас беспокоить.

– А как насчет матерого кашалота? – спрашивает Док Шинто.

– Вот за ним нужен глаз да глаз. Вы его точно не пропустите. Голова размером с дом, серебристо-серая, сплошь в шрамах. Как докладывают наши наблюдатели, он ушел покормиться на глубину. Минут десять назад. Это дает нам сорок минут форы. Поскольку кашалот уже успел оприходовать дам, то, вернувшись на поверхность, он, скорее всего, будет дремать. Значит, двадцать минут проводим в воде, а потом встречаемся в лодке. Чтобы выполнить задуманное, придется дожидаться темноты. – (Команда «Мако» дружно кивает.) – Док, передай мне мешок. – (Шинто передает Ферджи пластиковый мешок для мусора с нейлоновым тросом внутри). Я приобрел это еще

в Дарвине. Проверил на модели кита в их музейной экспозиции. Аркан вполне подойдет для хвостового плавника.

Дженни качает головой:

– Без обид, Ферджи. Но здесь мы имеем дело отнюдь не с пластиковыми моделями. Неужели ты всерьез считаешь заарканить одного из этих животных? Только посмотри на них! Они перекатываются, точно бревна.

– Заарканить? Ну конечно нет. Как только стемнеет, все эти животные отправятся спать. Кашалоты спят в вертикальном положении, держа голову над водой. Когда они отойдут в страну грез, мы выберем одну из самок, накинем аркан ей на хвост, а свободный конец прикрепим к носу лодки. Совсем как чертово катание на санях в Нантакете.

Дани в волнении переваливается через борт лодки прямо в море, у нее настолько пересохло во рту, что даже не сплюнуть. Сдавшись, она окунает маску в море, потом натягивает на лицо.

Ферджи плывет рядом с Дани. У него на макушке – подводная камера.

– Док с Дженни взяли курс налево, а мы двинемся направо. Ну как, готова, так сказать, лишиться девственности?

– Мне немного страшно.

– Все будет отлично. Ладно, включай камеру. – Ферджи наклоняется, дав возможность Дани переключить тумблер.

Эндрю Фокс на соседней лодке поднимает большие пальцы вверх.

Ферджи вставляет в рот регулятор и выпускает воздух из жилета-компенсатора. Дани следует его примеру, и двое Сорвиголов, взявшись за руки, погружаются в темно-синюю бездну.

На поверхности моря, точно водоросли, плавают трехфутовые куски китовой кожи – издержки любовных игр китов. Скопления тягучих белых нитей – результат эякуляции возбужденных молодых самцов – причудливой паутиной кружатся в воде.

Ферджи увлекает Дани на сорокафутовую глубину. Они поворачивают на запад, приблизившись к скоплению самок, перекатывающихся на глубине десяти футов. Длина каждой самки не менее тридцати футов, а вес достигает тридцати трех тысяч фунтов. Дани рефлекторно сжимает руку Ферджи, а затем показывает на

десятифутового детеныша, который играет среди взрослых. Бока новорожденного китенка покрыты вертикальными морщинками, сохранившимися с тех пор, когда он лежал скрючившись в утробе матери.

Любопытный малыш весом две тысячи фунтов замечает поблизости двух человеческих существ и, отделившись от взрослых, отправляется на разведку.

У Дани глаза лезут на лоб, когда животное, ускораясь, направляется прямо к ним. Ферджи заслоняет Дани своим телом, принимая на себя удар головой игривого детеныша, усиленно пихающего их назад.

В дело вмешивается мамаша китенка, которая оперативно отгоняет детеныша обратно к стаду.

Китенок ударяет хвостом по воде – и водная подушка тотчас же поднимает Дани с Ферджи к поверхности.

Выплюнув регулятор, Ферджи притягивает Дани к себе:

– Ты в порядке?

Дани стряхивает с маски воду:

– Боже мой, это было круто! Давай повторим!

– Расслабься, девочка. Хорошенького понемножку. А не то мамаша китенка может здорово разозлиться. – Ферджи машет рукой на запад, где уже исчезают последние фиолетовые лучи дневного света. – Ладно, давай вернемся к лодке и приготовимся повеселиться по-настоящему.

Полная луна озаряет океан бледно-желтым светом. Его приветствует исходящее из впадины мерцание звезд – это активизируются глубоководные люминесцентные существа, ночные перемещения которых являются самыми большими миграционными потоками на планете.

Эндрю Фокс зависает в шелковисто-серой воде на глубине восемьдесят футов. Его камера нацелена на тонкий восходящий след пузырьков воздуха – с глубины трех тысяч футов поднимается насытившийся морской царь, гигантский матерый самец кашалота.

У Эндрю расширяются глаза, когда из мрака возникает колоссальная серая голова, а потом и потрясающее воображение бугристое мощное тело.

Самец появляется словно из ниоткуда, и вот он уже над Эндрю, заполняя своей тушей весь экран, – шестидесятифутовый хищник весом восемьдесят пять тысяч фунтов. Выпустив оставшийся воздух, он поднимается на поверхность, чтобы подышать.

Эндрю Фокса, застывшего в священном ужасе, подхватывает кильватерной волной, которая тащит его наверх. Он с ужасом замечает поток крови из огромной рваной раны на том месте, где некогда был правый грудной плавник кашалота. И прежде чем Эндрю успевает отреагировать, его закручивает, переворачивая вверх тормашками, турбулентный поток от удара убийственного хвостового плавника кита.

Оператор снова оказывается лицом вниз, от невыносимого давления закладывает уши. Он уже собирается перевернуться, но неожиданно видит где-то внизу странный металлический блеск, исходящий от узкого серебристого объекта, который неотступно следует за китом.

Эндрю поспешно наводит на странный объект камеру, взяв его крупным планом.

Что бы это могло быть? «Барракуда»?

Затем смотрит вниз – и замечает сияние...

Спящие кашалоты, выставив из воды головы, неподвижно висят в вертикальном положении на шестидесятифутовой глубине.

Ферджи подплывает на расстояние вытянутой руки к застывшему хвостовому плавнику выбранной им самки. И, дождавшись сигнала от оператора Стюарта Старра, подает знак трем товарищам по команде.

Док, Дженни и Дани расширяют нейлоновую петлю, затем медленно и осторожно продевают в нее хвост самки.

Ферджи затягивает потуже петлю на основании плавника, чтобы не соскользнула. Вытянув в воде нейлоновый трос, Ферджи плывет обратно к шлюпке в сопровождении оператора и членов команды.

Первым на борт забирается Стюарт Старр. Дождавшись, когда он устроится на корме, в лодку один за другим садятся Сорвиголовы, делая вид, будто никакой камеры рядом нет. Док с Дженни устраиваются в центре шлюпки, Ферджи и Дани занимают места на носу. Затем Ферджи под хихиканье товарищей привязывает свободный конец троса к латунному кольцу на носу шлюпки.

– Петля затянется, когда самка проснется и поплывет. Я оставил пятьдесят метров слабины. Это наверняка будет потрясающая гонка.

Прекратив съемку, Стюарт Старр начинает переговоры по радиации с экипажем соседней лодки:

– Понятно. Ферджи, погоди распугивать китов. Мы ждем возвращения Эндрю Фокса.

Окаменевший Эндрю Фокс смотрит, затаив дыхание, как в призрачном лунном свете разгорается странное сияние. Сын легендарного специалиста по акулам, Эндрю всю свою жизнь снимал больших белых акул. Фотографировал их как из акульей клетки, так и в открытом океане, причем ночью и в темной воде. Эндрю всегда соблюдал осторожность, но еще ни разу не испытывал страха.

Однако, увидев поднимающуюся из пучины акулу-альбиноса – далекого предка большой белой, Фокс на мгновение каменеет от ужаса и невольно задается вопросом: что в свое время чувствовал отец, когда его едва не разорвала пополам акула, ставшая для него самым страшным кошмаром?

Несмотря на леденящий душу страх, Эндрю продолжает съемку, полностью отдавая себе отчет, что электрические импульсы от камеры обрекают его на верную смерть.

А тем временем на борту «Нептуна» Шарлотта Локхарт продолжает читать свой текст с телесуфлера, а Джонас Тейлор – разыгрывать перед объективами кинокамер живой интерес к происходящему.

– ...у самого крупного океанского хищника – кашалота – имеется от восемнадцати до двадцати пяти комических зубов с каждой стороны нижней челюсти...

– Стоп! – Сьюзен Феррарис до крови закусывает нижнюю губу. – Шарлотта, милочка, не комических, а конических. Ко-ни-чес-ких. Хорошо, дорогая? Давай попробуем еще раз.

– Перемотка.

– Мотор!

Шарлотта облизывает губы. Встает в позу:

– У самого крупного...

– Вот дерьмо! – Сьюзен с размаху швыряет клипборд на палубу. – Нет, сейчас я точно кого-нибудь убью!

Ее ассистент у бокового монитора призывно машет рукой:

– Сьюзен, Эрик! Быстрее сюда! Это надо видеть!

Режиссер и продюсер протискиваются сквозь охающую и ахающую толпу:

– Господи, неужели оно реально?

Джонас подходит поближе. Видит картинку на мониторе. Чувствует, как кровь стынет в жилах.

Сперва появляется дьявольская морда: правый глаз и правая ноздря в окаймлении отвратительных шрамов, тянущихся до верхней челюсти и мерзкой розовой десны. Перекошенная пасть открывается с судорожными подергиваниями, демонстрируя ряды шестидюймовых зубов.

В лунном свете лишенная пигмента люминесцирующая шкура чудовища испускает призрачное белое сияние. Монстр проплывает мимо камеры, попутный поток подхватывает оператора и закручивает в водовороте, словно в барабане стиральной машины. В кадр на секунду попадает похожий на крыло грудной плавник, а картинка перефокусируется, показывая крупным планом искаженный алебастровый спинной плавник с напрочь откушенным нижним концом.

И последнее изображение – парные семенники на брыжейках и смертоносный хвостовой плавник.

В голове Джонаса проносятся с десяток разных мыслей и одновременно с десяток разных команд. *Помоги Эндрю... Это самец... Терри была права... Фестиваль акульих зубов... Зуб самца мега... Эрик тебя подставил... Найди оружие... Как он здесь очутился... Проверь, где находится лодка...*

– ...спасите мою дочь!

Джонас мчится по главной палубе к месту сбора команды «Молоты». Грузовая сеть уже за бортом, «Зодиак» спущен на воду.

Мия Дуранте поднимает на Джонаса глаза и видит его искаженное лицо. Ни слова не говоря, она идет вместе с ним к лееру, чтобы спуститься по грузовой сети в моторную лодку.

Щелкающие звуки, издаваемые по мере подъема матерым кашалотом, улавливаются благодаря механизму эхолокации остальными китами. Страхивая с себя остатки сна, они резко всплывают, самки окружают детенышей, а молодые самцы – самок. Млекопитающие готовятся к массовому исходу.

Привязанная к лодке Сорвиголов самка неожиданно просыпается. Она всплывает на поверхность, петля на ее хвостовом плавнике затягивается.

Почувствовав, что ее взяли на буксир, самка начинает паниковать.

– Повтори еще раз. – Стюарт Старр крепче прижимает рацию к уху, голос его собеседника заглушает гул от винтов вертолета над головой. – Мега-ла что?

Дани поворачивается, во все глаза уставившись на оператора.

Внезапно нейлоновый трос натягивается, отчего лодка ускоряется до двадцати узлов.

– Ух ты! – Ферджи хватает Дани за талию и крепко держит.

Деревянное суденышко скачет по пенным гребням, словно дикая лошадь.

Дани, пригнув голову, пытается спрятаться от холодного душа соленых брызг. Повернувшись, она кричит Стюарту Старру:

– Ты вроде произнес слово «мегалодон»?

Однако ее голос, едва слышный на фоне криков товарищей по команде, окончательно тонет в шуме винтов вертолета с «Целаканта» и пронзительном вое ветра.

Оглянувшись, Дани видит спинной плавник.

Самец мегалодона – уцелевший детеныш из первого помета Ангела – избегает большого скопления кашалотов. Его органы чувств нацелены на одинокую самку, которая, отделившись от своих товарок, на всех парах несется прочь от стада.

Мег пускается в погоню, разрезая ночь искалеченным спинным плавником в форме полумесяца.

В считанные секунды охотник обнаруживает еще одно существо, следующее за самкой кашалота.

Меньшего размера. Более уязвимое.

Мегалодон меняет курс, по ошибке приняв шлюпку за теленка.

– Он нацелился на нас! Сделайте же хоть что-нибудь! – кричит Дани.

Капитан команды «Мако» собирается ответить, но тут лодка врезается носом в шестифутовый вал. Переждав волну, Ферджи говорит:

– Он гонится за нашей шлюпкой. Может, нам лучше нырнуть в воду. Тогда, может, и пронесет. А нас потом подберет вертолет.

– Бредовая идея, – глядя на плавник, заявляет Дженни. – Вертолет здесь исключительно затем, чтобы запечатлеть на камеру нашу смерть. Пожалуй, я рискну и останусь в лодке.

Самка кашалота в панике тянет за собой шлюпку еще две мили. Вконец измотанная, она чувствует, что еще немного – и мег настигнет ее, а потому решает уйти на глубину.

Шлюпка, перепрыгнув через очередную волну, неожиданно ныряет носом вперед прямо в черные воды Тихого океана.

У Дани перед глазами вспыхивают разноцветные огни – и вот уже океан затягивает ее в бездну. В ушах стоит душераздирающий скрежет шлюпки, а расколотое сознание вопиет, требуя перестать цепляться за борт.

Разжав руки, Дани отталкивается и плывет к поверхности, на что уходит целая вечность. И вот она наконец выныривает, жадно глотая воздух.

И неожиданно цепенеет.

Прямо на нее катится белый кильватерный след, который движется под поверхностью моря, словно подводная лодка, и, прежде чем Дани успеет вскрикнуть, прежде чем успеет заставить окаменевшие мышцы двигаться, монстр уже подныривает под нее. Босые ноги Дани касаются шершавой спины цвета слоновой кости; девушка поспешно отдергивает их, прижимая коленки к груди, когда изуродованный спинной плавник разрезает воду, едва не касаясь ее лица. Образованный акулой попутный поток, закручивая Дани в яростном водовороте, тащит бедняжку за собой на расстояние несколько ярдов, пока ей наконец не удастся откатиться в сторону.

Дани, задыхаясь, выныривает на поверхность и внезапно слышит отчаянный мужской вопль, ужаснее которого она еще в жизни не слышала. От этого нечеловеческого крика у Дани кровь стынет в жилах, но что еще хуже, гораздо хуже – так это то, что крик внезапно обрывается.

От страха у Даниэллы Тейлор пропадает голос, и она не может ответить, что, безусловно, к лучшему, так как хвостовой плавник цвета слоновой кости внезапно появляется вновь, едва не задев Дани, после чего исчезает в волнах, оставляя девушку в гробовой тишине, которую неожиданно взрывает шум вертолета.

Задрав голову, Дани видит огни и очертания двухместного вертолета с «Целаканта», гул от его крутящихся лопастей эхом отражается от поверхности воды.

– Помогите! Помогите...

Вертолет неподвижно зависает в тридцати футах над ее головой. Она видит, как кто-то свешивается вниз – крупный мужчина с камерой в руках.

– Эй, ты, ублюдок! Помоги мне!

Дани накрывает волной, и девушка кричит в темноту, проклиная чертов вертолет, кричит еще громче, когда чьи-то руки выволакивают ее из воды и затаскивают на «Зодиак». Она продолжает кричать до тех пор, пока внезапно не чувствует знакомый запах лосьона после бритья и папины ладони на своих плечах.

– Папочка?

– Все в порядке. – Джонас накидывает на дочь одеяло.

Мия сбавляет скорость «Зодиака», чтобы подобрать Стюарта Старра. Джонас втаскивает перепуганного кинооператора за спасательный жилет, а тем временем Дженни Арнос забирается в лодку с другой стороны.

Пилот вертолета направляет на «Зодиак» ослепительный луч света, от которого нестерпимо режет глаза.

Джонас, перекрикивая шум вертолета, командует Мие:

– Уводи поскорее отсюда «Зодиак», пока эти придурки нас не угробили.

– Погодите! – отчаянно вопит Дани. – Где Ферджи?

– Где Док?

Мия сбрасывает скорость, спасательная лодка нарезает широкие круги, пять пар глаз в отчаянии обшаривают поверхность воды.

– Тсс! Слышите?

Из темноты доносится мужской голос, едва слышный на фоне гула вертолета.

Джонас машет рукой:

– Там! Стрелка на два часа.

За вздыбившейся волной кто-то неистово машет им рукой, а ярдах в тридцати серебристый спинной плавник уже нацеливается на человека в воде.

– Держись! – Мия нажимает на газ, резиновая лодка, прыгая по волнам, мчится вперед.

Джонас ложится грудью на правый борт надувной лодки, крепко сжимая его ногами, и наугад тянет руку к пенной шапке волны.

Быстрее, Мия, еще быстрее...

Тонуций мужчина уже плывет как сумасшедший, молотя ногами, а прямо за его спиной из воды высовывается мерзкое рыло мегалодона.

Джонас видит, как верхняя челюсть монстра выдвигается вперед. *Слишком поздно... Господи, Мия, даже и не пытайся, не надо...*

Джонас хватается за протянутую руку, его пальцы стальным капканом сжимают холодную резину мокрого гидрокостюма, локоть напрягается от невыносимой тяжести чужого тела, которое грозит увлечь за собой спасателя... И в этот момент к нему тянется набитая зубами пасть. Джонас отчаянно кричит в эту черную дыру, его обдает зловонным дыханием, и он закрывает глаза, готовясь к смерти.

Мия делает крутой вираж, «Зодиак» сильно кренится на правый борт; кажется, еще секунда – и обоих мужчин затянет в бездонную глотку.

Но Дани мертвой хваткой вцепилась в левую ногу отца, а Дженни со Стюартом держат Дани, и вот уже «Зодиак» резво мчится по волнам, до поры до времени оставив монстра позади.

Джонас рывком втаскивает задыхающегося Вейна Фергюсона на борт.

Вейн, не в силах произнести ни слова, благодарно кивает и тотчас же попадает в объятия Дани.

От завывания мотора закладывает уши, ветер безжалостно хлещет в лицо. Страх сжимает внутренности тугим комком, во рту стоит его

кислый привкус.

Мия вглядывается в горизонт:

– Куда, черт возьми, подевался «Нептун»?

Но Джонаса больше волнует то, что происходит у них за спиной.

Да, атака на поверхности моря провалилась, но во второй раз его уже не проведешь.

– Мия, это еще не все. Он нападет на нас снизу. Ты должна лавировать.

– Что?

– Лавируй! – Джонас резко поворачивает руль, «Зодиак» снова делает крен на правый борт.

– Эй, что ты...

Справа от них море внезапно расступается: гигантское животное, выскочив из воды, взрывает ночную тьму, смертоносные челюсти в бессильной злобе хватают воздух.

Дани с Дженни истошно кричат, Ферджи валится кулем на дрожащего Стюарта Старра.

Мия смотрит на Джонаса расширившимися от ужаса глазами – теперь уже и ей явно не по себе.

– Ладно, рули сам. – Она передает Джонасу руль.

Мегалодон исчезает в кильватерной волне «Зодиака». Джонас начинает лихорадочно соображать. *Думай, Тейлор. Тебе от него не оторваться, и ты не сможешь маневрировать до бесконечности.* Джонас вглядывается в черный горизонт и понимает, что больше не ориентируется в пространстве. *«Нептун» находился к югу от «Зодиака», но где сейчас юг? Джонас смотрит на звезды, затем быстро опускает голову. К черту! Главное, не терять бдительности. И считать секунды между атаками.*

– Держитесь! – Джонас снова кладет «Зодиак» на правый борт, резко меняя курс.

Покрытый шрамами спинной плавник мегги показывается впереди слева от них, а потом исчезает.

Мия явно удивлена:

– Как ты узнал...

– Я уже играл раньше в кошки-мышки.

– Ну и как, выиграл?

– Лучше бы тебе этого не знать.

Над головой снова грохочут лопасти вертолета.

Элисон Петруччи снижает вертолет и, зависнув на высоте двадцать футов от поверхности океана, ждет приближения «Зодиака». Майкл Марен хлопает ее по плечу:

– Идеально. Так и оставайся. – Посмотрев в видеоискатель, он направляет объектив на приближающуюся спасательную лодку. *Тейлор, улыбочку в камеру. Прощальная улыбка перед смертью.*

Марен делает снимок, после чего, сев в кресло второго пилота, кладет на колени лэптоп.

Мия в ярости скрежещет зубами:

– Ты только погляди на этих придурков!

– Да, гул вертолета наводит мега прямо на нас.

Джонас увертывается от зависшего над ними воздушного судна, которое – черт бы его побрал! – никак не хочет отставать. Он смотрит на волны и мысленно ведет подсчеты, пытаясь оценить скорость погружения, а также скорость сближения большого самца, и неожиданно замечает металлический блеск, идущий от странного предмета в форме веретена, который следует под поверхностью тем же курсом, что и «Зодиак», параллельно его правому борту.

Джонас пытается получше разглядеть непонятный предмет, но тот неожиданно исчезает.

Три гидроцикла устремляются наперехват «Зодиаку». Майкл Коффи – впереди, Эван Стюарт и Ди Хатчер – на флангах. Отважная тройка мчится навстречу резиновой лодке, затем, приблизившись на сто ярдов, сворачивает на юг и сигналист Джонасу следовать за ними.

Мия показывает на гидроциклы:

– Джонас, держись Сорвиголов. Они приведут нас к «Нептуну»!

Джонас меняет курс, ориентируясь на пенный след гидроциклов.

Мия с Дани радостными криками приветствуют появившийся на горизонте «Нептун».

Джонас оглядывается. Спинной плавник, отстав от «Зодиака», кружит вокруг умирающего кашалота.

Самец кашалота плывет на боку в луже собственной крови. Майкл Марен смотрит на монитор и, проклиная умирающего кита, отчаянно водит джойстиком лэптопа.

– Майкл, мне следовать за «Зодиаком» или остаться с мегом? Майкл?

Марен с шумом захлопывает лэптоп:

– Просто доставь нас обратно на «Целакант».

Когда Джонас причаливает к испанскому галеону, трое гидроциклистов уже на корабле. Джонас пришвартовывает спасательную лодку к нижней ячее грузовой сети и вместе со своими спутниками поднимается под бурные аплодисменты на борт «Нептуна».

Ферджи знаком призывает к тишине:

– Эй, вы, чертовы недоноски, а ну-ка заткнитесь! Я сказал, всем молчать! – Он смотрит на улыбающихся членов съемочной группы и качает головой. – Док мертв. Надеюсь, вы успели провести ваши треклятые съемки.

Лица окружающих молниеносно вытягиваются, повисает тяжелое молчание.

Джонас поднимается на палубу:

– А где Холландер?

Вперед выходит капитан Робертсон:

– Заперся в своей каюте со Сьюзен и редакторами. Пересылают отснятый материал.

– А Эндрю?

– В лазарете. Ничего, жить будет. Несколько паршивых ссадин.

– Капитан, ведите судно в ближайший порт. Объявляю путешествие законченным.

– Не могу, Тейлор. Приказано оставаться в двух километрах от мертвого кита.

Поздний плейстоцен

Северо-запад Тихого океана

18 000 лет назад

Фиолетовые сумерки в сопровождении западного бриза окутывают атолл, предвещая наступление ночи. Беременная самка, измученная попытками выбраться с мели, а также нехваткой воздуха на грани удушья, следует по тропическим водам, старательно избегая столкновения с преследующим ее самцом.

Скользя параллельно илистому дну, самка мегалодона делает очередной поворот, ее первобытные инстинкты молниеносно реагируют на поверхностные вибрации и характерный запах крови.

Голодная самка яростно хлещет хвостом из стороны в сторону, устремляясь к источнику помех.

Молодой микронезиец залез до середины на тонкий ствол кокосовой пальмы. Заметив спинной плавник, он снимает с шеи раковину брюхоногого моллюска и дует, пронзительный звук заставляет стаю обезьян-ревунов искать укрытие под пологом пьяного леса.

Другой юный микронезиец, появившийся на зов из джунглей, дует в свою раковину, предупреждая двоих гонцов, бегущих наперегонки со стремительным потоком воды.

В миле вверх по течению водный поток заканчивается мелкой лагуной. По мере того как сигналы, передаваемые с помощью раковины, становятся громче, темнокожие женщины, выстроившись вдоль освещенного факелами берега, хлопают по темной воде лагуны плоскими деревянными дощечками и кокосовыми трещотками. Старейшина племени – его разрисованное лицо виднеется из-под причудливого головного убора из челюстей тигровой акулы – периодически макает в воду выпотрошенный труп обезьяны, оставляя кровавые завитки.

Охотники племени замирают в боевой стойке на берегах лагуны, мозолистые руки цепко держат концы грубой рыболовной сети, растянутой по дну лагуны. Их задача – опутать животное сетью, а затем вытащить на берег, где жрецы, освятив добычу, зарежут ее.

Для коренных жителей этих островов Микронезии акула не просто источник пищи, а их древний предок, возродившийся как морское существо, чтобы предложить себя в качестве дара океанских

глубин. Ведь, согласно легенде, океанским царством правит свирепый Бог-Акула. И туземцы свято верят в существование этого божества, так как частенько находят на мелководье его массивные треугольные зубы.

Туземцы ежедневно молятся Богу-Акуле и просят о пище, здоровье и хорошей приливной волне. Мясом взрослой тигровой акулы можно два дня кормить всю деревню, а мясом вожденной белой акулы – целых две недели.

На памяти местных жителей, рыбаки всегда боготворили древнего повелителя морей.

Протяжный звук раковины становится ближе.

Жители деревни буквально впадают в экстаз, узнав о размере добычи. В этот благословенный день Бог-Акула оказался чрезвычайно милостивым.

Туземцы готовы встретить своего Создателя.

Самка медленно скользит по мелководью, спинной и хвостовой плавники возвышаются над темной водой.

Дети, восхищенные размером акулы, бегут вслед за ней по берегу.

Воины в преддверии жестокой схватки с морским чудовищем, которого они принимают за пятнадцатитонную большую белую акулу, еще крепче сжимают сеть.

Тридцатидвухтонный мегалодон входит в устье лагуны. Яростно хлеща хвостом, он приближается к истекающему кровью жертвенному животному. Отряды рыбаков на каноэ отчаливают от берега. Они останавливают лодки на середине водного пути, чтобы отрезать добыче путь к отступлению.

Под радостные крики местных жителей мегалодон высовывает из воды морду, чтобы сожрать мертвую обезьяну.

Старейшина с челюстью тигровой акулы на голове подает знак.

Туземцы входят в воду лагуны, чтобы подтянуть сеть. Надрывая жилы, они пытаются вытянуть находящийся под водой неподвижный груз. Им на помощь спешат другие жители деревни; размер добычи приводит их в неистовство.

Черная вода внезапно вскипает. Огромный хвост, словно дубина, бьет по поверхности воды. Туземцы в каноэ бросают копья, течет кровь. Разъяренный мегалодон высовывает гигантскую голову из воды.

Жители деревни оглашают воздух истошными криками. Рыбаки воют от боли, когда извивающееся животное дергает сеть, отрывая пальцы вместе с руками.

Резко повернув голову, мегалодон хватает жуткими челюстями двух ближайших к нему рыбаков, разбрасывая во все стороны окровавленные ошметки плоти.

На помощь натягивающим сеть рыбакам спешат все новые и новые люди.

Застрав на мелководье, мегалодон катается, словно крокодил, еще сильнее запутываясь в сетях.

Однако миллионы острых как бритва зубчатых пластинок с рельефной поверхностью на шкуре животного начинают делать свою работу, разрезая веревки.

Мегалодон отчаянно вращает верхней частью туловища, пытаясь ускользнуть с мелководья. Выдвинувшиеся вперед челюсти хватают очередного зазевавшегося туземца.

Освободившись, мегалодон нападает на воинов в каноэ.

Рыбаки впадают в панику. Те, что посмелее, пускают в ход копья, но остальные ныряют в воды лагуны и из последних сил гребут к берегу.

Разозленная самка хватается зубами каноэ вместе с тремя надрывно вопящими туземцами, стальными челюстями перемалывая их тела в кровавое месиво.

Дикие вопли разрывают ночной воздух. Туземцы, упав на колени, начинают молиться.

С прощальным взмахом хвоста Бог-Акула выскользывает из лагуны...

...навстречу приближающемуся самцу.

Глава 21

На борту «Нептуна»

34 морские мили к северо-востоку от Палау

268 морских миль к юго-западу от Марианской впадины

– ...шкура мегалодона покрыта острыми как бритва, похожими на зубы пластинками, которые называются дентикулами. Как видите, они здорово меня ободрали. Слава богу, что я был в мокром гидрокостюме, а иначе вообще остался бы без кожи.

Эндрю Фокс поднимает левую руку, показывая оператору кровавые раны на груди, по которой будто провели теркой для сыра.

Джонас входит в лазарет. Увидев съемочную группу, он выгоняет всех за дверь:

– Проклятые стервятники! Эндрю, ты в порядке?

– Два сломанных ребра и несколько царапин, которые явно заставят жену ревновать. А в остальном я бы сказал, что мне еще крупно повезло. А как там Дани?

– Ничего. Но мы потеряли Шинто.

– Проклятье! – Эндрю сокрушенно качает головой. – Джонас, как ты полагаешь, Ангел...

– Это не Ангел. Это был самец.

– Самец? – Эндрю морщится, когда врач начинает обрабатывать раны антибактериальной мазью.

– Судя по объему тела и зубам, я бы сказал, что это молодой мег. Прямо сейчас он поедает кашалота, но через час, когда начнет светать, уйдет на глубину.

Врач заканчивает обрабатывать раны, и Эндрю продолжает разговор:

– Хм, какое странное совпадение. Мег появляется как черт из табакерки прямо во время съемок. Конечно, Марианская впадина совсем рядом, и все же...

– Я не верю в случайные совпадения.

– Что ж, я в этом никогда и не сомневался.

Джонас дожидается ухода врача, а затем подсаживается поближе к Эндрю:

– Вся эта история дурно пахнет. Похоже на одну большую подставу. Приглашение принять участие в плавании, выбор «Нептуна» в качестве места для съемок, курс, которым следует судно...

– Эй, я что-то не догоняю. А что не так с «Нептуном»?

– Помнишь историю об испанских галеонах, которую рассказал нам Робертсон в наш первый вечер на борту? О том, что они постоянно тонули у Марианских островов?

– Думаешь, на них нападали мегалодоны?

– Да. Когда Ангел в первый раз сбежала из лагуны, мы загнали ее в ловушку в Грейс-Харбор, у побережья штата Вашингтон. Там еще был такой аттракцион для туристов: реплика парусника восемнадцатого века «Леди Вашингтон». Та же базовая конструкция, тот же деревянный корпус и киль. Ангел впала в неистовство. Она атаковала судно так, будто ее месяц не кормили. Впрочем, я не сразу врубился. Одним словом, суть в том, что старинные корабли скрипят и трещат во время плавания. А взрослому мегалодону эти реверберации напоминают звуки, издаваемые умирающим китом.

– Значит, ты полагаешь, «Нептун» выманил самца меча из впадины?

– По правде говоря, я считаю, что он нас преследует. Он наверняка питался тушей горбача, и я на сто процентов уверен, что именно он убил Барри Струла.

– Выходит, он сопровождает нас с тех пор, как мы вошли в воды Филиппинского моря. А мне казалось, эти твои мегги предпочитают оставаться на глубине.

– Так и есть. А где материал, который ты отснял сегодня вечером?

– Группа Сьюзен уже редактирует его. Я слышал, телесеть на седьмом небе от радости. Они уже передвинули все программы на завтра, чтобы показать в прайм-тайм этот эпизод.

– Я хочу посмотреть пленку. Когда мы были на «Зодиаке», мне показалось, будто за нами плыл какой-то металлический предмет.

Эндрю порывисто садится:

– Вроде барракуды? Я тоже его видел. Он проследовал за кашалотом из океанских глубин. Думаешь, это нечто вроде приманки?

– Не исключено. У мегов очень большой мозг. Гораздо больше, чем у большинства китов, если считать по отношению к массе тела. Когда-то у себя в лагуне мы научили Ангела реагировать на определенные электронные сигналы. Она знала, как нажимать на мишень, которая приводила в действие колокол, зовущий ее в основной резервуар на обед. Она даже различала цвета. С помощью шоковой терапии я научил Ангела избегать предметов желтого цвета. Все наши тренеры были в желтых гидрокостюмах, на случай если они ненароком упадут в бассейн.

– Так ты считаешь, за всем этим стоит Холландер?

– Он определенно что-то знает. Но мне кажется, супермозг, разработавший эту аферу, находится на яхте. Позавчера, когда Холландер посещал яхту, ему оказали не слишком-то дружелюбный прием. И если помнишь, именно экипаж яхты обеспечил шоу тушей первого кита.

– И что ты собираешься делать?

– Полагаю, самое время ненадолго навеститься на «Целакант».

Лагуна Танаки

Залив Монтерей, Калифорния

Мак, сидя на восточной трибуне, следит за тем, как лебедка буксира поднимает то, что осталось от его катера, со дна лагуны.

Грегори Стечман, совладелец компании по подъему затонувших судов, плюхается на сиденье рядом с Маком:

– Хорошо, Мак. Давай проясним ситуацию. Значит, прошлой ночью ты возвращался домой в ненастную погоду и впилился в стену канала.

– Ага. С грехом пополам свернул в основной резервуар, ну а потом катер затонул.

– О-хо-хо! И что, по-твоему, я должен написать в страховом иске?

– То, что произошло.

Извергающий потоки воды катер Мака выволакивают кормой вперед на баржу.

Стечман пристально смотрит в глаза своему другу детства:

– Больше ничего не хочешь сказать? Типа как бетонная стена умудрилась сжевать половину твоей рулевой рубки?

– Это, должно быть, случилось, когда лодка пошла ко дну. Кстати о птичках, помнишь, как ты подцепил в баре ту клевую байкершу? Черт, она была явно слаба на передок! Но, чувак, откуда тебе было знать, что ее старик тогда сидел в сортире? Не могу забыть выражение твоего лица, когда он застукал вас в твоём «бьюике» за грязными делишками.

– Ладно-ладно, я твой должник, но лучше бы нам обойтись без лишних проблем, если ты понимаешь, о чем я.

Мак задумчиво устремляет взгляд на вход в канал, в данный момент заблокированный ржавой стальной баржей с установленным на ней тарахтящим дизель-генератором. Со дна откачивают воду и ил, уже образующий небольшие песчаные дюны.

– Похоже, ты не используешь водоструйную землечерпалку.

– Втягивающий рукав вполне сойдет. К счастью для тебя, нам не нужна фреза, чтобы убрать осадочный слой. И опять же, тебе еще крупно повезло, что за те гроши, которые ты мне платишь, я не предложил тебе самому втянуть все это через соломинку.

– Сколько времени уйдет на то, чтобы освободить ворота?

– Ну, я не знаю. День или два... И нет, мои люди не работают сверхурочно.

Дэвид Тейлор в диспетчерской ведет по телефону переговоры со скотобойней:

– Да, сэр. Нам нужны два говяжьих бока в день, но мясо должно быть от свежееубитой коровы. Первую партию мы сможем принять уже завтра днем, желательно с внутренностями и кровью. Да, сэр, оплата после доставки.

Дэвид кладет трубку, когда в диспетчерскую входит Патриция:

– Ты это с мамой разговаривал?

– Нет. Все утро пытался до нее дозвониться. Ее сотовый отключен.

– Там внизу два репортера. Жаждут взять у нее интервью.

– На тему?

– Хотят узнать ее реакцию на это. – Патриция включает телевизор. Бегущая строка внизу экрана гласит:

МЕГАЛОДОН АТАКУЕТ КОМАНДУ «СОРВИГОЛОВ». КТО ОСТАНЕТСЯ ЖИТЬ, А КТО УМРЕТ? НЕ ПРОПУСТИТЕ СЕГОДНЯ

ВЕЧЕРОМ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК «СОРВИГОЛОВЫ II» В
21:00.

*На борту катера Береговой охраны «Кейп Калверт»
В полумиле к северу от острова Дестракшен
Северо-западное побережье штата Вашингтон*

Остров Дестракшен – это отдаленная каменистая полоска земли шириной 300 футов и длиной полмили, расположенная примерно в миле к югу от Раби-Бич. Используемый в 1775 году как якорная стоянка для испанских кораблей, крохотный клочок суши стал пристанищем для маяка, луч которого можно увидеть на двадцать миль вверх и вниз по побережью. В настоящее время остров является заповедником Службы охраны рыбных ресурсов и диких животных США и местообитанием морских птиц, белоголовых орланов и кроликов – потомков домашних любимцев смотрителя маяка.

Остров – это анклав, где обитают тысячи тюленей и морских львов, нежащихся на скалистых берегах.

Катер Канадской береговой охраны замедляет ход, судно становится на якорь в сотне ярдов от западного побережья острова.

Джошуа Банкофски, спустившись вниз, осторожно проскальзывает в каюту. Отражающиеся в воде лучи закатного солнца падают на заднюю стенку, причудливо искривляя ее. Терри спит на животе на койке, из-под одеяла высовывается точеная нога.

Банкофски тихо присаживается на край койки и почти шепчет Терри на ухо:

– Терри, нам пора.

Терри беспокойно шевелится:

– Я могла бы проспать так весь день.

– Что ты практически и сделала. – Он массирует ее плечи.

– Мм... Как приятно.

– Ты очень напряжена. – Джошуа начинает делать Терри массаж, разминая мышцы шеи и спины, осторожно пробираясь дальше к пояснице и к соблазнительной ноге. – Извини, что позавчера попытался взять быка за рога. Как бы это сказать... Ну, я нахожу тебя

очень привлекательной, и мне действительно хочется узнать тебя поближе.

Терри переворачивается на спину:

– Джошуа, надеюсь, ты понимаешь, что я замужем?

– Счастливо замужем или просто замужем? Конечно, это не мое дело, но...

– Джош...

– Хорошо-хорошо. – Джошуа встает с койки. – Одевайся. Встречаемся в рубке. Я хочу кое-что показать тебе.

Удивившись, что катер стоит на якоре, Терри входит в рубку:

– Что случилось? Почему мы остановились?

Брайан Олмстид отрывает взгляд от рыболокатора:

– Это ваша рыбка. Примерно два часа назад она покинула каньон и направилась к берегу.

– Она проголодалась. – Джош показывает в иллюминатор на остров Дестракшен. – Хочет полакомиться морскими львами.

– Морскими львами? – Терри спешит на палубу.

Маяк острова Дестракшен нависает над крошечным клочком земли, словно бетонная сторожевая башня. Тюлени, заполонившие остров, резвятся в море и на скалистых берегах, а занявшие другой плацдарм самцы морских львов весом шестьсот пятьдесят фунтов издают отрывистые лающие звуки, демонстрируя чудеса акробатики.

К Терри присоединяется Джошуа:

– Она где-то рядом. Ждет захода солнца. И наверняка чует морских львов. Даю правую руку на отсечение – все произойдет сегодня. В этих водах.

Капитан Марино, покинув рубку, сплевывает в воду шмат жевательного табака:

– Сегодня нам особо нечего губу раскатывать. С такой-то дерьмовой приманкой. Она настолько размокла, что даже акулам на хрен не нужна. Вот я и попросил этого вашего копа найти для нас свежего мяса.

Бросив взгляд в сторону кормы, Терри обнаруживает отсутствие «Зодиака»:

– Морские львы? Но вы не можете их убить. Они под защитой федерального закона.

– Расслабься, Терри, – говорит Джошуа. – Никто и не собирается убивать морских львов. Ведь так, капитан?

Марино, смекнув, что к чему, поддакивает Джошуа:

– Само собой. Среди живых львов всегда можно отыскать парочкудохлых.

– Вот именно. Мы поднимем две-три свежие туши на борт и накачаем наркотиками. А затем обойдем вокруг острова и поймаем нашу рыбку. Проще простого.

– Все не так просто, как кажется.

– Постарайся быть более позитивной, – возражает Джошуа. – Грейс-Харбор находится меньше чем в пятидесяти милях к югу. И при удачном стечении обстоятельств уже завтра вечером Ангел окажется в трейлере «Морского мира».

При мысли о том, что Ангел вернется в родные пенаты, Терри невольно улыбается. И неожиданно вспоминает:

– Лагуна... Дэвид должен был починить ворота в канал. У меня не работает телефон. Мне срочно нужно позвонить сыну.

Джошуа вручает ей сотовый:

– Только не говори ему о меге. Пока мы не поймаем Ангела, лишняя шумиха в прессе нам ни к чему.

Лагуна Танаки

Залив Монтерей, Калифорния

Дэвид Тейлор прислушивается к голосу матери по телефону, лихорадочно соображая, стоит ли говорить ей об отце и сестре.

– Прости, Дэвид, но меня пока держат дела. Сейчас я в штате Вашингтон. Путешествую вдоль побережья. Вернусь домой через несколько дней. У меня для тебя сюрприз.

– Ма, ты ведь не продала наше заведение, да? Ты ведь не можешь это сделать. По крайней мере без моей подписи.

– Нет, не продала. Дэвид, я все объясню при встрече. Кстати, ты починил ворота в канал?

Дэвид смотрит в панорамное окно диспетчерской, останавливая взгляд на барже и растущих песчаных дюнах:

– Еще нет, но к твоему приезду все будет готово.

– Хорошо. Я на тебя рассчитываю. Так что не подведи. Люблю тебя.

– Ага. Ладно, пока.

Патриция укоризненно качает головой:

– Почему ты не сказал ей об Ангеле и твоём отце?

– Ты что, смеешься? Она же с ума сойдет. А кроме того, дяде Маку звонила дама с телеканала. Говорит, папа с Дани в полном порядке. Сегодня вечером посмотрим шоу. Зуб даю, тут какая-то туфта.

– Но репортеры явно отнеслись ко всему очень серьезно.

– Ай, да брось ты! Эта дурацкая телесеть наверняка послала их сюда ради лишней рекламы. Давай подождем, пока не починим ворота и не позовем Ангела. Блин, вот будет круто! Вот тогда точно все телестанции мира выстроятся в очередь, чтобы посмотреть на нее.

Узкий тридцативосьмифутовый гоночный катер «Сигаретт», модель «F-2 топ ган», разрезая пятифутовые волны, проносится, словно летучая рыба, мимо Монтерея со скоростью 72 мили в час. Девин Дейтч крепко держит штурвал, его старший брат Дрю, на центральном сиденье с валиком, управляет газом. Братья направляются на юг, к знакомой россыпи камней и оранжевым буйкам.

Дрю сбрасывает скорость, длинный нос катера опускается обратно в воду. Спаренные двигатели «Меркюри» мощностью 500 лошадиных сил глухо тарахтят, выплевывая синие облака выхлопных газов.

Девин показывает на баржу, занимающую собой весь вход в канал лагуны Танаки:

– Вот она. Как я тебе и говорил.

– Ты прав. Они углубляют дно. Вопрос – зачем?

– Нет, брат. Вопрос – кто все это оплачивает? Дочь Танаки на мели, так же как и ее старик. Кто-то явно снабжает ее деньгами.

– Родни утверждает, что Терри уже неделю нет в городе.

– Думаешь, она проворачивает другую сделку?

– Без понятия. Но я непременно выясню. Ладно, пора возвращаться в офис. – Дрю жмет на газ, а Девин резко разворачивает катер, направляя его к берегу.

Ангел скользит по темно-синим глубинам подводного каньона Монтерей. Ее толстый хвостовой плавник виляет туда-сюда, словно скошенная лопасть винта. Ампулы Лоренцини, настроенные на магнитное поле каньона, ведут самку мегалодона по извилистым расщелинам. Серо-голубые зрачки глазных яблок монстра закатились наверх, демонстрируя склеру в красных прожилках. Пульс самки замедлился, ее гигантская голова размером со школьный автобус плавно покачивается из стороны в сторону.

Хищник-альбинос скользит по каньону на автопилоте, пребывая, насколько позволено Матерью-Природой, практически в спящем режиме. И тем не менее даже в таком полубессознательном состоянии Ангел слышит каждый звук, фиксирует каждое движение, ощущает каждый след, видит все вокруг, ибо это не *Carcharodon megalodon* проходит по морю, а это море проходит через него.

Вода втекает и вытекает из ноздревых проходов, снабжая необходимой информацией мозг. Вода попадает в пасть мегалодона, заставляя жаберные щели трепетать при дыхании, после чего проходит по нижней части рыла, подключая животное к слабым электрическим полям, образуемым работающими мышцами и бьющимися сердцами его добычи. Вода проходит вдоль боковой линии самки, стимулируя невромасты, что позволяет ей «чувствовать» океанские течения и присутствие твердых объектов в окружающей среде.

Трр-бах. Трр-бах... бах... Трр-трр-бах...

Поверхностные помехи реверберируют сквозь толщу воды подводного каньона, нарушая биоэлектрическое поле океана.

Трр-бах. Трр-бах... бах...

Флуктуации течения обрабатываются расположенными по бокам акулы сенсорными клетками. Детекторы ударных волн готовят ампулярную систему к возникновению турбулентности, возбуждая респираторные функции самки.

Трр-бах. Трр-бах... Трр-бах.

Вибрации достигают внутреннего уха акулы; теперь они уже звучат как сигнал тревоги.

Пасть мегалодона открывается шире, увеличенный приток воды заставляет жабры работать быстрее, а пульс – подпрыгивать. Грудная кость размером с дренажную трубу приводит в действие мощный хвостовой плавник.

Серые глаза в катарактной пленке выкатываются вперед.

Ангел просыпается.

В 1400 футах над ее головой проносится гоночный катер, стеклопластиковый корпус с шумом взрезает волны.

Королева морских глубин медленно поднимается со дна, принимая брошенный ей вызов.

На борту «Нептуна»

34 морские мили к северо-востоку от Палау

268 морских миль к юго-западу от Марианской впадины

Джонас просыпается вместе с восходом солнца. Быстро одевшись, он направляется на палубу, где его приветствует великолепный теплый бриз, знаменующий начало нового дня.

Но вид мертвого кашалота и исходящая от него вонь неумолимо возвращают Джонаса в реальность.

Он вглядывается в далекий горизонт и наконец находит «Целакант» – суперяхту, дрейфующую в миле на юг от «Нептуна».

Джонас проходит на корму и, переступая через отрубившихся членов съемочной группы и полуголых Куколок, направляется к грузовой сети, закрепленной на правом борту. «Зодиак» в полной боевой готовности находится внизу.

– Ты у нас сегодня ранняя пташка.

Джонас ошарашенно поворачивается.

Мия, потягиваясь, смотрит на него с улыбкой, ее хорошо развитые формы просвечивают сквозь прозрачное черное кимоно.

– Интересно, и куда это ты намылился?

– Деловая поездка. Думаю, самое время нанести визит вежливости капитану яхты.

– Звучит интригующе. Не возражаешь, если я составлю тебе компанию?

– Не в этот раз.

Мия придвигается ближе. Проведя рукой по сидящим волосам Джонаса, она раздвигает коленом его ноги.

– Ты пропустил классную вечеринку. Я ждала тебя всю ночь.

А тем временем в десяти футах от них Даниэлла Тейлор, укрывшаяся под сенью бизань-мачты, беспокойно ворочается в

объятиях Ферджи.

– Мия...

– Ты мне нравишься. И я хочу отдать тебе всю себя.

Джонас невольно пятится, чувствуя, что начинает возбуждаться:

– Мия, я женатый человек.

– Джонас, это всего-навсего секс. Два одиноких человека, чувствующих взаимную привязанность, делят невинный момент счастья. В этом мире все преходяще, так давай наслаждаться каждой минутой.

Дани удивленно распахивает глаза. Выскользнув из-под руки Ферджи, она осторожно ползет на четвереньках поближе к отцу с Мией, чтобы не пропустить ни слова.

– Мия...

– Разве я тебе не нравлюсь?

– Не в этом дело.

– Ты, наверное, удивишься, но все дело именно в этом. Мне не нужны прочные отношения, я лишь хочу наслаждаться моментом. – Она придвигается еще ближе. – Дай волю своим чувствам, это совершенно безобидно.

– Мия, ты чудесная девушка, и, поверь, твое внимание не может не льстить. Но мне, в конце концов, нужно нечто большее. Послушай, не бывает безобидного секса, все имеет свою цену, и цена эта, по крайней мере для меня, – потеря моральных устоев, а именно того, что оба наших поколения в последнее время слишком быстро отринули.

– Забавно. Вот уж не думала, что ты у нас консерватор-республиканец.

– Насколько мне известно, мораль не имеет политической принадлежности.

– Нет ничего аморального в том, чтобы быть счастливым.

– Есть, если ты предаешь свою семью.

– Джонас, никто ничего не узнает.

– Я буду знать, и этого вполне достаточно. Послушай, в последнее время я пришел к пониманию нескольких вещей. Нравится мне это или нет, но я старею. С физической точки зрения я уже далеко не тот человек, каким был когда-то. Мое тело меня подводит, а ум временами где-то блуждает. Господь свидетель, я уже далеко не образец успешного человека. Бремя прожитых лет, бедность и публичное

унижение не могли не сказаться на чувстве самоуважения. И все же на склоне лет, лежа на смертном одре, или умирая на больничной койке, или становясь кормом для большой белой акулы-переростка, я смогу предъявить нашему миру хоть что-то незыблемое – свои моральные устои и тот факт, что моим детям не придется за меня краснеть. И возможно, в конце концов это будет единственным, что имеет значение.

Мия лукаво улыбается:

– Ты даже не представляешь, что теряешь.

– Поверь, отлично представляю. Но знаешь, чего не хватает мне еще больше? Объятий моей любимой жены. Ее жалоб на мой храп посреди ночи. Возможности поиграть в бейсбол с сыном. Любви моей маленькой девочки. Ее доверия. Мне не терпится вернуть все это назад, а значит, я не могу быть с тобой, потому что не хочу компрометировать себя ради минутной и бессмысленной страсти.

– О'кей, я уважаю твою позицию. Итак, кто ждет тебя на яхте?

– Не знаю. Но кто бы он ни был, ему явно удалось посадить меня на раскаленную сковороду. И теперь я должен встретиться с ним лицом к лицу, пока мы все здесь не сгорели в этом адском огне.

Джонас перелезает через борт и спускается по грузовой сети на «Зодиак». Проверяет уровень бензина в баке, отшвартовывает спасательную лодку и запускает мотор.

Дани ложится обратно и, вытирая мокрые от слез глаза, прислушивается к разносящемуся над морем вою мотора.

Остров Дестракшен

Северо-западное побережье штата Вашингтон

Ночь уже на исходе. Она прячется за предрассветной дымкой, которая загорается серебристо-серыми огнями всякий раз, когда ее пререзает мощный луч маяка. Окутанный тьмой океан грозно вздымается и опадает, накатывая на скалы.

Катер Береговой охраны продолжает описывать круги вокруг острова Дестракшен, таща за собой тампер вместе с бумом и три туши самцов морских львов.

Терри, завернувшись в шерстяное одеяло, дремлет в «Зодиаке». Растянувшийся рядом с ней Джошуа следит за морем через рваные

просветы в тумане. Низкий звук тампера разносится вдоль поверхности воды, сливаясь с рокотом спаренных двигателей катера «Кейп Калверт».

Джошуа допивает кофе, затем, словно невзначай, прижимается к Терри, осторожно просовывая ногу между ее коленями.

Терри начинает ворочаться:

– Что ты делаешь?

– Просто пытаюсь согреться.

– На вот, возьми мое одеяло. – Терри отталкивает Джошуа и поспешно встает, энергично топая, чтобы восстановить циркуляцию крови в озябших ногах. – А который час?

– Начало пятого.

– Утра? Фу, это просто нелепо! – Она поднимается по алюминиевому трапу в рубку.

Рон Марино храпит на складном стуле, положив голову на согнутую руку, покоящуюся на картографическом столе. Брайан Олмстид уже занял свое место за пультом управления.

Терри явно разочарована:

– Почему он дрыхнет? И кто следит за чертовым рыболокатором?

– Все под контролем. – Брайан тычет пальцем в панель управления. – Твой мег всю ночь играл с нами в кошки-мышки. Всякий раз, как мы делали новый круг, он исчезал с экранов, уходя на глубину.

– Тогда остановите катер.

– Нельзя. Если скорость будет меньше трех узлов, приманка затонет.

– Наплевать. Если шум двигателей отпугивает Ангела...

– А разве не вы нам говорили, будто Ангел не боится лодок?

– Нечего указывать мне, что я говорила, а что нет. Просто делайте, что вам велят. Остановите двигатели.

Брайан пожимает плечами:

– Вы босс. – Он сбрасывает скорость, выключая двигатели.

«Кейп Калверт» замедляет ход и ложится в дрейф, покачиваясь на кильватерных волнах.

Над морем повисает тишина. Слышно только доносящееся со стороны буя глухое «бум-бум-бум» тампера.

Голодный самец в отчаянии.

Вот уже девять часов возбужденный хищник курсирует туда-сюда вдоль двухсотфутового утеса на краю зоны субдукции Каскадия. Он ощущает вкус морских львов, чувствует, как они плавают по поверхности моря, но каждый раз, как голодный мег поднимается в поисках пищи, на него обрушивается волна звуковых вибраций, которая реверберирует в голове, точно камертон.

Голод снова гонит хищника вверх. Поднявшись вдоль континентального склона, большой самец предпринимает очередную атаку, перегруженные органы чувств ведут его по мелководью напрямиком к пище.

– Ну вот. Она возвращается, – сообщает Брайан. – Смотрите, она поплывет через плато, а затем вернется на триста ярдов назад, в западном направлении.

Терри сосредоточенно вглядывается в приближающуюся красную точку на светящемся зеленом дисплее рыболокатора. И чем ближе к катеру искомый объект, тем сильнее колотится ее сердце и потеют ладони.

Точка замедляется, колеблется и резко разворачивается.

– Почему она это делает? Двигатели не работают, но она явно чего-то боится.

Брайан кивает на капитана:

– Может, ее отпугивает храп Марино?

Или, может, это на самом деле не Ангел? Терри поспешно возвращается на палубу.

Джошуа уже ушел в каюту.

Терри долго-долго смотрит на море и на изолированный электрический кабель, протянутый от буя к ящику на корме катера.

Открыв ящик, Терри отсоединяет кабель от мощного аккумулятора, питающего звуковое устройство.

Большой самец замедляет ход. Трясет головой.

Надоедливые электрические помехи исчезли.

Мег снова поворачивает на восток и, осторожно лавируя, направляется к своей добыче.

Терри возвращается в рубку. Красная точка уже на середине экрана, идет на сближение с катером.

– Готово. А вот и она, – говорит Брайан. – Эй, Марино! Просыпайся и становись за руль. В нашем полку прибыло.

Капитан неуклюже ворочается, чешет баки а-ля Элвис Пресли и вразвалочку направляется к пульту управления:

– О'кей, где она?

– В двух километрах на восток, остается на глубине. Что делаем, босс? Плыдем или продолжаем дрейфовать?

Терри настолько зациклена на своих страхах, что ей сейчас не до выработки стратегии. *Это не Ангел. По крайней мере, я так не думаю. Одним словом, откуда мне знать? Но так или иначе, это, несомненно, мег, а значит, нам угрожает реальная опасность. А тогда стоит ли рисковать жизнью, пытаясь его поймать? И станет ли публика платить, чтобы на него посмотреть? Конечно станет, но...*

– Терри?

– Да-да, запускайте двигатель. Продолжайте движение. Держитесь поближе к острову.

Марино засовывает в рот щепотку жевательного табака и запускает двигатели, катер несется вперед.

– Марино, осторожнее со скалами, – предупреждает Брайан.

– Не учи ученого, лучше следи за своим чертовым экраном.

Брайан выразительно качает головой, тем самым еще больше усиливая беспокойство Терри.

– Она по-прежнему кружит у самого дна... Погодите-ка... Она поднимается вверх, чтобы посмотреть. Двести пятьдесят... Двести... Продолжает подниматься... Сто семьдесят... – (Терри чувствует, как сжавшиеся внутренности давят на мочевой пузырь.) – Сто двадцать... Держитесь, она выравнивается на семидесяти футах и кружит вокруг приманки. Похоже, сомневается. Марино, сбавь чуток ход. – (Марино демонстративно сплевывает в бумажный стаканчик, но прибавляет газу.) – Все еще кружит... Пока не уверена... Снова поднимается. Шестьдесят футов... Сорок...

Терри, дрожа от страха и волнения, спешит на палубу.

Джошуа перегнулся через транец, показывая на море, где какой-то люминесцирующий светло-зеленый объект размером с автобус кружит вокруг буя и приманки:

– Ты ее видишь? Как я и говорил, Ангел нацелилась на приманку. – (Треугольный плавник цвета слоновой кости взрезает поверхность, на шесть футов возвышаясь над водой.) – Господи, только посмотри на нее! Она потрясающая!

Плавник делает обратный круг в сторону троса, на котором тащат морского льва, и исчезает.

– Она атакует снизу, – шепчет Терри. – Она...

Море взрывается фонтаном брызг. Мегалодон с морским львом в стиснутых челюстях выпрыгивает из воды.

– Ух ты!

Мегалодон ныряет обратно в море и исчезает. Тем временем восьмифутовый моток троса внезапно оживает и со свистом начинает раскручиваться в ночи.

– Мы сделали это! Мы ее подцепили! – радостно вопит Джошуа. – Держись, она уходит на глубину. – Терри с замиранием сердца наблюдает за происходящим, а Джошуа со всех ног кидается в рубку. – Полный назад! Пусть трос максимально раскрутится. Нам нужно время, чтобы снотворное подействовало.

Большой самец стремглав несется на глубину, его пасть пронзает острая боль от пятифутового титанового крюка, прочно вошедшего в нижнюю челюсть. Мег мотает головой, корчась в агонии, пульс и кровяное давление резко повышаются от лошадиной дозы фенотарбитала, всосавшегося в пищеварительный тракт.

А затем, уже на глубине триста двадцать футов, монстр чувствует, как кто-то тянет его за кровоточащую челюсть.

Мег крутится и извивается всем телом вокруг стального троса не в силах освободиться. Ноздри раздуваются от сладкого запаха собственной крови, пасть содрогается в спазмах от пульсирующей боли. Первобытный мозг мег под воздействием снотворного не в состоянии определить причину и следствие.

Разъяренное животное яростно хлещет по воде хвостовым плавником, увлекая за собой тридцатитрехтонный катер.

Стальной трос тянет «Кейп Калверт» по Тихому океану кормой вперед, поднимая шестифутовые волны, накатывающие на палубу.

Терри, ухватившись за Джошуа, пытается перекричать рев ветра и моря:

– Сколько фенобарбитала было в каждой мешочке?

– Без понятия. Может, фунтов пятнадцать. Кто знает, сколько она уже проглотила?

– А что, если этого окажется недостаточно?

– Будем надеяться на лучшее.

Палуба внезапно уходит из-под ног, вода заливает корму.

– Отцепи трос, пока она не утащила нас на дно!

– Еще пару минут.

– Эй, ты, молодой да ранний спец по рыбам! – кричит из рубки Марино. – Надеюсь, пловец из тебя лучше, чем рыбак.

«Кейп Калверт» кренится на правый борт и продолжает идти полным ходом, пустая гидравлическая катушка жалобно завывает, пытаясь удержать размотавшийся стальной трос, который тащит судно боком.

Терри падает на леер правого борта. Расширенными от ужаса глазами она смотрит, как судно буквально ложится бортом на поверхность воды. *А ведь я говорила себе, что не стоило соглашаться. Говорила себе, что все это чересчур рискованно. Нужно срочно спускаться на воду «Зодиак» и плыть в сторону суши, пока еще есть шанс...*

Стальной трос внезапно ослабевает, судно перекачивается обратно на левый борт и выравнивается.

Джошуа улыбается от уха до уха:

– Вот видишь? Снотворное подействовало, как я и предполагал. Ну кто здесь настоящий мужчина?! – Он колотит себя в грудь, подражая Дензелу Вашингтону. – Кинг-Конг – мартышка по сравнению со мной!

Терри смеется, вытирая слезы облегчения:

– Ладно, крутыш, и что мы делаем теперь?

– Эй! – зовет их из рубки Брайан. – Думаю, вам лучше подойти сюда.

С колотящимся сердцем Терри поднимается по трапу, Джошуа следует за ней.

Красная точка продолжает движение, но теперь уже к поверхности.

Брайан смотрит на Терри с Джошуа, его мокрое от пота лицо кажется призрачно-зеленым в свете экрана.

– Она стремительно поднимается вверх. Я бы сказал, что она вне себя. Как, по-вашему, на что способен разъяренный мегалодон?

– Мы не собираемся сидеть сложа руки, чтобы это узнать. – Марино нажимает на газ.

Спаренные двигатели катера оживают, два четырехлопастных гребных винта фиксированного шага вспенивают воду, толкая катер вперед.

Терри во все глаза смотрит на рыболокатор, ее измученный мозг не в состоянии осмыслить происходящее.

– Капитан, вам не удастся ее обогнать. Наш единственный шанс – высадиться на берег. Вы меня слышите? Вы должны срочно причалить к острову Дестракшен. Это приказ!

– Нет! – возражает Джошуа. – Скалы разнесут корпус катера в щепки.

– Так же как и мег.

– Капитан, берите курс на большую землю. Дайте возможность снотворному подействовать.

– Опять ты со своим снотворным! Забудь о снотворном и забудь о большой земле. Это слишком далеко! – протестует Терри. – Нам еще крупно повезет, если успеем доплыть до острова.

У Брайана от ужаса глаза лезут на лоб.

– Держитесь!

Бабах!

От внезапного удара катер подпрыгивает, словно спортивная машина, наехавшая на скорости девяносто миль в час на «лежачего полицейского», и Терри падает боком на картографический стол.

Марино с трудом поднимается на ноги:

– Если женщина права, то права. Значит, остров Дестракшен.

Кровь хлещет из раненой левой ноздри большого самца, после столкновения с катером голова разрывается от боли. Все чувства обострены и пылают огнем, нервную систему корежит от огромной дозы снотворного. Охваченный слепой яростью, мегалодон в очередной раз всплывает, чтобы броситься на противника, но в хвосте внезапно возникает странное свинцовое онемение.

Луч маяка прорезает ветровое стекло катера, направляющегося к западному берегу острова Дестракшен. В поисках удобного места для швартовки Марино обнаруживает полоску ровного побережья, не подозревая о существовании россыпи острых камней, коварно прячущихся под гребнями волн.

– Капитан, берегитесь! – Заметив камни, Джошуа отталкивает капитана и с силой налегает на руль, чтобы отвести катер от острова.

Терри падает на палубу и остается лежать, парализованная страхом. Она судорожно хватается за ножку картографического столика, перед ее мысленным взором вихрем пролетают пугающие картины прошлого.

Прижатое к шее острие охотничьего ножа Сергея.

Удушающее пространство впадины, когда глубоководный аппарат атакуют невидимые твари.

– Терри?

Запах водки изо рта русского убийцы.

Маниакальный взгляд глаз Бенедикта, спрятанных за изумрудными линзами, во время вынесения ей смертного приговора.

– Эй, Терри!

Терри открывает глаза и смотрит на Джошуа.

Тот предлагает ей руку:

– Ну как, ты в порядке? Ты несколько минут была в отключке.

Терри позволяет Джошуа помочь ей подняться:

– Я... в порядке. А что там с мегом?

– Снотворное наконец-то его вырубил. Пошли. – Джошуа выходит из рубки и спускается по трапу, Терри – за ним по пятам. – Мы должны как можно быстрее вытянуть Ангела на поверхность, чтобы вода проходила через пасть, а иначе она утонет.

Терри наслаждается зрелищем сереющего на востоке горизонта, новый день незаметно развеивает тревоги изнурительной ночи. Тем временем Джошуа наматывает натянутый стальной кабель на барабан.

Пятнадцать томительных минут – и вот наконец они видят неземное свечение, исходящее от бесчувственного меча, верхняя часть тела которого находится в пятидесяти ярдах от буя с тампером.

Джошуа связывается с рубкой:

– Марино, следуйте вдоль береговой линии на юг, пункт назначения – Грейс-Харбор. Старайтесь держать скорость три узла. Я спущу на воду «Зодиак» – проверить, нормально ли она дышит. – Он поворачивается к Терри. – Присоединяйся.

Терри, точно зомби, послушно садится вслед за Джошуа в «Зодиак», чувство усталости и невероятного облегчения на корню подавляют желание сопротивляться. Перебравшись через правый борт, они садятся в надувную лодку. Джош развязывает морской узел, затем накидывает петлю на стальной трос, с тем чтобы «Зодиак» шел задним ходом параллельно тросу. Подплыв к бую с тампером, они оказываются возле люминесцирующего чудовища, буксируемого на глубине четырех футов.

– Господи, только посмотри на нее! Она размером с автобус, если не больше! – Джош поправляет трос так, чтобы спасательная лодка оказалась прямо над головой монстра.

Шестидесятифутовый предок большой белой акулы лежит брюхом кверху, нижняя челюсть открыта, в пасти сидит острый крюк.

– Посмотри, она дышит. Я вижу, как трепещут жабры. – Джошуа поворачивается к Терри. – Похоже, сделанные двадцать лет назад снимки Ангела не отражают ее истинных размеров.

– Это не Ангел.

– Конечно Ангел. А кто ж еще?

– Ослабь трос. Давай подплывем поближе к хвосту.

Джошуа послушно выполняет указания Терри. Течение относит «Зодиак» в сторону неподвижного хвостового плавника меча.

Терри тычет пальцем.

Между двумя анальными плавниками виднеется пара пятифутовых копулятивных органов.

– Черт, я буду последним сукиным сыном, если... Нет, это реально сукин сын. А может, это партнер Ангела? Или ее брат? Или ее детеныш?

У Терри зуб на зуб не попадает от холода.

– У меня нет никакого желания гадать о происхождении меча.

– Верно. Хотя все это не так важно. Просто подумай, куда она... куда он направляется.

Джошуа отвязывает лодку от троса, а затем заводит мотор и разворачивает «Зодиак» в сторону катера.

Майкл Виллэр пришвартовывает «Зодиак» и помогает Терри с Джошуа подняться на борт катера.

– Мне нужно срочно отправить радиограмму «Морскому миру», – сообщает Джошуа. – Дорога до Грейс-Харбор займет у нас почти целый день. Терри, тебе необходимо немного поспать. Пошли, я провожу тебя до каюты.

Покорно кивнув, Терри спускается как сомнамбула вслед за Джошуа по трапу.

И останавливается у двери каюты.

Джошуа бережно убирает шелковистую прядь волос у нее со скулы:

– Вот видишь. Все прошло не так уж и плохо.

– Полагаю, что так.

– А я тебе что говорил? Главное, расслабиться и не бояться рискнуть. Ведь только ради этого и стоит жить. – Джошуа придвигается к ней вплотную.

– Наверное, так оно и есть, – шепчет Терри, заглядывая в карие глаза Джошуа.

Терри опускает ресницы, приглашая Джошуа зайти в каюту. Их губы встречаются, его язык настойчиво раздвигает ей зубы. У Терри учащается пульс, щеки заливают румянец.

Терри чувствует внезапный эмоциональный выброс, и вот она уже задыхается в объятиях Джошуа, их руки судорожно шарят под одеждой друг друга, ее бедра электризуются от его прикосновений.

– погоди! – Она прижимает руку к груди, отстраняя Джошуа. – Иди. Позвони в «Морской мир». Дело прежде всего.

– Ладно... Дело прежде всего. Но я еще вернусь. – Джошуа, улыбаясь, точно ребенок в рождественский вечер, начинает подниматься по трапу.

Терри с трясущимися руками прислоняется к двери каюты, чувствуя томительное покалывание в промежности.

Глава 22

Северная часть Тихого океана

34 морские мили к северо-востоку от Палау

268 морских миль к юго-западу от Марианской впадины

Джонас сбрасывает газ, уменьшая скорость «Зодиака» в ста ярдах от изящной 860-тонной роскошной суперяхты с верфи «Абекинг и Расмуссен». *На палубе, похоже, никого нет. И все же береженого Бог бережет.* Заглушив мотор, Джонас берет весло и начинает грести.

Лучи восходящего солнца играют на тонированных панорамных окнах яхты и темно-синем стальном корпусе. От поверхности океана до леера главной палубы – впечатляющие одиннадцать футов. Окинув взглядом судно от форштевня до кормы в поисках места для швартовки, Джонас гребет к левому борту, где находится трехфутовый якорный клюз.

Осторожно балансируя, Джонас поднимается во весь рост, чтобы привязать канат беседочным узлом к широкому звену толстой якорной цепи. Джонас хватается за края клюза и подтягивается, используя клюз в качестве опоры для ног. Нащупав один из шпигатов, он просовывает туда руку и после определенных усилий поднимается еще выше, перекатившись через носовой фальшборт.

Джонас осторожно ступает по белому стеклопластиковому покрытию, кроссовки предательски скрипят на противоскользящей поверхности. Он снимает кроссовки и, пригнувшись, пробирается на корму.

Встав на цыпочки, заглядывает в угловое окно рулевой рубки. Сквозь тонированное стекло видит в капитанском кресле густо покрытого татуировками микронезийца.

Прокравшись мимо рулевой рубки, Джонас подходит к стальной винтовой лестнице. Осторожно ползет по ступенькам и останавливается на балкончике перед открытыми двухстворчатыми дверьми в салон на верхней палубе.

В лицо бьет струя прохладного воздуха, и Джонас оказывается в устланной бежевым ковром роскошной каюте. На дальней стене висит

проекционный экран, перед ним три просторных дивана, обитых угольно-серым мятым бархатом, рядом круглый кофейный столик, хорошо сочетающийся с низким овальным потолком. Темные шторы подобраны в тон мебели, высокие окна закрыты венецианскими жалюзи.

За барной стойкой стоит грузный мужчина с бульдожьим лицом. На мужчине белый купальный халат с монограммой. Припорошенные сединой темно-каштановые волосы затянуты в конский хвост. Над поясом синих с фиолетовым бермуд нависает пивной живот.

Мужчина бросает невозмутимый взгляд на Джонаса:

– Доброе утро. Апельсинового сока?

Джонас пристально вглядывается в лицо толстяка:

– Мы знакомы, да?

– Возможно. Пораскинь мозгами.

Из внутреннего коридора появляется миниатюрная брюнетка в таком же белом купальном халате:

– Простите, что перебила. Кок хочет узнать, как приготовить яйца для твоего гостя.

– Тейлор?

Джонас вглядывается в монограмму с двумя «М»:

– Майкл Марен?

– Вот видишь, Элисон, я ведь говорил, он наверняка поймет, что к чему.

– Господи, Марен! Что с тобой случилось? Ты выглядишь так, будто проглотил ламантина.

Глаза Марена злобно вспыхивают в свете потолочных светильников.

– Элисон, скажи коку, что наш гость пропустит завтрак.

Марен, ковыляя на лишенных пальцев ступнях, выходит из-за барной стойки:

– Ну, годы тебя тоже не пощадили.

– Марен, что с тобой такое... Господи, что случилось с твоими ногами?

– Неожиданное путешествие в горы Аляски восемнадцать лет назад благодаря любезности твоего друга Макрейдса. Жаль только, что он сейчас не может разделить с нами этот торжественный момент.

– Только не говори, что ты все это спланировал ради мести. Это так убого, Марен. Даже для тебя.

– Не льсти себе. Ты для меня лишь мелкое развлечение.

– Вроде чего? Обжорства?

Марен ухмыляется:

– Давай, давай! Продолжай издеваться. Дальше будет еще веселее. Когда станешь умолять меня сохранить тебе жизнь. – Марен поворачивается в сторону коридора. – Сатоси, подойди сюда, пожалуйста! – (Половые доски надрывно трещат – и в каюту вразвалку входит человеческое существо таких огромных размеров, каких Джонасу еще не доводилось видеть.) – Сатоси, это человек, о котором я тебе говорил. Проводи его в кресло.

Джонас пятится, но бывший борец сумо оказывается проворнее. Одним движением он отрывает Джонаса от пола, словно ребенка, и швыряет на диван.

Джонас скатывается с подушек на мраморный пол, поясницу пронзает острая боль.

– Сатоси, похоже, ты не слишком сообразительный, да? Он сказал «проводить», а не «швырять».

Сатоси в ответ лишь молча ухмыляется.

Марен потягивает свой напиток:

– Давай восстановим события. Со времени нашей последней встречи ты здорово изменился. Ты теперь просто жалкий старикашка, который за деньги готов принять любое сомнительное предложение, лишь бы вернуть себе утраченные пятнадцать минут славы. Ведь выбирать не приходится. А вот я, как настоящий ученый, продолжил работу, которую ты похерил двадцать два года назад.

Под бдительным взглядом Сатоси Джонас заползает на диван:

– Насколько я понимаю, ты исследуешь Марианскую впадину.

– Марианская впадина – это ерунда. Настоящее древнее морское святилище расположено вдоль Филиппинской плиты. Это золотое дно для палеобиолога. По крайней мере четыре больших подводных каньона снабжают его питательными веществами, создавая ареал, способный поддерживать примитивные формы жизни начиная с того момента, как более ста миллионов лет назад в море вернулись первые рептилии. Я обнаружил виды, считавшиеся давным-давно вымершими, а также наличие животных, о существовании которых мы

и не подозревали, и всех их Мать-Природа наделила способностью адаптироваться к экстремальному давлению воды на больших глубинах. Доисторические морские губки, обладающие потенциальной способностью благодаря иммунной системе излечивать рак. Безгубые рыбы с костяным панцирем. Неизвестные лучеперые виды. Ихтиозавры и плиозавры с жабрами, гигантские морские черепахи с зубами, которые могут разорвать небольшой грузовик. Этот подводный лабиринт – самый настоящий затерянный мир, который ждет, чтобы его открыли, причем хозяин этих ювенильных вод – *Carcharodon megalodon*.

– Мои поздравления, ты сделал потрясающее открытие. Но зачем было выманывать мегу на поверхность?

– Мегалодоны всплывали на поверхность задолго до того, как мы с тобой их встретили. – Марен допивает стакан, наливает еще. – В далеком тысяча девятьсот восемнадцатом году, например, один из мегалодонов мигрировал через западную часть Тихого океана к побережью Канады. По сообщениям местных рыбаков, он запутался в их сетях. Еще один случай был зафиксирован в конце тысяча девятьсот пятидесятих, когда другой мегалодон атаковал австралийский рыболовецкий траулер «Рейчел Коэн». Экипаж траулера понял, что именно в них врезалось, только после того, как в Порт-Линкольне во время ремонта судна обнаружили застрявший в киле белый зуб длиной пять с половиной дюймов.

– Ну а этот самец?

– Я наткнулся на него пять лет назад. Он был в ужасном состоянии, практически издыхал, проиграв территориальный спор другому мегалодону. Мы опускали на глубину девятнадцать тысяч футов напичканные лекарством туши морских львов и скармливали их мегу. Постепенно поднимая приманку, месяцев через семь мы сумели выманить Аль Капоне наверх.

– Аль Капоне?

– Ну да. У него еще было прозвище Лицо со Шрамом. Моя помощница так его назвала из-за шрамов на рыле. Похоже, это имя ему подошло. Со временем нам удалось установить на меге метку с передатчиком. Как видишь, он поживает очень даже неплохо. По моим прикидкам, со времени нашей первой встречи он набрал не меньше десяти тонн.

Так же как и ты.

– Марен, но как ты это сделал? Как тебе удалось исследовать экстремальные глубины? Бенедикт Сингер попытался и потерпел фиаско.

– Сингер был не ученым, а бизнесменом. Как ты знаешь, погружение во впадину на обитаемых глубоководных аппаратах – мероприятие опасное и дорогостоящее. Пойдем со мной, хочу кое-что тебе показать.

Джонас проходит за Мареном по широкому внутреннему коридору, затем спускается по роскошному сходному трапу. Сатоси тенью следует сзади.

Два пролета винтовой лестницы ведут к кубрикам экипажа. Марен идет дальше по узкому коридору с трубами вдоль стен и переборками. Проходит через машинное отделение и останавливается перед двойной металлической дверью.

Марен вводит код на наборной панели, дверь открывается.

Сатоси взмахом огромной лапы швыряет Джонаса через порог.

Они оказываются в машинном отделении, переоборудованном под мастерскую. В центре помещения на трехфутовом возвышении расположен люк шириной шесть футов, закрытый раздвигающимися стальными плитами. Джонас слышит, как о крышку люка бьются волны.

Рядом с люком к рабочему столу с мягкой поверхностью прикреплен пятифутовый подводный дрон в форме торпеды, напоминающий барракуду.

Марен с гордостью гладит дрон:

– Моя глубоководная охотничья собака. Миниатюрные подводные аппараты вроде этого выполняют за меня всю исследовательскую работу. Военно-морской флот годами разрабатывал данную технологию с целью использования в долгосрочной разведке месторождений. Мой дрон несколько посложнее, дизайн многослойного корпуса позволяет посылать его гораздо глубже. В «барракуду» встроен усовершенствованный рыболокатор, тепловизор, сонар и инфракрасный маяк, смонтированный в видеокамеру. Я запрограммировал дрон так, что он способен испускать широчайший спектр биоэлектронных сигналов, аналогичных тем акустическим сигналам, на которые вы научили откликаться Ангела. Когда мне

нужно вызвать Аль Капоне на поверхность, я просто-напросто устанавливаю его местонахождение, посылаю стимулирующие голод сигналы, и он поднимается за дроном вверх, словно собачка Павлова.

– Значит, это твой мег напал на нас во время шторма?

– Да. Но всплыл он по собственной инициативе. Похоже, мегалодонов привлекают поверхностные вибрации, исходящие от испанских галеонов.

– Именно потому ты и настоял на том, чтобы Холландер арендовал «Нептун».

Марен улыбается:

– Он считал это оригинальной идеей, хотя и не знал, как она родилась.

– А я? Почему я здесь?

– Потому что я тебя презираю. – Марен обходит «барракуду» и в упор смотрит на Джонаса. – Тейлор, ты не ученый и никогда им не был. И тем не менее долгие годы ты, изображая из себя ученого мужа, читал дурацкие лекции об этих великолепных хищниках, о том, что они полностью не вымерли и, возможно, обитают в Марианской впадине. Скажите-ка мне, профессор Тейлор, когда вы стали сенсацией на одну ночь, послужила ли ваша нежданная слава чему-нибудь стоящему, кроме удовлетворения вашего собственного эго? А эти ваши раскрученные шоу в лагуне Танаки! Скажи, ты потратил хоть один процент от сборов на благо науки, флагом которой ты так гордо размахивал последние годы? Исследование глубоководных впадин – дело весьма затратное, но впадины нуждаются в исследовании, поскольку здесь существуют жизненные формы, содержащие в себе лекарства от многих болезней... И эти открытия пока только ждут своего часа. У тебя были все возможности, мировая известность, ты мог возглавить процесс, а вместо этого ты все разрушил. Побег Ангела и ее возвращение во впадину отпугнули потенциальных инвесторов... крупнейшие университеты, фармацевтические компании, ученых вроде меня, которые были готовы начать серьезные исследования доселе неизведанного подводного мира. – Марен сокрушенно качает головой. – Но времена изменились, окно возможностей закрылось. Война потеснила науку и образование. При нынешнем политическом режиме федеральные гранты на науку практически не выделяются. Разве что на разработку новой вакцины против сибирской язвы или

программы космических вооружений. Поскольку, в отличие от магнатов ядерной энергетики или Национальной стрелковой ассоциации, я не могу нанять лоббистов, мне приходится изыскивать другие возможности, чтобы привлечь общественное внимание.

– Шоу «Сорвиголовы».

– Вот именно. Появление Аль Капоне в последнем выпуске шоу заметят более шести миллионов человек, причем финальный эпизод станет переходом к серии моих собственных исследований Филиппинского моря. В течение шести месяцев я получу средства, необходимые для инициации полноценных исследований впадины.

– Выходит, ты вызвал дьявола из его адской бездны исключительно для того, чтобы получить деньги?

– Аль Капоне – вовсе не дьявол. На самом деле мегалодон, как выяснилось, еще не самая злобная рыба из существующих. Много лет назад мой первый дрон натолкнулся на настоящее глубоководное чудовище – существо длиной сто двадцать футов и весом более ста тонн. Челюсти монстра оказались такого размера, что он был способен целиком проглотить взрослого мегалодона. Он разрушил мой дрон и целых восемь лет ускользал от меня. Но он где-то здесь, внизу, возможно, последний в своем роде, и когда я получу соответствующее финансирование и оборудование, то непременно его найду.

– Быть может, не стоит будить лихо, пока тихо.

– Слова липового палеобиолога, которого я знаю и люблю. Мне будет приятно смотреть, как ты умираешь. – Майкл кивает Сатоси.

Гигант-телохранитель хватает Джонаса за сгиб локтя и тащит его через всю комнату к цепям для рук и ног, прикрепленных к основанию переборки.

Джонас пытается сопротивляться.

Борец сумо наносит Джонасу удар под ложечку, выпустив весь воздух из его легких.

Джонас хрипит и складывается пополам, тяжело дыша, точно выброшенная на сушу рыба, а Сатоси в это время заковывает в железо его запястья и лодыжки.

– Ты хотел знать, зачем я заманил тебя сюда. Я скажу тебе. Из-за Селесты. Я знаю, что ты сделал с ней во впадине, – нависнув над Джонасом, злобно шипит Марен.

Джонас с трудом выдавливает:

– Она использовала меня... Она пыталась убить Терри.
– И поэтому ты убил ее. Навел Ангела на «Прометей». А потом смотрел, как мегалодон атакует ее подводный аппарат.
– Она хотела меня уничтожить. И непременно убила бы нас обоих...
– А ты взял на себя роль судьи и палача. Так вот, сейчас, восемнадцать лет спустя, я делаю то же самое. Джонас Тейлор, суд предъявляет тебе обвинение в смерти Селесты Сингер, а также экипажа «Прометей». Суд признает тебя виновным и приговаривает к смерти. Но не волнуйся, я разделаюсь с тобой не сразу. Сперва нужно хорошенько отбить мясо.

Сатоси подтягивает цепи, заламывает руки Джонаса назад, прикрепив их над его головой к переборке.

Марен скидывает дизайнерский халат и сжимает кулаки...

*На борту катера Береговой охраны «Кейп Калверт»
Северо-западное побережье штата Вашингтон
36 мильк северу от Грейс-Харбор*

Терри ложится обратно на простыни, ее глаза полузакрыты, пальцы вцепились в каштановые волосы Джошуа, она пригибает его голову, подставляя мужским губам свою ноющую промежность. Терри крепче сжимает бедра и, тяжело дыша, заставляет Джошуа проникать еще глубже.

Она извивается под его жаркими руками, и вот он уже лежит сверху. Она обхватывает ногами его талию, он входит в нее, а она, все быстрее двигая бедрами, вонзает ногти ему в спину.

– Прости, мама, а чем это ты тут занимаешься?

Терри поворачивает голову и с ужасом видит свою дочь, которая наблюдает за ней, сидя на складном стуле.

– Дани?

– Как ты можешь так поступать с папой? Я хочу сказать, посмотри на этого парня. Он даже не слишком симпатичный.

Джошуа останавливается:

– С кем это ты разговариваешь?

– Со своей дочерью.

– О... Не возражаешь, если я продолжу? Я уже почти кончил.

– Мама, вот видишь? Ему вообще на тебя наплевать. Неужели тебе с ним так уж хорошо?

– Нет, но когда спишь с кем-то в первый раз, это всегда не очень, чтобы очень.

– Значит, ты собираешься и дальше с ним встречаться?

– Не знаю.

– Ты ведь не спланировала интрижку заранее?

– Нет. Это вышло... спонтанно.

– Спонтанно?

– Дани, мне это было нужно. Слово у меня безумно чесалось, а почесать мог лишь кто-то другой.

– Выходит, если очень постараться, то оправдать можно все, что угодно, да?

– Не передергивай.

– Итак, ты собираешься развестись с папой?

– Конечно нет. Я люблю твоего отца.

– Весьма оригинальный способ это продемонстрировать.

– Дани... Послушай, я и не жду от тебя понимания. Может, потом, когда подрастешь.

– Ой, я тебя умоляю!

– Иногда какие-то вещи просто случаются. Ты вроде не собираешься делать ничего такого, а все равно делаешь. Это вроде как сунуть руку в кастрюлю с холодной водой и включить конфорку. Если вода нагревается постепенно, ты даже и не заметишь, как ошпаришься.

– Похоже, мораль такова: не суй руки куда ни попадя.

– А?! – Терри открывает глаза и садится на койке.

Она одна. Дани и Джошуа исчезли.

Просто сон...

В дверь каюты стучат:

– Эй, Терри! Это я. Открой.

– Джош?

– Извини, что задержался. Открой, пожалуйста, дверь.

– Джош... Не могу. У меня дико болит голова.

– Впусти меня, и я помассирую тебе плечи. Все напряжение как рукой снимет.

– Нет. У меня начались месячные. Мне... мне нужно поспать.

– Ты серьезно?

– Джош, я хочу отдохнуть. Увидимся позже, хорошо?

За дверь повисает неловкое молчание.

– Отлично, – наконец выдавливает Джошуа.

Терри слышит его удаляющиеся шаги.

Что я творю?! Я, наверное, рехнулась. Терри вспоминает свой сон, прокручивает в голове слова Дани – свои слова, сказанные дочери три года назад. *Я варюсь в кипятке и даже не замечаю этого. Держись подальше от этого парня, пока ты все не разрушила.*

Она быстро одевается. Прижимает ухо к двери каюты. Ничего не услышав, Терри открывает дверь и, удостоверившись, что коридор пустой, поспешно поднимается по трапу на главную палубу.

Хмурое утреннее небо затянуто облаками. Брайан спит на скамье, надвинув на лицо бейсболку. Терри прокрадывается мимо, перелезает через леер и садится в «Зодиак».

– Эй! – Из рубки выходит Джошуа. – И куда это ты намылилась?

– Купить тампоны. До встречи в Грейс-Харбор. – Терри машет Джошуа рукой, и «Зодиак» дрейфует в сторону от катера.

Терри заводит мотор, нажимает на газ и направляется к берегу.

А в двадцати ярдах от нее большой самец начинает беспокойно ворочаться.

На борту «Нептуна»

34 морские мили к северо-востоку от Палау

268 морских миль к юго-западу от Марианской впадины

Сьюзен Феррарис приглашает Сорвиголов на капитанскую галерею.

Эрик Холландер отводит Даниэлу Тейлор в сторону:

– А где твой отец?

– Отправился на яхту. Ему нужно было кое с кем повидаться.

У продюсера глаза лезут на лоб.

– А кто ему разрешил?

– Мой отец не нуждается ни в чьих разрешениях. – Отбросив руку Холландера, Дани присоединяется к остальным.

Сьюзен обводит взглядом присутствующих:

– Итак, у нас потрясающие новости. Телекомпания просто без ума от нашего вчерашнего материала с этим мегалодоном. Его покажут сегодня вечером. Мы говорили с нашими местными... хм... экспертами. По их мнению, мегалодон сегодня снова поднимется на поверхность, чтобы прикончить кита. Телекомпания настолько довольна результатом, что решила предложить вам бонус. Вы готовы? Сорвиголова, который примет участие в трюке, где будет задействован мегалодон, получит бонус в размере полмиллиона долларов. – (Сорвиголовы переглядываются.) – Потрясающе, да? Что скажешь, Ди? Ты наверняка будешь «за».

– Полмиллиона долларов за то, чтобы быть съеденной? Ты что, издеваешься?!

– Меня тоже можешь вычеркивать, – заявляет Эван.

– Эй, ребята! Не порите горячку, – говорит Эрик. – Похоже, вы не так поняли Сьюзен. Речь идет о гарантированном полумиллионе баксов всего лишь за один трюк. Мия, пятьсот тысяч баксов за обалденный прилив адреналина.

– Эрик, я отлично знаю, что такое пол-лимона. Но я тоже пас. Я не боюсь умереть, но боюсь этого монстра.

Эрик поворачивается к Дженни Арнос.

– Ни за какие коврижки. Я сегодня ночью вообще не спала. Перед глазами стоял этот кошмар.

– Присоединяюсь, – кивает Ферджи. – Меня едва не сожрали прошлой ночью. Так что мне и одного раза хватило за глаза и за уши.

– А меня можешь и не спрашивать, – кивает Дани.

Эрик, похоже, на грани отчаяния:

– Майкл... Майкл, ты ведь сделаешь это, да? Один короткий трюк – и тебе хватит до конца жизни.

– Полмиллиона долларов?! Кого ты хочешь надуть?!

– Ладно-ладно. По крайней мере, есть тема для разговора. Предлагайте ваши условия, я свяжусь с телекомпанией, а там посмотрим, удастся ли нам немного поднять сумму.

– Ты явно не догоняешь, – качает головой Ферджи. – Мы делали это не ради денег или славы, а исключительно ради драйва.

– Вот именно. Но разве хоть что-то может дать больше драйва, чем попытка отразить атаку мегалодона?

– Это совсем другое дело. Возможно, прыжки с парашютом и плавание среди косяка обычных акул могут показаться тебе нашим экспромтом, но все, что мы делаем, подпадает под категорию запланированного хаоса. Каждый трюк имеет заложенную в него степень безопасности. Но что касается этого монстра, тут нет никакой степени безопасности, никакой предсказуемости. Он ненасытный, он огромный, и мы просто букашки, которые мельтешат на его заднем дворе, по крайней мере ночью. В результате любой трюк становится русской рулеткой с пятью патронами в барабане, а мы в такие игры не играем даже за полмиллиона баксов.

Эрик громко шлепает клипборд на стол:

– Народ, целых два сезона я только и слышал от вас, что вы спите и видите, как ответить на беспримерный вызов. И вот теперь я рискую собственной задницей, чтобы дать вам возможность воплотить в жизнь мечту, а вы банально сдрейфили!

– Мы не сдрейфили, – возражает Мия. – Но каждый должен знать пределы своих возможностей.

– А если ты такой храбрый, почему бы тебе самому не попробовать?! – огрызается Дженни.

Эрик в отчаянии поворачивается к Сьюзен:

– Ну и как тебе это нравится? Сегодняшняя передача могла собрать перед экранами самое большое число зрителей за всю историю телевидения. Но звезды шоу меня беззастенчиво кинули. И это после всего, что я для них сделал! Просто жалкая кучка болтунов.

– Может, стоит прокрутить отрывок, снятый несколько недель назад, где они так высоко задирают перед Джоном Тейлором нос, что им трудно дышать?

– С меня довольно. Я сваливаю. – Ди поднимается с места, все остальные следуют ее примеру.

Сьюзен поспешно отводит Холландера в сторонку и что-то шепчет ему на ухо.

Холландер кивает:

– Эй, народ! А ну-ка по стойте. Пожалуйста. – (Сорвиголовы останавливаются в дверях.) – Послушайте, мне очень жаль. Я перегнул палку. У нас было потрясающее шоу, так давайте же не будем его портить. Идите поешьте чего-нибудь, развлекитесь на славу, а мы

постараемся все утрясти. Майкл, Ферджи, я могу с вами потолковать? Все остальные свободны.

Дани поднимает глаза на Ферджи. Он пожимает плечами:

– Ладно, ступай. Я тебя догоню.

Сорвиголовы уходят, остаются лишь капитаны обеих команд.

Эрик закрывает дверь.

Сьюзен делает свой ход:

– Вы совершенно правы. Полмиллиона – это наше первое предложение. Но давайте на секунду забудем о деньгах. Скажите, а вы двое знаете, почему именно вас выбрали капитанами команд? Вовсе не потому, что вы лучшие из лучших, хотя это, несомненно, так. Нет, вас выбрали, потому что вы оба лидеры. Вы принимаете на себя ответственность за товарищей по команде, служите для них примером. Вы оба – душа и сердце нашего шоу.

– И теперь шоу нуждается в вас, – подхватывает Эрик. – Прежде чем возражать, постарайтесь, по крайней мере, нас выслушать. Нам необходимо пять эпизодов, чтобы закрыть сезон. Ну, допустим три, поскольку в последних двух эпизодах участвовали обе команды, минус окончательное голосование, минус обзор событий сезона, который снимается в студии. Даже если мы сейчас и отменим состязание между командами, нам так или иначе нужно определить победителя.

Сьюзен кивает:

– А что, если заключительное соревнование будет не групповым мероприятием, а дуэлью между вами двумя? Мы не станем вести прямой репортаж, просто отснимем как можно больше материала за одну ночь. Нам нужен самый простой трюк, чтобы вы были в одном кадре с мегом, но без непосредственной угрозы жизни. Сделаем нужные снимки, после чего дадим возможность редакторам специально для зрителей привнести определенную долю риска.

– Без непосредственной угрозы жизни? – хмыкает Ферджи. – Я тебе вот что скажу. Сделай так, чтобы мег плыл рядом с «Нептуном», а мы помашем ему ручкой.

– Очень смешно. Не сомневаюсь, мы сможем придумать нечто получше.

– Ладно, – кивает Коффи. – Ты хочешь организовать маленький междусобойчик – ты его получишь, но победителю заплатишь четыре миллиона долларов, а проигравшему – два. И чтобы все было

оформлено чин чином: изложено на бумаге, подписано, заверено печатью и отправлено нашим адвокатам, а иначе мы с места не сдвинемся.

Ферджи ошарашенно смотрит на Коффи:

– Эй, я же сказал, что дело не в деньгах.

– Конечно в деньгах, тем более когда наш высокооплачиваемый Эрик извивается сейчас как уж на сковороде.

Эрик качает головой:

– Шесть миллионов за один эпизод? Сойдемся на двух и ударим по рукам.

– Пошли отсюда, Ферджи. Все, проехали. – Коффи тянет Ферджи за руку.

– Эй, не гони лошадей, – останавливает их Эрик. – Мы же ведем переговоры.

– Прости, Холландер, но это не обсуждается. На твоём месте я бы поскорее взял рацию и начал прессовать твоих дружбанов из телекомпании, чтобы уладить это треклятое дело еще до захода солнца.

*Океанографический институт Танаки
Залив Монтерей, Калифорния*

Тихий океан отступил, полуденный отлив обнажает верхние три фута укрепленных бетонных стен канала.

Мак осторожно ведет 29-футовый катер «Фаунтен спортфиш» к выходу из канала. Пульс у Мака зашкаливает, а руки откровенно дрожат. Вот уже двадцать два дня Джеймс Макрейдс не берет в рот ни капли спиртного, но сейчас алкоголь пришелся бы ему как нельзя кстати. *Интересно, это алкогольный делирий или ты просто боишься?*

Вместо того чтобы бросить якорь, Мак пришвартовывает катер к барже, стоящей на якоре у входа в канал. На стальной платформе насыпаны три горы песка. Рукав мощного насоса по-прежнему находится в воде, однако сам насос и генератор выключены на время уик-энда.

О'кей, если дела пойдут плохо, куда лучше отходить? На баржу или на катер?

Пожалуй, для быстрого отступления катер подойдет лучше.

Поправив мокрый гидрокостюм и грузовой пояс, Мак нервно обшаривает взглядом горизонт, затем достает рацию:

– Дэвид, ты там?

– Да.

– Я на месте. Включай тампер.

– Дядя Мак, а ты уверен? Откуда нам знать, закроются ворота или нет?

– Стечман уверил меня, что зазор минимальный. Если будем ждать следующего прилива, то пиши пропало.

– Значит, нырять?

– Не вижу другого выхода. Единственный способ закрыть ворота – добраться до щита питания. С приманкой в нужном месте я смогу выиграть лишние пять минут или около того.

– Дядя Мак...

– Включай тампер, малыш. Я позвоню тебе, как только она появится.

Дэвид входит в машинное отделение. Находит тумблер включения подводной акустической системы, поворачивает его.

Низкая барабанная дробь резонирует через стену, отчего по спине у Дэвида ползут мурашки.

Поспешно поднявшись наверх, Дэвид останавливается возле проржавевшей А-рамы, согнувшейся под тяжестью 320-фунтового сырого говяжьего бока, из которого в южную часть рукотворной лагуны капает кровь.

Мак нервничает. *Катер или баржа? На катере можно добраться до берега, но зато баржу не так уж легко потопить.* Вспомнив о своем приключении на борту «Ангела II», Мак берет снаряжение и залезает на баржу.

Хрен с ним, с катером! Все равно он взят напрокат.

Мак прислоняется спиной к небольшой дюне из ила и песка, устремив взгляд на вход в канал.

На борту «Нептуна»

34 морские мили к северо-востоку от Палау

268 морских миль к юго-западу от Марианской впадины

Даниэлла Тейлор застаёт Ферджи в комнате отдыха за планированием вместе с Майклом Коффи предстоящего трюка.

– Дани, мне сейчас некогда разговаривать.

– Это правда? Ты что, действительно подписался на трюк с мегом?

– Два лимона – это целая куча денег, – замечает Коффи.

– Надеюсь, ты их получишь, – парирует Ферджи. – Потому что я рассчитываю на четыре.

Дани с трудом сдерживает слезы:

– Ферджи, нам нужно поговорить. С глазу на глаз.

– Валяй! – ворчит Коффи. – А я пока пойду выпью пивка.

– Будь другом, захвати и для меня пару банок холодненького. – Ферджи притягивает Даниэллу к себе. – Итак, что там у тебя на уме, любимая?

– Прекрати сейчас же! – Дани отталкивает Ферджи. – Я хочу поговорить об этом трюке. Ты ведь обещал мне, что не будешь участвовать.

– Полегче! Я ничего никому не обещал. Сперва я действительно был против...

– А потом Холландер тебя подкупил.

– На самом деле идея принадлежала Коффи. Но он прав. Это будет сумасшедшая гонка за сумасшедшими выплатами, и на сей раз проиграет Коффи. Не я.

– Послушать тебя, так все внезапно перевернулось с ног на голову. Теперь это соревновательный дух, ну и, конечно, бабло. Значит, то, что ты говорил раньше, было чистой воды брехней.

– Это не было брехней, но мне нужно на что-то жить. Прыжки с парашютом, серфинг у экзотических берегов и тому подобное – все это стоит денег. Ведь я именно так зарабатываю себе на жизнь.

– Неужели ради такой фигни стоит рисковать жизнью? Этот монстр тебя убьёт.

– Может, да, а может, и нет.

– Эх ты! – Дани поворачивается, собираясь уйти.

– Дани, погоди...

– А мне казалось, что у нас с тобой особые отношения. Мне казалось, что я для тебя что-то значу.

- Чистая правда.
- Тогда почему бы не отказаться от этой затеи? Зачем рисковать жизнью, чтобы мериться, у кого яйца больше?
- Я думал, ты понимаешь. Я такой, какой есть.
- Знаешь что? А вот я не такая. – Дани, заливаясь слезами, пулей вылетает из комнаты.

Глава 23

Сан-Франциско, Калифорния

Рональд Рёмхолд, стоя перед зеркалом в ванной, ерошит серебристо-седые волосы. Играет мускулами. Бывший военный моряк, недавно разведшийся с женой, по-прежнему в отличной форме – спасибо пляжному волейболу и океанским заплывам на полмили три раза в неделю. *Может, самое время начинать закрашивать седину? С темными волосами я выгляжу гораздо моложе. Ронни, пора круто все изменить, особенно теперь, когда ты снова находишься в поиске.*

Рональд натягивает футболку и плавки, затем начинает шарить в полупустом шкафу в спальне в тщетных поисках тренировочного костюма.

– Не... не может быть. Эта грязная сука... она прихватила мой новенький тренировочный костюм! – Он пинает пакет с грязным бельем, матеря свою бывшую жену.

Тысяча двести в месяц в качестве алиментов, а она продолжает меня тупо обворовывать.

Обнаружив старую серую толстовку с эмблемой Научно-исследовательского центра подводного оружия ВМС, Рональд смотрит на будильник возле кровати. *Два двадцать. Как раз хватит времени, чтобы купить лотерейный билет, добраться до причала и взять курс на «Пасифик-Белл-Парк»^[7] до первой подачи. Опаздывать нельзя, по крайней мере сейчас, когда меня ждет исторический хоум-ран Ховарда.*

Рональд делает два захода из кухни через гараж до машины, мысленно проверяя список необходимых вещей. *Рыболовная сеть... телескопическая удочка... портативный телевизор... запасные аккумуляторы... УФ-протектор... камера... ключи от лодки... кулер... сэндвичи... пиво... Ты полностью экипирован.*

Он берет газету, садится в «джип чероки», проверяет гороскоп в разделе «Стиль жизни».

Водолей: ваши финансовые трудности очень скоро останутся позади.

Рональд, улыбаясь себе под нос, заводит машину.

На борту «Нептуна»

Вечернее солнце на безоблачном небе медленно клонится к горизонту, заливая испанский галеон мягким золотистым светом.

Даниэлла Тейлор стоит, облокотившись на носовое ограждение правого борта, глаза покраснели и припухли от слез, сердце болезненно ноет. *Я не заслуживаю подобного обращения. Как он мог так поступить? Разве он не знает, что я его люблю?*

Она смотрит на темный объект, плавающий примерно в полумиле от «Нептуна», на десяток акульих плавников, что продолжают кружить вокруг обглоданной туши кашалота. *Может, он не знает? Может, стоило ему сказать, прежде чем убежать сломя голову? Да и вообще, кто я такая, чтобы пытаться его изменить? Ведь он прирожденный Сорвиголова. А кроме того, мы пока вроде как не женаты.*

Дани выпрямляется, вытирает слезы. *Я должна его найти. Я не могу отпустить его в море с сомнением в душе. Я... я дам ему понять, что поддерживаю его, что я здесь ради него, а лишнего наговорила именно потому, что слишком его люблю.*

Дани сбегает вниз по ближайшему трапу, едва не сбив с ног Эвана Стюарта:

– Эван, мне... мне нужно срочно найти Ферджи. Ты, случайно, его не видел?

Эван оглядывает ее с ног до головы с лукавой улыбкой:

– Ферджи? По правде говоря, я только что видел его в капитанской каюте. В конце галереи на корме. Поторопись, он будет счастлив тебя видеть.

– Спасибо. – Вернувшись на палубу, Дани спешит на корму к адмиральской галерее.

Дверь каюты закрыта, но не заперта.

– Ферджи? Ты там?

– Дани? Погоди, не надо...

Она распахивает дверь.

Ферджи с вытаращенными глазами сидит на койке, закрывая голую грудь простыней:

– Дани, я...

Из-под одеяла высовывается женская рука, затем оттуда появляется Дженни Арнос, растрепанная, с голой грудью.

– Прямо сейчас Ферджи немного занят. Почему бы тебе не встать в очередь и не вернуться примерно через час?

Дани, не в силах говорить, глотает подкатившую к горлу желчь.

– Прости, дорогая, но все, что ни делается, все к лучшему. У вас по-любому ничего не получилось бы.

Дани с утробным рыком хватается с полки канделябр и швыряет в Ферджи.

Канделябр, пролетев мимо головы австралийца, врезается в картину «Ад Данте», висящую в изголовье кровати.

– Надеюсь, вы оба сгниете в аду!

Дани поворачивается, чтобы уйти, но, к своему ужасу, видит за дверью аплодирующую и улюлюкающую ораву Сорвиголов и Куколок.

– Тьфу на вас! – Дани, с красным лицом, вся в слезах, протискивается сквозь толпу, мечтая провалиться сквозь землю.

*Океанографический институт Танаки
Залив Монтерей, Калифорния*

Мак устремляет взгляд в сторону экскурсионного судна для наблюдения за китами, которое следует на север примерно в полумиле от него. Он слышит усиленный мегафоном голос экскурсовода. Видит туристов, нацеливших камеры на вход в канал.

Со времени побега Ангела прошло уже восемнадцать лет, а место ее заточения по-прежнему возбуждает публику. Мак смотрит на часы. *Три пятнадцать.* Связывается с Дэвидом по рации:

– Эй, малыш, ты все еще там?

– Да.

– Прошло почти пять часов. Где мег?

– Верь мне, она появится.

– Да, но от этой твоей барабанной дроби у меня голова просто раскалывается. Выключи звук. Давай на сегодня закончим.

– Но, дядя Мак...

– Один мой кореш достал мне билеты на сегодняшнюю игру «Джайентс» – «Филлис». Думаю, мы можем сделать перерыв.

– Да!

– Мне нужно двадцать минут, чтобы вернуть лодку. Встречаемся на северной парковке лагуны в четыре.

На борту «Целаканта»

Джонас Тейлор, преодолевая боль, заставляет себя открыть глаза. Из распухшей нижней губы идет кровь, нос сломан. Ребра в синяках, мышцы живота ноют. Несмотря на адскую боль после зверского избиения, Джонас понимает, что Марен бережет силы.

Сумасшедший ублюдок хочет оставить меня в живых, чтобы скормить своей акуле.

Джонас проверяет наручники, потом замечает Сатоси, сидящего у противоположной стены. Японский борец сумо с гнусной ухмылкой поднимает вверх четыре коротких пальца.

Джонас закрывает глаза, пытаясь сберечь силы.

Сообщение принято: через четыре часа я стану живой приманкой.

*Пирс 39, залив Сан-Франциско
Калифорния*

Пирс 39 – это, в сущности, целый город из эллингов, расположенный на побережье залива Сан-Франциско между Золотыми воротами и Бэй-Бридж, к юго-западу от Алькатраса.

Рональд Рёмхолд следует на север по Пауэлл-стрит к гаражу и парковкам пирса 39. Взяв с собой снаряжение, он переходит улицу в сторону стоянки для катеров и идет вдоль дока D до эллинга 36.

У Рональда моментально подпрыгивает давление, когда он видит рыжеволосую женщину, загорающую на корме катера... его катера... и ее мерзопакостного приятеля-адвоката, набивающего пивом ящик со льдом.

– Так не пойдет, Сью! Не пойдет, твою мать!

Его бывшая жена окидывает его скучающим взглядом:

– Спенсер, разберись с ним, пожалуйста.

Спенсер Баллок преграждает Рональду путь, не пропуская его на борт:

– Отвали, Рональд, или получишь судебный запрет.

- А ты получишь хук справа! Это мой катер.
- Советую еще раз перечитать условия мирового соглашения. Катер будет твоим, когда ты выплатишь Сьюзен ее долю, полагающуюся ей как жене.
- Отлично, если хотите, можете пользоваться катером всю следующую неделю, но сегодня на нем поплыву я.
- Извини, – щебечет Сью, – но мы сюда пришли первыми.
- Заткнись! С каких это пор тебя вдруг стала интересовать рыбалка?
- Да плевать мне на рыбалку. Мы направляемся на стадион «Пасифик-Белл» посмотреть игру «Джайентс».
- Ты хочешь сказать, что собираешься поймать мяч Ховарда во время его хоум-рана.
- Говорят, он будет стоять от трех до пяти миллионов, – задумчиво произносит Спенсер, обводя глазами снаряжение Рональда.
- Похоже, ты нацелился на тот же приз.
- Ты чертовски прав! Но когда я получу мяч, вы получите шиш с маслом. А теперь выметайтесь из моей лодки!
- Сью вытягивает вверх руку с зажатым в ней мобильником:
- Отвали, Рональд, или я вызову копов.
- Флаг в руки! Катер на мое имя.
- Но мы пришли первыми.
- Спенсер встает между ними:
- Ладно, не будем горячиться. Сьюзен, поскольку Рональд тоже собирается в Маккови-Коув, давай разрешим ему поехать с нами.
- Я категорически против!
- А я отсюда никуда не уйду. Хрена с два!
- Тогда я зову копов.
- Спенсер отводит Сью в сторону:
- Игра начинается через час. Если позовешь копов, то мы пропустим по крайней мере одну подачу и не сможем найти приличное место в Маккови-Коув.
- Сью оглядывается на бывшего мужа:
- Отлично, он может ехать, но пусть остается на своей половине катера.

«Пасифик-Белл-Парк»

Залив Сан-Франциско, Калифорния

«Пасифик-Белл-Парк» – домашняя арена бейсбольной команды «Сан-Франциско Джайентс», вероятно, является лучшим стадионом для зрителей игр Главной лиги бейсбола, поскольку оттуда открываются захватывающие виды, а дальняя часть поля граничит с мерцающими синими водами залива Сан-Франциско. В парке, созданном в 2000 году на средства частных инвесторов, имеется девятифутовая статуя Уилли Мейса, а также 80-футовая бутылка кока-колы со слайдами игрового поля, а также идеальная система доступа.

Возможно, самой уникальной чертой «Пасифик-Белл-Парк» является Маккови-Коув. Названная в честь бывшего игрока первой базы в Зале Славы «Сан-Франциско Джайентс» Уилли Маккови, Маккови-Коув представляет собой узкую полосу общественного водного пути, расположенную за стеной справа от игрового поля, в 420 футах от «дома». До начала каждой домашней игры «Джайентс» самые разнообразные плавсредства, начиная от резиновых плотов и каяков и кончая роскошными яхтами и парусниками с прямым парусным вооружением, собираются в заливе, чтобы отметить игру и, быть может, поймать мяч в результате хоум-рана.

Но сейчас толпа борется за обладание одним-единственным мячом – тем, что в свое время, более десяти лет назад, составлял интригу всех осенних домашних игр «Джайентс», когда Барри Бондс опередил по числу хоум-ранов Хэнка Аарона, чей рекорд – 755 хоум-ранов – продержался тридцать три года. И когда Бондс в конце концов побил рекорд Аарона, это случилось во время выездной игры, что чрезвычайно разочаровало толпу, собравшуюся на лодках в заливе.

И вот сейчас, когда отбивающий игрок «Филадельфия Филлис» Райан Ховард приблизился к рекорду Бондса, жители Сан-Франциско стали прибывать в массовом порядке: кто-то – чтобы поприветствовать, кто-то – чтобы освистать, но все до единого жаждали стать частью истории бейсбола.

Правда, владельцы и пассажиры судов в Маккови-Коув хотели нечто большего.

В двадцати семи процентах случаев мяч во время хоум-ранов в «Пасифик-Белл» перелетал через трибуны правого поля, а в тридцати четырех процентах случаев – попадал в залив. Таким образом, шанс

поймать рекордный мяч хоум-рана Ховарда в сто раз превышал возможность выигрыша в калифорнийскую лотерею, в связи с чем буквально все обладатели лодок в районе залива собрались в Маккови-Коув.

Суперяхты начали прибывать накануне, еще до полуночи, буквально через несколько часов после того, как Ховард во время седьмого иннинга сделал двухочковый бросок через левые трибуны, сравнявшись с Бондсом. К рассвету бухта уже была запружена резиновыми плотами и каяками, рыбацкими лодками и плашкоутами. Там можно было увидеть даже две АМ-радиостанции. К полудню в бухте стояла целая стеклопластиковая флотилия – в сущности, самая настоящая парковка с любителями барбекю, солнечных ванн, пива и просто мечтателями, причем все они пытались занять самое выгодное положение, уповая на то, что спортивное достижение одного человека изменит их жизнь к лучшему.

Ангел скользит вдоль облепленного моллюсками дна залива Сан-Франциско. Проследовав за быстроходным катером братьев Дейтч в залив, монстр оставил свою добычу, поскольку все его органы чувств оказались перегружены множеством незнакомых запахов и электрических импульсов. Более трех часов мег кружил возле Золотых ворот, его сенсорная система буквально гудела от ревербераций, вызванных интенсивным движением транспорта по мосту. Оттуда Ангел двинулась на восток – в тень туристического судна, совершающего экскурсию на остров Алькатрас. Но, столкнувшись с ядовитой горой выкопанных донных осадков, самка покинула район и двинулась дальше на север.

И вот, когда солнце уже начинает садиться, а ночь – раздраживать аппетит, новый источник сигналов привлекает внимание мегалодона, заставляя его в очередной раз изменить курс.

– Вот черт! Поверить не могу. – Рональд Рёмхолд сбрасывает скорость при виде сотен плавсредств, теснящихся на одной квадратной миле водного пространства возле спускающихся к заливу трибун правой стороны поля и общественного пирса.

Отчаявшись пробиться сквозь столпотворение судов, Рональд обреченно втискивает нос своей рыбацкой лодки между кормой 85-

футовой яхты и 31-футовым катамараном.

Бейсбольный стадион – словно жужжащий улей, где все зрители, кроме сорока одной тысячи счастливых обладателей билетов, стоят впритирку. Нависающие над открытой ареной в форме лошадиной подковы светильники включены на полную мощность, озаряя затянутое облаками серое небо. Из громкоговорителя звучит хриплый голос комментатора, сообщающего стартовый состав команд на сегодня.

– Отбивающий на первой базе – Райан Ховард, номер шесть.

Над заливом разносится приветственный гул вперемешку со свистками.

Мак показывает билеты билетеру и проходит с Дэвидом на их места, расположенные в правом поле прямо между фал-мачтами.

– Отличные места, да? Ты не поверишь, но спекулянты запрашивают тройную цену за места за боковой линией и четверную – за трибуны левого поля.

– У меня буквально крыша едет от счастья. Последний раз я был с папой на бейсболе лет в семь-восемь. – Дэвид сует кулак в поношенную кожаную бейсбольную перчатку игрока первой базы, но, передумав, протягивает ее Маку. – На, возьми. Если Ховард сделает дальний бросок, то у тебя больше шансов поймать мяч, чем у меня. Толпа меня просто задавит, когда я попытаюсь подобраться к мячу.

Мак отдает перчатку обратно:

– Я тебе вот что скажу. Если он так выбьет мяч, я посажу тебя к себе на плечи.

– Идет. Но если мне удастся поймать мяч, мы поделим деньги пятьдесят на пятьдесят.

– Заметано. – Любовно похлопав Дэвида по плечу, Мак с тоской косится на разносчика пива. *Боже, дай мне силы!..*

К тому моменту, когда толпа на переполненном стадионе встает во время исполнения национального гимна, Рональду удается втиснуть лодку в третий ряд транспортного затора, приведя в ярость по крайней мере дюжину судовладельцев.

– Только подумайте, мне удалось подобраться почти так близко, как я и планировал. В толпе у нас будет больше шансов попытаться

счастья. Алё? Я что, сам с собой разговариваю? – Спустившись с мостика, Рональд оглядывается в поисках бывшей жены и ее приятеля-адвоката. – Куда они подевались?

Он спускается вниз, видит закрытую дверь каюты и чувствует, как раскачивается лодка, слышит утробные звуки, недвусмысленно свидетельствующие о том, что парочка в каюте занимается любовью.

– Вот здорово! Просто здорово! На моем собственном катере! Ни больше ни меньше. – Рональд поворачивается к двери и кричит: – А знаешь что, приятель, она вся твоя. Так что сделай одолжение и женись на ней, чтобы я наконец перестал выплачивать ей месячное содержание!

Громко топая, он возвращается на палубу, включает портативный телевизор, плюхается на брезентовый стул и начинает смотреть игру.

Самый быстрый игрок «Филлис» проходит на левое поле, чтобы открыть игру. Второй отбивающий продвигает по базам первого. С одним аутом отбивающий номер три «Филадельфии Филлис» занимает первую базу.

– А теперь за «Филлис» отбивает клинап первый бейсмен Райан Ховард под номером шесть.

На ведущего игрока, занимающего пока второе место по числу хоум-ранов в истории американского бейсбола, но стремящегося занять первое, обрушивается оглушительный свист.

Высоко на трибуне правого поля Джеймс Холлен, студент со специализацией по физиологии, поворачивается к своей невесте Джессике Бурна:

– Ну что, готова повеселиться? Сейчас я проведу небольшой психологический эксперимент, который я называю «Обучение собаки Павлова». Смотри и учись.

Ховард делает первый бросок.

Джеймс Холлен, порывшись в рюкзаке, незаметно достает бейсбольный мяч.

Ховард делает второй высокий бросок.

Джеймс включает видеорегистратор размером с ладонь:

– Джесс, погляди, жадность – это потрясающая штука. Она заставляет нас делать такие вещи, которые мы никогда в жизни не сделали бы.

Раннеры кидаются занимать базы. Питчер делает быструю подачу. Ховард взмывает в воздух, посылая мяч в левый центр поля.

Толпа ревет, все вскакивают на ноги.

Джеймс поворачивается к стене правого поля и бросает бейсбольный мяч как можно выше и дальше, после чего нацеливает видеорегиcтpатор на Маккови-Коув.

Публика на лодках тоже вскакивает на ноги и с громкими криками кидается за крошечным белым бейсбольным мячом, который парит над стеной правого поля, а затем падает с небес.

Мяч приземляется на нос катамарана, отскакивает на десять футов в воздух, ловко минуя обгоревших на солнце полупьяных пассажиров, после чего возникает небольшая потасовка, типа свалки в регби, в результате которой шестьдесят три человека прыгают за борт прямо в воду.

И пока мяч Райана Ховарда ловят у боковой линии, а раннеры «Филлис» остаются на своих базах, в воде возникает куча-мала из неопытных пловцов, которые барахтаются и отпихивают друг друга, пытаясь избежать смертельного столкновения с корпусами дюжины стоящих на якоре судов и по меньшей мере четырех каяков.

– Эй, это был обманный бросок, мяч для простофиль! Какой там хоум-ран!

После десяти минут истошных воплей неудавшиеся миллионеры, в синяках и промокшие до нитки, карабкаются на свои лодки.

Рональд Рёмхолд, цепляясь одной рукой, с трудом забирается по алюминиевому трапу, левое плечо адски болит после столкновения с весельной лодкой, закамуфлированной под плавучую площадку для гольфа.

Сью начинает истерически хохотать, когда ее бывший муж стягивает с себя мокрый тренировочный костюм и выжимает его над бортом.

– Эй, гений! Ты ведь смотрел матч по телику. А тебе не приходило в голову, что мяч выбили на левое поле?

– Заткнись!

– Какой же ты идиот! Спорим, ты всю ночь будешь плясать под дудку этих остряков, ныряя в залив.

– Когда мне понадобится твое мнение, я тебя спрошу.

Спенсер Баллок, спрятав усмешку, пытается сменить тему:

– Знаешь, я слышал, будто Главная лига бейсбола пометила каждый мяч в сегодняшней игре специальным закодированным компьютерным чипом, чтобы никто не мог выкинуть подобный фокус.

– Спасибо, что просветил, мистер И-Эс-Пи-Эн^[8]. А теперь почему бы тебе не спуститься вниз и не потрахать мою жену еще несколько иннингов?

– Пошли, Спенсер! Рональд просто ревнует, что я себе уже кого-то нашла, а он – нет.

Сью ведет Спенсера вниз, а толпа тем временем отчаянно кричит, приветствуя своих «Джайентс», питчер которых выбивает из игры хиттера под номером пять, обезвредив «Филлис» на первый иннинг.

– Эй, если останетесь внизу, то я готов не тянуть с разводом и даже купить лодку для своей бывшей, которую ненавижу!

Ангел медленно движется по мелководью, ее спинной плавник по высоте сравним с 12-футовым килем суперяхты. Какофония отраженных звуков от множества плавсредств эхом отдается в мозгу самки, возбуждая любопытство и аппетит.

Поднявшись к поверхности, она осторожно просовывает рыло между катамараном и весельной лодкой, чтобы «попробовать на вкус» корпус, и в результате едва не опрокидывает в воду двух поддатых мужиков в маленькой лодке.

– Тпру! Эй, смотри, куда плывешь!

– Проклятые богатеи!.. Думают, им принадлежит весь этот чертов залив.

Ангел уходит на глубину. Поверхностные вибрации весьма заманчивы, но их источник явно несъедобный. Она движется дальше... И тут ее чувства обнаруживают совсем другие электрические возмущения.

Между парусными судами и яхтами, в хаосе Маккови-Коув, затерялся со своей доской для серфинга Пол Баркмейер. Тридцативосьмилетний бухгалтер, отец двоих детей, плыл на доске последние три с половиной часа и к этому моменту совершенно обессилел. Сунув радиоприемник в водонепроницаемый рюкзак, он застегивает мокрый гидрокостюм, после чего пробует ногой холодную воду.

Затем, положив локти и голову на доску для серфинга и болтая затекшими ногами, мочится в залив.

На глубине тридцати футов под флотилией судов кружит большая белая акула. Коварный охотник, акула шныряет туда-сюда, выплывая из мрака, привлеченная запахом добычи. При весе 2800 фунтов и длине восемнадцать футов, эта акула – самая большая рыба в заливе, не считая ее доисторической кузины.

Лавируя вдоль дна, большая белая акула внезапно взмывает вверх – она учуяла запах мочи в воде, ее ампулы Лоренцини нацелились на электрические разряды от биения сердца Пола Баркмейера.

Облегчившись, Пол неожиданно чувствует, как волосы на загривке встают дыбом, когда под близлежащими лодками возникает пятнадцатифутовый вал, который, точно цунами, обрушивается на них, поднимая на гребни волн и сталкивая друг с другом.

– Какого черта?!

Пол взмывает вверх вместе с доской для серфинга, после чего стремительно падает, врезавшись в шлюпку.

Ангел резко ускоряется под пологом из днищ разнообразных плавсредств, волна в ее кильватере сеет хаос среди заякоренных судов.

Обнаружив свою огромную кузину, большая белая акула прерывает атаку и опускается на дно – слишком поздно.

Ангел хватает челюстями восемнадцатифутовую акулу и, помотав головой, перекусывает жертве позвоночник.

Поднятая Ангелом волна вызывает масштабный эффект домино, в результате которого сотни переполненных маломерных судов взмывают вверх и сталкиваются, словно закружившись в безжалостном водовороте. На секунду игра в бейсбол оказалась забытой. Взбешенные хозяева лодок начинают вопить, дико орать и угрожать друг другу, до поры до времени пребывая в счастливом неведении о наличии смертельно опасного хищника, который продолжает кружить внизу, поедая останки большой белой.

Шум толпы на стадионе «Пасифик-Белл» восстанавливает порядок – это Райан Ховард собирается отбивать в четвертом иннинге.

Рональд готовит рыболовную сеть.

Сью и Спенсер, держась за руки, выходят из каюты, а тем временем радио истошно орет: «Джексон первым бежит вперед, два страйка – и подача Ховарда...»

Хрясь!

«...и мяч летит за пределы правого поля... Перри Мет возвращается... Он у боковой линии... И вот мяч уже там! Райан Ховард только что стал лучшим игроком по числу хоум-ранов в истории Америки. Ура!»

Дэвид смотрит на лес поднятых рук. На долю секунды он замечает краем глаза мяч, который крутится высоко над головой, в мозгу отдается рев толпы, стена из плоти, и пива, и попкорна надвигается, точно лавина, а мяч тем временем продолжает свой судьбоносный полет над трибунами правого поля и вниз – на общественную пристань.

И вот уже сорок одна тысяча болельщиков поворачивается к фан-зоне «Пасифик-Белл», а тысяча пар глаз в Маккови-Коув устремлена к сумеречным небесам в ожидании чуда.

Рональд видит крошечный белый метеорит из сыромятной кожи и не верит своему счастью, потому что мяч, словно намагниченный, летит прямо на него. Вытаращив глаза, Рональд тянется голыми руками к мячу с воплем:

– Я поймал его! Я поймал...

Но тут в него врезаются бывшая жена со своим бойфрендом – и вся троица падает за борт прямо в залив.

Прежде чем Рональд успевает выплыть на поверхность, человек десять уже ныряют в воду, а еще сотня перепрыгивает с лодки на лодку, чтобы присоединиться к ним. Буквально за тридцать секунд залив превращается в сплошную массу из орущих, барахтающихся, пихающихся людей, основная задача каждого из которых – утопить другого в тщетной борьбе за маленький белый бейсбольный мяч.

Рональд вертится под водой, точно жук в спущенном унитазе, правой рукой бывший моряк крепко сжимает драгоценный приз, легкие буквально вопиют, призывая поскорее вынырнуть, что сделать абсолютно невозможно, поскольку вся поверхность воды заполнена отчаянно дергающимися конечностями.

С трудом расчистив жизненное пространство, Рональд просовывает голову между захлебывающейся девушкой-подростком и

азиатом лет сорока. Рональд делает глоток воздуха с морской пеной и неожиданно слышит вопль своей бывшей жены, перекрывающий стоящий кругом гвалт.

– Он там! Спенсер, он поймал мяч, быстрее... – Она прыгает с палубы на голову бывшему мужу, а Спенсер впивается зубами в кулак Рональда.

И вот уже Рональд снова под водой, стук сердца глухо отдается в ушах, когда судьбоносный предмет грубо вырывают из сжатой ладони, а десятки рук цепляются за одежду, утаскивая на глубину. Рональду срочно нужно принять решение – или мяч, или жизнь, – потому что на сей раз Рональд действительно тонет.

Отчаяние дает Рональду прилив энергии, и он, ожесточенно работая кулаками, выбирается из свалки. Поскольку вынырнуть на поверхность не представляется возможным, ему приходится плыть под водой, измученные легкие уже готовы лопнуть, в глазах темно... Неожиданно он видит нечто белое, маячащее над головой.

Рональд с трудом подтягивается на алюминиевом трапе, хватая ртом живительный воздух. Все тело словно налито свинцом, мышцы болят от переизбытка молочной кислоты, и все же Рональд усилием воли поднимается на борт, после чего замертво падает на палубу.

Какое-то время он просто лежит, его грудь тяжело вздымается. Господи, как же я ненавижу эту женщину! Рональд Рёмхолд встает на колени и перегибается через транец, на чем свет костеря свою бывшую жену, но тут под плотной массой человеческих тел появляется бледно-зеленое сияние, которое постепенно вырисовывается в двенадцатифутовый капкан для медведя, наполненный кошмарными белыми зубами.

Рональд вскакивает на ноги и, затаив дыхание, наблюдает за тем, как жуткие челюсти поднимаются все выше, превращаясь в монструозную голову призрачной белой акулы-альбиноса. Только эта тварь куда крупнее большой белой акулы.

И вот уже Рональд вопит вместе с остальными – вопит и хихикает – при виде того, как его бывшая вместе с бойфрендом падает в разинутую пасть мегалодона. Тошнота подкатывает Рональду к горлу, когда на его глазах прожорливая пасть заглатывает полдюжины контуженных, обмякших людей. Он падает на колени, воссылая хвалу

Господу за то, что до сих пор жив. И черт с ними, с деньгами, и черт с ним, с катером, лишь бы целым и невредимым вернуться домой!

Дэвид с Маком смотрят на экран одновременно с толпой замороженных зрителей, которые, затаив дыхание, следят за тем, как Ангел, мотая чудовищной головой, расшвыривает в стороны лодки, топит каноэ, каяки и катамараны, чтобы расширить пространство для кормления.

– Боже милостивый... Это похоже на «шведский стол» из человечины. – Мак хватается Дэвида за руку. – Пошли отсюда!

Они рысью сбегают по проходу вниз и направляются к парковке, оставляя позади беснующуюся толпу, грохочущие вертолеты, победную музыку, по-прежнему льющуюся из многочисленных динамиков, и ошарашенного комиссара Главной лиги бейсбола, который в ужасе стоит в своей ложе, гадая про себя, можно ли объявить иннинг до того, как он станет официальным.

Глава 24

Пристань для маломерных судов Уэстпорта Грейс-Харбор, штат Вашингтон

Грейс-Харбор – это врезанный в северо-западное побережье штата Вашингтон большой залив, вход в который в зимнее время охраняют высокие волны, порывистый ветер и плотный туман. Названный в честь капитана Роберта Грея – мореплавателя и торговца из Бостона, открывшего этот водный объект, залив был колонизирован, когда его ошибочно приняли за вход в вожделенный Северо-Западный проход. В дальнейшем район стал процветающим торговым перевалочным узлом между Востоком и Западом, сделавшись важным источником древесины и целлюлозы.

В наше время залив обеспечивает девять тесно связанных между собой городов, где проживает 50 000 жителей, причем каждое лето местное население резко увеличивается за счет более чем двух миллионов туристов, приезжающих посмотреть здешние первозданные воды, живописное побережье и торговые зоны, расположенные у подножия гор Олимпик.

В Грейс-Харбор также находится самая большая в северо-западной части Атлантики пристань для маломерных судов Уэстпорта. Некогда судостроительная верфь сейчас является гаванью для океанских траулеров, занимающихся ловлей лосося и тунца, краболовных и чартерных судов, специализирующихся на глубоководной рыбалке. Здешние магазины, рестораны, музеи и океанариум обеспечивают круглогодичный приток посетителей.

Терри Тейлор, прихлебывая суп из моллюсков в местной закуской, наблюдает через окно за тем, как еще одно краболовное судно разгружает улов в краболовном доке. Прибытию в Уэстпорт четыре часа назад предшествовало изматывающее плавание на «Зодиак» по бурному Тихому океану в ненастную погоду и швартовка к брустверу из других судов. Высадившись в Калалокке, Терри бросила лодку и по лесной тропинке вышла к деревенской гостинице, расположенной на крутом океанском берегу. Горячий завтрак,

двухчасовая поездка на такси – и Терри, весьма довольная своим решением покинуть «Кейп Калверт», уже оказалась в Уэстпорте.

В закусочную входит коренастый мускулистый человек с коротким бобриком, его мощные предплечья украшены многочисленными татуировками. Оглядевшись по сторонам, он подходит к Терри:

– Вы миссис Тейлор?

– Да.

– Шон Джастус. Зовите меня Попай^[9]. «Морской мир» нанял меня транспортировать ваше животное.

– У вас есть прицеп с резервуаром?

– Припаркован сзади.

– Пошли, я покажу, куда ехать. – Терри платит по счету и выходит на улицу.

В конце пирса находится док с глубокой осадкой, над которым возвышается большой подъемный кран.

Шон кивает:

– Итак, кого мы транспортируем? Косатку? Серого кита?

– Типа того.

Бывший офицер Береговой охраны с подозрением смотрит на Терри:

– Послушайте, дамочка, хотите наводить тень на плетень – ваше личное дело. Но в любом случае животное должно быть накачано успокоительными. Эту фуру не так-то легко водить даже и без десяти тысяч галлонов морской воды.

– Животное будет под успокоительными.

– А вы организовали полицейское сопровождение?

– Да. Теперь могу я увидеть ваш транспорт?

Шон ведет Терри на парковку. Массивный автотягач с прицепом припаркован наискосок к дороге, двадцать шесть колес и усиленные амортизаторы поддерживают стальной резервуар высотой двадцать футов и длиной восемьдесят футов, который подсоединен к циркуляционному насосу, установленному на крыше кузова.

Четыре долговязых парня лет двадцати, прислонившись к тягачу, доедают ланч из фастфуда.

– Миссис Тейлор, познакомьтесь с моей командой. Эшли Дэвидсон, Джефф Граман и наши мальчики из Джорджии – Джош и

Кори.

– Мэм...

– Итак, миссис Тейлор, когда нам ждать это ваше таинственное животное?

– Полагаю, в течение ближайших нескольких часов.

Шон смотрит на часы:

– Джефф, отгони тягач в конец пирса и начинай наполнять морской водой.

– А какого размера рыба, которую мы повезем?

– Шестьдесят футов, вес примерно тридцать тонн.

Эшли присвистывает:

– Горбач или серый кит?

– Леди не говорит. Типа секрет.

– Животное будет под воздействием снотворного. Можете мне поверить, – успокаивает их Терри. – Встретимся в доке через пятнадцать минут. Мне нужно сделать один телефонный звонок.

Оставив Джоша с командой, Терри находит таксофон и звонит за счет абонента Дэвиду в дом своего отца.

Нет ответа.

Терри пробует дозвониться до института. Тишина.

Куда, черт возьми, он запропастился?!

Тихоокеанское прибрежное шоссе, Калифорния

Мак сворачивает с автострады 280 и едет на юг по Тихоокеанскому прибрежному шоссе:

– Ну, по крайней мере, теперь мы знаем, почему она не реагировала на барабанную дробь. Вопрос: как нам вернуть ее к побережью Монтерея?

– Нам нужен портативный тампер, – отвечает Дэвид. – Мы можем тянуть его за лодкой и заманить ее прямо в лагуну.

– Не в этой жизни. Достаточно и того дерьма, что случилось в лагуне. Не хочу оказаться в открытом океане наедине с нашим монстром. – Мак увеличивает громкость радио.

– ...Береговая охрана сообщает, что семь человек погибли, восемнадцать ранены, еще двоих увезли с сердечным приступом. Выпущено предупреждение для маломерных судов в районе бухты

Сан-Франциско и прилегающих районов. Между тем комиссар Главной лиги бейсбола Гаррет Пек объявил, что сегодняшняя игра между «Филлис» и «Джайентс» откладывается до понедельника. Игра начнется с четвертого иннинга. Повторяю еще раз для тех, кто только сейчас к нам присоединился. Зрители сегодняшней игры стали свидетелями нового достижения в истории бейсбола, когда Райан Ховард побил рекорд Барри Бондса по числу хоум-ранов, после чего игра была остановлена, когда сбежавшая акула-мегалодон по имени Ангел совершила жестокое нападение на лодки в Маккови...

Мак выключает радио:

– Восемнадцать лет от Ангела не было ни слуху ни духу, и вот теперь мегалодон появляется, словно из задницы дьявола. Когда начинается шоу твоего старика?

– В девять часов.

– Посмотрим шоу, а затем еще раз поищем в институте портативный тампер. Может, найдется другой способ заманить этого твоего мега домой.

*Пристань для маломерных судов Уэстпорта
Грейс-Харбор, штат Вашингтон*

Терри Тейлор сидит на деревянной скамье, наблюдая за тем, как последние лучи умирающего дня тают в черноте Тихого океана. Где-то там, вдалеке, «Кейп Калверт» тащит на буксире животное, которое, как надеется Терри, поможет спасти наследство отца.

Впервые с начала путешествия Терри задумывается о будущем своей семьи. *Что скажет Джонас, когда узнает, что мы поймали еще одного мега? Захочет ли он снова работать в институте? Может, будет лучше, если он откажется? Достаточно и того, что мне будет сложно постоянно работать бок о бок с Джошем. Хотя, если Джонас будет рядом, этот самонадеянный мелкий говнюк, возможно, отстанет. А если нет, я всегда смогу его уволить... Нет, тогда он вчинит мне иск или еще хуже – поставит под угрозу мой брак.*

Терри в отчаянии топает ногой, проклиная себя, что покинула Монтерей.

Она рассеянно обводит взглядом шумную толпу, собирающуюся перед входом в местный спорт-бар. *Должно быть, какая-то игра.*

Затем слышит дикие крики.

Терри направляется в бар, ускоряя шаг, так как крики становятся громче. Неожиданно она слышит имя, от которого у нее мурашки ползут по спине.

– Это Ангел! Монстр вернулся!

Терри протискивается поближе к одному из привинченных под потолком телеэкранов.

Ее измученный ум не в силах воспринять кадры замедленной съемки того, как Ангел пожирает упавших в залив людей. У Терри в голове происходит нечто вроде короткого замыкания, в глазах темнеет – и она теряет сознание.

На борту «Нептуна»

Ночной воздух буквально наэлектризован, съемочная группа напряженно ждет, стоя за камерами и мониторами, микрофонами и звуковым оборудованием, когда Мать-Природа начнет свое шоу. Капитан Робертсон велел поднять паруса и направить галеон по ветру, чтобы обеспечить быстрый отход.

Эрик и Сьюзен скрючились за мониторами, подсоединенными к трем подводным камерам на буях. Смазанное изображение прыгает из-за бурного моря.

Сьюзен качает головой:

– Камеры совершенно бесполезны. Меня начинает укачивать уже от одного вида этой треклятой картинки.

– Это лучшее, что мы могли сделать, – говорит Эрик. – Съемочная группа Эндрю отказывается выходить в океан.

– А как насчет самого Эндрю.

– Ни за какие коврижки. Но я могу найти другой способ получить классные снимки.

Сьюзен вопросительно поднимает брови:

– Я тебя внимательно слушаю.

– У меня есть соглашение с капитаном «Целаканта» о том, что он предоставит мне материалы подводной съемки финала.

– Интересно, и как он это сделает?

– Прости, не могу посвятить тебя в детали.

– Эрик...

Он глупо ухмыляется:

– Ладно-ладно. Я все равно не могу держать это в себе. У капитана есть один из этих подводных дронов, оснащенных подводной камерой. Если мег появится, капитан пообещал выпустить дрон и отснять нужные нам кадры.

– Фантастика! И кто наш таинственный капитан?

Улыбка сползает с лица Эрика при виде Дани, выходящей из-за грот-мачты.

– Эрик, тебе задали вопрос. Кто этот капитан и что ему нужно от моего отца?

– Дани, Богом клянусь, понятия не имею! Лучше спроси своего отца.

– Я бы с удовольствием, но он так и не вернулся с «Целаканта». Капитан Робертсон попытался связаться с яхтой. Они не отвечают. Эрик, что с ним случилось?

– Без понятия. Я телепродюсер, а не гадалка.

– Ты лжешь! – Дани придвигается поближе и шепчет: – Если хоть один волос упадет с головы моего отца, я тебя убью!

Дани разворачивается и идет на корму, не обращая внимания на шепотки полураздетых девиц, кучкующихся неподалеку. Пройдя мимо бизань-мачты, Дани останавливается посмотреть, как Шарлотта Локхарт берет интервью у Ферджи и Майка Коффи.

– Ферджи, насколько я понимаю, ты начинаешь первым. Не мог бы ты рассказать нам о своем трюке?

– Шарлотта, любимая, я могу сказать тебе только одно: там, внизу, я буду куда в большей опасности, чем Майк здесь. Я залезу на тушу кита, оставшись один на один с этим монстром. И одному Богу известно, удастся ли мне выжить.

– А как ты доберешься до туши? Вплавь?

– Господи, конечно же нет! Я еще не настолько свихнулся. Один из моих отважных товарищей по команде отвезет меня на гидроцикле. – Ферджи смотрит на часы. – Ну все, мне пора.

Дани проходит на корму и незаметно проскальзывает в каюту Эрика.

Дженни Арнос в мокром гидрокостюме вертится перед зеркалом:

– Так-так-так, неужели это наша маленькая несостоявшаяся Сорвиголова? А скажи-ка мне, малявка, когда ты решила плыть с нами, то, небось, рассчитывала на круиз на любовной лодке?

Дани подходит к книжной полке и проводит рукой по корешку Библии «Гидеоновых братьев» в твердом переплете.

Дженни тем временем продолжает накладывать тени:

– Бедная наивная школьница. Спорим, ты надеялась, что Ферджи сделает тебе предложение? Извини, что пришлось тебя разочаровать.

– На самом деле я согласилась на это плавание, чтобы хорошо провести время со своим отцом. – Взяв Библию обеими руками, Дани обрушивает тяжелую книгу на голову соперницы, начисто вырубив ее.

Камеры начинают крутиться, когда Ферджи спускается по грузовой сети к ожидающему его гидроциклу. Под мышкой у Ферджи вейкборд и ботинки, на спине холщовый мешок со снаряжением. Повернувшись к камерам, Ферджи кричит:

– Давай, Джели Дженни! Нельзя заставлять Природу ждать!

Женщина-Сорвиголова спускается к ожидающему их гидроциклу, заняв место пилота.

– Дани? Дани, что ты тут делаешь? А где Дженни?

– У нее голова разболелась. Я вместо нее.

И, не дав Ферджи возразить, Дани включает мотор и несется к мертвому кашалоту.

На борту «Целаканта»

Сатоси ведет Джонаса Тейлора на верхнюю палубу, где их ждет Майкл Марен, который, сидя со своей подругой за обеденным столом, доедает коктейль из креветок.

У Джонаса рот наполняется слюной. Он не ел уже двадцать часов.

– Прости, Тейлор. Я бы с удовольствием пригласил тебя отобедать с нами, но нельзя отпрапляться плавать сразу после еды, а мы не имеем права задерживать шоу.

– Конечно нет. – Джонас замечает свисающий с шеи толстяка бинокль ночного видения «Найтхок 2.8 ¥ 53». – Итак, где сейчас твой монстр?

Марен проглатывает остатки коктейля, затем поворачивает к Джонасу экран своего ноутбука. На экране видна поднимающаяся с глубины синяя точка, за которой следует красная точка.

– Он пока на глубине, но быстро поднимается. Аль Капоне явно проголодался.

– Тогда на твоём месте я бы воздержался лезть в воду. Мегалодоны обожают морских слонов.

Злобно прищурившись, Марен выдавливает кривую улыбку:

– Как приятно видеть вас снова, профессор Тейлор. Передавай привет Селесте, когда встретитесь.

– Возможно, ты увидишь ее раньше.

Схватив Джонаса за запястье и промежность, Сатоси бросает его за борт.

Джонас плюхается в черную воду Тихого океана. От сильного удара и внезапной волны холода у него перехватывает дыхание. Он устремляется к поверхности, стараясь не обращать внимания на резкую боль в грудной клетке.

Он задирает голову вверх. Марен с Сатоси машут ему с верхней палубы.

Забудь о них. Придерживайся своего плана. Вглядевшись в темный горизонт, Джонас находит «Нептун», от которого его отделяет добрая миля неприветливого моря и волны высотой четыре-пять футов.

Джонас погружает голову в воду и пытается плыть брассом, но покрытые синяками ребра не позволяют развести руки. Тогда он решает плыть на боку. Кожа горит огнем, мысли путаются от одного осознания того, что через несколько секунд его съедят живьем.

Вейн Фергюсон крепко держит Дани за талию. Девушка смело разрезает гидроциклом волны, ее белокурые волосы развеваются на ветру.

Даниэлла Тейлор чувствует, как на смену страху приходит ненависть. Ее подташнивает от прикосновений человека, который стал ей противен. Она ненавидит Джеди Дженни и остальных Сорвиголов, презирает их легион шлюх и желает продюсерам мучительной смерти.

Но больше всего Дани ненавидит себя. Ненавидит за то, что дала волю тщеславию, позволила собой манипулировать, а еще за то, что

пыталась соответствовать этим людям. В результате ее самооценка резко упала, она утратила целеполагание и теперь в глубине души надеялась умереть сегодня ночью, чтобы преподать им всем хороший урок.

Она видит плавучий остров китового мяса и жира в окружении моря спинных плавников. Присутствие акул только разжигает костер ненависти Дани, и она начинает резко лавировать, переезжая этих бездушных тварей, после чего направляет гидроцикл на спину кита.

Остановив гидроцикл, Дани высвобождается из мужских объятий, резко поворачивается и, глядя Ферджи прямо в глаза, говорит:

– Выметайся!

– Дани...

– Живо!

Ферджи, ошарашенный и одновременно растроганный тем, что Дани буквально на глазах повзрослела, слезает с гидроцикла:

– Дани, я знаю, ты сейчас злишься, словно разрубленная пополам змея, но побудь со мной еще немного. Ведь в том, что произошло, есть и твоя вина тоже. Ты стала слишком серьезно все воспринимать. – (Не обращая внимания на Ферджи, Дани слезает с гидроцикла и сталкивает его носом обратно в воду.) – Послушай, я вполне могу сегодня погибнуть. Давай не будем ссориться.

– Это твоя жизнь, Вейн. Если ты хочешь пустить ее коту под хвост, дело твое. Кто я такая, чтобы тебя останавливать?!

Дани заводит гидроцикл, прибавляет газу и на большой скорости устремляется к суперяхте.

Джонас останавливается, чтобы оглянуться. Яхта осталась примерно в ста шестидесяти ярдах позади. Но Марен явно наблюдает за ним в бинокль, направляя «барракуду» по его следу.

Джонас делает глубокий вдох и, дождавшись пятифутового вала, подныривает под волну, после чего делает отчаянный рывок и продолжает плыть, но уже не на север, а на юг. Подгадав время подъема на поверхность, он выныривает у подошвы очередной обрушившейся волны, жадно глотает воздух и снова ныряет на глубину, продолжая плыть параллельно «Целаканту».

Майкл Марен ложится в шезлонг, нацелив бинокль на движущийся вдоль поверхности объект.

– Элисон, где сейчас Аль Капоне?

– На глубине две тысячи шестьсот футов.

– Когда «барракуда» достигнет отметки ста футов, выровняй ее и заставь кружить вокруг Тейлора. Хочу немного попугать его перед смертью.

– Ты просто больной.

– Око за око, Эли. Я долго ждал этой минуты.

– Тейлор не убивал Селесту. Ее убила Ангел.

– Поэтому я делаю в точности то же самое, что он восемнадцать лет назад.

– Нет, ты точно больной.

Марен снова направляет бинокль на море. Внимательно сканирует поверхность воды и внезапно садится:

– Проклятье, куда он делся?!

У Джонаса горят ноги от переизбытка молочной кислоты, грудь теснит из-за недостатка воздуха, и все же он продолжает плыть под водой, его сжимаемый тисками страха мозг соотносит число гребков с периодом волн.

Двадцать два... Двадцать три... Двадцать четыре... Пора!

Джонас всплывает, его голова пробивает поверхность моря за несколько секунд до обрушения очередной волны.

Он бросает быстрый взгляд на яхту – проверить, насколько ему удалось оторваться.

Нырнув под воду, Джонас в очередной раз меняет курс, причем на сей раз он возвращается к «Целаканту».

Марен, Сатоси и еще два члена экипажа стоят у леера верхней палубы, вглядываясь в поверхность Тихого океана через бинокли ночного видения.

– Тысяча четыреста футов. Теперь он поднимается куда быстрее. Наверное, учуял вонь от дохлого кита.

– Элисон, скоррелируй подъем «барракуды». И пока мы не найдем Тейлора, держи Аль Капоне подальше от кита.

– Может, он утонуть, – говорит на ломаном английском Сатоси. – Ты бил его много раз.

– Нет, он не утонул. Он явно что-то задумал. Продолжайте обшаривать океан.

– Ой-ей-ей! Похоже, у нас гости. – Один из членов экипажа машет рукой в сторону правого борта.

В полумиле от яхты появляется гидроцикл.

Марен наводит бинокль на водителя. Узнает его по длинным светлым волосам:

– Это дочь Тейлора. Сатоси, ты утопил его «Зодиак», как я тебе приказал?

– Да.

– Вы трое ищите Тейлора. А я пойду поздороваюсь с его дочерью.

Поравнявшись с корпусом стройной суперяхты, Дани сбрасывает скорость.

Внезапно ее ослепляет вспыхнувший прожектор. Из мегафона доносится мужской голос:

– «Целакант» является запретной зоной. Что вам нужно?

Дани щурится, но никого не видит:

– Я ищу своего отца Джонаса Тейлора. Он поднялся на борт вашего судна. Мне нужно с ним поговорить.

– Профессор Тейлор отбыл много часов назад.

– Что? – У Дани екает сердце. – Но он так и не вернулся на корабль.

– В таком случае вам следует связаться с Береговой охраной. Возвращайтесь на «Нептун», прежде чем вернется мегалодон.

Он явно лжет.

– Но уже темно. И мне страшно. Я боюсь столкнуться с этим монстром. Пожалуйста, разрешите мне подняться на борт.

Длинная пауза.

– Очень хорошо. Поднимайтесь на корму, я спущу плавучую платформу.

Закончив собирать снаряжение, Ферджи встает на колени на брюхе мертвого кашалота, нагонные волны то и дело захлестывают раздувшуюся тушу. «Нептун» дрейфует в шестидесяти ярдах от него,

два мощных прожектора освещают остров из китового жира. Ферджи представляет, как его изображение сейчас передается сотням миллионов зрителей по всему миру, многие из которых с нетерпением ждут смерти героя.

Простите, что приходится вас разочаровывать, но сегодня – мой звездный час.

Ферджи заканчивает установку последнего элемента, после чего надевает ремни кайтборда. Просовывает ноги в ботинки с открытым носом, но воздушного змея пока не запускает.

О'кей, мой Господь, похоже, мы снова остались с Тобой наедине. Скажи, когда будешь готов. Ферджи обводит глазами поверхность моря в ожидании призрачного сияния.

Его тело пронизывает дрожь, когда он понимает, что все акулы внезапно исчезли.

Джонас выплывает на поверхность, прикидывая расстояние до «Целаканта». Теперь он уже в пятидесяти ярдах от спасательной шлюпки, пришвартованной к корме яхты. Собравшись было поднырнуть под очередной вал, Джонас внезапно слышит рев гидроцикла.

Он поднимается на гребень волны, чтобы получше разглядеть нежданного гостя.

Дани?

Марен, стоя на корме, ведет переговоры по рации, пока плавучая платформа спускается на воду:

– Элисон, какое расстояние?

– Кружит на глубине двухсот футов.

– Прикажи Сатоси с его людьми вести поиск ближе к судну. –

Марен машет рукой Дани, забравшейся на платформу.

Внезапно лампочка на рации начинает мигать.

– Майкл, мы его засекли. Он в пятидесяти ярдах от кормы.

Марен довольно улыбается:

– Включите двигатели. Передвиньтесь на два километра на юг, а затем запускайте «барракуду».

Дани останавливает гидроцикл и залезает на стальную платформу. Поймав свободный конец гайдропа, она пристегивает карабин к металлическому ограждению... но внезапно мощные двигатели яхты оживают, и платформу относит в сторону. Прежде чем Дани успевает среагировать, яхта прыгает вперед, таща за собой в кильватерной волне платформу с гидроциклом.

– Дани!

Она оборачивается. Вглядывается в темноту:

– Папа?!

У Джонаса опускается сердце, когда «Целагант» начинает движение, но рев моторов неожиданно стихает, сменившись странным пульсирующим пронзительным воем.

Джонас улавливает какое-то движение. Маленький металлический спинной плавник разрезает поверхность в пяти футах от него, красный механический глаз «барракуды», кружащей вокруг Джонаса, записывает его изображение.

Посмотрев вниз, Джонас видит призрачное свечение.

Самец мегалодона кружит в шестидесяти футах от поверхности океана, пытаясь отсеять концентрические электрические импульсы «барракуды» от едва заметного биения сердца находящейся в воде жизненной формы.

Через несколько секунд сигнал «барракуды» резко обрывается, позволяя хищнику почувствовать свою жертву.

Пятидесятивосьмифутовый доисторический убийца устремляется вверх, разинув покрытую шрамами пасть, чтобы проглотить очередную жертву.

Кожа горит, точно наэлектризованная, сердце и грудь сжимает какая-то неведомая сила, парализующая мышцы и голосовые связки. Джонас видит, как светящаяся желто-зеленая полоска становится ярче, принимая очертания разинутой пасти.

Нет... нет... нет!

Джонас ныряет навстречу акуле, внезапный прилив адреналина наполняет энергией каждую клеточку тела. Крепко-накрепко обхватив ногами кончик конического рыла, Джонас с отчаянно бьющимся

сердцем слепо шарит руками в поисках чего-нибудь, за что можно было бы ухватиться.

Голова мегалодона продолжает подниматься, верхняя челюсть, словно на шарнирах, выдвигается вперед, отделяясь от черепа. Монстр пытается достать жертву нижним рядом острых треугольных зубов.

Джонас, уже на грани беспомощности, засовывает кулаки в чудовищные ноздри размером с грейпфрут, по локоть погружая их в носовые проходы и одновременно продолжая стискивать ногами верхнюю челюсть меча. Разъяренный мегалодон бешено мотает головой, точно дикая лошадь, пытаясь сбросить с верхней губы вцепившегося в него лилипута.

Оседлав 29-тонную машину для убийств, Джонас еще крепче сжимает коленями похожую на наждачную бумагу шкуру, захватывая пальцами внутреннюю поверхность ноздрей меча.

Дани видит, как голова меча взрывает поверхность, на кончике его рыла распростерлась маленькая черная фигурка.

– Боже мой!..

Тем временем платформу относит в сторону за яхтой. Дани буквально на пределе сил отстегивает гайдроп от плавучей платформы, сталкивает гидроцикл в воду и ныряет вслед за ним.

Джонас крепко зажмуривается, его ноги беспорядочно дергаются, словно в пляске святого Витта, вместе с гигантской головой, яростно мотающей то вперед, то назад. Каждый новый рывок обезумевшего животного отзывается в теле Джонаса невыносимой болью.

Не в силах больше терпеть адские мучения Джонас вытаскивает руки из ноздрей меча, после чего тотчас же падает в вязкую черноту.

Тихий океан, вздыбившись, проглатывает Джонаса и душил в своих объятиях.

Ветер хлещет Дани в лицо, волны терзают амортизаторы гидроцикла, мчащегося прямо на монстра.

Дани с ужасом видит, как отец пролетает по воздуху.

Мегалодон уходит на глубину.

Он нападет снизу и проглотит папу. Нужно опередить эту тварь.

Дрожа от нервного возбуждения, девушка направляет гидроцикл на звук всплеска. И видит плавающее лицом вниз тело.

– Папа?

Не дожидаясь ответа, Дани наклоняется, хватая отца за запястье...

И в этот момент вода под ними озаряется зеленым сиянием.

Давай!

Дани вонзает ногти в холодное запястье отца и резко прибавляет скорость. Гидроцикл тащит за собой по волнам безжизненное тело.

Закатив глаза, мегалодон выскакивает из воды, его челюсти хватают морскую воду и пену.

Но тут рука Джонаса выскользывает из пальцев Дани, его обмякшее тело падает обратно в море.

Дани закладывает крутой вираж, снова находит отца, тянется к нему обеими руками, хватая за футболку, на чистом адреналине вытаскивает его из воды и бросает на сиденье гидроцикла.

– Проклятье! – Марен ударяет тростью по фальшборту, трость разлетается. – Элисон, пошли «барракуду» за гидроциклом.

– Нет! – Элисон отталкивает от себя лэптоп. – Если хочешь совершить убийство, то делай все сам.

Отпихнув Элисон в сторону, Марен садится за клавиатуру. И с помощью миниатюрного джойстика посылает дрон за Джонасом и его дочерью.

Дани одной рукой нажимает на курок газа, другой – удерживает отца за пояс. «Нептун» по-прежнему в полумиле от них, но Дани не решается идти на полной скорости, опасаясь, что волны смоят отца с сиденья.

Повернувшись, она видит белый спинной плавник, идущий в кильватере гидроцикла.

Забудь о «Нептуне», двигай прямо к киту.

Ферджи, балансируя на брюхе шестидесятифутовой туши, смотрит на приближающийся гидроцикл.

Какого черта она... Ой, нет!..

– Оглянись! Дани, нет! Не делай этого!

Гидроцикл перепрыгивает через пятифутовый гребень и, взлетев на воздух, врезается в гору китового жира. От мощного удара мотор разлетается, а лыжи складываются гармошкой.

В результате силы инерции Дани и Джонас перелетают через руль. Дани шлепается на скрытый под водой китовый жир и, соскользнув вниз, оказывается в море.

Всплыв через несколько секунд, она стряхивает ошметки разложившейся ткани, затем карабкается на мертвого кита.

– Папа? – Обнаружив отца, она ковыляет по щиколотку в воде по огромной прямоугольной голове кашалота, переворачивает бесчувственное тело на спину. Проверяет пульс. Трясет отца, пока тот не начинает шевелиться. – Папа, очнись!

Джонас открывает глаза, морщась от боли:

– Неужели я все еще жив?

– В настоящий момент да.

Джонас с трудом садится и подхватывает Дани, которая, не удержавшись, падает к нему на колени, поскольку мегалодон неожиданно впивается зазубренными зубами в хвостовой плавник мертвого кашалота и, остервенело мотая головой, вырывает здоровенный шмат жира. Отца и дочь накрывают четырехфутовые кровавые волны. Ферджи пробирается к ним по качающейся под ногами туше:

– Вы оба спятили, да? Живо слезайте с кита, пока он снова не перевернулся и вас не сбросил.

– Ну а что ты собираешься делать?

– Закончить свой трюк. Может, удастся увести мега прочь. – Ферджи поворачивается к Джонасу. – Эй, приятель, не держи на меня зла! Я все видел своими глазами... Ты проявил себя как настоящий Сорвиголова.

– Заткнись! Лучше постарайся привести подмогу.

– Ладно. – Дернув за стальной трос, Ферджи запускает канареечно-желтого воздушного змея овальной формы.

Порыв ветра уносит змея высоко в небо, натягивая семьдесят футов троса, прикрепленного к поясному ремню Ферджи.

– Йо-хо-хо! – Ферджи скользит на кайтборде по мертвому кашалоту, затем с силой дергает за контрольную планку и

перепрыгивает через мегалодона. Попутный ветер уносит австралийца вверх на тридцать футов.

Лучи прожекторов «Нептуна» пронзают тьму, освещая дорогу смельчаку; экипаж галеона бешено аплодирует.

Мегалодон прерывает трапезу и исчезает.

Внезапно мертвый кит, словно ожив, начинает колыхаться. И, перекатившись, точно бревно, под ногами у Джонаса с Дани, скидывает их в океан.

– Папа?

– Я здесь.

Дани подплывает к отцу, он прижимает ее к себе, и они скрючиваются за уцелевшим мясистым боком кита.

Ферджи отпускает контрольную планку, позволив кайтборду опуститься пониже. Кайт, подгоняемый ветром, тянет Ферджи над самой водой, но австралиец отлично знает, что в любой момент может рвануть высоко в небо. Ферджи направляется к «Нептуну» – скатывается по волне, перепрыгивает через другую, после чего снова взмывает ввысь.

Посмотрев вниз, он видит светящуюся шкуру монстра на фоне ярко-зеленого моря.

Мегалодон боком поднимается на поверхность. Холодные серо-голубые глаза неотрывно следят за ускользающей добычей.

– Что случилось, малыш? Не можешь поймать Супермена?

Мегалодон снова уходит на глубину.

Ветер внезапно стихает.

Вот засада!

Ферджи движется по дуге в сторону моря, касается поверхности воды, с силой дергает за контрольную планку, пытаясь набрать высоту, между тем шестое чувство подсказывает ему, что именно предпримет сейчас скрывшийся под водой монстр.

Ну давай же, сволочь! Поднимайся выше!

Ветер подхватывает кайт, унося Ферджи в ночь как раз в тот момент, когда прямо под ним над поверхностью возникает верхняя часть туловища мегалодона. *Ну давай же, давай!* Ферджи прижимает колени к груди, чувствуя, как рыло мегалодона касается нижней стороны доски.

Однако сила притяжения делает свое дело – и монстр падает обратно в воду. Под одобрительный свист экипажа «Нептуна» Ферджи проезжается на доске прямо по мерзкому рылу.

Коффи, ну что, слабо тебе меня переплюнуть?!

Дани с отцом остаются в воде, прячась за уцелевшим грудным плавником кашалота. Джонас чувствует, как дочь дрожит мелкой дрожью от ужаса.

– Дорогая, я знаю, что ты боишься, но старайся не делать резких движений. Просто прижмись к плавнику и держись. Главное – это спокойствие.

– Хорошо. – У Дани уже зуб на зуб не попадает. – Папа, посмотри... «Нептун»...

Джонас поворачивается.

Испанский галеон плывет прямо на них.

Не обращая внимания на угрозы и проклятия продюсера, капитан Робертсон разворачивает корабль, нацелив его нос прямо на тушу кита:

– Эндрю, ты их видишь?

Эндрю Фокс перегибается через леер правого борта:

– Прямо по курсу, капитан.

Эван Стюарт и Мия Дуранте уже спустились по грузовой сети и, уцепившись за нижнюю перекладину, тянут руки к отцу с дочерью.

«Нептун» бороздит океан, взбивая носом пену.

– Готовься! – Джонас обнимает Дани за талию. – Вперед!

Оттолкнувшись от грудного плавника мертвого кита, отец с дочерью прыгают навстречу протянутой руке Эвана Стюарта.

Джонас промахивается, отскочив от борта «Нептуна», и попадает в водоворот движущегося судна. Его начинает засасывать под днище, но Мия ловит Дани за руку, подтягивая обоих к грузовой сети.

Ухватившись за перекладину, Джонас справляется с яростным потоком. Чьи-то руки тянут его вверх, и вот он уже лежит, вконец обессиленный, рядом с дочерью, которая судорожно ловит открытым ртом воздух, на главной палубе.

– Дани... Ты в порядке?

Она молча кивает.

Джонас нежно сжимает ее руку:

– Я горжусь тобой. Ты сегодня реально спасла мою старую задницу.

Дани улыбается, но тут ее начинает выворачивать наизнанку, после чего вся ее бравада сразу куда-то девается.

Ферджи кружит на высоте пятнадцати футов над плавающей в океане тушей. Оглянувшись назад, он с изумлением обнаруживает, что «Нептун» удаляется. Сместив центр тяжести, Ферджи делает поворот на девяносто градусов и после приземления пускается вдогонку судну, скользя на доске по волнам.

Капитан Робертсон меняет курс, и «Нептун», который теперь плывет против ветра, замедляет ход.

Ферджи седлает очередную волну, после чего дергает за контрольную планку...

И в тот самый момент кайт, подхваченный мощным восходящим потоком, резко набирает высоту.

На секунду австралиец теряет контроль и взмывает над задней мачтой с латинским вооружением. Пытаясь преодолеть сопротивление ветра, Ферджи смотрит вниз, на товарищей по команде, которые радостно машут ему с кормы, и замечает ярко-зеленую полосу моря, словно прилепившуюся к правому борту испанского галеона.

Ферджи дергает за трапецию. Кайт врезается в верхнюю рею грот-мачты. Потеряв ветер, австралиец падает вниз – морская птица с подбитым крылом...

Тем временем мегалодон вновь возникает из воды, его голова, словно торпеда, нацелена на Ферджи, а челюсти широко раскрыты, чтобы не промахнуться и не упустить желанную добычу.

Время в очередной раз останавливается. Стук сердца, накачанного адреналином, эхом отдается в голове Ферджи. Он будто застревает в вакууме, падая ногами вперед в разинутую пасть монстра.

На принятие решения остается буквально доля секунды...

Сорвиголова поджимает колени к животу и, увернувшись от острых зубов, ныряет в чудовищную пасть шириной десять футов – прямо в удушающую тьму.

Ферджи слепо цепляется за сокращающиеся внутренние стенки глотки, крик застревает в горле, глаза отказываются видеть, а мозг –

решать дилемму. Австралиец катится по осклизлой наклонной плоскости, вокруг такая невыносимая вонь, что он начинает захлебываться собственными рвотными массами.

Головокружительный прыжок – и мегалодон падает обратно в море, морская вода наполняет гробницу Ферджи, подхватывая его, словно бурная река – соломинку, и проталкивая его головой вперед через жаберную щель!

Ферджи хватается за спасительный кожный лоскут – и оказывается на свободе, совсем как новорожденный после последней родовой схватки. Перевернувшись, он устремляется к поверхности, хвостовой плавник меча скользит мимо него.

Сорвиголова выныривает на поверхность, вдыхает потрясающий ночной воздух, приветствуя победным кличем своих потрясенных почитателей, беснующихся и вопящих от радости на главной палубе «Нептуна».

Подплыв к кораблю, Ферджи хватается за перекладину и взбирается по грузовой сети, совсем как Тарзан. Затем останавливается, чтобы попозировать перед камерой, у него в мозгу такой мощный приток эндорфинов, что он не в силах сдержать бьющего через край злорадного ликования:

– Хрен тебе, Майк Коффи! Хрен тебе, Джонас Тейлор! Теперь я король мира, вы меня слышите? Я король...

Мегалодон грациозно поднимается из воды у корпуса правого борта, чудовищные зубы отрывают Вейна Фергюсона от грузовой сети, чавкающие челюсти перемалывают тело задиристого австралийца в кровавое месиво.

Глава 25

Залив Монтерей, Калифорния

Мак подъезжает к дому Масао Танаки только после восьми вечера. Проехав по вымощенной булыжником дорожке и миновав крытые ворота, он останавливает машину.

Дэвид открывает дверь и заглядывает в покрытое бусинками пота бледное лицо своего крестного:

– Дядя Мак, ты в порядке?

– Я отлично. Похоже, у меня легкий грипп. Ничего страшного. Ладно, ступай, я скоро вернусь.

– А ты куда? – Дэвид смотрит на трясущиеся руки Мака. – В бар, да?

– Просто выходи из машины и не задавай лишних вопросов.

– Нет.

– Послушай, малыш. Я здесь старший. Ты должен меня слушаться. – (Дэвид достает сотовый и набирает номер.) – Что ты делаешь? Интересно, кому это ты звонишь?

– В реабилитационный центр.

– А ну-ка отдай! – Мак выхватывает у Дэвида телефон, который внезапно оживает. Сердито зыркнув на крестника, Мак отвечает: – Вам чего?

И слышит истерический голос Терри:

– Кто это? А где Дэвид?

– На, держи. – Мак выкидывает сотовый из открытой двери автомобиля прямо на траву. – Советую поднять. Это твоя мама.

Дэвид выпрыгивает из машины.

Мак разворачивается и уезжает.

– Дядя Мак! Вот дерьмо! – Дэвид поднимает сотовый. – Алло?

– Дэвид, где ты был?! Я весь вечер пыталась до тебя дозвониться.

– Ангел вернулась.

– Я знаю. Только что видела новости. Ворота в канал функционируют?

– Только при ручном управлении. Но мне не заманить ее обратно в лагуну без портативного тампера.

– Он у меня.

– У тебя? А зачем? Ты тоже гоняешься за Ангелом?

– Нет. Мне следовало сказать тебе об этом раньше. Есть еще один мег. Большой самец.

– Ты о том, которого целый день рекламировали в шоу «Сорвиголовы»?

– Что?

– Это просто дурацкая промоакция. Алло?

– Дэвид, нет. Здесь еще один мег. Он кормился у побережья острова Ванкувер. Мы его поймали. Это и был тот сюрприз, о котором я тебе говорила. – (Дэвид внезапно чувствует, как кровь отливает от лица.) – Дэвид?

– Мама, я не могу запустить двух мегалодонов в одну лагуну. Ты ведь понимаешь, да? Это то же самое, как запустить двух бета-самцов в один аквариум.

– Понимаю. Но я не знала, что Ангел вернулась.

– Все так, как и предсказывал дедушка. Кстати, откуда взялся этот самец? Из впадины?

– Бог его знает. Впрочем, какая разница?! Я не хочу, чтобы ты...

– Мама, просто держи этого самца подальше от лагуны. И верни назад тампер! – Дэвид разъединяется и набирает справочную службу. – Алло, мне нужен номер в Южной Калифорнии. Реабилитационный центр по лечению наркотической и алкогольной зависимости. Тот, что в Уотсонвилле.

На борту «Нептуна»

Истерика по поводу произошедшего понемногу улеглась.

Мия Дуранте обнимает всхлипывающую у нее на плече Дженни Арнос. Майкл Коффи спускается вниз распить бутылку «Джека Дэниэлса» с Эваном Стюартом, и оба клянутся по крайней мере на год забыть о трюках. Куколки, разбившись на пары, рыдают на камеру, а затем с мрачным видом возвращаются к себе в кубрик, чтобы пропустить по стаканчику и успокоить нервы. Остальные члены

съемочной группы и экипажа, все еще под впечатлением от увиденного, небольшими группами толкуются на палубе.

Капитан Робертсон поворачивает «Нептун» на подветренную сторону, уводя его подальше от места ночной трагедии. Испанский галеон, преодолевая буруны, кряхтит и скрипит; наполненные ветром паруса толкают корабль на север.

Даниэлла Тейлор непрерывно что-то бормочет и сердито кричит. События последних двух часов расшатали неокрепшую психику девушки. Джонасу приходится нести ее в лазарет, где судовой врач вкалывает ей седативное средство.

Эрик Холландер, дрожа от перевозбуждения, крадется вместе со Сьюзен Феррарис в помещение для обработки отснятых кадров и запирает за собой дверь.

– Господи Иисусе, это самый потрясающий... самый жуткий материал из всех, что когда-либо удалось отснять! Ты согласна?

– Несомненно! Боже мой, меня до сих пор колотит!

– Я велел выпускающей группе быть здесь через двадцать минут, чтобы начать редактировать. У нас будет два часа до отправки материала в Лос-Анджелес.

– А с дополнительными кадрами съемки Джонаса с дочерью мы сможем закончить сегодняшней эпизод картинкой, как Ферджи пролетает над судном. Это будет убойный клиффхэнгер!^[10]

Эрик меряет шагами комнату, он настолько взвинчен, что не способен усидеть на месте.

– Рейтинги будут зашкаливать. Блин, никак не могу успокоиться. Выпить хочешь?

– А то!

Порывшись в ящиках письменного стола, Эрик извлекает бутылку скотча и бумажные стаканчики, после чего наливает себе и Сьюзен по двойной порции:

– За Ферджи! – Сьюзен осушает стаканчик. – Черт!.. Налей еще.

Бабах!

Оглушительный удар в днище сотрясает испанский галеон от киля до мачт, съемочное оборудование лавиной обрушивается с полка.

Эрик роняет бутылку, они со Сьюзен смотрят друг на друга расширенными от ужаса глазами, совсем как пассажиры терпящего бедствие самолета.

– Что, черт возьми, это было?!

– Ты прекрасно знаешь, что это было. Быстро за мной! – Пулей вылетев из каюты, Эрик взлетает по трапу на главную палубу. Сьюзен едва поспевает следом.

Человек десять членов съемочной группы и экипажа уже успели подняться наверх и теперь с тревогой вглядываются в беспокойные чернильные воды.

И вот она появляется – люминесцирующая в лунном свете сине-зеленая стрела. Стремительно прочерчивая поверхность, она направляется прямо к «Нептуну».

– Твою мать! Он возвращается... Держитесь!

Вопли ужаса оглашают ночной воздух, когда мегалодон врезается головой в правый борт. Корабль угрожающе дребезжит, пассажиры как подкошенные падают на палубу.

Капитан Робертсон хватается за штурвал, но неожиданно слышит звук наподобие пушечного выстрела, затем тошнотворный треск.

– Берегись! Очистить палубу!

Грот-мачта раскалывается посередине, угрожая в любой момент обрушиться. Крюйс-брамсель и марсель медленно закручиваются в спутанных канатах, после чего мачта не выдерживает тяжести собственного веса и падает на леерное ограждение левого борта.

Пассажиров охватывает паника. Капитан Робертсон приказывает разойтись по каютам, но его команд никто не слушает.

На палубу поднимается один из моряков, его одежда ниже груди насквозь мокрая.

– Дело плохо, кэп. В результате последней атаки у нас пробоина в трюме. Мы пытаемся задраить нижнюю палубу, но она слишком быстро зачерпывает воду.

– Сколько мы сможем продержаться?

– Если задраим трюм, то несколько часов. Если нет, то через пятнадцать минут пойдем ко дну.

Эти новости вызывают очередную волну паники.

– Спокойно! Я хочу, чтобы все надели спасательные жилеты и через десять минут собрались на палубе. Мистер Беркович, приготовьтесь спустить на воду спасательные шлюпки. Брать с собой личные вещи категорически запрещается.

– Есть, сэр!

– Мистер Лавак, вы отправили сигнал бедствия Береговой охране Палау?

– Так точно, сэр! Но они пока не ответили. Наша самопальная антенна никуда не годится.

– Где Холландер?

– Я здесь, капитан.

– Свяжитесь с яхтой. Нам нужна их помощь.

– Я... э-э-э... попробую.

– Держитесь, он возвращается.

Пассажиры, затаив дыхание, смотрят на светящуюся в черной воде изумрудную прожилку, которая тянется к бимсу правого борта.

Джонас Тейлор протискивается вперед:

– Капитан, он не выносит яркого света. Врубите бортовые огни. Может, удастся его отпугнуть.

Робертсон отдает распоряжение по рации:

– Джексон, срочно включить подводные огни!

Вокруг корпуса судна возникает желтоватое сияние.

Мегалодон приближается на расстояние ста футов к «Нептуну», но затем резко меняет направление и уходит на глубину.

Пассажиры, облегченно выдохнув, оглашают палубу радостными криками.

– Хорошо, Тейлор. Вы позволили нам выиграть несколько минут. И что теперь?

– При сильном волнении сенсорная система мег принимает реверберации «Нептуна» за звуки, которые издает раненый кит. Мег не успокоится, пока не потопит нас.

– Чего при таких темпах недолго осталось ждать.

– Вы послали сигнал SOS Береговой охране Палау?

– Нет. Антенна вышла из строя. Наш единственный шанс – продержаться на воде до рассвета, а затем дать сигнал яхте, чтобы она пришла нам на помощь.

– На вашем месте я бы на это особо не рассчитывал. – Схватив Эрика Холландера под руку, Джонас вытягивает его вперед. – В том, что мег преследует нас, нет никакого случайного совпадения. Владелец яхты – парень по имени Майкл Марен. Холландер нанял его выманить мег наверх из морских глубин с целью поднять рейтинги шоу.

– Что?!

– Марен использует сложный акустический прибор на подводном дроне. Эти звуки и привлекают мегалодона.

Толпа окружает Холландера и Джонаса тесным кольцом. Дженни Арнос проталкивается вперед:

– Нужно бросить Холландера за борт. Пусть на своей шкуре почувствует, что значит быть съеденным живьем.

Ее слова встречают одобрительный гул.

– Нет, погодите, я не знал... Он действительно говорил, будто может заставить мегу подняться наверх, чтобы мы могли его снять для шоу. Но мне даже в голову не приходило, чем все это может обернуться. Я... Я прикажу ему увести монстра подальше с помощью дрона. И потребую, чтобы яхта подплыла к борту «Нептуна» и спасла нас. – Не дожидаясь ответа, продюсер поворачивается и рысью бежит в свою каюту.

Джонас отводит капитана в сторону:

– Как далеко от нас Палау?

– Довольно далеко к югу. Ближайший остров расположен в тридцати восьми милях к северо-западу. Это атолл Улити. Сейчас мы именно туда и направляемся.

Джонас чувствует, как судно начинает крениться на левый борт. У нас ничего не получится.

На борту «Целаканта»

Элисон Петруччи передает Майклу Марену рацию.

– Продолжай, Холландер. Я тебя слушаю.

– Ситуация вышла из-под контроля. Ты должен отозвать своего зверя.

– Я тебе уже тысячу раз говорил, что не могу его контролировать. Аль Капоне знает, чего хочет. И на сей раз он хочет ваш галеон. Это настоящая драма. Ты не находишь?

– Какая же ты сволочь! Твой маленький план не сработал. Джонас Тейлор жив, и он уже рассказал экипажу о твоём дроне. Кстати, для тебя есть еще одна интересная новость. Если мы пойдем ко дну, то вместе с отснятыми кадрами.

Марен резко садится на шезлонге:

– А разве вы не отослали файл с вечерним эпизодом?

– Нет, мы изменили формат. Предполагалось отредактировать материал сегодняшней съемки на борту «Нептуна», разделив его на три эпизода, а затем отослать в Лос-Анджелес. Не сразу, а по одному эпизоду. Но твой монстр нарушил наши планы. Мы тонем, а значит, пленки погибнут вместе со мной. И что тогда будет, Марен? Ты никогда не сможешь прославиться. Ты этого хотел?

Марен стискивает зубы. Смотрит на часы. *До рассвета осталось меньше часа.*

– Ладно, Холландер. Слушай меня очень внимательно. В течение часа Аль Капоне уйдет на глубину, а до этого времени я постараюсь держать его подальше от «Нептуна». Как только рассветет, пусть капитан начинает эвакуацию. Когда увидишь, что «Целакант» выдвигается в вашу сторону, садись в «Зодиак» со всеми материалами вчерашних съемок. Проверь, чтобы киноплёнка была в водонепроницаемых коробках. Я разрешу остальным членам экипажа подняться на борт моей яхты лишь после того, как просмотрю пленки.

– А Джонасу Тейлору?

– И Тейлору тоже. Сейчас выбирать не приходится.

Лагуна Танаки

Монтерей, Калифорния

Мак подъезжает к пустой арене уже затемно. Припарковавшись на боковой дорожке, он проходит по пустынному океанариуму, луна в третьей четверти освещает дорогу.

Поднявшись по бетонным ступенькам трибуны, он садится на алюминиевую скамью, в одной руке – открытая банка, в другой – початая упаковка пива. Осушив банку, он сминает ее в ладони и швыряет в темные воды лагуны:

– Угощайся, старина. Чтоб ты подавился!

Открыв следующую банку, Мак делает большой глоток.

– Добрый вечер.

Мак поворачивается и с удивлением видит перед собой своего опекуна.

– Паркер? Это ты? Что ты здесь делаешь? Постой-ка, тебе малыш позвонил, да?

– Джеймс, он переживает за тебя.

– Эй, только не надо называть меня Джеймсом! Меня никто так не зовет. Только мама звала меня Джеймсом, и это имя умерло вместе с ней.

– Ты никогда не говорил о ней на групповых занятиях. Какой она была?

– Мама? Она была святая. Господь послал мне ее в утешение. Как компенсацию за моего отца. Мама всегда меня от него защищала. Она отошла в мир иной восемь лет назад.

– Мои соболезнования.

– Не проходит и дня, чтобы я не вспоминал о ней.

– Ты запил после ее смерти, да?

– Смотри-ка, ты у нас прямо-таки Зигмунд Фрейд.

– Просто друг.

– Я не просил ни того ни другого.

– Ни один человек не просит Бога о том, чтобы стать алкоголиком или наркозависимым. Впрочем, так же как ты не просил себе жестокого отца. Ты используешь алкоголь в качестве болеутоляющего. Но алкоголь не может облегчить ни физической, ни душевной боли, он лишь дает иллюзию бегства от действительности. Мак, алкоголизм – это болезнь. И чем больше ты пьешь, тем больше проблем у тебя возникает. И для того чтобы преодолеть пагубное пристрастие, для того чтобы посмотреть правде в глаза, ты должен принять то, что случилось с тобой в прошлом, поставив заслон между ним и будущим.

– Ну, я пробовал. Но это по-прежнему слишком тяжело. Так что оставь меня в покое.

– Тебе тяжело, потому что ты пытаешься сражаться в одиночку. Если хочешь, чтобы я оставался твоим опекуном, ты должен меня слушаться. Во-первых, звонить мне каждый раз, когда борешься с искушением, а во-вторых, полностью отказаться от алкоголя. – Забрав у Мака остатки пива, Паркер выливает его в воду. А еще ходить на наши занятия, чтобы учиться жить без спиртного. Ты должен продумать каждый шаг к исцелению. Общество анонимных алкоголиков создано для людей, которые действительно хотят исцелиться.

У Мака на глаза наворачиваются слезы.

– Я чувствую себя таким бесполезным. Словно я больше не контролирую свою жизнь.

– Вот почему мы и учим тебя, что надо положиться на высшую силу. А уж Господь сам все исправит.

На борту «Нептуна»

Северо-запад Тихого океана

33 морские мили к юго-востоку от атоллы Улити

На затянутом облаками восточном горизонте появляется размытая серая полоска, сигнализирующая о наступлении рассвета. Порывы ветра нагоняют семифутовые валы на испанский галеон, накренившийся на тридцать градусов на левый борт. Две нижние палубы судна уже под водой, половина оставшихся парусов порвана, косые паруса и бизань остервенело хлопают по палубному настилу.

На покосившейся главной палубе сгрудились девяносто три человека в оранжевых спасательных жилетах – пассажиры и члены экипажа. Прошло тридцать минут с появления мегалодона, но ощущение драматизма последних нескольких часов так и не исчезло даже с приближением зари. Куколки, съемочная группа и моряки, сгруппировавшись возле спасательных шлюпок, к которым приписаны, стоят, окутанные туманом соленых брызг, и молятся про себя, чтобы тонущий «Нептун» остался на плаву до восхода солнца.

И только оператор Стюарт Старр продолжает вести документальную съемку с помощью ручной подводной камеры. Остальное оборудование уже упаковано и сложено в шлюпках.

Эрик Холландер смотрит, как его помощник грузит в «Зодиак» три тяжелые водонепроницаемые коробки.

Раздается оглушительный гудок. Напряженная толпа радостно приветствует суперяхту, выдвинувшуюся им навстречу, чтобы занять позицию в пятидесяти ярдах от бимса правого борта.

Сьюзен, присоединившись к Эрику, швыряет в «Зодиак» два чемодана с личными вещами:

– Мы готовы. Стюарт будет вести съемку с последней шлюпки. – Она поворачивается в сторону «Целаканта». – Почему этот Марен не хочет подплыть поближе?

– Похоже, он не хочет рисковать, так как «Нептун» может завалиться в любую минуту.

– Тогда пошло оно все к черту! Этот проклятый мег наверняка до сих пор рыскает внизу. Я не сдвинусь с места, пока...

Восьмифутовый вал перехлестывает через левый фальшборт, накренив «Нептун» на правый борт. Пассажиры карабкаются в шлюпки, а корабль тем временем начинает кружиться против часовой стрелки.

– Господи Иисусе! – Сьюзен запрыгивает в «Зодиак», который уже свободно плавает по затопленной палубе. – Эй, не стой столбом! Запрыгивай!

Сильное течение хватает Эрика за щиколотки, и он скользит по накренившейся палубе, пытаясь поймать спасательную лодку. *Почему Марен остановился так чертовски далеко?*

Джонас Тейлор с балкона адмиральской галереи наблюдает за усиливающимся волнением.

К нему подходит капитан Робертсон:

– Мы оставили для тебя с дочерью шлюпку. Эндрю сказал, что поплывет с тобой, остальные не хотят рисковать.

– Капитан, никто не поднимется на борт «Целаканта». Ни Холландер, ни ты, ни твой экипаж. Марену нужны только материалы последних съемок шоу, а отнюдь не потенциальные свидетели убийства.

Шесть переполненных шлюпок качаются на бурных волнах Тихого океана. Члены экипажа «Нептуна», распределившись по шлюпкам, неторопливо гребут, удаляясь от тонущего испанского галеона. Взвинченные пассажиры вглядываются в черную воду, проклиная хозяина суперяхты, который не позволяет подняться на борт, и уповая на то, что мегалодон уже ушел на глубину.

Седьмая шлюпка остается привязанной к лееру носовой части правого борта.

Эндрю Фокс сидит в шлюпке вместе с Даниэлой Тейлор. Девушка, еще не отошедшая от успокоительного, завернута во фланелевое одеяло.

Ну давай же, Джонас! Где тебя черти носят?

Майкл Марен подносит киноплёнку к свету:

– Хорошо. Очень хорошо. Ты и твои сотрудники отлично поработали.

Эрик Холландер улыбается:

– За это надо сказать отдельное спасибо Сьюзен и ее команде. А теперь, если не возражаешь, мы бы хотели, чтобы все остальные поднялись на борт. Ночь была длинной и...

– Понимаешь ли, Холландер, я бы с удовольствием вам разрешил, честное слово, но не могу. И виноват в этом Тейлор. Если бы он умер, вопросов бы не было. Но, как ты справедливо заметил, остальные члены экипажа и твоей команды теперь знают про «барракуду». А это нехорошо, Холландер, очень нехорошо. Видишь ли, формально они могут повесить на меня смерть этих Сорвиголов.

У Эрика екает сердце.

– Но ты ведь сам говорил, будто мег преследует «Нептун», потому что так хочет. Да и Тейлор до сих пор жив.

– Понимаю. Его слово против моего. Но присяжные начнут колебаться. А если не будет свидетелей, все пройдет куда чище.

– Ты что, бросаешь мою команду?

– И тебя вместе с ними. Сатоси!

– Марен, не делай этого!

Схватив Эрика за руку, Сатоси волочет его на верхнюю палубу.

– Ты грязный ублюдок! Нет! Не надо!

Борец сумо отрывает Эрика Холландера от палубы и бросает за борт.

Джонас пробирается по колено в воде по батарейной палубе к кулеврине – функционирующей реплике испанской пушки семнадцатого века. Открыв водонепроницаемый мешочек с порохом, которым снабдил его капитан Робертсон, он забрасывает горсть пороха в запальное отверстие, остальное насыпает в казенную часть. Затем шваброй заталкивает порох как можно глубже. И в этот самый момент слышит истошный вопль Эрика Холландера, а потом – громкий всплеск.

Некоторые люди не умеют учиться на собственных ошибках...

Пошарив рукой в воде, Джонас нащупывает 32-фунтовое чугунное ядро, по мере сил вытирает его футболкой и вставляет в ствол.

«Целакант», развернувшись правым бортом, неспешно удаляется от спасательных шлюпок.

Джонас достает зажигалку капитана Робертсона. *У тебя только один выстрел, так что используй его на все сто.* Взяв под прицел корму яхты, Тейлор поджигает запальное отверстие и отпрыгивает в сторону.

Ослепительная вспышка...

Бум!

Ядро со скоростью звука вылетает из ствола.

Тяжелая пушка, подскочив, словно бешеный бык, отрывается от стенки правого борта и пробивает затопленную палубу.

Приглядевшись через клубы дыма, Джонас видит, как раскаленное ядро ударяется в кормовую часть яхты и проламывает главную палубу, оставляя за собой огненный след.

Услышав звук взрыва, сотрясшего яхту, Майкл Марен ковыляет на верхнюю палубу:

– Что случилось? Элисон? Сатоси?

Из машинного отделения вылетает огненный шар, после чего следует еще один взрыв.

– Тейлор, ты, сукин сын! Богом клянусь, я тебя убью!

Нырнув внутрь, Марен хватает коробки с пленками и спешит на вертолетную площадку.

Испанский галеон начал смертельное вращение, его нос торчит из воды, а корма медленно погружается в океан.

Джонас растерянно трет голову, в ушах звенит, все кружится перед глазами. Вода рекой льется через оружейный порт. Задержав дыхание, Джонас ныряет в затопленное отверстие.

Оказавшись на поверхности, он плывет из последних сил, чтобы «Нептун» не затянул его в образовавшуюся воронку.

– Сюда! – Эндрю, подогнав шлюпку к Джонасу, помогает ему подняться на борт. – Отличный выстрел, Черная Борода! Похоже, ты был прав. Марена интересовала только кинопленка.

Истошные вопли наполняют воздух.

Обезображенный спинной плавник разрезает воду между двумя шлюпками с «Нептуна» и медленно кружит неподалеку.

Сьюзен Феррарис вытаскивает Эрика из воды как раз в тот момент, когда мегалодон небрежно тычется рылом в их «Зодиак». Лодка попадает в кильватерный след гигантской акулы, который не отпускает их на протяжении сорока футов.

Тем временем еще один взрыв сотрясает «Целакант» – суперяхта охвачена пламенем.

Члены экипажа яхты прыгают за борт, взяв курс на переполненные спасательные шлюпки.

На главной палубе горящего судна появляется Сатоси, бывший боец сумо надрывно кричит от боли, его пропитанная бензином одежда в языках пламени. Перебравшись через левый фальшборт, Сатоси, словно миниатюрный астероид, стремительно падает в океан.

Он выплывает на поверхность и, закинув к небу багровое лицо, жадно хватая ртом воздух. Не в силах поднять обгоревшие руки, он плывет на боку к ближайшей шлюпке, демонстрируя покрытую жуткими пузырями обожженную спину.

Держа наготове весло, как бейсбольную биту, Джонас следит за приближающимся Сатоси:

– Не в этой жизни, жиртрест!

Но тут из моря позади Сатоси появляется омерзительная голова, жуткие челюсти с зазубренными зубами хватают беднягу поперек туловища. Сатоси, выкатив глаза, кричит точно безумный:

– А-а-а-а!

Джонас с ужасом смотрит, как бывший борец сумо бьется в пасти акулы, словно угодив в гигантский компостер для переработки мусора; голова японца практически скрылась в облаках крови.

Виднеющееся над гребнями волн призрачное брюхо Аль Капоне колышется, проталкивая жертву в желудок.

Крики неожиданно тонут в гуле вертолетных винтов. Джонас отворачивается от монстра и видит воздушное судно, которое забирается высоко в небо над пылающим «Целакантом».

А над горизонтом уже поднимается величественный темно-красный шар.

Катарактные глаза мега закатываются назад, доисторический хищник погружается в розовую пену, исчезая одновременно с ночью.

Элисон Петруччи тянет на себя ручку вертолета, посылая его в серое утреннее небо.

Майкл Марен, сидя в кресле второго пилота, смотрит вниз на свою горящую яхту и, в брызгах зловонной слюны изрыгая проклятия, программирует свой дрон.

Глава 26

*Пристань для маломерных судов Уэстпорта
Грейс-Харбор, штат Вашингтон*

«Кейп Калверт», прибывший сразу после полуночи, медленно заходит в Грейс-Харбор на скорости три узла.

Терри, которая нервно расхаживает взад-вперед по пирсу, сразу узнает стоящего на носу Джошуа. Он ее тоже видит, но почему-то не машет в ответ.

А затем Терри замечает прямо за катером хвостовой плавник большого самца, то поднимающийся из воды, то, словно нехотя, опускающийся.

Катер Канадской береговой охраны скользит вдоль пирса и останавливается возле подъемного крана.

Терри вглядывается в темную воду. Мегалодон лежит на боку, спазматически сжимая и разжимая челюсти. Без буксировки тридцатидвухтонная рыба начинает тонуть, серповидный хвост скребет по илистому дну.

Джошуа торопливо пришвартовывается к одной из свай и выскакивает на пирс.

– Джош... почему так долго?

– Леди, не нужно со мной разговаривать. – Задев Терри плечом, Джошуа подходит к бригаде Шона Джастуса. – Попай, прости, что заставил ждать. Очень сильное волнение.

Шон Джастус смотрит на виднеющееся на воде пятно цвета слоновой кости:

– Эй, братан, это действительно то, о чем я думаю?

– Да, и нам нужно поскорее поместить его в контейнер с водой. Иначе он утонет.

– У нас что, нашествие мегалодонов или как?

– Ты это о чем?

Терри вступает в разговор:

– Примерно шесть часов назад Ангел напала на лодки в заливе Сан-Франциско.

Шон кивает:

– А еще прошел какой-то дикий слух о меге, засветившемся в телешоу «Сорвиголовы». Но сегодняшней эпизод оказался всего лишь повтором.

– Эй, Банкофски, подсоби! – окликает Джоша с кормы Брайан Олмстид.

Джошуа поднимается на борт катера, Терри – за ним:

– Джош, послушай, я знаю, ты на меня злишься...

– Злишься – это еще мягко сказано.

– Значит, сейчас ты разозлишься еще больше. Я не хочу брать этого мегу.

Брайан поднимает голову от барабана лебедки, к которому пытается прикрепить стальной трос:

– О чем она говорит?

– Не обращай внимания. – Забрав у Брайана конец толстого троса, Джошуа кидает его за борт Шону Джастусу. – Прикрепи это к стреле крана и начинай вытаскивать мою рыбину, пока она окончательно не потонула.

– Джош, послушай! Наши с тобой отношения тут ни при чем. Все дело в бизнесе. Ангел вернулась. И с помощью тампера мы можем заманить ее в лагуну.

– Это и есть бизнес, леди. Вы подписались на то, чтобы отловить мегу. Мы выполнили свои обязательства. Так что теперь ваша очередь закрывать сделку. Попай, а где прицеп?

– Не гони лошадей, мои парни ставят его в нужное место.

Тем временем на палубе появляется Майкл Виллэр. Бывший транспортный коп бледен как смерть.

– Ненавижу корабли. Больше никогда в жизни не посмотрю ни на одну из этих треклятых посудин.

Терри отводит его в сторону:

– Мистер Виллэр, где ваше оружие?

– Заперто внизу.

– Срочно доставайте его. Я видела, как хвост мегу шевельнулся.

– Это был всего-навсего непроизвольный спазм, – комментирует Джошуа. – Марино, подводи катер поближе.

Выглянув из рубки, капитан продвигает «Кейп Калверт» еще на тридцать футов.

Прицеп, громко бибикая, становится задом на нужное место, вода переливается через край стального резервуара.

Выплюнув синюю струйку дизельных выхлопных газов, подъемный кран оживает, его стрела поворачивается против часовой стрелки, а лебедка вытягивает стальной трос из моря.

Трос натягивается, после чего медленно, дюйм за дюймом, появляется рыло монстра. Морская вода сочится из трепещущих жаберных щелей, треугольная голова постепенно поднимается, нагрузка на кран увеличивается, давление пятифутового титанового рыболовного крючка на рваную рану в нижней челюсти мег усиливается.

Конвульсивно содрогнувшись, мег просыпается, выкатывает глаза и дергает трос.

– Берегись! – вопит Брайан, когда разъяренное животное выпрыгивает в фонтане брызг на полкорпуса из воды.

Доски пирса трескаются. Мегалодон протестующе щелкает зубами. Подъемный кран продолжает тащить его из воды.

Кори Эйкинс и Джош Дженкинс раскачиваются в кабине подъемного крана, словно проигрывают гонки на выживание. И каждый мощный рывок отрывает полозья крана от пирса.

– Бросай его обратно, или он утянет нас за собой!

– Не могу! Трос запутался!

Терри не успевает сойти на пирс и прячется за транцем. Она насквозь промокла, но от страха боится пошевелиться. Мегалодон бьется в воде у нее за спиной, раскачивающийся кран нависает над головой, поддерживающие перекладины стальной руки скрипят и гнутся под гигантским весом.

Двигатели катера оживают с утробным урчанием. *Живо уноси ноги с лодки!*

Вскочив, Терри пулей проносится под обрушившимся на нее ливнем морской воды и сталкивается с Майклом Виллэром, который поднимается снизу с гранатометом М-79 в руках. Открыв казенную часть, он вставляет гранату М-203 и идет на корму судна:

– Пора кончать с этим дерьмом!

– Нет! – Джошуа пытается перехватить гранатомет, над головой раздается выстрел – стальной трос лопаается.

Он со свистом пролетает над ухом у Виллэра, смазывает его по левому колену и ломает коленную чашечку. Бывший полицейский падает на палубу и, завывая от боли, катается по настилу.

Терри в ужасе прикрывает рот рукой, поднимает глаза на стяжки крана, его стрела, будто в дурном сне, падает прямо на нее, потом задевает рубку, разнося ее в щепы.

Терри открывает глаза, не в силах поверить, что до сих пор цела и невредима. Она выползает из-под груды искореженной стали, устремив взгляд на трос, стремительно скользящий по раскуроченной палубе.

Конец троса исчезает за бортом.

Мегалодон уплыл.

Северо-запад Тихого океана

16 морских миль к юго-востоку от атолла Улити

Брызги солнечного света, словно светлячки, танцуют на темно-синей поверхности океана.

Семь спасательных шлюпок и «Зодиак» растянулись на полмили по водной глади, измученные пассажиры медленно поджариваются на полуденном солнце. Капитан Робертсон ведет головную шлюпку, прокладывая курс по ручному компасу. Где-то на этих бескрайних океанских просторах затерялся атолл Улити с его райскими островами.

За шлюпкой Робертсона следует «Зодиак». Три выхлопа – и мотор «Зодиака» поглощает последнюю унцию бензина, после чего глохнет, предоставив возможность парочке раздраженных пассажиров наслаждаться звуками природы.

Сьюзен Феррарис, схватив весло, сует его Эрику:

– Ты втянул нас в эту передрыгу, ты и будешь из нее вытаскивать.

Эрик окунает оторванный рукав фуфайки в воду, выжимает, прикрывает мокрой тряпкой покрасневшую плешь. Он молча начинает гребти, мысленно проклиная тот день, когда оставил медицинский институт, чтобы стать телевизионным продюсером.

Даниэлла Тейлор, скорчившись на носу шлюпки, рассеянно смотрит на обгоревшие потные спины отца и Эндрю Фокса. Двое мужчин ритмично гребут, кажется, целую вечность, и с каждым гребком внутренний голос Дани повторяет песенку:

Девяносто одну бутылку пива поставим на стол, девяносто одну бутылку пива... если мы найдем атолл, девяносто бутылок пива поставим на стол.

Дани хочет есть и пить, и вообще, она устала, и напугана, и обгорела, и ее задница дико болит от непрерывного сидения на голом дереве в течение вот уже семи часов и двадцати трех минут. Если бы не мучительная боль, Дани решила бы, что все это ей снится.

Джонас, ушедший в свои мысли, чувствует, как кровь от волдырей пропитывает тряпки, намотанные на ладони. И тем не менее он упрямо продолжает грести, ведь последний пятиминутный перерыв растянулся на час, когда они с Эндрю вырубались от усталости. А так как Дани крепко спала, некому было их разбудить и они здорово отстали.

В результате Эрику Холландеру пришлось за ними вернуться и взять на буксир, чтобы они присоединились к остальным.

Джонас поднимает глаза к солнцу, продолжая свои вычисления.

...пятнадцать футов с каждым гребком, примерно пятнадцать гребков в минуту... что составляет сто пятьдесят футов в минуту... одну и семь десятых мили в час... до захода солнца остается лишь шесть часов.

Господи, мы движемся слишком медленно, нам ни за что не достичь атолла до темноты!..

«Палау Пасифик резорт»

Корор, Палау

16:45

Майкл Марен открывает дверь своего номера в отеле, впустив Джеймса Гелета. Двадцать минут спустя сопродюсер шоу «Сорвиголовы», раскрыв рот, смотрит на монитор ноутбука, где воспроизводится черновой материал:

– Господи, Марен!.. Неужели тебе удалось заснять и то, как «Нептун» идет ко дну?

– Элисон сумела сделать несколько кадров видеокамерой перед тем, как затонул «Целагант». Изображение нечеткое и немного прыгает, но вы ясно увидите пушечный выстрел, который стоил мне

моей яхты, а членам твоей съемочной группы, скорее всего, – жизни. Хм... Кстати говоря, Береговая охрана ничего нового не сообщила?

– Пока ничего, и я чертовски волнуюсь. Жаль, что ты не смог им дать более точные координаты.

– М-да, там царил такой хаос. Мне еще здорово повезло, что удалось выбраться оттуда живым.

– Марен, мы имеем дело с островным государством третьего мира. У них могут уйти недели на организацию поисковой партии.

– Вот почему я собираюсь облететь этот участок на своем вертолете. Я непременно их найду.

– Тогда возьми меня с собой.

– Прости, Гелет, но нет места. Мы с Элисон радируем тебе, как только их обнаружим. – Марен бросает на продюсера косой взгляд. – Что-то не так?

– Есть кое-что, чего я все-таки не понимаю. С чего вдруг Джонасу Тейлору понадобилось стрелять по твоей яхте?

– Как я уже объяснял, Джонас просто-напросто сбрендил.

– Но зачем препятствовать спасательным работам на море?

– Кто знает, почему человек иногда совершает странные поступки. Я тебе вот что скажу: Джонас Тейлор был в отчаянии. Кто на его месте принял бы предложение Холландера нырнуть в море к этому мегу?

– В том-то и дело. Несколько дней назад Эрик послал мне радиограмму, где говорил, что Тейлор отказался от нашего предложения.

– Отказался... – Марен вытирает вспотевший лоб. – Ну, значит, он передумал. Разве нет? Посмотрите на пленку. Тейлор в воде. Дочь его спасает. Потом он слетает с катушек и топит мою яхту. Он сумасшедший.

– Возможно. Единственное, что я знаю наверняка, так это то, что мои люди, без малого девяносто человек, потерялись в море...

– Я же сказал, что найду их! Позаботься о том, чтобы мне перевели деньги, и пленка тотчас же пойдет в эфир.

Пристань для маломерных судов Уэстпорта

Грейс-Харбор, штат Вашингтон

07:12

На пристани столпились представители прессы, местные официальные лица, страховщики. И все фотографируют 65-футовый кусок искореженного металла на крыше разрушенной рубки.

Сделав заявление для полиции Грейс-Харбор, Терри находит специалиста компании по спасательным операциям.

– Прошу прощения, но на катере находится моя вещь, на которую я хочу предъявить права. Это звуковое устройство на бую. – Терри показывает на качающийся на воде предмет, по-прежнему прикрепленный к транцу катера стальным тросом.

– Конечно, мэм. Дайте мне полчаса.

Терри ловко увертывается от двух местных репортеров, ныряет под ленту полицейского оцепления и, затерявшись в толпе, направляется в кондитерскую.

– Большой кофе и пончик с кремом. – Она садится в пустую кабинку, куда следом проскальзывает Джошуа Банкофски. – Джош, уходи. Мне нечего тебе сказать.

– Неужели ты думаешь, что можешь вот так просто взять и слинять, оставив меня с протянутой рукой? Ты должна деньги моему экипажу.

– Заплати им из той суммы, что мне причитается.

– А как насчет ущерба, причиненного катеру? И подъемному крану?

– Это не моя проблема. Ведь я предупреждала, что большой самец пришел в сознание, но ты меня не слушал. Это ты потерял мегу. Не я.

– Да, но теперь, когда Ангел вернулась в калифорнийские воды, я могу помочь снова поймать ее.

– Ангел не твоя забота. Наше соглашение больше недействительно.

– Какое соглашение?

Терри удивленно поворачивается. Неожиданное появление Дэвида застаёт ее врасплох.

– Дэвид! – Терри отодвигает столик и, протиснувшись мимо Джошуа, обнимает сына.

– Мама, кто этот парень?

– Морской биолог, поймавший большого самца.

– Ты о том меге, что улизнул? – усмехается Дэвид.

– Забудь. А где Мак?

- Ждет у вертолета. Где наш тампер?
- Мне обещали его вернуть.
- Был, да сплыл, – заявляет Джошуа. – Прошлой ночью я снял его с буя.
- Сейчас же отдай! – требует Дэвид.
- Прости, малыш. Тампер – это компенсация за «Зодиак», который твоя мамаша вчера у меня украла. – Джошуа подмигивает Терри. – Как я уже говорил, наши с тобой дела еще далеко не закончены.

Глава 27

*Северо-запад Тихого океана
4 морские мили к юго-востоку от атолла Улити
Сумерки*

Вертолет следует за оранжевым огненным шаром, который медленно закатывается за Тихий океан.

Двухместное воздушное судно пилотирует Майкл Марен. На сей раз он совершенно один, у него на коленях лэптоп, на мониторе данные картографической съемки северо-запада Тихого океана в режиме реального времени.

Марен знает, что восемь крошечных зеленых точек, разбросанных в верхнем правом углу экрана, – шлюпки с пассажирами и членами экипажа затонувшего «Нептуна». Последние четырнадцать часов дрон следует за потерпевшими кораблекрушение, оставаясь в диапазоне акустического сигнала создаваемых шлюпками поверхностных возмущений.

Красная точка, движущаяся одновременно с синей, – это Аль Капоне. Марен знает, что мегалодон, натренированный на звуковую приманку дрона, останется в темноте срединного слоя океана до наступления ночи, после чего поднимется на поверхность и атакует.

Это было бы идеальным планом, но Гелет явно что-то подозревает.

Марен смотрит на часы. Дневной свет меньше чем через час померкнет, а затем разверзнется адская бездна.

Марен оценивает неизбежные человеческие жертвы. *Если тебе удастся приманить Аль Капоне в первую очередь к шлюпкам Тейлора и Холландера, тогда, быть может, тебе не придется обрекать на смерть остальных. Тогда ты сможешь сказать властям, что не собирался бросать в беде «Нептун», но после того, как Тейлор начал целиться по яхте из пушки, ты просто-напросто испугался. Поэтому и отвел яхту в сторону. Чтобы в нее не попали.*

Марен стискивает зубы. Дурак. Экипаж судна видел, как Сатоси швырнул Холландера за борт. Глупо, глупо было мешать свое эго в

ущерб основной задаче. Ведь Селеста всегда учила тебя, что, когда речь идет о бизнесе, следует забыть об эмоциях. Хорошенько обдумывай каждый шаг, говорила она, постарайся проигрывать худший сценарий, прежде чем он реализуется. Ошибки совершаются из-за дымовой завесы оптимизма, обусловленного человеческим эго.

Бросив взгляд на лэптоп, Марен еще раз проверяет координаты дрона, а затем корректирует его курс.

Если бы ты удосужился хорошенько обдумать план действий, то мог бы, по крайней мере, обставить все так, будто пытался спасти экипаж «Нептуна». Нет, это тоже наверняка не сработало бы. Исчезновение Тейлора вызвало бы ненужные вопросы, да и Холландер слишком много знает. Единственным верным шагом было пустить Тейлору пулю в голову, когда подвернулся такой шанс. Но тогда я не получил бы никакого удовольствия.

Картинка на мониторе меняется, на океанском просторе появляются острова атолла Улити.

Да пошло оно все к черту! Суда то и дело тонут, что отнюдь не мешает судовладельцам спокойно спать. Такова цена за возможность вести бизнес: а именно риски, связанные с непредвиденными обстоятельствами. «Нептун» затонул, дело закрыто. Теперь все зависит от созданного тобой впечатления. Создай впечатление, что ты не злодей, а настоящий герой.

Лучше включи поскорее камеры.

Марен активирует наружные камеры, прикрепленные к салазкам вертолета.

Придерживайся своей версии. Мегалодон потопил «Нептун», потом Тейлор уничтожил мою яхту и таким образом лишил членов экипажа единственного шанса на спасение. Поэтому в данный момент мне лишь нужно реабилитировать себя, показав всему миру, будто я, рискуя собственной шкурой, вернулся, чтобы найти оставшихся в живых. В итоге запомнят не результат, а то, что ты очень старался.

Марен снова проверяет лэптоп.

Они, должно быть, где-то впереди. Погоди-ка... Не стоит кружить прямо над ними, это будет слишком очевидно. Пролети мимо, а затем возвращайся назад. Да, такой маневр наверняка вызовет у них ликование. Психологический эффект будет

потрясающим. Ведь это чудо, что мне удалось найти их в безбрежном океане, абсолютное чудо. Если, конечно, Береговая охрана не появилась часом раньше.

Повиси над ними несколько минут, а затем свяжись с властями Палау. Постарайся, чтобы твой голос звучал очень взволнованно, как будто тебе только что удалось отыскать иголку в стоге сена. Дай им координаты, затем сообщи, что собираешься показать потерпевшим путь к ближайшему острову атолла. Не забудь использовать громкоговоритель, ведь камера все фиксирует. Дай Аль Капоне несколько минут, после чего отправляй его поработать чистильщиком. Подожди, пока он не атакует первую шлюпку, а затем начинай громко предупреждать их об опасности.

Девяносто три человека... А что, если Аль Капоне не удастся разделаться со всеми? Человеческие существа слишком костлявы, чтобы стать для меча полноценным питанием, он наверняка прекратит кормежку, сожрав человек пять-шесть. До атолла плыть две мили, и кое-кто из экипажа Робертсона наверняка осилит такое расстояние.

– Проклятье! – Марен меняет курс, на время отложив операцию, чтобы еще немного подумать.

Впечатление... Ты должен создать впечатление, что ты герой. О'кей, а что, если ты реально спасешь несколько членов экипажа? Дай Аль Капоне атаковать первую шлюпку, потом уведи его в сторону и натрави на Тейлора. После чего быстро снижайся, чтобы люди могли схватиться за салазки вертолета. О да, идеальный вариант! Быстренько доставь их на ближайший остров, потом сделай вид, будто спешишь на помощь остальным. Я уже буквально слышу, как они кричат: «Неустршимый!.. Наш герой, как всегда, оказался на высоте. Если бы не он, мы бы наверняка погибли!»

Когда Тейлор и Холландер умрут, то мое слово будет против слова выживших, а они станут целовать меня в зад и благодарить за спасение. План, конечно, не идеальный, но чертовски хороший! И наверняка спасет меня от тюрьмы.

Марен еще раз проверяет координаты, а затем корректирует курс полета.

Селеста гордилась бы мной.

Непрерывная гребля в течение многих часов под палящим солнцем, без капли воды окончательно доконала Джонаса Тейлора. Поясница разламывается, натруженные мышцы плеч и рук невыносимо болят. Так же как и сломанный нос, и распухшие ребра.

Эндрю Фокс со стоном делает очередной гребок. Подводный фотограф, на двадцать лет моложе Джонаса, сейчас на грани полного физического истощения.

Даниэлла Тейлор сбрасывает с себя остатки беспокойного сна. Ей тоже пришлось грести несколько часов подряд, и теперь ее руки покрыты кровавыми мозолями. Бросив взгляд на нос шлюпки, она обнаруживает, что они снова отстали от других. Одна шлюпка и «Зодиак» в шестидесяти ярдах впереди, остальные шлюпки вне зоны видимости.

Дневной свет быстро меркнет, на смену жаре приходит прохладный вечерний бриз, от которого обожженная кожа покрывается мурашками.

Мы все скоро умрем здесь...

Дани с содроганием вспоминает о страшной гибели Ферджи.

Неожиданно, возникнув словно из ниоткуда, над головой пролетает вертолет. Грохот винтов заставляет сердце Дани биться быстрее.

– Эй... погодите. – Ее хриплый голос звучит едва слышно. – Папа, ударь посильнее веслом или еще что-нибудь.

С большим трудом Джонас умудряется поднять весло и с громким всплеском погрузить его в воду.

Эндрю тянется за биноклем. Дрожащими руками подносит к глазам, направив его на вертолет, зависший на высоте четверти мили над головой, и едва слышно шепчет:

– Это Марен.

Джонас моментально чувствует резкий выброс адреналина. Он смотрит на Эндрю. Похоже, ход их мыслей совпадает.

Дружно схватившись за весла, они начинают грести с удвоенной силой.

Марен останавливает вертолет на высоте шестидесяти футов над ведущей шлюпкой.

– Береговая охрана Палау, говорит Майкл Марен с борта вертолета «Целаканта». Bravo-девять-два-пять-ноль. Прием. Обнаружил выживших после кораблекрушения «Нептуна». Семь шлюпок и «Зодиак», примерно в двух морских милях к юго-западу от атолла Улити. Попробую привести их к ближайшему острову. Немедленно высылайте спасательное судно, эти бедные люди срочно нуждаются в помощи.

– Принято, Bravo-девять-два-пять-ноль. Высылаем первое же свободное судно. Отличная работа!

– Принято. Конец связи. – Марен переключает рацию на громкую связь. – Внимание! Говорит Майкл Марен. Я только что предупредил Береговую охрану Палау, что обнаружил ваше местонахождение. Спасательное судно уже на подходе. – Марен делает паузу, чтобы камера могла зафиксировать общее ликование. – Атолл Улити примерно в двух милях к северо-востоку. Очень важно, чтобы я направил вас к одному из островов до возвращения мегалодона.

Марен разворачивает вертолет и на минимальной скорости летит на север.

О'кей, дай им пять минут, а затем посылай свою рыбку.

Эрик Холландер смотрит на Сьюзен Феррарис, ощущая сосущее чувство под ложечкой:

– Марен? Что этот сукин сын здесь делает?

– Да какая разница, если мы в безопасности и я смогу снова увидеть свою дочь.

Холландер тяжело сглатывает, ему с трудом удается шевелить пересохшими губами.

– Сильно сомневаюсь, что мы в безопасности. По крайней мере, пока эта сволочь контролирует дрон. Думаю... думаю, он собирается нас убить.

Марен наводит бинокль ночного видения на поверхность моря, переводя его с одной шлюпки на другую. Останавливает бинокль на «Зодиаке». Видит Холландера и какую-то женщину, которые неожиданно начинают грести с удвоенной силой.

Прости, Холландер. Беги, кролик, беги, все равно тебе не удастся скрыться.

Тем временем последняя шлюпка уже догоняет спасательную лодку.

Увидев там Джонаса Тейлора, Марен довольно улыбается.

Спокойствие, только спокойствие. Сперва поиграем в героя, а затем немного повеселимся.

– Холландер, залезай на борт. – Джонас направляет шлюпку параллельно заглохшему «Зодиаку».

Эндрю, придерживая лодку, помогает Сьюзен с Эриком перебраться вместе с веслами в шлюпку.

– Тейлор, это Марен. Он собирается нас убить.

– Атолл, – кивает Джонас. – Наша единственная надежда.

Сьюзен с Эриком садятся на носовую банку и начинают грести.

Дрожащей от волнения рукой Майкл Марен набирает команду на клавиатуре своего ноутбука, активируя гидроакустическую систему отслеживания «барракуды». Марен переключается на ручное управление и, орудуя джойстиком ноутбука, направляет дрон к поверхности.

Плечевые мышцы Джонаса Тейлора нестерпимо болят при каждом движении, обожженная солнцем кожа натягивается и сжимается, точно в барабане сушилки. Джонас пристально смотрит на поверхность моря сзади и слева от себя с целью удостовериться, что гребет с максимальной отдачей.

Внезапно его внимание привлекает блеск металла в воде.

Серебристый дрон стремительно проплывает мимо его весла, оставляя за собой шлейф пузырьков.

Выбрав две передние шлюпки, Марен посылает к ним «барракуду». *О'кей, пусть пассажиры окажутся в воде, а потом, пока будешь геройствовать на камеру, натрави Аль Капоне на Тейлора.*

Марен вводит новую команду и меняет акустический сигнал «барракуды», накладывая на него хаотические электрические импульсы.

Между тем на глубине тысяча двести семьдесят футов самец мегалодона, известный как Аль Капоне, на автопилоте скользит в непроглядной тьме, его ампулы Лоренцини настроены на пульсирующие над головой знакомые акустические сигналы.

И вот теперь, когда меркнут последние лучи света, пронизывающие поверхностный слой, сигнал резко меняется, встряхивая сенсорную систему мегалодона и тем самым заставляя сердце биться сильнее. В результате мегалодон возбуждается, у него просыпается аппетит, а вместе с ним и первобытные инстинкты.

Спина напрягается и выгибается дугой, серповидный хвост яростно хлещет по воде.

Поступающий сигнал напоминает звуки, которые издает умирающий кит.

Рыбина весом 57 000 фунтов устремляется вверх для кормежки.

Майкл Коффи и Мия Дюранте сидят на веслах во второй шлюпке, нагруженной съемочной аппаратурой. Кроме Майкла и Мии, в шлюпке восемь обгоревших на солнце испуганных Куколок, два кинооператора, звукооператор и три помощника режиссера.

– Майкл... – Слова застревают у Мии в горле, когда она засекает огромный изувеченный спинной плавник цвета слоновой кости, рассекающий поверхность моря в тридцати ярдах позади лодки.

Мегалодон целеустремленно идет в кильватерном следе их шлюпки.

Пассажиры кричат от ужаса.

Мия с Майклом налегают на весла.

Мегалодон подныривает под переполненную шлюпку, опрокидывая ее вместе с испуганными пассажирами.

Мия Дюранте падает лицом вниз в воду. Край борта задевает ее по темени, Мия камнем идет ко дну. Шум океана эхом отдается в ушах, ее неотступно преследует металлический жужжащий звук, от которого она сразу приходит в себя.

Девушка открывает глаза и видит странный неземной свет.

Морда мегалодона продолжает медленно подниматься. У Мии обрывается сердце, когда жуткая тварь поддевает ее рылом, прижав спиной к перевернутой шлюпке.

Мия вздымается вместе со шлюпкой на высоту пятнадцати футов над гребнем волны. Распятая девушка судорожно бьется о верхнюю челюстную кость меча, ряды острых треугольных зубов обдирают ей кожу.

Задыхаясь, Мия бьет кулаком по выступающей верхней челюсти, но в результате теряет равновесие и падает прямо в разинутую пасть.

– О боже! Он... он только что сожрал бедную девушку! О боже, о боже!.. – Майкл Марен, тщательно выверив тембр своего голоса, продолжает манипулировать дроном. – Мэйдэй, мэйдэй, Береговая охрана! Это снова Марен. Мегалодон вернулся. Напал на экипаж «Нептуна». Одна лодка перевернулась. Я... я должен что-то делать. – Марен снова переключается на громкую связь. – Народ, держитесь! Иду на помощь! Хватайтесь за салазки!

С помощью джойстика ноутбука Марен посылает «барракуду» в направлении шлюпки Джонаса Тейлора, затем выходит из режима автопилота и снижает вертолет над барахтающимися в воде пассажирами.

Джонас с Эндрю с ужасом смотрят, как возникший из моря в ста ярдах от них монстр в прыжке вытаскивает из воды шлюпку и одного из пассажиров. *Будь ты проклят, Марен!*

Опустив глаза, Джонас замечает змеящуюся в сторону их шлюпки полоску пены.

«Барракуда»!

Джонас встает и под хруст артритных коленных чашечек выпрямляется.

– Папа, что ты делаешь?

– Джонас, не надо...

Джонас прыгает за борт и плывет наперерез приближающемуся дрону.

– Папа!

Давай!.. Давай!..

– Уф!

«Барракуда» врезается прямо в живот Джонаса, а затем тянет его за собой по волнам.

Джонас, навалившись верхней частью тела на металлический цилиндр, правой рукой сжимает антенну в форме спинного плавника, а коленями обхватывает гребной вал.

«Барракуда», словно торпеда, несется, делая крутые виражи, на скорости двадцать узлов, после чего замедляет ход и погружается в море под углом шестьдесят градусов.

Джонас пинает винт и, надавив плечом на переднюю часть дрона, направляет его обратно к поверхности. Выскочив из воды, Джонас делает глоток воздуха... и видит менее чем в ста футах от себя спинной плавник мегалодона.

Куколки и члены съемочной группы, хватаясь друг за друга, пихаясь локтями, пытаются пробиться поближе к снижающемуся вертолету с его спасительными салазками.

Майкл Марен зависает на высоте пяти футов над свалкой, отчаянные призывы о помощи тонут в реве винтов.

– Спокойнее, за один прием могу взять только пять или шесть человек. Вы поняли? Эй...

Джонас прикрывает рукой похожую на плавник антенну, стараясь заглушить сигнал, после чего сжимает икрами заднюю часть «барракуды», чтобы ступнями манипулировать винтом. Прижимая подошвы ног к гребному валу и надавливая на носовой обтекатель, Джонас контролирует направление дрона и удерживает его на поверхности.

Работая ногами, Джонас заставляет «барракуду» описать восьмерку, после чего дрон несется носом вперед прямо в разинутые челюсти монстра.

– Вот дерьмо!

Надавлив на корпус аппарата левой ногой, а на винт – пальцами правой, Джонас резко разворачивает «барракуду» под углом девяносто градусов.

Правый грудной плавник мегалодона разрезает океан прямо под Джонасом, словно крыло «Боинга-727».

Получив временную передышку, Джонас высовывает из воды голову, чтобы глотнуть воздуха.

– Спокойнее, спокойнее! Эй, берегитесь! – Марен тянет на себя ручку вертолета, и воздушное судно начинает трястись под тяжестью одиннадцати запаниковавших взрослых людей. – Кто-то из вас должен остаться внизу! Вы меня слышите?! Я не могу спасти сразу всех! Эй, придурки, а ну живо отпустите салазки!

Марен дергает за ручку, уходит в глубокое пикирование, раскачивает вертолет, сбрасывая цепляющихся за соломинку людей обратно в море. *Господи Иисусе, ты пытался быть героем – вот посмотри, что из этого вышло!*

– А теперь слушайте меня. Я могу взять за один раз только четверых. Но я непременно вернусь. Хорошо? – Марен выравнивает вертолет и снова снижается, бросив быстрый взгляд на монитор ноутбука. – Что?!

«Барракуда» изменила курс и теперь направляется к перевернутой шлюпке.

Сделав паузу, Марен снова включает автопилот и хватается за джойстик ноутбука. *Тут что-то не так. Проклятая штуковина явно вышла из строя.*

Джонас направляет «барракуду» в сторону барахтающихся в море людей, после чего, перекатившись под металлический цилиндр, выталкивает носовой обтекатель из воды, а затем, опустив ноги, заставляет «барракуду» прыгать вверх, словно это марлин.

Пролетев по воздуху с зажатой в правой руке антенной дрона, Джонас ухитряется зацепиться левой рукой за салазки вертолета. Повиснув в воздухе, Джонас обхватывает ногами салазки для лучшей опоры, смотрит на пассажиров опрокинутой шлюпки, отчаянно барахтающихся в воде в шести футах от него. Находит глазами Майка Коффи и что есть силы кричит:

– Уходите! Уводи отсюда людей!

Коффи видит дрон:

– Вот дерьмо! Живо за мной! Мег приближается! – Капитан Сорвиголов стремительно плывет прочь, остальные следуют за ним.

Марен облегченно вздыхает, когда джойстик ноутбука расклинивает. Затем проверяет положение дрона:

– Нет... этого не может быть!

Открыв дверь кабины, Марен смотрит вниз:

– Тейлор?!

– Пламенный привет Селесте. – Напрягшись, Джонас запихивает цилиндр весом сорок два фунта в открытую дверь кабины пилота, отталкивается от салазок вертолета и падает вниз как раз в тот момент, когда из моря возникает верхняя часть туловища самца мегалодона.

Отскочив от правой жаберной щели мегалодона, Джонас проваливается в черноту, грохот винтов вертолета тонет в непроницаемых водах Тихого океана.

Аль Капоне вгрызается острыми зубами в салазки, сминая, алюминий.

Марен с диким воплем обеими руками дергает за ручку вертолета.

В какой-то нереальный момент вертолет поднимает в воздух необъятную тушу мегалодона, но потом сила тяготения берет свое, вертолет теряет управление – и морское чудовище, человек и воздушное судно боком падают в море.

На Марена обрушивается стена воды, в доли секунды заполнившая кабину. Он судорожно пытается расстегнуть пряжку ремня безопасности, но кабина пилота становится смертельной ловушкой. От невыносимого давления закладывает уши, в приступе паники Марен уже не в состоянии различить, где верх, а где низ.

На глубине восьмидесяти футов он перестает бороться, злость испаряется вместе с последним вздохом.

На глубине сто двадцать футов он теряет сознание.

На глубине двести футов его члены перестают дергаться.

На глубине семьсот футов стекло кабины пилота трескается, алюминиевая рама с протяжным стоном разламывается.

«Барракуда», по-прежнему зажатая под креслом пилота, продолжает передавать сигналы.

Мегалодон сопровождает свою добычу в придонные слои; доисторического убийцу снова омывают ювенильные воды, в которых он когда-то родился.

*Северо-запад Тихого океана
18 000 лет назад*

Молодой самец осторожно кружит возле беременной самки, его сенсорная система прощупывает более крупного и матерого сородича. Самец чувствует соблазнительные биения сердца и движения мышц еще не родившихся детенышей самки. Ощущает вкус щелочных эмбриональных выделений из ее клоаки.

Двухлетний период вынашивания потомства подходит к концу.

Самец мегалодона голоден.

Внезапные схватки вызывают спазм толстых спинных мышц самки, заставляя ее выгибать спину.

Самец подбирается поближе.

Самка с быстротой молнии прихватывает зубами кусок плоти обидчика.

Самец резко виляет в сторону, его спина исполосована алыми треугольными отметинами от зубов.

Самка покидает лагуну в поисках открытой воды, где она могла бы дать жизнь своим детенышам. Отступая по расширяющемуся водному пути, она проносится мимо атолла, поднимая могучим хвостом ил со дна.

Раненый самец держится на расстоянии, выжидая своего часа.

Очередная схватка настигает самку у побережья последнего острова, за которым лежит открытый океан. Беспокойная молодь прыгает у нее в животе. Из расширившегося яйцевода появляется облако крови.

Мотая гигантской головой, чтобы справиться со схватками, самка продолжает путь в открытые воды.

Но едва ей удастся миновать внешнее кольцо коралловых рифов, как сильнейший мышечный спазм заставляет хвостовой плавник совершать короткие колебательные движения. Не в состоянии контролировать собственное тело, самка начинает нарезать узкие круги, ее спина резко выгибается, яйцевод расширяется до тех пор, пока из отверстия не появляется голова глазастого маленького мегалодончика.

Новорожденный самец длиной девять с половиной футов и весом в тысячу фунтов выползает из утробы матери в облаке крови и

эмбриональной жидкости. Он мотает головой и открывает пасть, вбирая в себя живительную морскую воду.

Детеныш тотчас же уплывает прочь, отправляясь открывать свой мир.

Тем временем молодой самец подбирается все ближе.

Мать практически ничего не может сделать. И когда появляется второй детеныш, первый уже бьется в зубах агрессивного молодого самца. Самец трясет новорожденного до тех пор, пока тот не перестает сопротивляться, после чего уплывает прочь со своей добычей.

Второй детеныш вырывается на волю, а за ним – еще шестеро акулят: все, как один, серо-коричневые, с белоснежно-белым брюхом. Пятеро из семи уцелевших детенышей – это самки весом более тысячи двухсот фунтов, вес оставшихся двух самцов не более восьмисот фунтов. Покинув мать, детеныши, похожие скорее на миниатюрных взрослых мегов, нежели на новорожденных, разбившись на две пары и тройку, устремляются в коралловые рифы.

Carcharodon megalodon. Высший хищник во все времена, получивший двести миллионов лет назад в процессе развития в дар от Матери-Природы первобытные инстинкты и как ее проклятие – клеймо безжалостного охотника.

Выживание этих семи наследников трона теперь зависит от их способности выдерживать резкие перепады температуры воды, а также избегать нападения кашалотов, волчьих стай косаток... и представителей их собственного вида.

Обнаружив присутствие большого самца, новорожденные детеныши прибиваются поближе к матери, которая, с ее инстинктом пожирать все живое, представляет для них не меньшую угрозу.

Измученная родами, взрослая самка направляется дальше – обследовать окрестности на предмет наличия пищи.

Детеныши плывут у нее в кильватере, молодой самец – в арьергарде, предпочитая, впрочем, держаться в тени.

Глава 28

*Северо-запад Тихого океана
Атолл Улити, Микронезия
Рассвет*

Микронезия – это обобщающее название примерно двух тысяч вулканических островов, разбросанных на площади 3 000 000 квадратных миль. Цепь островов, образовавшаяся миллионы лет назад, делится на три крупных архипелага: Каролинские острова, Марианские и Маршалловы острова.

Некоторые из этих зеленых тропических островов представляют собой вершины подводных гор, другие же являются верхней частью вулканической гряды подводных вулканов. Коралловые рифы, окружающие острова, надежно защищают лагуны с лазурной водой.

К юго-западу от Гуама расположен атолл Улити, общая протяженность суши которого составляет 1,75 мили; внутри этого атолла находится одна из самых больших лагун в мире площадью 200 квадратных миль. В сентябре 1944 года атолл был оккупирован подразделениями армии США, которые создали здесь временную базу ВМФ. После окончания Второй мировой войны атолл Улити, так же как и остальная Микронезия, по решению ООН стал Подопечной территорией Тихоокеанские острова. В 1994 году Подопечная территория Тихоокеанские острова была разделена на четыре самоуправляемые территории: Республику Маршалловы острова, Федеративные Штаты Микронезии, Республику Палау, Содружество Северных Марианских островов.

Население атолла Улити – этого расположенного к западу от Марианской впадины потерянного рая – составляет менее двух тысяч человек.

Прохладный тропический бриз принес облегчение от жары, первые проблески нового дня развеяли ночные кошмары.

Джонас Тейлор открывает глаза.

Он лежит в лазарете. Над ним склонилась темнокожая улыбчивая микронезийская медсестра, говорящая на непонятном диалекте. Грудь и руки Джонаса в белых бинтах, на обгоревшую кожу наложена вазелиновая мазь с алоэ.

Морщась от боли в затвердевших под повязкой мышцах, Джонас поднимает руку и показывает на металлический кувшин.

Медсестра дает ему попить.

– Спасибо, – хрипит Джонас. – Где я?

– На острове Могмог. – В ногах кровати появляется Эрик Холландер с влажной тряпкой на лысеющем лбу. – Могмог – резиденция верховного вождя атолла Улити. Хотя, вообще-то, это напоминает «Остров Гиллигана». Ты находился в беспмятстве последние полтора дня.

– А моя дочь?

– У нее все отлично. И в данный момент она, скорее всего, занимается скуба-дайвингом в лагуне.

– Марен?

– Слава богу, он уже превратился в пыль истории, которую можно смело отряхнуть с наших ног! – Эрик придвигается поближе. – Этот сукин сын хотел нас с тобой прикончить. Впрочем, как и всю съемочную группу. Но ты, старый Сорвиголова, его уделал. Спас наши задницы. Настоящий герой! Телекомпания тебя не забудет. Никто из нас не забудет. Я в прямом смысле. Стюарт Старр снял все на камеру. И за это, мой друг, ты получишь еще пол-лимона.

– Убирайся!

– Хорошо-хорошо. Эй, приятель, если это для тебя хоть что-нибудь значит... я прошу прощения.

Джонас устало закрывает глаза:

– Найди Дани.

– Папа?

Джонас открывает глаза. На Дани майка и шорты с эмблемой шоу «Сорвиголовы II», влажные белокурые волосы затянуты в хвост.

– Ты такая... красивая. И когда ты успела вырасти?

У Дани дрожит нижняя губа.

– Похоже, мне еще расти и расти.

– Я горжусь тобой. Ты в курсе?

– Я тоже тобой горжусь. – Ее голубые глаза наполняются слезами. – Папа, ну а теперь мы можем уехать домой?

– Да, – улыбается Джонас. – Мы с тобой получили столько острых ощущений, что, пожалуй, хватит до конца жизни.

Глава 29

Фараллоновы острова, Тихий океан

На этот скалистый архипелаг, который американские индейцы называли «Острова Мертвых», в свое время впервые высадился Фрэнсис Дрейк, решивший пополнить запасы продовольствия мясом морских львов.

Фараллоновы острова – это обдуваемые всеми ветрами скалы, расположенные в двадцати шести милях к западу от моста Золотые ворота в Сан-Франциско. Из четырех островов, входящих в архипелаг, три представляют собой горные пики, выступающие над поверхностью Тихого океана, и только четвертый, самый большой – Юго-Восточный, – является обитаемым. Морские млекопитающие, такие как северный морской слон, – полновластные хозяева этих каменистых земель, и их присутствие привлекает к отдаленной цепи островов совсем другие виды животных.

А именно *Carcharodon carcharius* – большую белую акулу.

Тень вертолета Океанографического института Танаки ложится на средний из Фараллоновых островов – недоступную каменистую гряду, загаженную птичьим пометом. Вертолет зависает в шестидесяти футах над темно-синей поверхностью Тихого океана, после чего Мак дает сигнал Терри опускать портативный тампер, который стальным тросом прикручен к лебедке вертолета.

Акустический прибор касается гребня волны и сразу тонет, привлекая к себе внимание стада любопытных тюленей. Мак поворачивается к Терри, лицо женщины искажается в зеркальных стеклах его солнцезащитных очков.

– Последний раз я летал над этим местом двадцать два года назад. Еще тогда, когда мамаша Ангела плавала на свободе. Рехнуться можно, да?

Терри кивает, поправляя микрофон головной гарнитуры:

– И куда ушли все эти годы?

– Без понятия. Но я точно знаю, что свои растратил впустую. Терри, вот скажи мне одну вещь. Неужели супружество – действительно такая хорошая штука, как об этом говорят?

Серьезный тон Мака действует на Терри обезоруживающе.

– Джеймс Макрейдс, только не говори мне, что и впрямь хочешь остепениться! Неужели ад замерз, а свиньи стали летать?

– По-твоему, я для этого слишком старый, да?

– Слишком старый? На самом деле я считаю, что это первая зрелая мысль, которую ты озвучил за много-много лет. Вы с Триш будете замечательной парой. Э-э-э... Ты ведь имеешь в виду Патрицию Педраццоли, да?

– Нет, я подумываю сделать предложение красотке Бетти из «Шейкиз бар энд грилл». Ладно, запускай скорее свой чертов рыбоискатель!

Терри с улыбкой включает сонар, уже прикрепленный к тамперу. На мониторе ее ноутбука появляется россыпь мелких точек, представляющих собой не в меру любознательных тюленей.

Мак берет курс на юг, вертолет буксирует тампер в более глубокие воды.

– Возвращаясь к вопросу о браке, я... хм...

– Тебя что, волнует проблема моногамии?

– Ну да, типа того. Скажи, после двадцати лет совместной жизни между тобой и Джонасом по-прежнему пробегает искра?

Терри задумчиво смотрит вдаль:

– Она, безусловно, есть. Просто ее не всегда чувствуешь в силу привычки. Но потом ты проводишь какое-то время в разлуке и понимаешь, что она никуда не делась.

– Скучаешь по нему, да?

Терри кивает:

– Они с Дани прилетают рано утром с Гавайев. И мне хотелось бы заманить Ангела обратно в клетку до их приезда.

– А мне хотелось бы увидеть его физиономию. – Мак испытующе смотрит на Терри. – А что там еще за история с этим мутным типом Джошуа?

Терри меняется в лице:

– Что ты имеешь в виду?

– Да брось, Терри! Я же вижу, как он на тебя смотрит. Твой приятель явно не прочь на тебя запрыгнуть...

– Джош знает, что я замужем.

– И что с того? Семейные узы никогда не останавливали парней вроде моего старика. Может, мне стоит до приезда Джонаса потолковать с этим Джошуа?

– Оставь. Сама разберусь.

– Ну, как знаешь. Дело хозяйское.

На борту грунтоотвозной баржи

Вход в канал лагуны Танаки

Темно-синие семифутовые валы сериями по шесть волн набегают на вход в канал, разбиваясь о восточную внутреннюю стену лагуны.

Джошуа Банкофски закрывает глаза, когда очередной гребень вздымает грунтоотвозную баржу. Волна натягивает якорные цепи, подкатывает под оранжевые буи и натянутую через вход в канал колючую проволоку.

Чтобы уберечься от ветра, Джошуа застегивает на молнию мокрый гидрокостюм, и в этот момент рация оживает.

– Плавучая база, ответьте.

Джошуа берет рацию:

– Ага, продолжай, Дональд.

Сквозь треск слышится голос Дэвида:

– Не Дональд, а Дэвид!

Джошуа улыбается:

– Чего тебе надо, малыш?

– Приманка на месте. Начинаю установку в лагуне подводной акустики.

– Тогда вперед!

– Ты ведь сообщишь мне, когда она войдет в канал, да?

– Само собой, Дуглас. – Джошуа убирает рацию и включает CD-плеер.

Дэвид, негодующе качая головой, смотрит на Патрицию:

– Кем себя возомнил этот парень?

– Не позволяй ему тебя доставать. – Белокурая риелторша, заслонив рукой глаза от солнца, смотрит на 350-фунтовую говяжью тушу, которая раскачивается в тридцати футах от поверхности воды в южном конце лагуны. – А ты уверен, что А-рама выдержит? На мой взгляд, она слишком старая и ржавая.

– Не знаю. Я даже не уверен, правильно ли мы подвесили приманку. Жаль, что папы нет рядом. Он бы знал, что нам делать.

На борту самолета авиакомпании «Нортвестерн эрлайнс», рейс 6002

Аэробус «Боинг-767» идет с крейсерской скоростью на высоте 40 000 футов над Тихим океаном, продолжая семичасовой перелет на восток.

Джонас Тейлор стряхивает с себя дремоту, когда стюардесса мимоходом задевает его по плечу тележкой с напитками.

– Извините, мисс, когда мы приземлимся в Сан-Франциско?

– Примерно через час.

Джонас поворачивается к соседнему креслу возле окна. Удостоверившись, что Дани спит, он вынимает из кармана куртки «Гонолулу адвертайзер» и переходит к чтению второй части статьи на первой полосе газеты.

Чудовищная акула нападает на фанатов «Джайентс»

Сьюзен Тьюнис, редактор журнала «Дискавер дайвинг», наблюдала за нападением с борта своего водолазного бота: «Я уже видела раньше этого монстра. Лет двадцать назад мы с сестрой были на вечернем представлении в лагуне Танаки. Заметив призрачное сияние в Маккови-Коув, я сразу поняла, что это Ангел. Но видеть ее так близко... Невозможно передать словами, насколько это страшное зрелище. Когда она всплыла на поверхность, то больше всего напоминала выступающий из воды огромный айсберг. А когда она разинула пасть и начала пожирать несчастных людей... у меня возникло такое чувство, будто они проваливались в ствол шахты».

Терри Танака, жена профессора Джонаса Тейлора, сделала заявление по поводу нападения акулы: «Непонятно, каким образом Ангел вернулась в калифорнийские воды. Насколько нам известно, она

предпочитает большие глубины. Ее случайное появление в заливе Сан-Франциско, скорее всего, было вызвано сильными поверхностными возмущениями во время (бейсбольного) матча. Но при всем ужасе произошедшего я могу смело заверить, что люди не являются основой рациона питания Ангела, так же как, впрочем, и других акул. Несмотря на сложность и опасность стоящей перед ними задачи, сотрудники Океанографического института Танаки не успокоятся, пока не отловят мегалодона. Мы молимся за погибших и их семьи».

Джонас еще раз перечитывает последние строки. *Не делай этого, Терри. И пожалуйста, не пытайся мне что-то доказать.*

Увидев, что Дани пошевелилась, Джонас поспешно прячет газету.

– Я проголодалась.

– Хочешь арахиса?

– Ненавижу арахис. Когда мы приземлимся?

– Скоро.

– Кстати, а почему мы улетели раньше других? Съемочная группа вообще остается на Гавайях до конца недели, причем все расходы оплачены.

– Я соскучился по твоей матери.

– Ну и что? Эрик ведь предложил привезти ее к нам. Мы свободно могли провести неделю на Гавайях, а ты профукал такой шанс.

– Я тебе это компенсирую. А теперь спи давай.

На борту грунтоотвозной баржи

Вход в канал лагуны Танаки

Низкие звуки реверберируют в воде и дальше – через стальную баржу, отдаваясь в мозгу Джошуа и вызывая головную боль, как при синусите. Джошуа собирается прибавить громкость CD-плеера, но тут в треске статического электричества оживает рация:

– Плавающая база, ответьте.

Джош хватается трубку:

– Эй, Дональд, как насчет того, чтобы приглушить барабаны? У меня голова буквально раскалывается.

Дэвид, пропустив просьбу Джоша мимо ушей, говорит:

– Я вот тут подумал, а что, если, пока мы ждем маму с Маком, запустить землечерпалку? Так, на всякий случай. Чтобы быть уверенным, что вход в канал расчищен.

– Насколько я понимаю, под словом «мы» ты подразумеваешь меня?

– Все, что тебе надо сделать, – включить дизель-генератор.

– Макрейдс сказал, там все расчищено. И мне этого вполне достаточно.

– Все было расчищено три дня назад. А сейчас, возможно, требуется углубить дно.

– Нельзя вот так просто взять и включить генератор. Кто-то должен находиться внизу, контролировать втягивающий рукав. И будь я проклят, если хоть куда-то уйду, пока не буду знать наверняка, где скрывается Ангел. Отзвонись, когда твоя мать ее обнаружит. А пока выключи, к чертовой матери, подводные динамики!

На борту вертолета

Океанографического института Танаки

У поверхности океана появляются свинцово-серые тени. Шесть зловещих силуэтов движутся в унисон, следуя за буксируемым из вертолета тампером.

Терри, наблюдавшая за океаном в бинокль, обнаруживает, что к стае присоединились еще три акулы.

– Это определенно большие белые. Никогда не видела их в таком количестве.

– А я видел, – отзывается Мак. – Восемнадцать лет назад, когда у Ангела была течка. Их тогда собралось не меньше десятка, все самцы. Они кружили у ворот в канал, точно сексуально озабоченные морпехи во время короткой увольнительной.

– Тогда Ангел источала мощный запах. Но с чего это вдруг сейчас акулы, словно привязанные, следуют за тампером?

– Может, дело не в тампере. Давай-ка проверим. – Потянув на себя ручку вертолета, Мак набирает высоту.

Тампер, выскочив из воды, танцует на конце шестидесятифутового буксировочного стального троса.

И буквально секунду спустя большие белые акулы кидаются врассыпную, поскольку из воды возникает верхняя часть туловища Ангела. Она тщетно пытается поймать зубами болтающееся в воздухе акустическое устройство.

– Вот же сука! – Мак поднимает вертолет еще выше, и разъяренный монстр плюхается боком обратно в воду.

Терри хватается рацию:

– Вертолет вызывает базу, вертолет вызывает базу...

– Вертолет, база слушает. Прием. Говори, ма.

– Мы обнаружили Ангела. Летим обратно.

Лагуна Танаки

Дэвид хватается рацию, его сердце бьется в такт низкой барабанной дроби, эхом разносящейся по пустой арене.

– База вызывает баржу. Джош, прием. Это Дональд, я хотел сказать, Дэвид.

– Продолжай.

– Они нашли Ангела. Она в двадцати трех морских милях к северу. Направляется к нам. Идет на скорости двадцать узлов. У тебя еще остается сорок пять минут, чтобы расчистить дно.

– Я тебе вот что скажу, малыш. Чем заниматься дноуглубительными работами, я лучше осмотрю ворота. Проверю, будут ли они закрываться.

Дэвид пожимает плечами:

– Ладно. Это вполне разумно.

На борту грунтоотвозной баржи

Вход в канал лагуны Танаки

Джошуа застегивает пряжки жилета-компенсатора и баллона с воздухом, проверяет регулятор, сплевывает в маску. *Проверь это, сделай то... Интересно, кем себя возомнил этот пацан Тейлор?*

Поправив маску, Джошуа солдатиком ныряет с баржи в воду.

Тихий океан принимает его в свои ласковые объятия, темно-синие воды прозрачны, словно стекло, – идеальные условия для дайвинга. Выровняв давление в жилете, Джошуа замедляет скорость погружения,

а затем плывет к высоченной стальной плите, а именно к открытой северной створке ворот в канал.

Джошуа осматривает покрытую ракушками поверхность, потом засовывает три пальца в одно из тысячи проделанных в воротах отверстий. Но вовремя вспоминает про монстра и продолжает погружение; его сердце тревожно бьется в груди.

Коснувшись илистого дна, Джошуа оглядывается по сторонам и находит резервный блок питания. Заглянув внутрь, находит клавиатуру, о которой говорил Дэвид.

Лампочка генератора мигает красным светом.

Джошуа набирает код: 10–7–6–4–6 – и ждет.

Ничего.

Он пробует снова и снова.

По-прежнему ничего.

Чертыхнувшись в регулятор, Джошуа отталкивается от дна и, стравливая воздух, поднимается на поверхность.

Лагуна Танаки

– Баржа вызывает Дэвида. Прием.

Дэвид снимает рацию с пояса:

– Что случилось?

– Проклятый генератор не работает. Вот что случилось. Ты вроде говорил, будто проверял его?

Дэвид остолбенело смотрит на Патрицию:

– Я... Это... Вот дерьмо!

– Вот-вот, полное дерьмо. А теперь живо натягивай снаряжение и найди нам альтернативный источник энергии, пока Ангел еще далеко.

Международный аэропорт Сан-Франциско

Спустившись с трапа самолета, Джонас с Дани входят в терминал, где их с порога ослепляют вспышки множества камер.

– Профессор Тейлор, это правда, что вы вернулись пораньше, чтобы отловить Ангела?

– А почему вы так уверены, что на сей раз сможете ее удержать?

– Джонас, сколько человек на самом деле погибло во время съемок «Сорвиголов»?

– Профессор, а вы считаете, справедливо держать дикое животное вроде Ангела взаперти?

– Довольно! – Джонас хватает дочь за локоть и силой прокладывает себе дорогу сквозь толпу репортеров.

Джеймс Гелет с охранником перехватывают их у эскалатора:

– Джонас, привет! Я Джеймс Гелет. Компаньон Эрика. У меня тут лимузин. Он ждет вас с дочерью у выхода.

– Прекрасно. Помогите нам выбраться, на хрен, отсюда!

– Отдайте охраннику квитанции на багаж, он о нем позаботится.

Джонас, порывшись в кармане, отдает корешки билетов, и Гелет выводит его на улицу.

Водитель лимузина распахивает заднюю дверь. Дани залезает первой, Джонас – за ней.

Гелет заглядывает в салон:

– Вернусь буквально через две секунды. Сделаю небольшое заявление. И мы уезжаем.

Дверь быстро захлопывается, лимузин окружает толпа.

– Папа, что происходит? Почему они говорят о поимке Ангела?

Джонас лезет в карман. Отдает дочери газету.

Дани расширившимися глазами смотрит на фото «Ассошиэйтед пресс», украшающее первую полосу:

– Ой, нет!.. Боже мой!

– Тсс... Все в порядке.

За окном лимузина слышится пронзительный женский крик. Джеймс Гелет прерывает выступление.

Лагуна Танаки

В мокром гидрокостюме и снаряжении для подводного плавания Дэвид поднимается вверх по подземной лестнице, держа в руках ласты, маску и моток подводного кабеля.

Патриция вприпрыжку бежит за ним по арене:

– Дэвид, постой... Что ты делаешь? Дэвид...

– Нам нужно электропитание. Я могу подсоединить кабель к генератору на борту баржи. Это даст нам достаточно энергии, чтобы закрыть ворота в канал.

– Ни за что! Я категорически запрещаю тебе спускаться вниз! Дэвид, ты меня слышишь?

Не обращая внимания на слова Патриции, Дэвид поднимается на самый верх северной трибуны, распахивает потайную дверь в стене по периметру арены, открывает ключом висячий замок.

– Эй! – Патриция хватается Дэвида за рукав. – Не делай этого!

– Со мной все будет в порядке. У нас в запасе еще куча времени. – Проглотив ком в горле, Дэвид выходит на двенадцатидюймовый бортик северной стены канала.

Патриция с тоской смотрит, как Дэвид идет по бетонному барьеру за трибуной, выходящему в Тихий океан.

И неожиданно замечает гоночный катер.

На борту гоночного катера «Сигаретт»

В ста ярдах от южной подпорной стенки канала Девин Дейтч сбрасывает скорость:

– Хочешь подплыть поближе?

Его старший брат Дрю запрокидывает голову:

– Не-а, этого достаточно. Иначе мы можем привлечь к себе внимание. Давай надевай снаряжение. Я буду готов буквально через минуту.

У него на колене лежит маленькая плоская подводная мина.

На борту грунтоотвозной баржи

Вход в канал лагуны Танаки

Сидя на краю качающейся на волнах баржи, Джошуа с интересом наблюдает за тем, как Дэвид Тейлор пробирается по краю уходящей под воду подпорной стенки.

Дэвид задерживает дыхание и пригибает голову, зажав стенку между коленями, когда на него накатывает очередная волна.

– Давай, Дагмар! Мы не можем сидеть здесь целый день!

Серdito сунув регулятор в рот, Дэвид ждет, пока не пройдет очередная волна, и ныряет. В одной руке он держит моток кабеля, а второй гребет. Поднырнув под четырехфутовое ограждение из колючей проволоки, Дэвид выплывает на поверхность и устремляется к барже.

– Чего ты копаешься?! Интересно, и что ты собираешься с этим делать?

Сняв ласты, Дэвид начинает разматывать 600-футовую бухту кабеля:

– Ты хотел электропитание. Так вот, будет тебе электричество. Один конец мы подсоединим к генератору баржи, а другой – к резервному блоку питания.

Джошуа смотрит на часы. *Двадцать восемь минут плюс-минус несколько минут.* Он берет рацию:

– Эй, Трейси, ты там?

– Очень смешно, – отвечает Патриция.

– Свяжись с вертолетом. Прежде чем лезть в воду, я должен точно знать, как далеко они от нас.

На борту вертолета

Океанографического института Танаки

Терри внимательно осматривает поверхность океана в бинокль. Обнаруживает спинной плавник цвета слоновой кости.

– Ну вот, она снова появилась.

Мак тянет на себя ручку вертолета, тампер выпрыгивает из моря.

Ангел исчезает, уйдя на глубину.

– Похоже, ей надоело скакать туда-сюда! – кричит Терри.

– База вызывает вертолет. Прием.

Терри переключает рацию:

– Говори, Триш.

– Сообща ваше примерное время прибытия.

Мак проверяет приборы:

– Мы идем со средней скоростью десять узлов и сейчас находимся от вас на расстоянии добрых четырнадцати миль. Скажем так, по крайней мере час, чтобы наверняка.

На борту грунтоотвозной баржи

Вход в канал лагуны Танаки

– Мак говорит, у тебя есть час, если она продолжит идти тем же курсом и с такой же скоростью. Но у нас тут возникла новая проблема.

К югу от канала появился гоночный катер. Думаю, он принадлежит братьям Дейтч.

Забравшись на песчаную дюну, Джошуа устремляет взгляд на юг:

– А кто это, на хрен, такие – братья Дейтч?

Дэвид смотрит на появившийся вдалеке катер:

– Парочка парней, которые собирались построить в лагуне жилой комплекс и мол.

– Ну ладно, сейчас нам немножко не до них. Подсоедини конец кабеля к дизель-генератору, а потом я провожу тебя вниз.

Дэвид тяжело сглатывает:

– А может, ты справишься без меня?

– Послушай, вундеркинд, я не электрик, а морской биолог. Вперед, шевели лапами!

Дэвид хватается за свободный конец кабеля и тянет его через песчаную дюну. Следы, оставленные всасывающими рукавами, ведут к заляпанному машинным маслом красному, как пожарная машина, дизель-генератору.

Дэвид присоединяет электрический кабель к клеммам, затем быстро перебрасывает свободный конец Джошуа:

– О'кей, здесь все готово.

– Ладно, давай сделаем это по-быстрому. – Джошуа надевает маску и прыгает в океан, исчезая в облаке пузырьков.

Дэвид пытается сплюнуть в маску, но у него пересохло во рту. Он наклоняется, чтобы смочить маску морской водой. Тем временем баржу подбрасывает очередная волна, и мальчик кубарем летит в океан.

Испуганный подросток, отчаянно барахтаясь, выплывает на поверхность и забирается обратно на баржу. Тяжело дыша, он оглядывает пустынный океан. *Ладно, ты должен это сделать... Нельзя быть таким слабаком.*

Надев маску, Дэвид прикусывает регулятор и прыгает вниз.

Лагуна Танаки

Патриция прислоняется к стальному ограждению в верхнем ряду западной трибуны, ее бинокль нацелен на двоих мужчин в гоночном катере.

– О'кей, мальчики, интересно, что это вы задумали?

Она видит, как Девин прыгает за борт в полном снаряжении для скуба-дайвинга. Дрю протягивает ему какой-то с виду тяжелый диск.

Девин исчезает под водой.

У Патриции кровь стынет в жилах. Мина? *Они собираются взорвать ворота в канал!*

Схватив сотовый телефон, Патриция набирает справочную службу:

– Залив Монтерей. Мне нужен номер Береговой охраны.

Канал лагуны Танаки

Дэвид плывет в сторону дна, ориентируясь по следу пузырьков воздуха, тянущихся за Джошуа. Навязчивое эхо вудуистских барабанов звучит в такт с его учащенным пульсом, отдаваясь в костях. Мальчик вспоминает о своем деде. *Ничего, как-нибудь обойдется. Ангел за много миль отсюда.*

И вот наконец появляется илистое дно, спрятавшееся под зарослями горчичных кораллов.

С концом подводного кабеля в руках Джошуа уже нетерпеливо ждет возле резервного блока питания размером с мусорный контейнер.

Дэвид зависает над океанским ложем, затем поворачивается и осторожно вглядывается в зловещую тьму подводного каньона.

Вид черной бездны вызывает невольную дрожь.

Между тем Джошуа уже нетерпеливо постукивает по блоку питания.

Дэвид подплывает поближе и, осмотрев стальной контейнер, обнаруживает облепленный ракушками шов. Достав нож, мальчик начинает счищать налет.

Джошуа приходит к нему на помощь.

Призрачное существо цвета слоновой кости движется по долине вечной тьмы, нижняя челюсть судорожно дергается, дыхание неровное.

Уже много дней большой самец плывет на юг вдоль Тихоокеанского побережья; сенсорная система мегалодона настроена на следы самки с овуляцией. Когда мег преодолел течения залива Сан-

Франциско, его органы обоняния уже насытились едкими ароматами самки, причем запахи эти усиливались по мере погружения в подводный каньон Монтерей. Самка здесь явно побывала, но притягательный запах стоял повсюду, что делало невозможным установить ее точное местонахождение.

Самец мегалодона лавирует среди серых теней в восьмистах футах от поверхности океана. И хотя хищник предпочитает охотиться ночью, последние два раза он кормился на закате дня. Рассеянный свет по-прежнему болезненно воспринимался его глазами, однако самец оказался не в силах устоять против соблазнительных гормональных выделений самки, сконцентрировавшихся в основном в срединном и поверхностном слоях океана.

Мозг самца, возбужденного присутствием где-то поблизости самки в период овуляции, начинает вырабатывать повышенный уровень тестостерона, что еще больше усиливает природную агрессию. Пробираясь сквозь заросли бурых водорослей, самец бросается на все, что движется, его сенсорная система перегружена.

Зазевавшиеся пять-шесть тюленей стали легкой закуской для мегалодона, расколовшего мощными челюстями их черепа, как орех.

Охотник продолжает движение на юг, но неожиданно настораживается, услышав знакомый звук. Поначалу это всего лишь далекие реверберации, которые затем перерастают в глухое эхо, распространяющееся на десятки миль по глубоководной впадине.

Мегалодон засекает источник возмущений и, свернув на восток, несется по подводному каньону, точно бешеный бык.

На борту вертолета Океанографического института Танаки

Терри направляет бинокль на поверхность Тихого океана. Большие белые акулы внезапно исчезли.

Мак хлопает ее по плечу:

– Ну что?

Терри снова проверяет рыболокатор. Качает головой:

– Она ушла.

Канал лагуны Танаки

Дэвид с помощью Джошуа снимает верхнюю панель, открыв силовой блок размером с ведро.

Вытащив из крепления покрытый коррозией мини-генератор, Дэвид находит подходящий разъем.

Вставляет туда кабель.

Сунув руку в верхнюю часть блока питания, набирает код доступа.

Ничего.

В сердцах он пинает коленом проклятый агрегат. Останавливается. Лихорадочно соображает. Ухмыляется в регулятор. Тычет пальцем в сторону поверхности, пытаясь по мере сил показать Джошуа, что для работы агрегата необходимо сперва включить дизель-генератор.

Джошуа сигналил, что понял, отталкивается от дна... и в это время из подводного каньона появляется морда белого демона.

Голова большого самца размером с носовую часть военно-транспортного самолета С-5. В подрагивающей багровой нижней челюсти глубоко засел титановый крюк. Потемневший стальной трос тянется из гноящейся раны, словно антенна.

У Джошуа глаза лезут на лоб, сердце подпрыгивает. Он застывает в тридцати футах от поверхности, стараясь не шевелиться.

Но его присутствие выдают пульсации внутренних органов.

Возбужденный мег обращает бездушный взгляд на своего противника, явно пытающегося его переиграть.

Глаза человека и зверя встречаются.

Затем всего лишь одно леденящее кровь конвульсивное движение – и мег добирается до Джошуа.

Омерзительные челюсти раскрываются, бездонная глотка расширяется, пока не исчезает из поля зрения Джошуа, после чего он, словно в бреду, осознает, что его уже заглатывают.

Внезапная темнота... Взрыв боли, и поток крови, и хруст костей, когда дюжины семидюймовых ножей обрывают жизненную нить морского биолога...

Хрум.

И все кончено.

В двадцати футах от места кровавого пиршества Дэвид блюет в регулятор. Мальчик дрожит мелкой дрожью при виде того, как

челюсти монстра открываются и закрываются, разбрасывая по сторонам окровавленные ошметки плоти и обрывки мокрого гидрокостюма.

Мег мотает головой и выплевывает изжеванные остатки акваланга Джошуа Банкофски, после чего переводит холодные глаза на Дэвида.

Лагуна Танаки

Джонас вылезает из лимузина, разминая затекшие члены. На боковой дорожке, примыкающей к центральному входу в арену, припаркованы два автомобиля, один из которых – потрепанный грузовичок Мака. Неожиданно у Джонаса возникает знакомое покалывание в костях.

Джеймс Гелет открывает заднюю дверь лимузина:

– Я тут вот что подумал... Мы привезем сюда съемочную группу примерно за час до начала вечернего эпизода шоу, а затем осуществим спутниковую связь с...

– Тише! – Джонас прислушивается. Опускается на колени. Прикладывает ладони к тротуару.

Гелет терпеливо ждет.

– Что? Землетрясение? – наконец не выдерживает он.

Из лимузина выходит Дани:

– Папа, в чем дело?

– Тампер!

Джонас во весь опор несется по ведущему к арене туннелю. Слышит отчаянный женский крик.

Патриция, перепрыгивая одним махом через две ступеньки, бежит вниз по проходу западных трибун, висящий у нее на шее бинокль подпрыгивает на груди.

– Триш! – машет рукой Джонас.

Патриция удивленно вскидывает голову:

– Джонас? Джонас, быстрее! Там в канале еще одна акула! Еще один мег!

– Что?!

Патриция подбегает к Джонасу. Струйки пота стекают по ее разгоряченным щекам.

– Джонас, Дэвид в канале!

Монструозная рыбина кренился в сторону Дэвида.

Дэвид, с силой оттолкнувшись от дна, перелетает через контейнер с блоком питания. Переворачивается и лихорадочно гребет, огибая ворота в канал, в сторону темного углубления, в котором прячутся приводы открывания ворот.

Не смотри, не останавливайся, не смотри, не останавливайся...

Большой самец ныряет вперед, тараня головой щель между открытыми воротами и северной стенкой канала.

Дэвид, вцепившись в один из механизмов, исчезает в тени, а тем временем мегалодон пытается протиснуться в тесное пространство, створка ворот врезается в его правый бок.

Дэвид учащенно дышит в регулятор, не в силах оторвать глаз от мерзкой белой головы. Серо-голубые глаза монстра закатились назад, обнажив белки в красных прожилках.

На какой-то миг Дэвида парализует от страха, но тут в его ушах раздается леденящий кровь скрежет металла. Мальчик с ужасом понимает, что створка ворот начинает поддаваться.

Джонас запускает лебедку А-рамы – выпотрошенная 350-фунтовая говяжья туша плюхается в воду в южном конце основного бассейна.

Включив реверс, Джонас выдергивает мокрую тушу из воды, затем передает рычаги управления Патриции:

– Усекла? Вверх – вниз, словно гигантский чайный пакетик.

– Понятно. Погоди-ка... Что ты собираешься делать?

Джонас вихрем несется к краю арены:

– Собираюсь спасти своего сына.

Дэвид нащупывает кнопку компенсатора плавучести. Нажимает, накачивая жилет.

Поднявшись по V-образной щели, мальчик пулей летит к поверхности, после чего, вспомнив о том, как последний раз запаниковал в этих самых водах, замедляет всплытие.

Остановившись на глубине тридцать футов, он заставляет себя расслабиться и отдышаться.

Заряженный переизбытком тестостерона мег смотрит, как добыча ускользает от него, оказавшись вне пределов досягаемости. Тогда охотник выбирается из щели в поисках другого способа добраться до Дэвида, но тут его органы чувств обнаруживают нечто более интересное.

Поверхностные возмущения.

Кровь.

Добычу.

Голодная акула всплывает в канал, серповидный хвост яростно перемальывает поверхность воды.

Джонас осторожно балансирует на бортике бетонной стены, слева от него канал, справа – пятнадцатифутовый отвесный спуск на берег.

Подняв голову, Джонас видит приближающийся плавник цвета слоновой кости.

Джонас медленно садится на корточки, после чего седлает двенадцатидюймовую стенку и ждет.

Еще один самец. Даже крупнее, чем Аль Капоне. Интересно, что завело Ангела и этого самца так далеко от тихоокеанских глубоководных впадин? Думай, Тейлор. Здесь происходит нечто очень важное...

Стиснув зубы, Джонас ждет, когда мегалодон проплывет мимо, и внезапно замечает волочащийся за монстром стальной трос.

Боже правый!.. Каньон Монтерей! Ангел собирается вывести в каньоне потомство, совсем как ее мать двадцать два года назад.

Джонас вскакивает на ноги и несется по бортику узкой стены канала. Спустившись ниже уровня берега, он преодолевает еще сотню ярдов и оказывается там, где канал переходит в Тихий океан, а волны, будто приветствуя гостя, перекатываются через верхний край бетонной стены.

Высокий прилив уже скрыл последнюю треть волнолома, что делает спуск еще более опасным. Джонас пробирается вниз по щиколотку в воде, но внезапно ему в грудь ударяет гигантская волна.

Потеряв равновесие, он падает в канал.

Выныривает и плывет к стене. Почувствовав твердую почву под ногами, Джонас выпрямляется. Море тянет его за щиколотки обратно.

У Джонаса екает сердце при виде головы сына, появившейся на поверхности в конце канала.

Огромная волна обрушивается на дальний конец основного бассейна. Патриция видит приближающегося самца. словно Моби Дик, он раздвигает головой цвета слоновой кости оливково-зеленую воду.

– Господи боже мой!.. – Выпустив из рук пульт управления, Патриция пятится по ступенькам трибуны.

Мег, выпрыгнув из воды, молниеносным движением стаскивает мокрую говяжью тушу с крюка, после чего яростно терзает зубами добычу, нагоняя десятифутовые волны.

Патриция зажимает уши, оглушенная душераздирающим скрежетом железа. Вырванная из бетонного основания А-рама падает в бассейн.

Дэвид плывет вдоль скрытой под водой северной стены. Он видит зыбь, идущую от дальнего конца бассейна, слышит грохот рухнувшей А-рамы.

Находит глазами баржу. *Пятьдесят ярдов, может, шестьдесят. Надо рискнуть.*

Погрузив голову в воду, Дэвид неуклюже плывет кролем в сторону баржи, акваланг сковывает движения.

Полпути пройдено, продолжай плыть.

– Дэвид!

Дэвид в изумлении оборачивается:

– Папа?

Джонас подныривает под набежавшую волну, после чего машет сыну:

– Шевелись! Плыви к барже. Не забывай о колючей проволоке!

Дэвид отчаянно работает руками и ногами. Он подныривает под ограждение из колючей проволоки, проплывает под оранжевыми маркерными буями и, ухватившись за край баржи, карабкается на нее. Снимает ласты, затем жилет и акваланг, потом опрометью бежит через песчаные дюны к дизель-генератору и нажимает на красную кнопку запуска.

Двойной выхлоп – и генератор возрождается к жизни.

Вялый резиновый отсасывающий рукав диаметром четыре фута прокашливается, надувается и выплевывает на платформу струю мокрого песка.

Ворота в канал начинают медленно закрываться.

Девин Дейтч вконец вымотан и обозлен. Передвигавшийся в сорока футах от поверхности воды с прижатой к груди подводной миной, дайвер-любитель двадцать минут лавировал, преодолевая сильное течение, и уже два раза выныривал на поверхность, чтобы прийти в себя.

Нет, я точно удавлю Дрю за то, что заставляет меня изображать из себя «морского котика» ВМС США...

Подняв глаза, Девин видит линию оранжевых буйков у входа в канал. *Проклятье! Должно быть, проскочил мимо южной створки.*

Девин разворачивается и плывет назад, ориентируясь по буйкам. Еще тридцать футов – и из тени наконец вырисовывается полуоткрытая стальная створка.

Он осматривает подводную мину. На ней две кнопки: одна предназначена для намагничивания стального корпуса, другая – для активации таймера, запрограммированного Дрю так, чтобы привести в действие взрывное устройство ровно через час.

Девин намагничивает стальной диск и прижимает его к облепленной ракушками внутренней поверхности створки.

Мина на секунду прилипает, но затем падает вниз, пролетев мимо ног Девина.

Блин! Девин ныряет за тонущим взрывным устройством и ловит его уже на глубине пятидесяти семи футов.

Подплыв вновь к створке ворот, Девин достает нож и начинает счищать ракушки со стального полотна.

Джонас, перебирая в воде ногами, массирует сведенные мышцы живота. Верхняя часть северной стены находится где-то внизу, у него под ногами. А прямо над головой – колючая проволока, обозначающая вход в канал.

Неожиданно Джонаса начинает затягивать в водоворот от пришедших в движение стальных створок.

Внезапное движение ворот застает Девина врасплох, стальная створка сталкивается с маской дайвера, едва не сломав ему нос. Кровь

льется ручьем из правой ноздри Девина прямо в маску, его относит назад быстро захлопывающейся южной створкой.

Бросив взгляд налево, Девин видит северную створку, которая надвигается на него под аккомпанемент пронзительного скрежета приводов.

Самец мечется в окровавленной воде южной части бассейна, но ничего интересного для себя больше не находит.

Внезапно его внимание привлекает скрип закрывающихся ворот.

Покинув лагуну, возбужденный мег возвращается в канал, чтобы выйти оттуда в открытый океан.

Джонас отчаянно гребет и работает ногами, но бурное течение продолжает затягивать его обратно на середину входа в канал – прямо на колючую проволоку.

Сделав, отчаянный рывок в сторону, Джонас хватается за ближайший оранжевый буй.

– Папа, мег!

Джонас оглядывается на русло канала. *Вот черт!.. Снова-здорово.*

Воды канала стремительно пропахивает пенный след – большой самец направляется напрямиком к Джонасу.

Джонас чувствует, как северная створка ворот со скрипом замирает в восьми футах под ним. Опустив голову в воду, он пытается разглядеть верх створки.

Она замерла в десяти футах от точки смыкания; южной створке не хватило семи футов, чтобы полностью закрыться.

Щель между створками настолько широкая, что через нее вполне может проехать автомобиль.

Это не есть хорошо...

Водоворот внезапно исчез.

А вот спинной плавник – нет.

Девин Дейтч, зависший в пятидесяти футах под бумом Джонаса, смотрит выпученными от ужаса глазами на кошмарное белое существо, нацелившееся прямо на него. Бросив мину, он стремительно

плывет через щель между створками, не в силах оторвать взгляд от монстра.

Девин отчаянно кричит, когда большой самец просовывает коническое рыло в отверстие, но неподатливые створки ворот прищемляют жаберные щели, заставляя разъяренного мега повернуть обратно в канал.

Тогда Девин обрывает крик и заливается слезами. До него наконец доходит, что он остался в живых. У Девина резко учащается сердцебиение при виде того, как неестественно-белый мегалодон мечется возле полуоткрытых ворот в канал, точно голодный тигр в клетке.

Боже мой!.. Вот гады! Они сделали это, они все-таки ее отловили. Забудь эспланаду у моря, это гораздо круче.

Мегалодон снова атакует щель между створками, заставляя стальные ворота надрывно стонать.

Девин куда-то летит... и неожиданно сталкивается с еще бóльшим кошмаром.

Ангел появляется из плотного сиреневого тумана, словно призрачный белый дирижабль, ее челюсти слегка приоткрыты, холодные серо-голубые глаза ничего не упускают из виду.

Мощный выброс адреналина действует на Девина, будто удар током. Он из последних сил гребет назад; между тем большой самец уже таранит створки ворот.

Девин отталкивается от рыла самца, срывает с себя грузовой пояс и как сумасшедший устремляется к поверхности.

Однако Ангел не удостоивает Девина вниманием, все органы чувств самки сейчас настроены на присутствие другого мега в ее владениях. Взмахнув мощным хвостом, сорокатонная самка идет на таран, ее разинутые челюсти сталкиваются с челюстями самца.

Кровавые пузырьки, ракушки, ил кружатся в бешеном водовороте между двумя сцепившимися гигантами, стальные створки жалобно стонут от мощных ударов.

Без грузового пояса, с наполненным воздухом жилетом, Девин Дейтч, точно надувной мяч, выныривает на поверхность, но, ударившись головой о дно оранжевого буя, теряет сознание.

Джонасу, который висит на буре, ничего не остается, как держаться, оказавшись посреди схватки: прямо под ним, на глубине сорока пяти футов, два мегалодона бодаются, щелкают зубами и кусают друг друга через щель в створках ворот.

Бабах!

Что-то ударяется о буй Джонаса, и он не может сдержать крик.

Джонас зажмуривается, со страхом ожидая ужасного конца, и тут до него доходит, что удар явно слабоват для меча.

Открыв глаза, Джонас видит бесчувственного дайвера, плавающего лицом вниз на поверхности. Джонас подтягивает его поближе к бую. Удостоверяется, что дайвер дышит.

Дэвид отчаянно машет с баржи:

– Папа, что мне делать?

– Срочно открывай ворота!

Открыть ворота? А как я это сделаю? Секундочку... Дэвид перелезает через горы ила к генератору. Выключает его. Считает до тридцати и снова включает.

Большой землесосный рукав начинает откачку.

Стальные створки ворот в канал вздрагивают и с заунывным скрежетом медленно раздвигаются.

Глава 30

Ангел протискивается в расширившуюся щель, откуда попадает в канал.

Самец мега разворачивается и кружит на почтительном расстоянии, признавая превосходство более крупной самки.

Держась южной стены канала, Ангел скользит в сторону лагуны.

Большой самец приближает морду на несколько дюймов к клоаке самки, его серо-голубые глаза, не выдерживающие тусклого предвечернего света, закатываются назад.

Гиганты вплывают в основной бассейн бок о бок, большой самец ведет самку вдоль восточной стены. Доисторические акулы начинают свой брачный ритуал.

Джонас поддувает жилет Девина Дейтча и буксирует бесчувственного дайвера к барже.

Дэвид помогает отцу вылезти из воды, после чего они уже вдвоем втаскивают тяжелое тело одного из братьев Дейтча на баржу.

Отец и сын обнимаются.

– Папа, нам еще предстоит задраить ворота, – начинает Дэвид, но его прерывает треск рации.

Из рации сквозь электрические разряды доносится голос Патриции:

– База вызывает баржу. Прием. Дэвид, ты в порядке?

– Да, но мы потеряли Джоша.

– Джош? А кто такой Джош? – настораживается Джонас.

Дэвид, пропустив вопрос отца мимо ушей, продолжает:

– Триш, а как там меги?

– Все еще продолжают кружить. Тот, что с крюком в нижней губе, прижимает того, который побольше, к стенке.

– Они готовятся к спариванию, – забрав у сына рацию, объясняет Джонас. – Триш, я вижу катер Береговой охраны. Он приближается к «Сигаретт». Свяжись с ними. Скажи, чтобы прямо сейчас забрали с баржи моего сына и одного из братьев Дейтча.

– Будет сделано.

- Дэвид, сколько воздуха осталось в твоём баллоне?
- А это еще зачем? Что ты собираешься делать?
- Если повезет, помешать этим доисторическим видам попасть в калифорнийские воды.

Большой самец продолжает теснить Ангела к восточной стенке бассейна. Дюйм за дюймом вытягивая вперед челюсти, он прикусывает толстый правый грудной плавник самки.

Ангел, которая плывет на спине вдоль внутренней стены овального бассейна, замедляет ход, позволяя самцу взгромоздиться сверху.

Самец вводит один из своих двух твердых пятифутовых класперов в клоаку самки, его зазубренный кончик впивается во внутреннюю поверхность клоаки Ангела, словно монтажные когти.

На изумленных глазах Патриции, Дани и Джеймса Гелета, наблюдающих за процессом спаривания с верхней трибуны, двое величественных животных продолжают медленно курсировать по периметру бассейна, сцепившись нижними частями туловища.

Удлинив лямки жилета сына, Джонас надевает акваланг, проверяет запас воздуха. *Хватит на восемнадцать минут.*

– Дэвид, выключи снова генератор и начинай сдвигать створки ворот. Мне необходимо понять, сколько песка предстоит убрать.

– Но, папа...

– И скажи Триш, чтобы выключила чертову барабанную дробь.

– Есть, сэр! Папа, не делай этого.

Джонас прижимает к себе сына:

– Со мной ничего не случится, но я хочу, чтобы ты поскорее убирался с баржи. Как только самец закончит делать свое дело, эта парочка начнет решать, кто главный в доме, и тогда все силы ада вырвутся на свободу!

Джонас вставляет регулятор, надевает маску и прыгает в море. Выпустив воздух из жилета, подныривает под баржу, подплывает к черному отсасывающему рукаву и опускается вдоль него на дно.

На глубине тридцати пяти футов генератор выключается, рукав обмякает.

На глубине шестидесяти футов генератор снова начинает работать.

У Джонаса закладывает уши от грохота железа, когда створки ворот в канал внезапно оживают, а затем начинают сдвигаться.

Джонас опускается на дно. Схватив наконечник всасывающего рукава, он подтаскивает его к образовавшейся в точке схождения створок песчаной пирамиде высотой семь футов и шириной двадцать.

Рукав, извиваясь, точно гигантский угорь, начинает отсасывать песок.

При подлете к лагуне вертолет Океанографического института Танаки сбрасывает скорость; пилот и пассажирка, словно замороженные, наблюдают за разворачивающимся внизу действием.

– Блин, их там уже двое! И, похоже, они занимаются грязными делишками.

Терри хватается за край кресла:

– Это большой самец, которого поймал Джошуа. Дэвид предупредил меня, что нельзя пускать их в лагуну одновременно.

Мак лукаво ухмыляется:

– А по-моему, они отлично поладили.

Под кожей самца мега позади каждого пятифутового птеригоподия расположены мешочки с семенной жидкостью – так называемые сперматофоры.

Пригвоздив Ангела ко дну бассейна, самец вращает нижней частью туловища, сгибая и расслабляя эрегированный класпер, сгибая и расслабляя, накачивая морскую воду в сперматофоры, при этом давление все увеличивается... увеличивается, пока у большого самца не происходит извержения двенадцати галлонов семенной жидкости в репродуктивные органы самки.

После окончания копуляции самец вынимает класпер из клоаки самки, раздирая зазубренными концами внутренние стенки репродуктивного органа.

Ангел пытается перекатиться на брюхо, однако самец ее не отпускает, пресекая возможность атаки.

Еще несколько секунд соперники продолжают валять друг друга, ударяя о дно бассейна. После чего самец отпускает грудной плавник

самки и стремительно удаляется в дальний конец лагуны – туда, где находится канал в океан.

Перевернувшись на брюхо, Ангел устремляется за самцом.

Джонас, окутанный облаком ила, продолжает направлять рукав на уменьшившуюся кучу песка. *Ангел, дай мне еще пять минут. Я прошу всего лишь пять минут.*

В поле зрения Джонаса появляются стальные створки ворот, начинающие с протяжным скрежетом мало-помалу сходиться.

Дэвид поднимается на борт катера Береговой охраны. Мальчик с замиранием сердца смотрит на воды Тихого океана, молясь про себя, чтобы отец поскорее выплыл на поверхность.

Матрос первого класса Дебра Карлингхауз показывает на устремившийся к входу в канал огромный спинной плавник, за которым следует другой, еще более высокий, плавник:

– Капитан, нужно срочно убираться отсюда!

Дэвиду остается лишь обреченно наблюдать за тем, как катер удаляется от входа в канал.

Щель между створками ворот в канал уменьшается до пяти футов.

Южная створка скребет по песку и в конце концов застревает.

Джонас меняет положение отсасывающего рукава, поднимает глаза – и покрывается холодным потом.

Тридцатидвухтонный самец пытается прошибить конической головой закрывающиеся стальные ворота. Образовавшаяся между створками ударная волна опрокидывает Джонаса вверх тормашками, он ударяется головой о коралловые заросли, теряя ориентацию.

Вертолет Океанографического института Танаки зависает на высоте ста футов над входом в канал. Мак с Терри, затаив дыхание, следят за тем, как большой самец упорно таранит ворота, отчаянно пытаясь вырваться на свободу.

Ангел, приготовившись к атаке, надвигается на него с тыла.

Самка кусает самца за хвостовой плавник, однако самец оказывается чуть проворнее. Изловчившись, он хватается вытянувшимися челюстями партнершу за левый бок, прямо за

жаберные щели, а затем увлекает ее за собой на дно, где она и застревает между южной стеной канала и створкой ворот.

Джонас устремляет мутный взгляд на щель между стальными створками ворот. И сквозь тучи ила видит грудной плавник Ангела, хлопающий по дну под странным углом.

Самец, похоже, ее придавил. Если она не начнет двигаться, то скоро утонет.

И тут внимание Джонаса привлекает змеящийся по морскому дну стальной трос.

Джонас окидывает оценивающим взглядом трос, который по-прежнему прикреплен к крюку, засевшему в нижней челюсти меча.

Брось! Убирайся отсюда подобру-поздорову! И кончай эти игры со смертью.

Джонас подплывает поближе, в ушах все еще стоит металлический скрежет. Трясаясь как в лихорадке, он заглядывает в щель.

И видит в облаках ила и крови вытянутые челюсти самца, сжимающие хвостовой плавник Ангела. Самка бьется в приступе удушья, она не может набрать в пасть воды, чтобы нормально дышать.

Ладно, а теперь беги! Уноси ноги, пока цел! Убирайся отсюда!

Но Джонас не двигается с места. Более того, он проскальзывает между створками и осторожно тянется правой рукой все ближе... и ближе... к стальному тросу.

Хватает его.

Отплывает назад, поднимает голову и видит над собой зловещую тень, а за ней еще три.

Большие белые акулы. Самцы. Взбудораженные запахом Ангела.

Джонас пытается втянуть воздух через регулятор. Ничего. Проверяет давление воздуха.

Баллон пустой.

Доминантный самец акулы длиной семнадцать футов и весом две тысячи двести фунтов, не меньше, оторвавшись от южной створки, кидается прямо на Джонаса. Акула поднимает мерзкое рыло в черных точках, ощерив ряды жутких зубов.

Рывком стащив жилет-компенсатор и баллон с кислородом, Джонас прикрывается ими, точно щитом, от вытянутых челюстей.

Большая белая акула кусает баллон и вырывает его из рук Джонаса.

По-прежнему крепко держа стальной трос, Джонас ныряет головой вперед в четырехфутовое отверстие отсасывающего рукава. Джонаса тотчас же затягивает внутрь, а затем, словно живой снаряд, швыряет вверх, в непроглядную тьму.

Джонас врезается в изгиб рукава, после чего вылетает наружу, распростершись лицом вниз на куче ила.

Согнувшись пополам от боли, он жадно глотает воздух, но, вспомнив об Ангеле, бросается к генератору и выключает его.

Внимательно осмотрев распределительную коробку, Джонас находит свободную клемму, присоединяет к ней потрепанный конец троса и включает генератор.

Во все стороны летят искры, стальной трос начинает извиваться, как кобра.

Мощный электрический разряд проходит по тросу и титановому крюку, прижигает челюсти большого самца, заставляя огромное тело содрогаться в конвульсиях.

Самец мегалодона отчаянно бьется о бетонную стену. Яростно мотая головой, он вырывает из нижней челюсти крюк.

Получив долгожданную свободу, Ангел одним взмахом хвоста переворачивается на брюхо и скользит обратно в лагуну, морская вода поступает в открытую пасть, давая возможность дышать.

Ошалевший самец, мотая, словно лошадь, гудящей башкой, уплывает через открытые ворота, но на выходе сталкивается с краем баржи, задев грудным плавником понтоны.

Джонас выключает генератор, затем снова включает.

Содрогнувшись, стальные створки начинают медленно сдвигаться.

И в этот самый момент Ангел пулей пролетает через щель, чтобы навсегда исчезнуть в океанских глубинах.

Джонас, как куль, оседает на кучу мокрого песка не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Поясница разламывается, позвоночник согнулся дугой, тело дрожит мелкой дрожью.

Он закрывает глаза и теряет сознание.

Его приводит в чувство шум винтов вертолета над головой.

Открыв глаза, Джонас смотрит на зависший в пятнадцати футах над баржей знакомый вертолет; бешено вертящиеся лопасти поднимают настоящую песчаную бурю.

Терри выпрыгивает из кабины пилота, поскользнувшись на песчаном холме.

Джонас смотрит, как она идет к нему, ее черные волосы развеваются на ветру. *Она прекрасна.*

– Ты решил, будто тебе снова двадцать?

– Если честно, то я чувствую себя на все сто.

– Небось считаешь себя настоящим Сорвиголовой, да?

– Уже больше нет.

Терри опускается на колени и обнимает мужа, согревая его теплом своего тела:

– Добро пожаловать домой!

– Я скучал по тебе, дорогая.

– Тсс. – Она целует Джонаса, тая под напором холодных соленых губ, потом, крепко обвив мужа руками, кладет его голову себе на грудь. – А я ведь просила тебя отказаться от этого дурацкого реалити-шоу.

– И была абсолютно права.

– Джонас, я тоже старалась, так старалась. Сперва мы поймали самца, потом – Ангела. Неужели нужно было открывать ворота в канал? Даже если бы Ангел и утонула, у нас хотя бы остался самец.

Джонас закрывает глаза, вспоминая тот день, когда их пути с этим монстром в последний раз пересеклись восемнадцать лет назад в Марианской впадине. Селеста Сингер погибла в тот роковой день, но Ангел пощадила их с Терри, дав им возможность выплыть на поверхность.

Ангел была лично *его* монстром. Джонас неожиданно понял, что между ним и этим мегалодоном явно существует некая, чуть ли не родственная связь.

– Терри, я не смог этого сделать. Не смог позволить ей так глупо умереть.

– Понимаю. Конечно, теперь у нас опять ничего нет. Мы лишь еще глубже увязли в долгах с этой лагуной, которая никому не нужна.

– Брось, Терри, зато у тебя есть я, а у меня – ты, у нас есть наши дети. Здоровье, наконец. – Джонас пытается сесть, но боль в сломанных ребрах напоминает о себе, заставив на секунду задохнуться. – Я растратил впустую слишком много времени, размышляя о том, чего мог бы достичь и с этого получить. Пора начать ценить то, что у меня есть.

Терри смотрит на Джонаса широко раскрытыми глазами:

– Кто ты такой и куда подевал моего мужа?

Джонас прижимает ее к груди:

– Я здесь, рядом с тобой. Там, где мое место.

Поздний плейстоцен

Северо-запад Тихого океана

18 000 лет назад

Измученная самка ведет семерых выживших детенышей в глубокие воды, молодой самец держится поодаль.

Тысяча футов – и синий океан становится серым.

Тысяча двести футов – и их окутывает вечная тьма, холод ледникового периода становится все ощутимее.

Молодой самец, решившись на открытые действия, нацеливается на самого мелкого детеныша в помете – самца весом восемьсот фунтов.

Новорожденный детеныш пытается метнуться в сторону, но взрослый мег хватает его сзади и в один присест пожирает.

Разъяренная мать разворачивается и атакует, вонзая острые зубы в толстый слой плоти на затылке самца. Самка яростно мотает противника из стороны в сторону. Сцепившиеся в смертельной схватке мегалодоны жаждут раз и навсегда решить территориальный спор, причем на кону жизнь новорожденных детенышей.

По Тихому океану расходятся мощные звуковые волны. Шесть уцелевших детенышей спасаются бегством в мерцающих глубинах. Странные люминесцирующие существа кажутся голодным малышам

соблазнительным источником пищи, но лютый холод не позволяет задерживаться, заставляя плавательные мышцы работать сильнее.

Давление воды увеличивается, что, впрочем, никак не отражается на детенышах.

Поверхностные звуковые волны мало-помалу затухают, но сбежавшая молодежь продолжает свое путешествие ко дну океана.

Со временем детеныши достигают слоя перегретой воды с бурлящими минералами и донными осадками. Пробившись сквозь водоворот, детеныши попадают на дно доисторического моря.

Целительные тропические течения успокаивают акулят. Тепло исходит от леса окаменелых отложений в форме кратеров вулканов – гидротермальных источников. Источники эти выбрасывают столбы перегретой сернистой воды, которая превращает глубоководную впадину в настоящий океанский оазис. Скопления призрачно-белых трубчатых червей – рифтий – колышутся в теплом потоке, словно разросшиеся африканские травы. Около рифтий суетятся кальмары, питающиеся этими хемосинтетическими жизненными формами. Косяки первобытных рыб пересекают гидротермальный слой одним сплошным потоком; такой боевой порядок специально предназначен для того, чтобы отпугивать более крупных хищников.

Детеныши мегалодона попали в подводный рай, возникший еще до эпохи динозавров. Согретые теплом земного ядра, накормленные пищевой цепью, образовавшейся в условиях отсутствия дневного света, эти высшие хищники останутся в ювенильных водах до конца своего царствования. Они будут жить и размножаться, избегая вымирания, до тех пор, пока в один прекрасный день очень далекого будущего гидротермальные источники не иссякнут, а добыча не рассеется по океану, заставив несколько выживших особей мегалодона вернуться в поверхностные воды, откуда они некогда и явились...

Эпилог

Резиденция губернатора Сакраменто, Калифорния

Резиденция губернатора расположена на участке в сорок три акра береговой линии реки в западной части Сакраменто.

Джонас Тейлор и Джеймс Макрейдс входят в роскошный викторианский особняк и, проследовав за одним из помощников губернатора по коридору, оказываются перед двустворчатыми стеклянными дверьми в бильярдную.

В ожидании своей очереди губернатор Аарон Байзак, с кием в руках, следит на широком экране за 49-й игрой «Даллас ковбойз». Его партнер по бильярду, сенатор Брэндон Мани, склоняется над бильярдным столом, собираясь бить дуплетом.

Помощник стучит в дверь:

– Простите, сэр. Но господа, которым вы назначили встречу на полдень, уже здесь.

Байзак взмахом руки приглашает вновь прибывших войти:

– Профессор Тейлор, я оценил тот факт, что вы решились сесть за руль в воскресенье.

– На самом деле мы прилетели на вертолете. Вы знакомы с моим партнером по бизнесу Джеймсом Макрейдсом?

– Мак, если не ошибаюсь? – Губернатор жмет Маку руку. – Располагайтесь. Чувствуйте себя как дома. Скотч с водой?

Мак бросает быстрый взгляд на Джонаса:

– Мне только воду, если можно.

– Как пожелаете.

Сенатор Мани в сердцах чертыхается, когда шар бьет пятерку в угол.

– Сенатор, кончайте гонять шары и поздоровайтесь с нашими гостями.

Брэндон Мани обменивается рукопожатием с Маком, затем поворачивается к Джонасу:

– Видел вас на прошлой неделе в специальном выпуске шоу «Сорвиголовы». Друг мой, у вас поистине стальные яйца.

Губернатор хлопает Мака по плечу:

– Ну и какво это вновь оказаться в центре внимания после стольких лет?

– Лично меня это уже достало. Приходится тратить уйму времени на то, чтобы обмениваться всякой хренью с местными политиками.

– Туше! – Губернатор обходит бильярдный стол, закатывает два шара в лузу. – А знаете, много лет назад, когда мой отец был вице-губернатором, он как-то раз взял меня с собой посмотреть ну эту вашу акулу-мегалодона. Потрясающее зрелище! Смирение души. После шоу Масао Танака пригласил отца вместе с кучей VIPов в обзорную комнату под водой, чтобы рассмотреть Ангела поближе. Там нас набилось человек тридцать... Прибывшие с визитом губернаторы, несколько актеров и даже президент какой-то южноамериканской страны, вот только не припомню какой. И, независимо от занимаемого положения, мы все в тот день едва не наложили в штаны. Но лично я не мог насмотреться. Я был готов оставаться там весь день и всю ночь, лишь бы увидеть еще раз, как это величественное существо проплывает мимо. Поэтому вы легко можете представить мое разочарование, когда Ангел вырвалась на свободу.

– Ангел – невероятное животное, – соглашается Джонас.

– Большой самец, которого три дня назад прибило к берегу в районе Хаф-Мун-Бея, был тоже невероятным животным. Жуткие раны. Похоже, Ангел вырвала у него половину нижней части тела. Коварная рыбина. Я так понимаю, вы уже видели фотографии.

– Именно я их и сделал, – кивает Джонас.

– Отлично! – Байзак загоняет в лузу шестой шар, после чего натирает мелом кий. – Есть какие-либо идеи, почему это Ангелу вздумалось выпотрошить своего партнера?

– Быть может, она недовольна новыми калифорнийскими законами, касающимися разводов? – встревает в разговор сенатор Мани.

Байзак хихикает и тотчас же мажет следующим ударом.

– Губернатор, мегалодоны – сугубо территориальные животные. Так же как в свое время и ее мать, Ангел выбрала подводный каньон Монтерей для выведения потомства. Присутствие другого взрослого мега на ее территории, причем крайне агрессивного, представляло бы постоянную угрозу для ее детенышей. Хотя по мере того, как

детеныши подрастают, материнский инстинкт постепенно ослабевает. Если, конечно, допустить, что Ангел беременна.

– Все это, похоже, наполняет новым смыслом термин «неблагополучная семья». Как по-вашему? – Байзак скашивает глаза на экран телевизора, где показывают повтор игрового момента, потом снова поворачивается к Джонасу. – А вы знаете, что мне сказал отец, когда мы покинули ваше заведение? Он сказал: «Аарон, это место – золотая жила не только для его владельцев, но и для штата Калифорния в целом. Но менеджмент никуда не годится. Арену необходимо расширить. И там должны быть и отели, и торговые центры, и рестораны». Короче говоря, профессор, ваш институт необходимо преобразовать в крупный тематический парк. Только представьте себе, сколько народу мы смогли бы сюда заманить при наличии соответствующей инфраструктуры.

– Масао именно этого и хотел, но ему так и не представился шанс.

– Нас фактически разорили судебные разбирательства с семьями жертв мегалодона, – добавляет Мак.

– Я изучил это дело в свою бытность адвокатом по назначению, – кивает Мани. – Федералы вас тогда здорово поимели.

– Как бы там ни было, – продолжает губернатор, – возрождение вашего учреждения, естественно при условии эффективного менеджмента, может обеспечить подъем экономики Калифорнии. Ну и что вы об этом думаете, друзья?

– Думаем о чем? – пожимает плечами Джонас.

– О том, чтобы снова отловить Ангела. О чем же еще! Мы определенно не можем допустить, чтобы она вывела потомство в калифорнийских водах. А возле лагуны полно свободной земли. Мы можем создать еще три-четыре лагуны, спроектировав их как систему водохранилищ.

– Тогда лагуна сможет вместить до полумиллиона посетителей в день, – добавляет сенатор.

Джонас качает головой:

– Как я уже сказал жене и детям, я пас. По-моему, держать в неволе таких животных, как Ангел, неправильно. Не знаю, какова продолжительность жизни мегалодонов, но предпочитаю, чтобы Ангел провела остаток своих дней за пределами лагуны.

Губернатор бросает на сенатора выразительный взгляд:

– Ну, если это ваше окончательное решение, то, похоже, вы не оставляете мне выбора.

– Вы это о чем?

– Нам придется начать на нее охоту, – отвечает сенатор.

– Сенатор, вы не можете этого сделать. Она относится к особо охраняемым видам, населяющим заповедную морскую среду.

– Верно, редкие виды действительно охраняются, но если какой-то конкретный вид представляет непосредственную угрозу человеческой жизни, то наша святая обязанность защитить себя, особенно когда речь идет о животном, которое пожирает людей живьем.

– Люди не являются преимущественной добычей Ангела, – возражает Джонас.

– Семьи погибших на стадионе «Пасифик-Белл», возможно, с вами не согласятся, – парирует губернатор Байзак, усаживаясь в черное кожаное кресло.

Мак берет в руки кий:

– Губернатор, это спорный вопрос. Институт обанкротился и не может финансировать подобные предприятия. Более того, даже если нам и удастся отловить Ангела, иски от семей пострадавших нас снова потянут на дно.

Джонас кивает:

– Ну разве что...

– Разве что? – Губернатор вскидывает брови.

Джонас достает конверт из кармана пиджака:

– Это результаты проведенного мной вскрытия самца мега. В отчете зафиксировано наличие множества частей человеческих тел в его желудке. К сожалению, агрессивная кислотная среда в желудке мега лишила возможности идентифицировать жертвы.

Губернатор внимательно смотрит на отчет и заговорщицки ухмыляется:

– Понятно. Вы хотите, чтобы мы доложили, будто это не Ангел, а приبلудный самец мега напал на людей в Маккови-Коув.

– И тогда можно сказать всем иском «прощай», – говорит Мак.

– А как насчет свидетелей?

Джонас небрежно пожимает плечами:

– Невозможно отличить одного мега-альбиноса от другого, пока не заглянешь к ним под юбку. Единственные свидетели, способные доказать, что это сделала Ангел, – моя жена и тот парень Банкофски.

– А он мертв, – добавляет Мак.

– Предлагаю баш на баш, – заявляет Джонас. – Калифорния получает грандиозный аттракцион, а мы распределяем доход от продажи зубов мертвого самца между семьями жертв.

– И это все?

– Нет, – отвечает Джонас. – Как вы справедливо отметили, лагуна нуждается в реконструкции. Нам необходим долгосрочный заем под низкие проценты с целью произвести восстановительные работы, и мы хотим, чтобы штат принял участие в увеличении примерно в два раза площади арены и лагуны.

– И не забудьте о ВИП-ложах, – вставляет Мак.

– ВИП-ложи? – удивляется губернатор.

– Само собой, одну мы оставим для вас, губернатор.

– А кроме того, необходимо укрепить подземную обзорную комнату, – добавляет Мак.

– Похоже, вы, друзья, уже успели пообщаться с братьями Дейтч.

– Они будут строить отель.

Губернатор Байзак обходит кругом бильярдный стол. Берет в руки шар – белый, как шкура мегалодона.

– О'кей, я в игре. Но у нас впереди еще куча засад. Адвокаты просто так не отстанут. Они потребуют неоспоримых доказательств, что это не Ангел, а самец напал тогда на зрителей в «Пасифик-Белл». Решите проблему – и считайте, что заключили сделку.

Джонас кивает Маку, и тот вынимает из кармана какой-то предмет в пластиковом пакете.

– Губернатор, небольшой сувенир специально для вас.

Байзак берет у Мака пакет. Внимательно изучает предмет внутри.

У него в руках изуродованный бейсбольный мяч. Кожа проедена так, словно мяч окунули в кислоту.

– Это ведь хоум-ран, который выбил Ховард, да? Но как...

– Вы даже не представляете, что иногда извергают из себя меги во время спаривания.

Губернатор Байзак с довольной ухмылкой протягивает Джонасу руку:

– Не забудьте расположить мою VIP-ложу так, чтобы туда не попадали лучи полуденного солнца. Ненавижу, когда солнце слепит глаза.

Океанографический институт Танаки

Полная луна озаряет призрачным светом темные воды лагуны. Трибуны практически пусты, уже третий день подряд разочарованные зрители уходят ни с чем.

Подводные динамики по-прежнему пульсируют от низкой барабанной дроби. Разнорабочий наливает свежую кровь в южный конец бассейна. Прямо над лужей крови на сверкающей стальной А-раме с новой лебедкой подвешен говяжий бок.

Даниэлла Тейлор, ведущая предполагаемой серии передач «Мир мегалодона», ждет, когда визажист уберет потеки пота на скулах.

Сьюзен Феррарис смотрит на часы:

– Ну пожалуйста. Давай сегодня, пока мы еще окончательно не состарились.

Джонас, который сидит напротив Дани, лукаво подмигивает.

Дани, откинувшись на спинку брезентового кресла, продолжает интервью:

– Итак, Джонас, насколько я понимаю, если Ангел вернется, то определенная доля выручки от продажи входных билетов будет направлена в научно-исследовательский фонд, учрежденный для изучения Марианской впадины, так?

– Дани, не только этой впадины, но и остальных желобов, окружающих Филиппинскую плиту. Кто знает, какие еще не известные науке виды могут обитать...

Десятки зрителей, устроившихся с едой и напитками на северной трибуне, внезапно вскакивают на ноги и машут руками, показывая на темный канал.

Джонас быстро встает, хватая рацию, его глаза устремлены на залитые лунным светом воды обновленного бассейна:

– Дэвид, надеюсь, ты там не спишь? Дэвид!

Из диспетчерской доносится сонный голос:

– Прости, папа. Я и вправду уснул.

– Проснись и пой приятель! Срочно закрывай ворота в канал. Ангел только что вошла в лагуну.

– Да!!!

Семифутовый спинной плавник величественно всплывает в лагуну, сотни людей бегут вслед за ним по проходам трибун. Оказавшись в южном конце бассейна, Ангел делает круг, потом – второй, после чего исчезает.

Джонас стискивает руку Терри, когда к ним присоединяется Мак со своей молодой женой. Обе пары напряженно ждут, не сводя глаз с лунной дорожки на черной воде.

Поверхность воды неожиданно взрывается, сорокатонный мегалодон выскакивает из воды и проворно хватает страшными вытянутыми челюстями 300-фунтовое угощение.

Джонас поднимает глаза. Масао наверняка сейчас смотрит на них с небес и улыбается.

На какое-то леденящее кровь мгновение мегалодон зависает над поверхностью бассейна. А затем скользит обратно в темные воды лагуны, чтобы поужинать в одиночестве... и накормить своих еще не родившихся детенышей.

Благодарности

Я с гордостью и большим удовольствием приношу благодарность всем тем, кто внес свой вклад в написание «Мег. Первобытные воды».

В первую очередь хочу сказать огромное спасибо моему литературному агенту и другу Кену Атчичи и его команде в «Atchity Entertainment International» за их большой вклад в издание и экранизацию (скрестим пальцы) серии книг о мегалодоне. Также спасибо Дэнни Барор из «Baror International» и моим адвокатам Джоелу Маккуину и Робу Голдману из «Colden, McQuin & Frankel».

Моя искренняя благодарность Тому Дохерти и замечательным людям из «Tor/Forge Books», и особенно главному редактору Бобу Глисону, Николь Калиан и Эрику Раабу.

Отдельно хочется отметить Билла Рэби за помощь в понимании стиля жизни Сорвиголовы и доктора Лоуэллу Кравицу за экспертизу в области метеорологии.

Сердечная благодарность Лисе Котнер-Коббс за ее помощь в обновлении сайта www.SteveAlten.com и участие в программе «Усынови автора», а также Эрику Холландеру, талантливому

художнику-графику, который не устает поражать меня своим мастерством.

Огромное спасибо за поддержку моей жене и сердечному другу Ким, моим родителям Ларри и Барбаре за то, что всегда рядом, и, наконец, моим читателям: я благодарен вам за ваши письма и неравнодушное отношение. Ваши комментарии для меня – самый желанный дар, ваш вклад в мою работу очень много для меня значит, вы по-прежнему остаетесь моим бесценным активом.

notes

Примечания

1

Псалом 22. – *Здесь и далее примеч. перев.*

2

Фирменное название лекарственного препарата, содержащего большое количество железа. Предназначен для людей пожилого возраста.

3

Пушки, стрелявшие каменными ядрами.

4

Мако – крупная акула, но здесь название команды.

5

Молот – гигантская акула, но здесь название команды.

6

Библейское имя Иона.

7

В настоящее время стадион носит название «Эй-Ти-энд-Ти-Парк».

Американский кабельный спортивный канал.

Морячок Попай – герой американских комиксов и мультфильмов.

Художественный прием в создании сюжетной линии, в которой герой сталкивается со сложной дилеммой или последствиями своих либо чужих поступков, но в этот момент повествование обрывается, оставляя, таким образом, развязку открытой до появления продолжения.